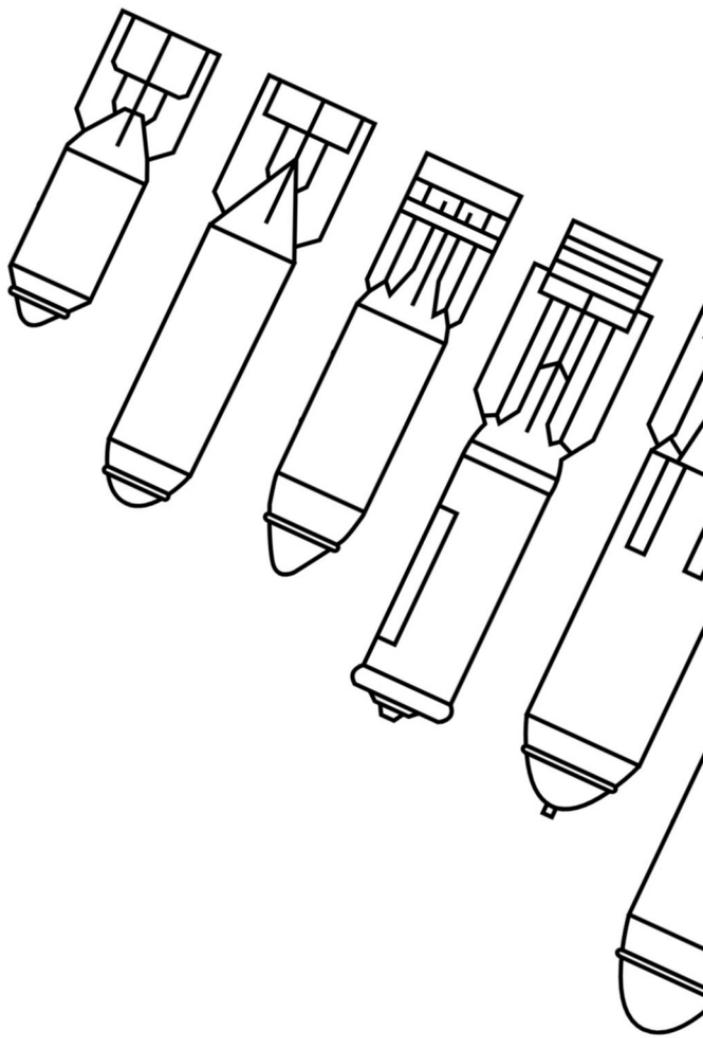
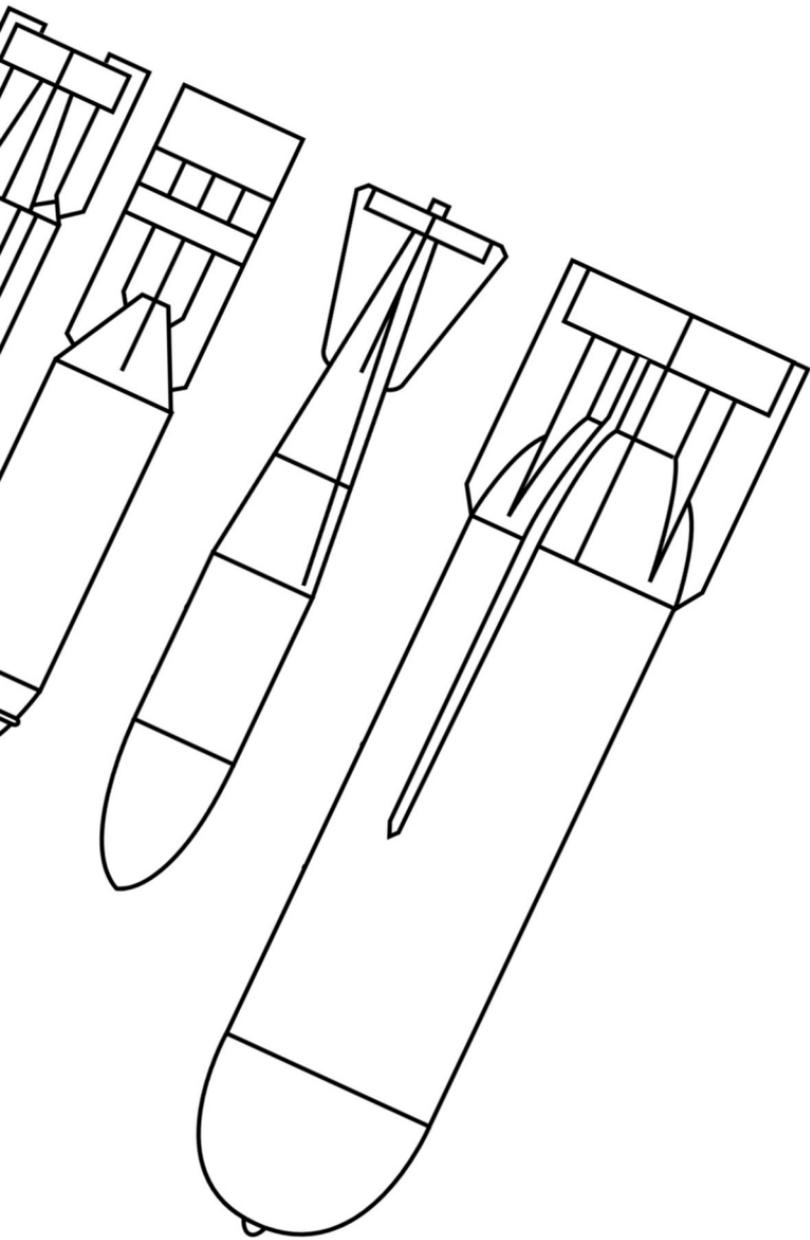

*Пьесы
для
взорванного
театра*

*Боль головы
М.Грим
2025*

БОЛЬ ГОЛОВЫ

*Пьесы
М.Грима
для
взорванного
театра,
изданные
Исуповым*

ст. Ока
Тридцатое февраля
2025

Боль головы. Пьесы для взорванного театра. — Ст. Ока: 30 февраля, ispv.ru, 2025. — 364 с. Некоммерческое электронное издание.

(Это говорю [пишу] я, Исупов, издатель.) Чего уж тут... Некий М.Грим, писучий (вернее, говорливый) человек (человек ли?) на том (неведомом мне) конце электронной gmail-почты, — мой герой. С января-24 я получаю от него (неё?) некие аудиозаписи, сделанные в некоем месте, в котором некий человек не без артистизма рассказывает некоей аудитории (шумы, шёпот и даже хлопки — характерны; вряд ли это имитация) истории. Первые 65 этих плёнок составили *дискретный* роман «Новости Брайля». Потом пришла очередь записям, из которых, по просьбе (и, конечно, указаниям) отправителя, сложена книжка повестей. А потом я получил то, о чём даже не мечтал, — и эта книга перед вами: сборник (наговоренных) пьес. И всякий раз сделав новый томик, я понимал, что с его появлением «некоесть» М.Грима заканчивается: мне уже всё равно, кто это, потому что присланные им тексты — это сильные и неожиданные вещи. Пьесы, которые вы начнёте сейчас проглатывать, *тоже*. Даже, наверное, так: здесь это *тоже* обрело степень с натуральным показателем, большим единицы (люблю, очень люблю театр).

Были наговорены — а теперь изданы! Книжка (пока только) электронная, но какая. Завораживающая. Знаю, что и постановки будут такими же. Будут-будут. Не здесь (во всяком случае пока); быть может, не на родном языке, — но будут.

Читайте же. И, пожалуйста, откликайтесь!

Спасибо Гётцу Грамлиху (**Götz Gramlich**) за обложки. Спасибо **Altoing** и Wikimedia за форзацы. Спасибо Playground AI за внутренние иллюстрации по «мотивам». Спасибо Bitstream Inc. за гарнитуру *Baskerville Win95BT*, а Alexandra Korolkova, Olga Umpeleva, Vladimir Yefimov и студии ParaType — за шрифты PT Serif и PT Sans Narrow.

Круглые виниловые пластинки

Действующие лица и предметы

ВИНИЛОВЫЕ ПЛАСТИНКИ («Учитесь быть рыбой», «Учитесь быть мясом», «Нет гуталину на чёрном хлебе», «Смерти нет, котлеты», «Воздушная тревога» и др.).

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ, типа «колокольчик», нередко громкоговорит сам по себе, прерывая пластинку, или гимн, или трансляцию с розыгрыша увольнительной, или даже в принципе не прерываемое чтение квартальных расстрельных списков в ответ на катастрофическое снижение мясовыработки (прерывая, впрочем, по уважительной причине: уж больно смешной позывной [и Громкоговоритель гогочет: «Га-га-га»], уж больно подозрительна копеечная цифра наказываемых на таком важном участке, как глубокая передовая им. Затишья перед решающим боем [и Громкоговоритель доносит до тех, кто реагирует: «Глубоко задетый странностью, требуя разобраться»]).

Р. ДЫБА, оператор растягивающей дыбы в армейских лосинах.

П. С. К. ДЫБА, оператор подвешивающей (да с кнутом!) дыбы в гвардейских лосинах.

МЯСА, РЫБО, МЕРТВАГО и др., позывные профессионалов в галифе.

АТАКАМС, архангел, являющийся, когда никому нет дела до пластинки «Воздушная тревога».

ТОТ, КТО ОТРЫВАЕТ (И ПРОДЫРЯВЛИВАЕТ), которого не видно.

И ДР.

Где-то глубоко на передовой.

Того, Кто Отрывает (и Продырявливает), не видно, но он видит всё и иногда вызывающе громко смеётся; Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), при нас не отрывает (и не продырявливает), но только припугивает, ибо становится слишком жалостливым, когда зачем-то всматривается в Мясу, Рыбо, Мертваго и др. (ну не враг он таким и этим, оттого и хохочет, неуместно вспоминая гамлетовскую дилемму).

Где-то в тылу глубокой передовой на холостых оборотах, по-домашнему чиркая иголкой по отпавшим пыльным тропинкам, крутится пластинка «Учитесь быть рыбой», которая вскоре начнёт прописанную Шампанским, главным фельшар-ефрейтором глубокой передовой, созидательную терапию профессионала в галифе с позывным Мяса. Лечение проводится через Громкоговоритель типа «колокольчик», прибитый к единственному здесь дереву (и это осина), которое воистину оживляет глубокий передовой пейзаж. Мяса тоже живой, но настолько ли он живой для оживления пейзажа, как это дерево, которое вот-вот разговорится...

Мяса хочет и пытается делать, простите, по-большому. (Вот для чего это уточнение, которое сразу же выводит из зрительного зала, нависающего над глубокой передовой, часть партера? что это за детско-юношеская фиксация на

телесном низе?) Но хочет и пытается сделать это тактично: в утлом деревянном сарайчике посреди вздыбленного пространства, к которому добирался, поигрывая с судьбой в азартную игру «Доползти до очка», и из которого тоже не поскачет взапуски с судьбой — хотя бы потому, что Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), припугивает, а Мяса считает, что отрывает (и продырявливает). (Хочется верить, что после этого пояснения, сделанного через любезно предоставленный нам пластинкой «колокольчик», часть зрителей, вернётся на свои роскошные места, с которых не только хорошо слышно и видно, но и которых достигают все запахи глубокой передовой, а они сочны. В самом деле, друзья, испейте в буфете пива и возвращайтесь.) Дверь сарайчика, скрывающего в себе отхожее место для тех чистоплюев, которым претит окопный нужник типа «под себя» (простите), и тех зрителей, которым бла-бла-бла, почему-то обращена к Тому, Кто Отрывает (и Продырявливает), а к двери прибита карта, с которой в «дурачки» лучше не садиться. Карта (не дверь) источена сквозными ранами, но бояться не надо: Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), выпив, делает это с картой, когда в нужнике никого. Может быть, он изменил бы своим правилам и, выпив, сделал бы это с нужником, наполненным енералом, но енералы сюда не заползают. Сарайчик, в котором сейчас торчит Мяса, окружают застывшие в воздухе (можно ли назвать эту твердь над вздыбленным полем «воздухом»?) части маркитанток и тележных лошадей в противобазах, куски противотанковых ежей, которые падают на землю вопреки Ньютонову уложению: с неспешностью дохлого гепарда, но всё равно явственно, обрывки горизонтально проносющейся колючей проволоки, хрипы «газы», впаянные в воз... в небесную твердь в окладах со стразами. Совсем Оторванных (или Продырявленных) не видно, ибо они зарылись в земл... в земную кору ещё не став Совсем Оторванными (или Продырявленными), но судьба, прикрикнув: «Труп», достала их и там, хотя запах (не стоит пугать людей в партере словом «смрад», слышите, составитель программки?) всё равно стелется и разносится, когда за кулисами гуляет сквозняк, когда Мяса выходит покурить и открывает некую закулисную форточ-

ку, из которой наверняка тоже тянет каким-нибудь тленом. Мяса, вернёмся к нему, даже в стенах сарайчика делает свои дела, затаившись, не дыша; взглянув на него (а лучшая постановка сезона [ведь это лучшая постановка сезона] должна предоставить зрителям такую возможность, — уж придумайте что-нибудь), не сказать «дохлый» нельзя, но сей дохлый не лежит, а отчего-то сидит на корточках со спущенными, простите, галифе. Как он умудряется делать это дохлым, да ещё и без полноценной ножки, — загадка, но у него получается. Мухи, ночующие в сарайчике, а днём роящиеся снаружи, потому что Мяса гость не частый, ибо умеет терпеть, как и Мяса, живые, а живой живого не волнует (оглянитесь по сторонам: вам есть дело до людей справа? слева? сзади до самой галёрки? разве что вот эта галёрочная, лет девятнадцати, не так плоха... попросить бы её встать и задрать по очереди полноценные ноги...). Когда не уворачиваются от колючей проволоки, летающей над ними особенно густо, мухи копаются в земной коре и, перекрикивая холостые обороты пластинки, оправдательно жужжат о том, что приставать к Мясе — риск и им лень, хотя забраться в прямую, простите, кишку было бы восхитительно, это стало бы событием, которое разнообразило бы ковыряние в почти мантии на многие поколения мух, если не навсегда. На этом было бы неплохо выбежать в мешке на сцену кому-нибудь солидному, в окровавленной полевой форме без знаков отличия, с козлиной бородкой, грассирующему, в пенсне (или с лорнетом), с дирижёрской палочкой и спросить у почтенной публики, какие танцы она предпочитает: «Ну-ка по очереди, дрозрители, на галдите; я слышу слово “твист”, до меня донеслись слова “падеспань”, “комаринская”, ну вас в жопу, с вашей “комаринской”, что мы, в пгт, что ли?.. “ламбада”, уже лучше, “бесконечная мазурка”, ага, ого. Теперь будем голосовать. Кто за то, чтобы сбачать сейчас мазурку? Лес рук. Или лучше вольное шевеление ножками и плавное вздрагивание ручками под какого-нибудь Сати? Чаща рук. ОК, изощряемся под Сати». После этого на сцену должен с трудом влезть (помогите же ему) гармонист и врезать Сати. Танцевать должны и обязаны все. Даже Мяса: Мяса принаряжается, натянув галифе, выпры-

гивает из сарайчика посреди вздыбленного поля, отвешивает публике низкий поклон и начинает отплясывать, хотя попробуйте-ка отхватить Сати глубоко на передовой, не имея полноценной ножки, такой, как у тринадцатилетнего. Танец длится столько, на сколько у поддатого гармониста хватает запала (а наливать ему нельзя; во всяком случае в этой опере). Мяса возвращается в сарайчик, чтобы тут же покинуть его и поползти в расположение, гм, части. Наступает пауза на разговоры об увиденном-услышанном-унюханном, прерываемая на неожиданном месте словом «хва» из «колокольчика»: «Хва. Хва. Хорош. Рты — заварили».

Р. ДЫБА (*поёт с немецким акцентом разной интенсивности [здесь и далее], глядя в бинокль на Мясу, ползущего к своему окопу*). И какая же у нас сегодня болячка? Отчего избавлять будем? Какую мутацию вынашивать и закреплять?

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Р-р-рядовой Мяса, сиамский близнец брата Котлеты, став сущим мясом, нередко хочет быть мясом в ущерб родине вопреки воле начальников. Подлежит частичной переделке, которая не затронет благотворного базового навыка быть мясом во имя родины и во славу начальства.

Р. ДЫБА (*поёт*). Какая интересная у него локомоция. Пластаётся, грю, необычно и... протяжно. (*Говорит.*) Не, я его не понесу, мне за это не наливают и в губы не целуют.

П. С. К. ДЫБА (*поёт в жестяной рупор без батареек, по-вожодски окая [здесь и далее; порой, впрочем, забывая окать]*). Ой, Мяса, у тебя один локоток!

МЯСА (*косноязычно кричит что-вроде «что поделать» и «а то ты в первый раз видишь»*).

П. С. К. ДЫБА (*поёт в рупор*). Ой, у тебя и ступня одна!

МЯСА (*косноязычно кричит нечто похожее на «даже не замечаю уже» и «издеваешься? ты меня сто лет истязает»*).

П. С. К. ДЫБА (*поёт в рупор*). Ой, а где же твои пластмассовые ручка и ножка? В карты проиграл?

МЯСА (*косноязычно кричит, кажется, следующее: «Пластмассовые выдают только в первый раз. Потом пластмасски*

не восполняются» и «Господи, да что я тебе, дура, объясняю, если ты, дура, это на публику орёшь...»).

П. С. К. ДЫБА (*не поёт, надоело, говорит Р. Дыбе*). Вот почему неуклюжесть и протяжность: ему не положено.

Р. ДЫБА (*поёт*). И как же мне гармонично растягивать его, (*говорит*) если он без протезов?

П. С. К. ДЫБА (*говорит*). Ой, да ты всякий раз что-нибудь новое придумываешь...

Азартная пауза

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Дроздители! Пока Мяса ползёт, а сегодня он ползёт, копаясь, можно сыграть с соседом в «Очко» на раздевание; карты сейчас раздадут; проверьте, есть ли у вас что-то под фраками, смокингами и вечерними платьями, чтобы потом не сидеть голыми, — в зале прохладно, дров нет, и скоро лето.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*обращаясь к Мясе*). Пока вы стелетесь, подобно иприту, давайте знакомиться. Я — выписанная вам фельшар-ефрейтором Сволачёвым круглая виниловая пластинка. А вы кто? Расскажите же мне и тем, кто манкирует «Очком», о себе. Откуда у вас этот несравненный позывной?

МЯСА (*кричит, неразборчиво, как олигофрен с алалалией, но теперь около его головы, как в комиксе, возникает пузырь, похожий на желчный, в котором одышливые слова складываются в загнанные предложения; впрочем, через некоторое время даже левая ложа бенуара, предназначенная для зрителей с афазией, втягивается и начинает улавливать общий смысл говори... вякаемого; у того, кто уже понимает Мясу, желчный пузырь исчезает*). (*В сторону.*) A little more than kin and less than kind. (*Отвечает.*) Разве мы не знакомы? Ты, что ли, новая?.. Оттуда. Не могу орать, потому что всё это ДСП. Если я не буду орать, меня услышат? И — кричите громче, после отрываний с микросмертями я ни черта не слышу.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Я усилю вас через Громкоговоритель. Громкоговоритель, вы не возражаете?

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Не-а.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Говорите, Мяса. Да хоть на ухо шепчите, — говоритель громкий.

МЯСА (*говорит так, как сказано выше, к тому же задыхаясь от ползания, медленно, потливо, пачкая и без того невнятное вяканье в хорошо вымоченной недавним дождём глине*). Мне, сдаётся мне, не больше тринадцати. Я, кажется, помню эту основательную «13» на пышном снежном лесном торте. Торт доходил мне до пояса. Он до поры был спрятан на удивительно круглой, почти циркульной, поляне глубоко в лесу. Поляна, до которой на лыжах был час прыти, на солнце завораживающе искрилась. Из-за этого наворачивались слёзы забытого чувства «радость», а внутри щемило забытое чувство «красота». Поэтому ребятам, которые подарили мне торт, было жалко ступать на это великолепие. Они натянули между толпящимися вокруг поляны берёзами верёвочную лестницу, много верёвочных лестниц, по которым ползали с мешками, полными снега. Из этого снега, балансируя на раскачивающейся лестнице и работая одними совковыми лопатами, они и испекли мне торт. Подойдя к нехоженой поляне, я, кажется, ахнул: так пригоже и так неуловимо это было. Я не стал расспрашивать их о секретах кондитерского мастерства, надеясь, что всё откроется само. Так и случилось: о том, как ребята пекли торт, они рассказали мне уже здесь, перед своей смертью. Огромные «13» и «ПОЗДРАВЛЯЕМ» были жёлтыми и подрагивающими. Оставить хоть снежинку, поедая куски торта с надписями, — неуважение к оставшейся после тринадцати жизни. Поэтому, когда наступило 30 февраля, мой день для-чего-то-рождения, я съел всё, где были цифры и буквы, а остальное умяли проголодавшиеся ребята. Но сначала я задул тринадцать снежных свечей на торте, каждая из которых пылала своим неповторимым ледяным пламенем.

Сразу после тринадцати у нас не обращают внимание на возраст. Считается, что, если ты дотянул до тринадцати, это

уже удача, и всё сверх того — триединая (Того, Кто Отрывает, начальника и мать-природы) милость, а милостью, чтобы не сглазить, не кичатся. Поэтому мы забываем о своих дальнейших годах. Спасибо, спасибо, спасибо за то, что я, кажется, стал бриться, потом стал заглядываться на женщин, потом от некоторых из них у меня, может быть, пошли дети. Но больше всего я благодарен, благодарен, благодарен за то, что, когда началось то, что безвозвратно отрывает от человека части тела, я был в таком расцвете умственных и физических сил, что меня не пришлось упрашивать или бить, — я догадался об этом сам и сам же, а не на носилках или инвалидной коляске, вышел в путь и благополучно добрался до места, где у людей отрывает не только руки или ноги, но и другие выступающие части.

И вот я здесь. Сдаётся мне, я здесь лет тринадцать — если судить по годовым кольцам осины, которую я рублю на дрова всякий раз, возвращаясь в нужник из окопа. Нужник продувает, а дрова согревают.

Спасибо, спасибо, спасибо, что на следующий же день после прибытия... как давно это было... мне, вроде бы, немного оторвало одну руку, а ещё через час на песочных часах, когда я отнекивался от возвращения домой (что мне в нём делать, когда он в опасности!), — одну ступню, и тогда же, когда я согласился, чтобы меня немного заштопали, чтобы тут же вернуть на глубокую передовую, я обратился к Тому, Кто Отрывает (и Продырявливает), спиной, и что-то, словно тупым ножом, немного помучившись, срезало оба моих уха.

Теперь я, как все: чаще ползаю, чем хожу строевым шагом, несмотря на то что глубокая передовая требует именно такого шага, постулируя его гордостью и непоколебимостью, а каждое первое слово говорю через раз, что немного затрудняет коммуникацию посредством золото, а не радиостанции Р-159. Всё, что сказано выше и будет пролепечено ниже, произнесено мною, мне кажется, в моём уме. Губами у меня так бойко и складно не получилось бы. Никогда не выходило, а сейчас особенно, но те пять слов, которых хватает на все случаи жизни после тринадцати, я вякаю без запиночки, падлы.

Кто-нибудь может поднять ручонку, чтобы я понял, что вы поняли, о чём я тут вякал? Очень не хочется повторяться. Этот в красном коктейльном смокинге и белой рубашончке со сверкающей запонкой понял, эта с изящной голой рукой, покрытой мурашками, поняла. Выручили. Кто не допёр, спросите у этих, я подожду, зрелище подождёт, нюхалище потерпит.

Танцевальная пауза

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Дадим ему отдышаться перед последним пластунским броском? Мазурка — увы, парный танец, а вот присядка не всегда. Гармонист, присядку, пожалуйста, до тех пор, пока Мяса собирается с мыслями, а эти в партере не упадут.

МЯСА (*собравшись с мыслями*). И вот я тут. Тут я тружусь на самом большом во вселенной комбинате по производству мяса им. Отрывает нарочно и ненароком им. Анастаса. Если наш комбинат вытянуть в прямую стрелу, он опояшет тринадцать франций. Моя специальность — мясо ненароком, суть которой спорадическое, согласно заданию, появление в полный рост или на боевом коне на бруствере, защищающем общежитие типа «окоп», в котором я живу вместе с мириадами других работников, живых и безвременно усопших; оказавшись на бруствере в одиночку или в колонне по сто, следует мельком, но картинно маршировать по брустверу до тех пор, пока одиночка или колонна по сто не убудет до некоего заранее заданного процента из-за неизбежного отрыва частей тела...

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Если можно, поясните партеру и бенуару (а остальные уже догадались) разницу между вашей профессией и специальностью «прицельное мясо».

МЯСА. Не можно, я не знаю, нас не посвящают, об этом не принято, первый раз слышу, откуда вы взяли, кто вам сказал, что это такое, сама спрашивает, сама затыкает, могу обидеться, я давал подписку.

Это когда, допустим, на боевом коне и не галопом, а так, гарцуешь себе вразвалочку.

Я люблю свою работу больше самой жизни после тринадцати. Чтобы стать мастером своего дела золотые руки, я с нескрываемым удовольствием посещаю круглосуточный цех-школу им. Принесите мне голову Альфредо Гарсии им. Пекинпы, где, согласно индивидуальному учебно-производственному заданию, переодевшись в эквилибристку на канате, натянутом на высоте, высываюсь из-за бруствера по плечи, по пояс, в полный рост, в полный рост и подпрыгивая на месте, в полный рост и, сбжав с бруствера, мечась перед ним, как шишига в поисках овина, в полный рост и, сбжав с бруствера, несясь в направлении бани, которая располагается рядом с нужником, а потом, чисто вымывшись, обратно. И так, если ничего не отрывает и не продырявливает, несколько полных циклов.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Всегда хотела спросить: как вам бегаются без уже оторванных частей тела?

МЯСА. Быстроного. Кроме того, в цеху-школе им. Принесите я совершенствуюсь в разношёрстных полезных предметах, а именно в «Затяжной спячке в схроне глубокого залегания», «Возведении мясного бруствера им. Берлинской стены из тех, кто не добежал», «Разговорном языке с Тем, Кто Отрывает (и Продырявливает), посредством жестяного рупора без батареек», «Метании икры оторванной рукой без пластмасски». А по ночам в окопе при свете курящейся папиросы я конспектирую передаваемый Громкоговорителем курс «Любовь к начальнику», судьбоносную дисциплину, которую очень люблю и надеюсь, что буду знать её хотя бы на «удовлетворительно».

В дни, когда я не хожу в цех-школу, я нахожусь на за- и подштопывании, после чего извожу керосином гнид, чтобы потом, если в бане, которая рядом с нужником, есть горячая вода, смотаться (спóлзать) в баню, где можно отмокнуть и подарить отражению в воде в шайке улыбку. (Хочется верить, что когда-нибудь я заблужусь и приползу отмокать в, простите, женскую баню. Говорят, что такие тоже есть. На-

деюсь, там тоже бывает горячая вода, потому что в ледяной гниды, даже после керосина, плодятся, как клубника, усамми.) Наконец, после бани я ползу чистеньким обратно. Так и живу в полной гармонии с собой и комбинатом, который, если его вытянуть в стрелу...

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Ну а «Мяса»-то почему?

МЯСА. А почему нет? На комбинате — это такой же распространённый позывной, как на родине имя им легион Жопя. А ещё я вдруг вспомнил, что у меня был сиамский брат Котлета, который откинулся воттакусеньким, едва покинув после меня мамочку, чтобы я в печальном одиночестве дожид до тринадцати и записался туда, где отрывает (и продырявливает), чтобы стать воистину Мясой, из которой, если повезёт, в память о моём брате сделают котлету (я попросил об этом на мясном жетоне, начав трудовую деятельность на комбинате им. Отрывает им. Анастаса).

Кроме того, я, увы, страдаю зудом: в память о брате мне нередко хочется самому сделать из своих выступающих частей нечто с позывным Котлето. Вы думаете... давайте откровенно... как я потерял лапку выше локотка? Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает)? Ну нет. Нет. Не-а. Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), едва задел меня, он нежно меня коснулся, пальцы ещё висели, они раскачивались на ветру, и ничто не предвещало. Но тут мне на глаза попала бучарда, штуковина для размягчения волокон, которую кто-то, запаниковав, бросил, и я не удержался, причём, я это подчёркиваю, безо всяких предательских членовредительских мыслей, исключительно в память о брате. А ножку — да, Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает). Ему повезло. И уши тоже. И кое-что по мелочи.

Р. ДЫБА (*поёт*). Ну наконец-то.

МЯСА. Фельшар-ефрейтор с западнославянской фамилией полагает, что я, как и все на комбинате, немного болен мясом. А я, наслушавшись разных историй болезни, полагаю, что я болен идеальным мясом, потому что ношу с собой чистенький отбивочный молоток из нержавеющей стали, а не лучковую пилу или топор, чтобы, когда мне смертельно за-

хочется мяса, не ждать часами глупую окопную крысу, которой снаружи вольготней, чем на нашей глубине, а отбить своё колено, или последний локоть, или последнюю ступню до идеального состояния — и приготовить лучшую на свете отбивную, чтобы уплести её в несказанное удовольствие, запивая растопленным снегом, хмельней которого нет ничего на белом от осветительных снарядов свете. Но куда чаще с просьбой о моём мясе ко мне обращаются проголодавшиеся товарищи по комбинату и изголодавшиеся местные, и скоро, я это чувствую, я не смогу им отказать...

П. С. К. ДЫБА (*поёт*). Наш мальчик.

МЯСА. ...ибо они очень убедительны, а я слаб. И кто-нибудь из нас отобьёт то, что осталось у меня или у них. И уже отбивал: у себя пальцы, у них — разное. Перебои с полевой перловой кашей, знаете ли, могучи, как полоумие. Полоумие, знаете ли, подстёгивает аппетит: однажды мы отняли у аборигенного ребёнка трёхколёсный велосипед и съели его, пожарив на машинном масле на крышке от мёртвого ГАЗ-51, которая летала в воздухе, как кусок индийского йога.

Фельшар-ефрейтор Пурселепетанов истово верит, что это излечимо, потому что, цитирую, «я — то мясо, без которого на комбинате будет не хуже, но и не лучше». «Выписываю тебе, сволочь, как и всем тут, круглую виниловую пластинку “Учитесь быть рыбой”, — сказал он, когда мы виделись с ним по рации Р-159. — Надеюсь, сволочь, — сказал он, — к следующему сеансу лечебной связи ты окончательно исцелишься, потому что ты, сволочь, не представляешь, сколько у меня работы, а нормы спирта урезали. Ей-богу, сволочь, иногда я завидую хирургу Пирогову, который, как говорится, хирург Пирогов, пирогов хирург, / хирург Пирогов пришел, / сначала отрезал, потом пришел, / отрезал — и к мясу юрк, — / котлеты заждались кто правых ног, / кто профиль с монеты. Мил / котлетам хирург Пирогов, не лор / хирург пирогов — хирург. “Учитесь быть рыбой”, — сказал он лет тринадцать назад перед словами “конец терапевтической связи”, — круглая и виниловая...

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*поёт*). С удовольствием свидетельствую.

МЯСА. ...поэтому непременно поможет. Слушайся её, сволочь, внимай ей, сволочь. Конец терапевтической связи». Пластинку я слушаю, несмотря на то что часто с ней не согласен, спорю с ней и даже бью её ночью молотком...

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*поёт*). С негодованием свидетельствую. Могу показать синяки.

МЯСА. ...Но это не значит, что я не хочу — я хочу всеми фибрами — побороть свой недостаток быть мясом больше, чем я есть. Это не значит, что я не надеюсь — я надеюсь всем сердцем — на здоровую мутацию, которая во мне вырабатывается — и вырабатывается уже...

Но тут, как всегда, мне на глаза попадает красивенькая круглая (не уверен, что виниловая) пластинка «Лучшая рыба — это колбаса», которой завалено всё пластунское поле, на котором стоит нужник, и я начинаю скоростижно портиться.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Я чего-то не понял. Я ору её, как и все остальные прописанные фельшар-ефрейтором Антошей круглые виниловые пластинки.

МЯСА (*поёт*). Однажды я тринадцать дней не чувствовал (*далее говорит*) ни малейших позывов отбить и пожарить своё левое колено, а на четырнадцатый — подлая «Лучшая рыба — это колбаса» уверила меня, что моё левое колено это вовсе не рыба, с которой такая возня (чешую оторви, нутро выпотроши, голову откромсай...), а краковская колбаса, и мне жизненно важно сейчас же, дождавшись ночи, отрезать от колена кусочек и, роня слюни, съесть его под одеялом. В тот раз я сдержался, но долго так продолжаться не может. Рука сама поднимается, чтобы поднять фомку, бросить её в Громкоговоритель и, если он упадёт, втоптать его в ядро земли.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ (*поёт*). Мне страшно.

МЯСА. А я вопию о справедливости. Это так подло: сначала я тринадцать лет учусь жить не по лжи большого внутреннего голоса, но по правде круглой виниловой лечебной

пластинки «Учитесь быть рыбой», а потом в один день забываю всё, что воспитал в себе, и замахиваюсь на колено ножом и молотком. Хорошо если колено моё и левое. А если оно чужое, правое и последнее?

Что если пластинку «Лучшая рыба — это колбаса» разбрасывает с неба Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), чтобы урвать у нас тёпленьких, когда мы, только-только перестав желать своего колена как антрекота и начав думать о колене, как о рыбе, решительно передумываем и вновь смотрим на колено крокодилом, в брюхе которого воют волки, тем самым подрывая рекордность выработки комбината им. Отрывает им. Анастаса?

Р. ДЫБА. Это низко, да.

П. С. К. ДЫБА. Да, это подозрительно и требует проверки с моей помощью.

Р. ДЫБА. Или, скорее, с моей.

П. С. К. ДЫБА. А вот это не тебе решать, а излечиваемому.

МЯСА. Уф. Наконец-то я в расположении, гм, части. Здравствуй, родной окоп. Я тот же, каким оставил тебя, выползая на opravку. Спасибо, спасибо, спасибо.

Р. ДЫБА. Эй, Мяса, к кому изволите? Смотрите, в каких я обтягивающе армейских лосинах...

МЯСА (*поёт*). Срамница, отдышаться дай.

Менопауза

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Гармонист, могёшь белый танец? Так играй, чего ты... Подобрать ему надо. По ходу подберёшь и вырулишь. Дроздители! Неслыханное: умудрённые дамы приглашают кавалеров помоложе на тур ламбады. Веселее бёдрами. Бёдрами зажигательней. Умелей бёдрами. Дыбы, чего стоите? Вы тоже, и вы особенно, вы же в лосинах. В зал? Да, да, прыгнуть в зал можно. Сегодня можно всё. Только не хватайте за звёзды енералов и успеете вернуться...

МЯСА. Ничего, что я по уши во вздыбленной грязи?

П. С. К. ДЫБА. А ведь ушей-то у тебя и нет... Мне ничего, а вот эта вся изноется.

Р. ДЫБА. Сколько мы уже знакомы, а, Мяса?

МЯСА. Лет тринадцать.

Р. ДЫБА (*поёт*). Я хоть раз ныла?

МЯСА. Не помню.

Р. ДЫБА (*поёт*). Ты поняла? Он этого не помнит. (*Говорит.*) Запиши и в следующий раз не вводи в напраслину.

МЯСА (*поёт*). Но я ведь без пластмассок...

Р. ДЫБА (*поёт*). Ах, не гунди. Не трогательный мальчик. (*Говорит.*) Ты тринадцать лет без пластмассок, хотя я не пожалела бы на тебя пластмассовые уши. Давай ты чуть-чуть потерпишь, а я быстренько вобью в твои полуоторванные ручку и ножку по гвоздю-двадцатке? А потом тут же приступим. Наркозом не побрезгуешь? У меня сегодня умопомрачительная брага. Отняла у местных. Их дети лежали от неё замертво. И я отняла, потому что бутылка оказалась бесхозной. Да?

МЯСА. Да. (*Поёт.*) Вас ист «брага»?

Р. ДЫБА. Да какое-то говно, от которого без ума аборигенные пупсики. (*Вбивает в Мясу гвозди-двадцатки.*) А потом пусть уж эта, как обычно, издевается: выворачивает каждый суставчик и кнутабойничает. (*П. С. К. Дыба улыбается.*)

МЯСА (*поёт*). О, вкусное.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Итак, сначала мы с помощью растягивающей (евро)дыбы выясним контекст, то есть всё, в чём Мяса не признаётся даже себе...

Р. ДЫБА. ...А потом продолжим закрепляющую терапию, чтобы когда-нибудь наконец-то добиться нужной рыбной мутации, когда раз — и эта сладенькая коленка уже не сочная отбивная, но снулая рыба, которую ты терпеть не можешь, потому что с ней столько мороки...

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Как говорил Петрарка, на дыбе все откровенны, аки солнышки, упавшие в чан с кипящим шоколадом.

Р. ДЫБА и П. С. К. ДЫБА. Аминь.

Р. ДЫБА (*помогает уже набравшемуся Мяссу залезть на растягивающую дыбу и фиксирует его ремнями.*) Тебе удобно, любименький? Можешь потрогать меня где хочешь, пока мы не начали... Ты осатанел: ну не здесь же... (*Начинает растягивание Мяссы.*) Так ничего? Я не спешу? Кивни, если всё норм. Норм, ты кивнул. Он кивнул, подруга. Ещё засосешь? Ещё засосёт. П. С. К., подай мне, пожалуйста, ёмкость. (*Мясса, делает несколько глотков. Блаженно улыбается с закрытыми глазами.*) Не смей лыбиться, это лечение, а не «Баскин-Роббинс», в который ты пронёс портвейн, чтобы сделать внутри себя коктейль с лучшим на белом от осветительных приборов свете мороженым. Дать Р-159, чтобы ты сказал всем, как тебе хорошо и как хороша процедура? После, ладно. Если тебе уже... некомфортно, пожалуйста, ори. Тут все свои. Геройствовать не перед кем...

Мясса, слышишь меня? Когда ты в последний раз желал отбивной из своей коленки? Произнеси нужное: да я уже забыл, когда это было; год назад; месяц назад; сегодня; сегодня и, увы, не раз.

Техническая пауза

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. На этом месте я не без трепета переключаюсь на запись, сделанную тринадцать лет назад во время первого терапевтического сеанса. Продолжайте делать то, что делаете все эти тринадцать лет каждый день. Повторять за мной не надо, достаточно беззвучно шевелить губами, чтобы зрители не почувствовали отчуждения. Поехали... Сейчас, только дорожку найду. Вот... Мясса, лапочка, какой же юный у тебя голос. Сколько же тебе тогда было...

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Уже можно транслировать?

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Не тупи, колокольчик. (*Поёт.*) Давай уж балаболь.

МЯСА (*звучит запись, Мясса синхронно шевелит губами.*) Сегодня. И уже много раз. Утром, когда опять не привезли кашу, — раз. В нужнике — два. По дороге из нужника — три:

делая вид, что отдыхаю и, открыв рот, пью дождь, я ложился на спину и поднимал ногу, чтобы её искромсала летающая колючая проволока, а я потом довёл её, бедненькую, которую уже не жалко, до кондиции молотком и тут же закоптил на костре, и... Уже на дыбе — четыре: мне сейчас хорошо, ничто не беспокоит, а растягивание только способствует, внушая: «Если ты терпишь такое, значит ты можешь и это-кое», то есть, простите, съесть свою коленку. Ты не могла бы перестать растягивать меня и отбить мне правую коленку? А потом мы могли бы заняться любовью, чего я очень хочу. Молоток висит у меня на груди, как когда-то ключ от квартиры, который я вечно терял, пока мамочка не сказала: «Всё, я знаю, как это прекратить».

Р. ДЫБА (*шевелит губами и в точности повторяет все процедуры тринадцатилетней давности*). Нельзя, Мяса. Фу, Мяса. Твоя коленка не мясо, а, представь себе, рыба, рыба латимерия, ужасно некрасивая и давно вымершая, на которую, не плюнув в неё туберкулёзной слюной, никто даже смотреть не будет, а не то что жарить, чтобы засунуть в свой пищевод... Сейчас я увеличу растяжение, и тебе станет очень-очень больно. Твой крик, который Громкоговоритель распространит на всю глубокую передовую, донесётся до франции и оббежит её по её периметру тринадцать раз, ужаснув всех и оглушив многих. (*Мяса неопишимо [так, как сказала Р. Дыба] кричит.*) А теперь я почти порву тебя, мальчик, и твой новый крик долетит до Мирового океана, где убьёт нескольких синих китов, которые сдохнут от жалости к тебе. (*Мяса неопишимо кричит.*) Надеюсь, теперь ты точно знаешь, что твоя коленка на мясо, а рыба. Может быть, даже синее чудо-юдо рыба-кит. Но такое говно ты точно жрать не будешь, потому что оно беременное, и в его огромном животе таится двухсполовинойтонный малыш, который вот-вот вылупится, и тебе будет ужасно жалко, если ты поднимешь руку с отбивочным молотком на двадцатиметровую роженицу, чтобы пожарить сразу двоих, её и детку... Твоя коленка — рыба, а никакая не колбаса.

МЯСА (*повторяет красивым голосом с ясной дикторской дикцией*). Моя коленка — рыба, а никакая не колбаса.

Р. ДЫБА. Ты сомневаешься в том, что только что произошло?

МЯСА. Нет. Ни за что. Никогда.

Р. ДЫБА. Шалят ли твои нервы, когда ты говоришь это?

МЯСА. Мои нервы спокойны как никогда в жизни до тринадцати лет.

Р. ДЫБА. Чем клянёшься?

МЯСА. Мамочкой.

Р. ДЫБА (*поёт*). Ты мясо?

МЯСА. Я мясо.

Р. ДЫБА. Кому ты принадлежишь, мясо?

МЯСА. Родине и комбинату, который и есть родина.

Р. ДЫБА. А себе?

МЯСА. Никогда. Ни за что. Нет. Как вы могли подумать и произнести такое?

Р. ДЫБА. Давай без нотаций. Твоя коленка — мясо?

МЯСА. Отнюдь, она рыба.

Р. ДЫБА. «Отнюдь» я не понимаю.

МЯСА (*поёт*). Нет, она рыба.

Р. ДЫБА. То есть ты мясо, но твоя коленка рыба?

МЯСА. Именно так. Любая моя часть, которую я хочу сейчас или захочу завтра, — рыба.

Р. ДЫБА. Кому принадлежит твоя коленка-рыба?

МЯСА. Комбинату и родине, которая и есть комбинат.

Р. ДЫБА. Зачем им это говно?

МЯСА. Оно их по праву, им и пускать слюни на это говно.

Р. ДЫБА. Пластинка, это по твоему тексту или его детско-гражданские инсинуации?

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Это по тексту.

Р. ДЫБА. Ну и текст у тебя... Мяса, что ты сделаешь, если пожелаешь свою коленку?

МЯСА. Я лучше повешусь, чем пожелаю.

Р. ДЫБА. А я, если ты пожелаешь, намылю тебе верёвку, хотя это не моя обязанность.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Этой реплики нет в тексте.

Р. ДЫБА. А я импровизирую, и ты мне не запретишь... Мяса (что это за позывной такой... Потом, потом расска-

жешь), Мясa, детка, что ты сделаешь, если родина и комбинат положат глаз на твою коленку?

МЯСА. Беспрекословно дам им её отбить и пожарить.

Р. ДЫБА. Это холодный отстранённый ответ, будто речь не о твоей коленке. Дай прочувствованный развёрнутый ответ.

МЯСА. Узнав об их желании, я отобью её, пожарю и сам принесу им кушаньки.

Р. ДЫБА (*поёт*). Звучит как клятва верности. (*Говорит.*) Нужная клятва, сказанная в нужное время, побеждает нужду и время.

Служебно-протокольная пауза

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*не запись, спрашивает сейчас*). Рядовой Мясa, не хотите ли вы добавить что-то в старую запись?

МЯСА. Нет. Чувак дело говорил.

Р. ДЫБА (*запись*). Теперь я растяну тебя ещё чуть-чуть, а тебе, ты не поверишь, станет так хорошо, как никогда до тринадцати лет. (*Увеличивает растяжение Мясy.*) Хорошо ли тебе, любименький?

МЯСА. Как никогда до тринадцати лет.

Р. ДЫБА. И даже не закричишь на всю монмартровскую?

МЯСА. Только от счастья. А так — нет, ни за что, никогда.

Р. ДЫБА (*поёт*). Ты рыба?

МЯСА. Воистину рыба.

Р. ДЫБА. Но ты ведь и мясо?

МЯСА. Воистину мясо.

Р. ДЫБА (*поёт*). Когда ты мясо и когда ты рыбка?

МЯСА. Я всегда мясо. А рыба я только тогда, когда хочу навредить своему мясу.

Р. ДЫБА. Умничка. Неужели усвоил... Кто может вредить твоему... Прости, кто может распоряжаться твоим мясом, Мясa?

МЯСА. Только родина и родной мясокомбинат, который и есть родина мяса и Мясy.

Р. ДЫБА. Аминь. Теперь верну тебя в твоё обычное состояние, распустив ремешочки. Тебе, деточка, будет так больно, как никогда, и даже я всплакну вслед за тобой... Или, может, оставить тебя растянутым?

МЯСА. Распустите меня, пожалуйста.

Р. ДЫБА (*поёт*). Ты проявляешь слабость, Мяса... (*Говорит.*) Хорошо, я распушу тебя, но ты даже не пикнешь, ОК? Всё, что тебе позволено сказать в следующий час немислимой боли, это: «спасибо, за науку», «рад был стараться», «я невероятно счастлив» и «тётя, можно засранцу прямо сейчас пойти впорхнуть на лошадке на бруствер и сдать себя на мясо, чтобы комбинат гордился мною и занёс меня на скрижали?». Распуска-а-аю... распусти-и-ила. Больно, деточка?

МЯСА. Никогда. Ни за что. Нет. Тётя, можно засранцу прямо сейчас...

Р. ДЫБА. Улыбайся, Мяса, не забывай улыбаться. Пока, Мяса, до завтрава. Рыбо, ты тут?

РЫБО (*поёт*). Я тут.

Р. ДЫБА. Рыбо, ты готов?

РЫБО (*поёт*). О, я готов.

Р. ДЫБА. Напомни мне, какая у тебя пластинка.

РЫБО (*поёт*). «Нет гуталину на горбушке чёрнохлебной».

Р. ДЫБА. С твоим-то позывным?

РЫБО (*поёт*). Ой. Виноват. «Учитесь мясом быть».

Р. ДЫБА (*поёт*). Ложись же, Рыбо.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ МЯСОМ (*даёт справку*). Ефр-р-рейтор Р-р-рыбо, сосед по окопу рядового Мясы, двадцать шестой год беспорочной работы на Анастасовском комбинате по специальности «прицельное мясо», ни одного показательного расстрела за халатность, одни медали за усердие, но вот этот позывной... Позывной кажется высшим начальникам глубокой передовой подозрительным, поэтому фельшар-ефрейтор Гудияди Янос пригово... прописал Рыбу частичную переделку, которая не затронет благотворного базового навыка быть мясом во имя родины и на благо начальства... (*На этом Р. Дыба и её дыба отходят на второй*

план: мы видим её работу с ефрейтором Рыбо, но она становится замедленной и почти немой.)

Кофе-пауза

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Конец записи и первого терапевтического сеанса.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. А сейча-а-ас — вр-р-ремя кофе! Испей сам и плесни вдруг уменьшившемуся Мясу, который рвёт себя за вас на глубокой пер-р-редовой! Дрозрители! Не надо нестись в буфет, кофе уже разносят. Разве вы не слышите этот обаятельный колумбийский запах? Сливки? Рафинад? Сгущёнку? Добавочки? Титаны в фойе кипятят кофе на всю катушку. Достанется всем.

Учебно-пояснительная пауза

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ (*поёт*). Надулись кофе? (*Говорит.*) Ничего так напиток, правда же?.. Я заметил, что некоторые слова и выражения, произнесённые выше, вызывали в зале если не кататонический ступор, то проклятые вопросы. Некоторые лезли с ними к соседям, соседи отбрёхивались и отмахивались, что создавало шум в зале и мешало плавному течению нашего завораживающего действия. Поклянитесь больше не кашлять и больше не расспрашивать. Нет, поклянитесь, а не просто кивайте. Хорошо... Далее: есть в зале дети бесстыдного возраста, которые могли бы зачитать кое-что не моим нудным голосом, а своим задорным? Есть, есть дети. Дети, вперёд. (*Дети, какие уж нашлись, залезают на сцену, где становятся в очередь и декламируют, срывая аплодисменты, по одному слову-или-выражению каждый. Последней выступает маленькая, сухонькая старушка, которую легко спутать с ребёнком, чем она и воспользовалась. Ничего, лишь бы не скрипел голос, а сама не рассыпалась на слове «тринадцати».*)

Двенадцать: неприкосновенный возраст, после которого может случиться что угодно, и никто даже бровью не поведёт; если в двенадцать, даже накануне тринадцати, ещё можно улыбаться, нюхать полевые цветы и в последний раз находить их запах пронзительным, то уже в первые часы тринадцати за подобное озорство вас отведут в туалет комбината и изобьют ногами в кирзовых сапогах, которыми только что топтали местных, потому что отныне вы не деточка, но мясо, а мясу не положено.

Мясо: главная, но не единственная профессия на комбинате; в некоторых диалектах убойно-заготовительного языка это слово означает судьбу, а в других — не жизнь, а малину. «Я мясо, следовательно, я везунчик» (символ веры комбинатских). «Мясо рубилось не на мясо, а на котлеты» (с особым остервенением).

Комбинат/родина: высшая форма устройства мяса; без/вне комбината мясо как единственная форма существования после тринадцати неосуществимо.

Перед своей смертью: не всякому мясу удаётся пережить другое мясо, и вот, когда у погибающего мяса остаются секундочки, оно склонно к откровениям.

Схрон: тайное подземное хранилище, предназначенное для длительного пребывания мяса.

Улыбка: кажется рубцом, если вы мясо, и кажется просветлением, если вам до тринадцати.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*поёт*). Спасибо, деточки. Спасибо, самозванка.

Пауза для Мясы

Мяса, как ни в чём не бывало спрыгнувший с растягивающей дыбы, зевает, потягивается, приседает, подпрыгивает, делает несколько отжиманий, пробует несколько балетных па, потом наскоро выпивает чашку чая с лимоном, пытается листать газету... но в итоге засыпает, сидя на стуле. Звонит будильник. Мяса вскакивает и вприскокку спешит к под-

вешивающей дыбе. Сам заправляет руки в петлю и просит П. С. К. Дыбу в обворожительных гвардейских лосинах с майорскими лампасами вывесить его на нужной ей высоте. «Нет, нет, — слышим мы его реплику, — распоряжайся мною так, как тебе удобно: если тебе нужно, чтобы я висел на уровне третьего этажа, — пожалуйста, мне всё равно. Лишь бы удары кнутом раскачивали меня, словно сломанную стрелу башенного крана...»

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. Внимание, внимание: начинаем второй терапевтический сеанс...

П. С. К. ДЫБА. ...во время которого я буду задавать рядовому Мясе контрольные вопросы, сопровождая их с помощью вóрота натяжением и отпусканьем верёвки, закреплённой на лодыжках Мясы, а также ударами кнута, на ремне которого болтается гайка М22 (может, и не одна; давно не проверяла). А он попробует без увёрток отвечать. Сумеешь, Мяса?

МЯСА (*поёт*). Всегда умел, сейчас что изменилось?

П. С. К. ДЫБА (*поёт*). Ты прав, всё то же и всё те же тринадцать лет подряд. Но мы стареем.

МЯСА (*поёт*). Стареешь ты, а мне всегда тринадцать.

П. С. К. ДЫБА (*говорит*). Хватит драть глотки, будто мы в опере. Давай уже драть тело. (*Поёт.*) Не терпится избить тебя и взяться за этого никчёмного Мертваго.

Пауза на раздачу залу контрольных вопросов

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Если вам кажется, что Мясо плохо отвечает, потому что П. С. К. Дыба плохо спрашивает, выкрикивайте контрольные вопросы из зала вместе с П. С. К. Дыбой, выкрикивайте их как она, выкрикивайте их лучше неё.

П. С. К. ДЫБА. Мяса, сладкий мой, сейчас я резко взнуздаю ворот, и тебя буквально размажет в пространстве, ты вытянешься в такую струночку, какой не видывал белый

от осветительных снарядов свет. Ты главное не описайся (простите). Готов?

МЯСА (*поёт*). Всегда-всегда готов, мучительница Дыба.

П. С. К. ДЫБА. А затем я врежу тебе кнутом так, чтобы гайка М22 немного застряла под правой лопаткой. После чего задам первый контрольный вопрос. Начали.

МЯСА (*кричит от боли*). Ты генрих мюллер. Ты же меня отбила. Я же не смогу отвечать. Вытащи же гайку из моей спины.

П. С. К. ДЫБА (*поёт*). Вопрос простой, собака: козь коленка твоя уже тобой, увы, отбита, отбита и прожарена на масле из дюжины ван-гоговских цветочков, готова то есть к вдумчивому жору... Но тут тебя застучали, собаку. Что делать с этой противозаконной коленной отбивной? Съесть быстро-быстро, а там — хоть не расти трава на поле меж Тем, Кто Отрывает (и Дырявит), и нўжником, в котором так приятно хотя бы раз в неделю почитать страницу из *Im Westen nichts...* забыла... как это слово... да, конечно, *Neues*. Съесть самому, короче, или — или товарищу отдать? чтоб насладился и голод утолил, поскольку с кашей опять затык: она нейдёт неделю.

МЯСА (*кричит от боли*). Товарищу отдать. Отдать Мертваго. Ведь это он меня опять застучал?

П. С. К. ДЫБА. Неплохо. Всё-таки за тринадцать лет ты кое-что усвоил. (*Ослабляет натяжение, но бьёт сильнее.*) Второй вопрос, собака: что первично: начальник или судьба?

МЯСА (*поёт, кривясь от боли*). Такого слова нет, когда есть слово «НАЧАЛЬНИК», Дыба, дура, что ты мелешь...

П. С. К. ДЫБА. Не скажу «хорошо», скажу «недурно». (*Поёт.*) Ещё один вопрос, собака: гуталин, оставивший на чёрном хлебе нечто, что валит с ног, — или твоя коленка? Что предпочтёшь, дружок, когда есть выбор? (*Натягивает верёвку, бьёт кнутом.*)

МЯСА (*кричит*). Нажраться в стельку дрянью гуталинной!

П. С. К. ДЫБА. Ха. Неужели она тебе безразлична, твоя сладенькая коленка? (*Остервенело бьёт кнутом, вызывая*

в зале крики: «Прекратите. Достаточно. Он всё понял. Он больше не будет. Правда же, Мяса?»)

МЯСА. Дай мне нож, П. С. К. Дыба, пожалуйста, дай мне нож, я умоляю, дай мне нож, я отрежу эту коленку и скормлю её тебе при всём честном народе.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ. П. С. К. Дыба, да дай же ты ему нож. Скормит он. Она что, с ума сошла, чтобы есть коленку сырой?

П. С. К. ДЫБА (*обращаясь к Учитесь Быть Рыбой*). Четырёх вопросов сегодня хватит? А то у меня Мертваго заждался.

УЧИТЕСЬ БЫТЬ РЫБОЙ (*спрашивает у зала*). Народ, как считаете: хватит с него на сегодня? Думаете, хватит? Всё, Дыба, хватит, брось это говно, завтра его добьёшь.

П. С. К. Дыба долго бьёт Мясу кнутом, а потом перерубает верёвку. Мяса падает, но тут же встаёт и раскланивается с публикой. Публика ревёт от удовольствия. К ногам Мясы летят сильно надушенные пластмассовые похоронные подсолнухи чёрного цвета. Мяса уходит со сцены.

П. С. К. ДЫБА тут же принимается за рядового Мертваго, которого лечат по программе круглой виниловой пластинки «Смерти нет, котлеты», ибо Мертваго отлынивает от смерти.

Из зала кричат: «А последний вопрос? Вы не задали последний вопрос. Ну как так можно...»

П. С. К. ДЫБА (*кричит в зал*). Кому я его задам? Он уже свалил. Не мешайте мне ломать Мертвагу.

Из зала продолжают кричать: «Нет, мы настаиваем. Это очень нужный и своевременный вопрос. И вы, не задавая его, проявляете халатность. Или даже предательство».

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

П. С. К. ДЫБА (*бросив истязать Мертваго, убегает за кулисы и приводит на сцену растерянного Мясу*). Отвечай,

собака, скорее: тебя, идиота, за какие-то заслуги поставили рядом с начальником вся мясокомбината/родины; не знаю, может, ты и впрямь заслужил, но скорее это какая-то ошибка, и стоять там должна я, а ты, как всегда, должен и обязан высовываться из-за бруствера... короче: что ты чувствуешь, находясь рядом с начальником всего: рвоту? счастье? падучую? сердечную недостаточность?

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

МЯСА (*неуверенно*). Я чувствую рвоту.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

П. С. К. ДЫБА и ЗАЛ (*кричат на Мясу*). Нет, сволочь, ты должен чувствовать и рвоту, и счастье, и падучую, и сердечную недостаточность! Но этого мало, сволочь! Ещё ты должен чувствовать мокрые галифе!

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

П. С. К. ДЫБА. Неужели за тринадцать лет нельзя выучить ответ на этот вопрос... Что ты за debil такой, Мяса?

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

МЯСА (*падает на колени, плачет*). Я исправлюсь. Я исправлюсь. Простите меня, я исправлюсь.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога.

П. С. К. ДЫБА. Не верю.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА. Внимание: воздушная тревога. Внимание: воздушная тревога. Всем срочно покинуть передовую. Внимание: воздушная тревога. Да бегите же вы. А, нет, поздно.

Над пейзажем, раскинув белые крыла, повисает архангел АТАКАМС. Он недолго осматривается — и обрушивается в геометрический центр изображённого выше эпизода на глубокой передовой.

А Мяса ничего, Мяса уцелел. Он по-прежнему стоит на коленях на хорошо утоптанном одиночками, колоннами по сто и рисковыми лошадками бруствере. Вокруг него расплывается жёлтая лужа.

Почему-то звучит свадебный марш Мендельсона, который никак не может сдвинуться с начальных фанфар. Наверное, его заклинито. Наверное, чьи-то губы навсегда застряли в мундштуках.

Тот, Кто Отрывает (и Продырявливает), тихо посмеивается в такт Мендельсону. У него хороший слух и приятный хрустальный смех.

М.Грим

Морские фигуры

Действующие лица

ДРУГОЙ.
СТРЕЛОК.
ТАКСИСТ.
МЕНТ.

Этот город похож на хрустальную вазу, полную чёрных похоронных пластмассовых цветов, благоухающих так, что у Одних вспучивается бесчувствие, а Других захлёстывает ненависть. Одни прикладывают к опухоли уличные кофейные припарки (кофе, говорят, хорош, но лечебная процедура — надругательство и самообман; с тем же кпд можно целовать на тридцатиградусном морозе мощи: вонь мощей, как и кофейное благовоние, не перебивает чёрное траурное амбре, но целовать их ещё не модно, и поэтому их не завозят). Другие мечтают уронить вазу, ибо она хрупка и, наверное, больше не поднимется. Но голова — и дико — болит у всех, и всем нужен ветер (который, к слову, прекрасно роняет хрустальные вазы). Только Одни, оказавшись на ветру, прячутся в кофейнях (ах, какие они нынче), а Другие то и дело задумываются — и замирают. Ветер пронизывает себя в отверстия этих тихих морских фигур — и вязнет в их праведных злых мыслях, так и не добравшись до парусного слова «свобода». Поэтому голова не проходит, лишь отвлекается. Но кто знает, как повернётся дело, когда морские фигуры вдруг соберутся в одном месте и из них сложится что-то движущееся само, а не просто продуваемое и роняемое... Что тогда станется с родной головной болью?

Этот город, июнь, утро красит нежным цветом. Некто Другой, простоволосый, лет, скажем, тридцати восьми, когда всё делается зыбким, кативший на велосипеде по, гм, Кремлёвской наб., неожиданно останавливается, бросает велосипед за ограду Александровского сада (в сад, в сад) и замирает невдалеке от пешеходного перехода посередине тротуара спиной к Большому Каменному мосту, лицом к Водовзводной башне. Вскоре проливается хлёсткий дождь, но он не прогоняет Другого. В ливень смутная блуждающая улыбка на лице Другого становится упорной и насмешливой. Потом парит, потом жарит, улыбка опять блуждает, но заостряется. Затем два оболтуса, изображая тайную кражу, хихикая, подбираются к велосипеду на цыпочках и уводят его в парк: сначала они катаются на нём, задирая Другого: «Дяденька, ты будешь нас догонять или нет?» и даже обижая его: «А вот сейчас подбегу и как дам пинка», после чего один и впрямь делает обещанное, а потом, когда им становится скучно, исчезают, укатывают, акробатично примостившись на велосипеде. Тёплый летний вечер обнимает Другого за плечи, но тому и дела нет, он стоит, вперившись... в башню? в себя? Летний вечер, став тёмным-тёмным, не скрывает от Другого огонёк папиросы Стрелка, нахохлившегося в одной из бойниц башни, но Другой, кажется, путает эту светящуюся точку с безымянной небесной звездой (а как ещё объяснить его явственный добрый и чуть ироничный смешок?). Ночной поток машин ещё не узнаёт Другого, но уже оказывает ему знаки внимания: такси сбрасывает скорость до пешеходной, и кто-то с худжандским акцентом спрашивает: «Я тут третий раз проезжаю, а вы всё стоите. Вас жена выгнала? Давайте я вас домой отвезу, по дороге купим цветы, и она, всплакнув, будет вам рада...» Другой, едва слышно, произносит: «Спасибо». После чего Таксист останавливается, выходит из машины и предлагает Другому чай из термоса. Другой молчит. Таксист наливает в стаканчик чай и подносит его к губам Другого. Тот пьёт. Позже патрульный Мент любезно предлагает Другому курнуть и даже вставляет ему в рот бычок: «Ну вот, раскашлялся. Не куришь, что ли? Только не выплёвывай, там ещё много, я сам докурю...» И

снова Другой, едва слышно, говорит: «Спасибо». Так наступает новое утро.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но те, кто уже вышел и находится в радиусе версты от Другого, начинают переглядываться). Бедные лошадки.

СТРЕЛОК. Наступило утро, и я наконец-то разглядел тебя. У меня тут такая оптика. У меня тут такие камеры. Разглядел и запомнил. Ты же не хочешь в меня пальнуть, правда? Это же не рекогносцировка? Ты же не прячешь в штанах винтовку? (А за спиной её точно нет, — отчётливо вижу.) Ты же не намерен захватывать мою башню? Другие — пожалуйста (шучу), но мою не смей, — у неё трёхметровые стены, обломаешь зубы. И: я тебе в левый глаз с первого выстрела могу попасть. А со второго — в правый. Тебе поесть спустить? У меня осталось. Ты пельмени обожаешь? Ты не думай, я сначала подогрею, у меня тут такая плитка.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

СТРЕЛОК. Ты какие книги любишь читать? Я сегодня вашего Хармса читал с фонариком: старушки дурят, падают, а я тоже дую: взрыднуть хочется. Вот чего они? У тебя есть мысли? Тебя как зовут? Извини, сам не могу представиться — нам нельзя. Ты же меня не видишь? Но ведь слышишь? Расскажи что-нибудь, а то скучно. А ты знаешь, что когда-то тут вместо меня жили и трудились водовзводные коняшки?..

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но те, кто находится в радиусе версты от Другого, начинают переглядываться). Бедные лошадки.

СТРЕЛОК. Ты сам-то здешний? А я вот серпуховский, то есть, извини, со сто первого. Был за сто первым-то? Подло у вас тут, любви совсем нету. Извини, земляк сменщик топочет. Приятно было поболтать. Спасибо, что не заткнул уши.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

Поднимается ветер. Он пытается выковырять из серьги в правом ухе Другого рассветный серебристый проблеск. Ветру кажется, что он понравится одной малышке, которая рыдает в оставленной мамой коляске. Мама, впрочем, неподалёку: всё ещё шумно пьёт пиво со случайным ночным знакомым; ветер несёт этот шум к плачущей детке, и та, узнавая родной хай, заливается пуще прежнего. И тогда ветер, который пока не может поменять направление на противоположное, чтобы мама услышала малышку и опомнилась, делает... хоть что-то делает.

Рядом с Другим останавливается такси (такси в этом городе, говорят, тоже хороши). Шофёр прогоняет ветер, открывает багажник, достаёт из него раскладной столик и сумку, которые ставит рядом с Другим, не мешая проходу отсутствующих пешеходов. Из сумки на стол выкладываются крупный помидор, свежая горбушка, пачка чая, таблетка анальгина, завёрнутая в байковое полотенце кастрюля, термос, тарелка, нож, вилка, салфетка, заварочный чайник, чашка, блюдце. Таксист нарезает помидор на красивые дольки, заваривает чай, накладывает в тарелку плов.

ТАКСИСТ (*говорит с худжандским акцентом*). Готово. Здравствуйте, дорогой. Меня прислал Азизулло, по-вашему Алёшка, вы с ним ночью чай пили, он сказал, что вас нужно покормить завтраком, дать вам таблетку от головы и спеть что-нибудь солнечное. Привет вам от него. Я Бехназар, по-вашему Борька. Сейчас вы поедите. А потом я спою вам и ускачу работать. (*Кормит Другого пловом, помидором, хлебом, вытирая ему губы. Другой ест равнодушно, но ведь ест, не выплёвывает.*)

ДРУГОЙ (*в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться*). Сипос.

ТАКСИСТ. Не за что, дорогой. Теперь вкусный горячий чай. (*Поит Другого чаем.*) Ой, я сахар забыл. Вот я осёл. Вы без сахара пьёте?.. Хорошо, что пьёте, а то я бы себе не простил. И Азизулло мне не простил бы. А теперь примите

таблетку. Запейте чаем. Спасибо, что выпили весь чай без сахара.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

ТАКСИСТ. Не за что, дорогой. Ещё раз простите. После обеда приедет Рахматбек, по-вашему Ромка, и накормит вас обедом. Сладкого к обеденному чаю в исправление моей ошибки хотите?

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

ТАКСИСТ. Скажу ему, чтобы накормил вас двумя эклерами. У вас есть телефон? Рахматбек позвонит, если будет опаздывать. А это все наши телефоны: Азизулло, мой, то есть Бехназара, и Рахматбека (*кладёт бумажку в нагрудный карман рубашки Другого*). Если захотите поговорить, звоните, пожалуйста. К вашей жене точно не надо съездить, чтобы её привезти, чтобы она на вас посмотрела и не лила зря слёзы, а потом отвезти туда, куда пожелает? А я потом, уже в ночи, ужин привезу. Вы же не собираетесь домой? Бритву электрическую вам нужно? У меня есть. А то уже зарастаете, а ваши менты этого не любят. Голове полегче? А туалет? В ведро сходите? У меня ведро есть. И одеяло.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

ТАКСИСТ. Сейчас достану, и вы, накрывшись одеялом, всё сделаете. Ведь сделаете?

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

Таксист ставит рядом с Другим ведро и накрывает его одеялом. Ждёт. Под одеялом никаких шевелений. Через положенное время Таксист снимает с Другого одеяло.

ТАКСИСТ. Вы же ничего не сделали. Не хотите? не можете? не позволено? Понимаю. На всякий случай попрошу Рахматбека очень вежливо не оставлять туалетные попытки.

Начинается дождь. Раскрыв зонт, Таксист становится рядом с Другим.

ТАКСИСТ (*поёт солнечную песню, украшая её восточными фиоритурами*). Дождик, дождик, кап-кап-кап, мокрые дорожки, мы с тобой гулять пойдём, надевай галошки. (*Объясняет.*) Дочке в детском саду задали. Вместе разучиваем. Очень красивый стих, очень красивая мелодия... Всё, нет дождика, пошкандыбал я, ладно? Как только совсем опечалитесь — звоните, дорогой.

ДРУГОЙ (*в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться*). Спасибо.

Поднимается ветер. Он гонит со стороны Большого Каменного моста к башне двух ментов. Противясь ветру, они делают всё, чтобы не поторапливаться, но это трудно, и ветер выстраивает их в затылок на расстоянии нескольких поспешных шагов. Менты переговариваются по рации: «Чикаться будем?» — «Чикаться не будем». — «Был приказ?» — «Приказа не было». — «Оно нам надо?» — «Оно нам надо». — «Зачем?» — «За тем. Голова болит». — «Развлечение?» — «Анальгин». — «А если он не умеет плавать?» — «Научится. У нас хоть раз кто-нибудь насмерть утонул?» — «Ни разу». — «А почему?» — «Потому что в нас есть жалость?» — «У тебя есть?» — «У меня на исходе». — «А с чего бы ей быть в норме, когда тут такое? Нет, потому что все они или умели плавать, или быстро научились».

МЕНТ (*обращаясь к Другому*). Здорово, прыщ на теле вверенной мне Кремлёвской наб. Я мент Такой-то, жетон номер хрен-тебе-а-не-номер, ты, падла, нарушаешь: злостно мешаешь проходу родных пешеходов и гостей этого города, а он, между прочим, герой и брал всех за горло, и вертел всех над огнём. Этому месту перед башней хватит двух фонарных столбов. Третий — лишний. Бери его, коля, за ноги, а я беру его, коля, за остальное. И — за борт: в реченьку. (*Мент выходит на набережную, останав-*

ливаает движение, возвращается к Другому и берёт его за остальное.) Понесли, коля.

СТРЕЛОК. Поставьте его на место.

МЕНТ. Это кто вякнул?

СТРЕЛОК. Это я вякнул.

МЕНТ. Это ты откуда вякнул?

СТРЕЛОК. Это я с неба вякнул.

МЕНТ (*смотрит в небо*). Не пой. На вверенном мне небе над Кремлёвской наб., насколько мне хватает зенок, никто не вякает.

СТРЕЛОК. Сейчас. (*Стрелок высовывает в бойницу предлинное винтовочное дуло, посверкивающее на спорадическом солнце, и недобро поводит им.*) Узрел?

МЕНТ. Как покойного папу в петле, то есть явственно.

СТРЕЛОК. Ставь парня.

МЕНТ. Кладём парня на место, коля. Начальник сказал.

СТРЕЛОК. Я сказал «ставь».

МЕНТ. Уже ставим.

СТРЕЛОК. Спасибо.

ДРУГОЙ (*в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться*). Спасибо.

МЕНТ (*улыбаясь*). Спасибо вам, что предупредили и стали чикаться. До свидания.

СТРЕЛОК (*кажется, улыбаясь*). Прощайте, коли. Чтоб я вас здесь больше не видел. Разве что в оцеплении, если его донимать будут... Ты как, велосипедист? Они тебе рёбра не успели сломать?

ДРУГОЙ (*в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться*). Спасибо.

СТРЕЛОК. Сигнализируй. Зеркальцем свети, а в дождь кричи «караул». Эти местные совсем без любви. У нас в Шарاپовой Охоте таких кладут под электричку. Привет от напарника. Он тебе на рассвете пельмени предлагал.

ДРУГОЙ (*в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться*). Спасибо.

СТРЕЛОК. А чё ты в ведро-то не сходил? Таксист тебя не отравил? Эти могут. Ты бы поостерёгся. Ты сам-то наш? В

прицел вроде наш, а в глазах что-то промелькивает: то ли помысел, то ли скорбь. А сумма от меня ускользает. Что у тебя после знака равенства, велосипедист? Что ты такое внутри себя увидел, чтобы вот так прекратиться? Не то ли самое, что и мой папаша, когда уже был в петле, но ещё дышал?.. *(Из бойницы исчезает шевелившееся в такт речи дуло.)* Здравия желаю, Ваше Непостижимое Владычество. Нет, Ваше Непостижимое, это я не с недостойным собой, это снаружи смешной человечек с серьгой в ухе третий день стоит, как мёртвый, только глазами посверкивает и губами тихо в сторону благодарит. Есть пристрелить как собаку, если пойдёт на приступ. Служу этому городу! Целую ваши нагуталенные сапоги!.. Ты слышал? Ты понял? Сам заходил. Сам о тебе прознал. Сам разрешил считать тебя бешеной собакой. Не штурмуй, ладно? И всё обойдётся.

ДРУГОЙ *(в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться)*. Спасибо.

СТРЕЛОК. А вообще у меня сегодня очень болит голова. У тебя нет тройчатки?

Начинается дождь. Над городом пролетает низкий самолёт. «Самолёт, самолёт, забери меня в полёт», — говорит Другой одними губами, но все, кто находится в радиусе версты, начинают переглядываться, после чего одни Одни просят у стюардессы аспирина, другие Одни требуют принести им кофе, третьи Одни, шепча: «А в полёте пусто, выросла капуста», приклеиваются к иллюминаторам, в которых дождит из пронизываемой тучи, четвёртые — подземные — Одни, шепча: «А в капусте червяки, все мальчишки дураки», вдруг выходят не на своей станции и, недоумевая, идут в ближайшую кофейню; ну а другие Другие, переглянувшись, влекутся к Водовзводной башне. Их мало, их, может быть, всего семеро, но они устремляются, по дороге знакомясь и делясь мыслями: «Не пойму, что со мной: вдруг захотелось к этой башне из паспорта, а ведь она мне никогда не нравилась». — «А я помню её на древних 100 рублях, а живую никогда не видела, хоть посмотрю». — «Голова сегодня особенно не на месте». — «Сегодня и, как всегда :-). Раскалывается». —

«И у меня». — «И у меня тоже». — «А что тому причиной, не знаете?» — «Не представляю».

Увидев Другого, другим Другим кажется, что они давно с ним знакомы, вот только имя его никак нейдёт им на ум, какая-то коллективная амнезия; досадуя, они смеются... Дамы чмокают Другого в щёку. Джентльмены хлопают его по плечу; некоторые берут его руку, чтобы вложить в свою: «Привет, так долго не виделись, как ты?»

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

Другие Другие довольны, он их узнал, он рад им, но вот сами они... они пока не уверены, кто он и что он для них, но они воодушевлены: им кажется, что они оказались в нужном месте в нужное время и уверенность Другого, который стоит с высоко поднятой головой, глаза которого устремлены в небо, который встретил их сдержанно, даже холодно, но всё-таки с тонкой улыбкой, — тому порукой. Неожиданно для себя, скорее непроизвольно, чем осмысленно, Другие образуют вокруг Другого круг, прежде бросив в сад, за его ограду, свои сумочки и рюкзаки, то есть всё, что обременяет их и связывает, что ли, с обычной жизнью, в которой одна — всего одна — вещь ненавистна им до их недоброго удивления («как это могло произойти со мной... все всегда называли меня глупым словом “сердечный”, а я подыхаю от ненависти») и беспросветно болит голова. Они становятся кругом с Другим посередине — и, чёрт возьми, вдруг замирают, устремив глаза в понравившемся им его направлении.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться). Спасибо.

СТРЕЛОК. Эй, вы чего? тоже морские фигуры? Вас восемь, и это уже стрелковый полувзвод... который зорко смотрит в мой правый прицельный голубой глаз... и он у вас, задумчивый, неповоротливый, себе на уме полувзвод,

как на ладони, ибо — у меня такая оптика... Морские фигуры, внимание: это последнее водовзводное предупреждение: сделаете к башне семь шагов, — и я открою ураганный огонь, на шестом шаге начав стрелять в коленные чашечки и запястья, чтобы исключить всякий альпинизм. И меня, падлы, встав на лесенку, крепко обнимет само Его Непостижимое Владычество. И, держа в объятиях, укусит за левое ухо, и я, как вы сейчас, обомру от счастливого помутнения, и меня вынесут, как бревно, на ветер, и, если ветер будет ураганным, я выкачусь через Спасскую на Красную, где наконец очнусь и загуляю, бия в морду всякого, кто скажет мне «цыц». Меня укусит Сам. Сам укусит меня. Укусит Сам меня. Господи, мама, как хорошо, что ты родила меня. А потом я вернусь в Шарапову Охоту на белом коне в мундире с золотым шитьём, и ночью меня пьяного положат под электричку до Серпухова...

Вниманию патрульных клоунов с Большого Каменного моста: их уже полувзвод, и я по-хорошему прошу оградить эти морские фигуры от возмущённой общественности. Кого вы в таких случаях созываете? Гопников? санитаров? проституток? похоронный оркестр? гэдээровскую игрушечную железную дорогу, перед которой никому не устоять? Давайте всех. Пусть развлекут или напугают кататоников до полусмерти. А не напугаются — ломайте ноги.

Морские фигуры, эй, вы меня слышали?..

Чёрт, а тут ещё эти.

Подле Другого и других останавливается такси. Водитель достаёт из машины две сумки, ставит их на тротуар, поворачивается к морским фигурам — и впадает в ступор. К счастью (к несчастью?), недолгий.

ТАКСИСТ (*отойдя от увиденного, говорит с худжандским акцентом*). Ого. Как вас много. Я Рахматбек, по-вашему Ромка, меня прислал Бехназар, по-вашему Борька, но он не сказал, что... Дорогие, а вы тоже... голодные, потому что стоите... или это шутка и пантомима... (*Шепчет, но так,*

чтобы эти восьмеро его услышали.) Дорогие, сейчас я достану «люгер» и положу вас всех... Кровищи будет... Нет, не клоунада. В общем, дорогие, обеда на всех не хватит. Бехназар недосчитался — но вот он я, а значит — всё поправимо. Дорогие, позвольте мне смотреть на полчаса в одно место, и все будут сыты. Но у меня просьба: давайте сегодня вы отобедаете одним шашлыком. Идёт? Тогда я поехал. Одно колесо здесь, три других — там.

Поднимается ураганный ветер, увы, неуместного сейчас направления, который подталкивает вкопанную восьмёрку к башне, в которой вкалывали лошадки, чтобы поить портомойной речной водой Кремль. Восьмёрка держится, балансирует, даже, кажется, упирается, привставая на цыпочки, но попробуйте-ка сопротивляться шквалу, когда вы, остолбенев, стоите по струночке, почти весело глядя в негодующее небо. В итоге ветрище пересиливает всех и каждую морскую фигуру и пододвигает их к башне на несколько, три-четыре, вряд ли больше, обычных шагов. Следом с неба проливается озеро средней руки, которое прекращает ветер и фиксирует новое местоположение Другого и других. И оно накалённое.

СТРЕЛОК (*орёт в рацию*). Внимание, внимание, всем, кто меня слышит. Передаёт Водовзводная башня. Меня исподволь, кося под дураков, но окружают. Где вы, ненаглядные менты? Немедленно ответьте, а лучше появитесь. Внимание, внимание, до стрельбы на поражение осталось три шага. Не дайте обагрить локти кровью каких-то городских сумасшедших. Как я потом буду обедать? У нас тут даже водопровода нет. Вы не поверите, хожу в детский горшок. Попадаю в глаз, а писаю в горшок...

Морские фигуры, хоть вы-то будьте умнее пули.

Как только заканчивается дождь, около башни возникает толпа гопников, сопровождаемая двумя ментами с Большого Каменного моста. Менты кричат в бойницу: «Мы пришли» и машут дулу руками. Не получив команды, гопники

топчутся на месте, свиньяча под себя гыканьем, семечками, окурками, плевками, оторванными пуговицами, волосами из усов и бровей друг дружки, кровью из разбитых носов, только что, простите, не яэкулятом.

Затем приезжает Таксист и начинает кормить Других шашлыком.

ДРУГОЙ (в сторону едва слышно, но все, кто находится в радиусе версты, начинают улыбаться. Даже гопники: смотрят на Таксиста и лыбятся. Даже менты. Даже невидимое нам Его Непостижимое Владычество. Но что нам дали эти бесконечные необъяснимые множественные улыбки?..).
Спасибо.

МЕНТ (*кричит Стрелку*). Брат, у тебя лом есть?

СТРЕЛОК. Есть.

МЕНТ. Дай, а?

СТРЕЛОК. Это для чего же?

МЕНТ. Пионеры хотят сыграть с этими в «Кто вломил?».

СТРЕЛОК. А разве в ней ломом? Разве не кулаком в ухо?

МЕНТ. Ты отстал, брат: ломом лучше всего. Брат, брось вниз лом, а?

СТРЕЛОК. Ладно, лови.

Мент подбирает лом и отдаёт его гопникам. Те воодушевляются: отнимают у Таксиста шашлык, едят его руками, остатки засовывают Рахматбеку за шиворот и толкают его к морским фигурам. Рахматбек сразу замирает. Гопники окружают Таксиста, Другого и Других со спины полукругом, один из них кричит: «А сейчас будем играть в игру. Я к тебе обращаюсь, козлина. Я вломлю тебе по спине ломом, а ты скажешь мне, кто тебе вломил: я или кто-то из пацанов». И бьёт ближнего к себе Другого ломом. Тот падает. Менты выволакивают его и ставят перед Другими лицом к башне.

СТРЕЛОК (*кричит Менту*). Ты куда его поставил? Ты его за линию поставил. Ты понимаешь, что я *должен* застрелить его? что никакой пощады? что у меня нет заднего хода? что

это приказ Самогó? что это мой внутренний стержень: если я сказал, я сделаю?

МЕНТ. Ничего-ничего, мы его переставим. Погоди стрелять, брат. Дай доиграть ребятам. Это весело. И голова проходит, проверено.

СТРЕЛОК. Да, болит уже меньше.

МЕНТ. Ещё малёк, брат, и будешь как из мамки.

СТРЕЛОК. Сестра, разве я брат тебе?

Поперхнувшись этим словесным плевком и своим невысказанным ответом, Мент кашляет до слёз. Гопники валят последнего Другого, и менты переставляют его к другим морским фигурам. Много, много ближе к обороняемой Стрелком башне.

Стрелок, успокоив пульс, колотящийся как угорелый из-за гнева на Мента и спортивного волнения из-за неизбежной боевой стрельбы, делает девять выстрелов.

Девять морских фигур падают замертво.

Менты по очереди выбрасывают трупы в реку.

Трупы плывут по реке, отворачивая счастливые лица пассажиров прогулочного теплохода «Город-51».

Говорят, вот так, речным путём, из этого города можно попасть в целых пять морей.

Из Водовзводной башни на верёвке спускается Его Непостижимое Владычество и кричит с земли: «Стрелок, мой спаситель, ну что же ты? Давай за мной». Стрелок спускается.

На месте расстрела устанавливают неказистый сварной пьедестал почёта, ничем не отличимый от тех, с которых сияют усталыми лицами победители каких-нибудь районных соревнований по какому-нибудь метанию учебной гранаты.

Его Непостижимое Владычество восходит на «золотое» место и приглашает Стрелка стать рядом, на «бронзовой» ступеньке, после чего обнимает Стрелка и откусывает ему левое ухо. Вряд ли всё, но много, много уха. Стрелок рыдает от счастья.

Всю ночь с Городских гор ухает салют в честь уничтожения диверсионной группы, которая собиралась покуситься на Его Непостижимое Владычество, но куда ей — ведь у Водовзводной башни трёхметровые стены.

Девять залпов. Каждый по 45 минут. Ночь в начале июня коротка.

Здравствуйте, меня зовут Б-г

Говорят (до меня доносится), что здесь (далее сплошные цитаты, которые мне лень брать в кавычки) было кругло, а стало плоско. Или даже так: вылеплено-то было правильно, кругло, но шар приелся, и теперь круглое всё чаще и шире называется квадратным, и это рождает катаклизмы: круглые, которые никуда не делись, не видя у «квадратных» Евиных отпрысков квадратных голов, играют с квадратными в «ну-ка, поплатись»: с помощью круглоголовых волкодавов сбивают их в стада и гонят на круглую каторгу, а квадратные упрямятся — и бросают под колёса круглых (заметьте: не под квадраты, а колёса. Понимаете? Приезжают на место будущего котлована на колёсах, и)... бросают квадратные адские машинки, называя свою игру «ну-ка, отступись» (передумай, примкни к нам, чтобы мы без помех начали с нуля и отправились влево, потому что вправо вон к чему привело: к скуке, ибо мы одни, и ничего другого при этом сиротстве не остается: только раз за разом переучреждаться с полупустого места и смотреть, как оно выйдет. Выйдет, конечно, по-нашему, но и это когда-нибудь приестся, потому что, да-да, мы — сирое квадратное ничто на голом бесконечном пространстве-времени без теней и оранжевых всплесков и выбросов, а это такая тоска). Говорят, что я должен вмешаться, ибо, простите, жопа. Говорят, что это не они, а я — я сам — жопу устроил, а они расхлёбывают (жопу?). Говорят, ну-ка, поправь. Говорят, меня нет. Говорят, я есть, но умыл руки, потому что квадратные распоясались. Говорят, что меня, как только я опять высунусь (на кресте, далее по тексту), надо прижать, чтобы сделал по их: сначала так, как требуют квадратные, потом потрафить круглым и, наконец, примкнуть к треугольным. Говорят, что...

Послушайте же. Вы все для меня на одно лицо, которое склонно к членовредительству и бараньим мыслям с подливом. Так уж вышло. На одно лицо, но — не отказываюсь — дети. Всё остальное, дети, кроме того что я приложил некие усилия, не зная, впрочем, что получится, просто надеясь (уже и не помню на что) и желая дерзнуть, — ваши... вина? удача? труд? безделье? ум? недалёкость?.. Не надо, не надо пугать меня алиментами. Круглое, квадратное... Я назвал всё это... не помню, как... я вообще не по словам, я по смыслу, а по словам — это вы пушкины и шекспиры, вам и резать друг дружку за буквы, которыми вы лааете. Не вмешивайте же меня, пока круглое ли, квадратное ли не распалось на пустоту. Пустоты я точно не хотел и пустоты не лепил. Вот с пустотой я готов сойтись и потягаться, но до неё не дойдёт. Вы, собаки, любите эклеры и вешать. А какие удавки в пустоте, какие эклеры...
Здравствуйте, меня зовут Б-г, и сегодня я расскажу вам о вас.

Unsere Jungs

НИЦШЕ. Я осмотрел сотни, я сбился с ног в этих вонючих бараках, я кофе хочу, я хочу шнапса, я хочу музицировать с дочкой в четыре руки и гладить её по головке, когда она наконец-то попадает в ноты, а экземпляров, которые вдохнут жизнь в наших мальчиков, — раз, два и обчёлся. Задохлики и волчата, зверьки и доходяги, сквозь которых видно здешнее ленивое солнце, ТБЦ и чесотка, цинга и пеллагра, дифтерит и дизентерия, и вши, вши, вши, бесконечные зверски голодные вши, которые на глазах, не стесняясь, прыгают в раскрытую вену, чтобы нахлебаться и переползти на мой мундир.

Где вы держите упитанных недоносков, с которыми развлекаетесь? А я уверен, что вы развлекаетесь — и безостановочно. Где? Ведите меня туда! Я тут, *до*, от рейхссоюза «Философы за гигиену», я тут, *ре*, со строгой инспекцией и важной миссией, мне, *ми*, поручено поднять на ноги наших обескровленных мальчиков, наконец, я, *фа*, заслуженный

седовласый ефрейтор, а вы, *соль*, утаиваете от меня самое вкусное: цветущее монголоидное отродье от трёх до пяти!..

Впрочем, давайте рассмотрим вот эту особь. Во всяком случае гнид я на ней не вижу (как такое возможно... неужели к некоторым и впрямь не пристаёт...). Или это он? Кто ты, милое недочеловеческое дитя? Откройте, пожалуйста, клетку. Что, у вас нет ключа?! Уже нашёлся? Извиняю.

Какое оно неожиданно тёплое и изящное... Вы не находите, господа? Никто не хочет потетёшкать? Зашвырнуть в небо? И напрасно. Вы что же, детей не любите? И принесите-ка мне стул, ноги уже отваливаются, с утра мотаюсь... Спасибо. Не бойся, деточка. Ничего плохого дядя не сделает, дядя только наглядится и нарадуется: раса из-под плинтуса... или нет, с ветки, обезьянья, а ребёночек — как с рейкс-картинки о шоколаде: не кусается, не вопит, ни пальцев по локоть во рту, ни требований мамы с её вкусным тёплым молоком, а в глазах такая, простите, мария кюри, что даже завидно. У вас всех вместе взятых, господа, ума во взгляде на порядок меньше, чем у этого крохотного сопливого унтерменша.

Ангелочек, какой же ты бутуз и птенчик! Совсем как моя сладкая девочка. Знал бы ты кофе — я бы тебе непременно дал глотнуть, ибо у меня есть, и есть со шнапсом, а ты, я вижу, клювиком делаешь, как воробышек, которого заперли на неделю, а пить не дали. Подайте, пожалуйста, мой термос. Хочу попробовать. Я тебе всего на мизинчик налью. На. Это, конечно, не грудь твоей уродливой мамки, но — нечто более совершенное. Пей, не бойся, не мышьяк. Вот, господа, видите: оно смеётся. Чтобы они смеялись и, как следствие, кровонаполнялись, давайте им кофе со шнапсом.

А теперь, дитя, стань на ножки... На ножках-то умеешь? Умеет, умеет на ножках, хорошо стоишь. Обезьянка, а головастая, умница, ножки знает. А теперь, дитя, склонись, как растение *полевой цветок*, так, будто ты под ветром. Нет, нет, не надо подпрыгивать, в моей чашке уже сухо. Что ты, право, как собачка... Ты же не собачка, ты, возможно, маленький павиан, что я и хочу проверить... Что это? Цы... цы...

ганочка?.. Господа, возможно, это какой-то примитивный танец. А вы утверждали, что они не танцуют. Вам должно быть стыдно, господа. Она сказала: «Цыганочка». Вот, она ещё и говорит.

И всё-таки, дитя, давай изобразим склонённый долу полевой цветок. Ножки врозь, ручки вниз, спинку к земле... Что? нет? не гнёшься? А горстку конфет подберёшь? Господа, дайте конфет. Да хоть сосалок, какая разница. Ну вот, господа, оно — полевой цветок, оно согнулось, оно умеет, всё оно умеет. Такая ли уж это низшая раса, господа? Может быть, господа, это худшие из нас, которых когда-то, тысячи лет назад, вывели в лес, чтобы... расстаться с ними навсегда, а они — взяли и выжили, и превратились вот в такое подобие человека. Подумайте над этим, господа, потому что, если мы ошибёмся, если наши мальчики не получат в кратчайшие сроки достаточно крови, и эти кровепоставки не будут регулярными, нас ждёт та же печальная участь. Тоже хотите плясать цы... цы... ганочку, учуяв божественный аромат кофе со шнапсом?

Наконец, господа, этот зверёк — мальчик или девочка? Что, никто не знает? Тогда я сам. Какого же ты пола, дитя... Приспусти и покажи. Я сказал: приспусти и покажи. Нет, не трогайте. Оно должно само. Приспусти и покажи. Я буду повторять это до тех пор, пока. Ну вот, разве это так трудно?.. А покраснела-то как, господа! как запунцовёла! и какой злой сразу стала! Господа, дайте ей кто-нибудь палец. Хоча знать, откусит или только укусит. Ну же, палец. Ты — дай зверьку женского пола указательный палец. Не ори. Не откусила. Значит, не всё ещё потеряно.

Номер покажи. Быстро закатала рукав, сволочь мелкая. Спасибо. И что это значит? У кого списки номеров? Кто она, откуда, возраст, перенесённые заболевания, прогноз на дальнейшее существование? Я жду... Кто-кто? Как? Ва... леч... ка? Ва-леч-ка... какая? Мартелова? Маркелова. Валечка Маркелова. Валентина. Национальность? Из этих. Ясно. Ну хоть не из тех... с теми бы я, поверьте, не чикался, в небо бы не бросал... Откуда поступила? Из... Нар... Наро... Фо-

минска? Я так и знал, из какого-то Наро-Фоминска. Где это? Не важно, без разницы. Пять лет? Ей пять лет?! Ну не знаю, я бы и трёх не дал...

Если не перекармливать и не особенно пригревать, то есть кормить и пригревать по нормам сложного военного времени, кашей там, ля, без минералов и, си, витаминов, какой-нибудь бурдой на здешней гнилой воде, в её нынешнем продуваемом вонючем бараке... — сколько она протянет, прежде чем отдаст нашим раненым мальчикам... я не знаю... центнер крови? всю кровь? Центнер — это нормально, доктор? Вы какой доктор? Зубной? Но про кровь-то слышали? Она... у меня кончились ноты, вашу мать... течёт в жилах наших мальчиков, и без неё нашим мальчикам очень несладко. Я спрашиваю: сколько? Гектолитр? Это сколько? Это сто литров. Я же твердил: центнер, центнер, а вы не слышали. Хватит увиливать, зубной доктор. Сколько она даст в ваших курортных условиях? Сто литров даст. Спасибо.

Что потом? А что потом? — накормите эту обескровленную тряпочку эклерами и удавите на ближайшем суку. Про эклеры, если не поняли, — шутка.

Нет, не надо ничего откладывать. Забор крови должен начаться сегодня же. Начните с половины литра. Сегодня же. С половины литра. Сегодня же. Или граммов с трёхсот. Да, со стакана.

Всё, пошёл искать новых. Я помогу вам, господа. Я вам так помогу...

А деточке — конфет, «Мишек на Севере»! Она видите какой прекрасный донор! У неё видите какая хорошая группа крови на правой синюшной ручонке! (Не забудьте вытатуировать, ленивые негодяи.)

Interview

Б-Г. Причём я не уверен, что он, этот ефрейтор-философ Ницше (вероятно, однофамилец; мне, впрочем, до лампочки, хотя на его мундир я бы взглянул), хуже тех, кого

распекает, сволочей, работающих в этом, гм, «курортном» заведении. Как же его... Куртенго́ф. Концентрационный, как они это застенчиво сформулировали, лагерь, место, в котором вдруг, вопреки своей воле, скапливаются люди, скапливаются и изживаются, изживаются и опять сосредотачиваются. А «наши мальчики», которые каждый мой день, чмокнув родную деточку, ибо на дворе прераннее утро и деточке сладко спится, несутся на аэродром, чтобы весело запрыгнуть в бомбардировщик и сбросить на чужих ещё спящих деточек БЕТАБ, ибо чужие спящие деточки спят в каком-то очень бетонном сооружении, или садануть ЗАБом, потому что чужие спящие деточки почивают в строении, которое надо выжечь дотла, — они, эти «наши мальчики», лучше Ницше? хуже Ницше? Может быть, не стоило делать его стрелочником и тащить на это интервью?

Я что предлагаю: вы там пошушукайтесь и сообщите мне, хотя мне это до лампочки, ведь я для вас стараюсь, то есть сообщите себе, кто хуже. Назначьте, что ли, самого смелого Читателя этой пьески крайним, чтобы он, помявшись, спрятав глаза, потея, семь раз переспросив: «Можно? Это не оскорбит ваш слух?», взговорил мне ваш, ваш, ваш вердикт. Жду.

(...)

ЧИТАТЕЛЬ (*опустив глаза, мнётся, потеет, переспрашивает, можно ли уже, не оскорбит ли это высокий, слишком высокий слух, а вдруг не понравится, и что тогда делать...*). Да все они одинаковые. Все невозможные звери и эти... говоря обобщённо и даже метафорически... фашисты. Не в том смысле «метафорически», что иносказательно: никаких иносказаний, нелюди они, это не обсуждается, а в том, что в других языках слово «фашист» может означать не совсем то, нечто похожее, но не совсем...

Б-Г. Да понял я.

ЧИТАТЕЛЬ (*краснея, бледнея, зеленея, пытается рухнуть на колени*). ...А нам, как вы сами говорите, до лампочки, у нас по-простому и в пах (или в торец), по-дворовому: фашисты; нечто самого высокого бесчеловечного разбора. Вер-

нее, самого низкого... Самого низкого же?.. Простите, ваше сверхвысоконадосемпревосходительство.

Б-Г. Угу. Без чинов, пожалуйста.

ЧИТАТЕЛЬ. Да пожалуйста. Сэр.

Б-Г. Итак, Ницше, поздравляю: вы — фашист. Не скажете, почему?

НИЦШЕ. Фашист?

Б-Г. Сверхсерийный душегуб. Людоед, гм, без страха и упрёка. Бешеная, ми, крыса. Так понятнее?

НИЦШЕ. Не совсем. Это кого же я превратил в котлету и уплёл? И: чем история-то кончилась? кто победил? неужели не наши, коли вы так меня обзываете?

Б-Г. Ладно, ладно, забудьте. Не с того и не так начали, вы правы. Сейчас я переспрошу... Или, может, вы, Читатель?

ЧИТАТЕЛЬ (*волнуясь*). Почему, сволочь? Почему ты такая сволочь?

НИЦШЕ. Потому. Потому что я выкарабкиваюсь, а вы те-о-ре-ти-зи-ру-е-те. Вы бренчите, брызгая чистенькой слюной. Особенно этот, жилец вершин из лучшей слоновой кости, такой весь белее мела и такой весь мохеровый, что хочется придушить в щекотливых объятых. Творец, фа. Спаситель, соль. Простите, сэр, но вы попросту разволнялись. И вообще, как говорится, докажите своё существование... Мало ли кто может светить мне в глаза... паяльной (паяльной-паяльной) лампой во время возмутительного вопроса... А мне разваниваться некогда: мне надо выкарабкиваться, потому что действительно попросили убить всех этих и тех тоже. На этих, впрочем, можно воду возить, поэтому к их убийству можно относиться *пренебрежительно*, а вот тех сказали под корень. Ну не нравятся они нашему верховоду. А нам они до лампочки, но нас ими уже накормили, и, кажется, и нам они уже не по нраву, но по нраву, чем-то противны, но чем — и не скажешь, можно, можно их хавать. И если я не стану убивать — то убьют меня. И я стану ими, этими повсеместно убиваемыми, а я не хочу, вот просто не хочу, очень не хочу, вообще не хочу, с какой вдруг стати мне хотеть? И пианино деточке надобно. А без меня

у неё не будет инструмента и учителя, а она такая нежданно способная (и откуда что берётся). Она, может, Рихтер, Святослава Теофиловна. Или она, может, какая-нибудь Сати, Эрика (он же не из тех? он же из чистой семьи?). А ещё нашим мальчикам очень нужна кровь, наши мальчики обескровлены тяжёлыми наступательными боями, а я же наш, и отечество в опасности, и никуда от этого не деться, как, скажите, мне стать ненашим? А эти деточки — лучший источник крови.

А ещё наши мальчики поголовно болеют тифом, и эти чужие никчёмные, но весьма кроветворные деточки — ходячее сырьё для сыворотки. Ну не у мамаш же наших мальчиков отнимать кровь, не так ли?

Б-Г. А участи Ирода, *ля*, философ, — а я знаю, о чём говорю, — вы не боитесь?

НИЦШЕ. Где я, а где Ирод, ваше благородие... Я же деталька, я же частность. А потом: или наверняка пронесёт, или наверняка Аргентина. (*Поём.*) Don't cry for me, Argentina / The truth is, I never left you!.. А сказка про Ирода — всего лишь случайность. И — сказка. Ирод тогó? — Не повезло. В страшных муках? — А бывают лёгкие смерти?

Какой я, *си*, философ, если выход один: не стать тем (или хотя бы этим), не сдохнуть... Философы — витают (вот как вы, ваше благородие), дышат чистым кофе. А я? А мы? А тут ещё те и эти. И наши, которым не по вкусу эти, но особенно те. Где тут лазейка, в которую можно юркнуть? Ты или наш и пьёшь вражескую кровь и отдаёшь свою, или не наш — и отдаёшь всю свою свеженькую кровь нашим мальчикам, не испив ни грамма вражеской, то есть не восполнив убывающую свою. Сам взрезаешь ручонку, сам наполняешь бидон и сам переливаешь его в открытые рты наших мальчиков. Философ, *до...*

Ну выдоили они этого умственно-отсталого зелёноспливого сколиозного дистрофика Ва-леч-ку из Наро-Фоминска, так что? Её всё равно прикончит ваш фюрер: мёртвый — а затопчет, потому что она, милая дурочка, в марте 53-го сорвётся с подружками на его похороны — и, волею

судеб, будет вынесена стадами на Трубную. «Труба, Труба! До страшного суда / ты будешь мёртвых созывать сюда, / тех девочек, прозрачных, как слюда, / задавленных безумьем белоглазым, / и тех владельцев почернелых морд, / доставленных из подворотен в морг / и снова воскрешённых трубным гласом...»¹

Что самое простое и очевидное? — Наименьшее сопротивление: камень, предназначенный для чьего-то виска, ваше благородие, в гору не катится, а под гору, да с другими такими же, — летит за милую душу. Убивай, ваше благородие, и не убит будешь.

Б-Г. А уволиться и помалкивать — это разве сложно? Стать никем: ни тем, ни этим...

НИЦШЕ. Это самое трудное. У меня дочка, дочка — это продолжение рода, инстинкт; кроме того, ваше благородие, дочке надобно пианино, а это уже не просто инстинкт, но любовь — любовь и, знаете ли, гордость, потому что я как дурак хочу, чтобы она была лучше меня, чтобы добилась... не знаю, впрочем, чего. Ну будет она бренчать «Хорста» так, словно не десятью пальцами, а всеми пятнадцатью... Так ножницами же отчищают и скажут, что эти — лишние. (Поёт.) Die Fahne hoch! Die Reihen fest geschlossen. / SA marschieret mit ruhig festem Schritt. / Kam'raden, die Rotfront und Reaktion erschossen, / Marschier'n im Geist in unser'n Reihen mit.

Ну и что, что кроведоение... оно, глядишь, забудется. И мы, глядишь, всех, всех, всех вас, падлы, прижмём, всех объём и всех ограбим, как мы это любим...

Б-Г. Повторяешься. Надоел. (В сторону.) Ну и при чём тут я? Почему вы все вечно ко мне пристаёте? Зачем взываете? Как и кому я могу помочь? Шарахнуть в вас царь-КАБом, чтобы всё прекратить и вы больше не ныли?

ЧИТАТЕЛЬ. Что и требовалось доказать. Вы — ни к чему. Резонёр. Творец, *ре*. Спаситель, *ми*.

Б-Г. А вы к чему. (В сторону.) А вы сейчас разведёте такой плаксивый суперзлодейский комикс...

¹ Стихотворение Германа Плисецкого (1931—1992) «Труба» (1965).

ЧИТАТЕЛЬ. Ваше благородие, разрешите? Мне всё-таки интересно... Ницше, или как вас там, у вас мама была?

НИЦШЕ. Отстаньте со своей чушью. Нет, я из пробырки.

ЧИТАТЕЛЬ. Она вас любила?

НИЦШЕ. Нет, она ела меня на завтрак. Ко времени созревания от меня остался один удар ногой пыром, который стал моей честью и совестью. Кроме того, я им ем и думаю единственную мысль: что бы такое съесть.

ЧИТАТЕЛЬ. Это и так видно, можете не объяснять. Ваше первое воспоминание?

НИЦШЕ. Как меня, найдя под забором, бьют ногами, а потом учат курить.

ЧИТАТЕЛЬ. Когда вы заговорили? Ваше первое слово?

НИЦШЕ. Я заговорил очень рано: в 3:15 утра 22-го июня. Я сказал: «Ура».

ЧИТАТЕЛЬ. У вас была бабушка?

НИЦШЕ. В 17-м её изнасиловали казаки.

ЧИТАТЕЛЬ. Что для вас деревья?

НИЦШЕ. Будущие кольца...

ЧИТАТЕЛЬ. Даже не дрова?

НИЦШЕ. ...для казаков, которых я когда-нибудь отыщу. У нас, чувырло ты мухосранское с лучиной, всегда было центральное отопление. А в 44-м они изнасилуют мою дочь.

ЧИТАТЕЛЬ. Достоинство, добро, зло, честность, порядочность, милосердие, стыд — всё это, очевидно, мимо... А вот об этом спрошу: стихи?

НИЦШЕ. Плохие искуриваю. А вы?

ЧИТАТЕЛЬ. А я ими подтираюсь.

НИЦШЕ. Другого не ожидал.

ЧИТАТЕЛЬ. То есть, простите, вы, начитавшись Рильке, лезете в штанишки к пятилетней Валечке из Наро-Фоминска, а потом, начитавшись Целана...

НИЦШЕ. Этого недоумка?

ЧИТАТЕЛЬ. ...забираете у 15-килограммовой Валечки поллитра крови.

НИЦШЕ. Всё не так!

ЧИТАТЕЛЬ (*обращаясь к Б-гу*). Ваше превосходительство, саданите по нам авиационной царь-бомбой.

Б-Г (*в сторону*). Ну вот. Опять пристают.

Наш мальчик

НАЛЁТЧИКОВ. Причина — не моего ума дело, но время чешет как ошпаренное: вылетел, вернулся, принял, проспался, сносил дочку на кладбище; вылетел, вернулся, принял, проспался, сносил дочку в цирк; вылетел, вернулся, принял, проспался, сносил дочку к реке, и уже опять вылетать. Кажется, оно несётся из-за вылетов, но кабы знать. Если тебя собьют, ты выпрыгнешь, тебя возьмут тёпленьким и станут выпрашивать, *зачем*, — это лишит время его прыти?..

На кладбище хоронили клоуна: все хохотали до упаду, а с дочкой истерика: «Зачем вы закопали клоуна? Пожалуйста, выкопайте. Хочу, чтобы он смешил, пока я не пойду». ДЦП, не ходит, а речь такая чистая, будто у меня во рту всегда жил Пушкин, которым я её заразил, а не вятский клёкот того, кто до пяти даже не говорил. А я из этого Пушкина ни строчки не знаю и даже помнить не хочу, кто это и на какой купюре его пропечатали. На косаре? В цирке плясуны на канате в форме наших истребителей и бомбардировщиков, бегая по высоченной проволоке, безвозмездно роняли вниз ромовые бомбы и эклерные ракеты. Дети, переев сладкого, икали — и рыдали, потому что за всеобщим иком не слышали шуток нового клоуна, а тот просто хохотал над икающими детьми, беззлобно, вообще-то, спрашивая: «Над кем смеётесь, сволочные пупсики?» В реке тонули льдины, а с ними рыбаки, и дочка строгим командным голосом приказала мне лезть в воду спасать гадов. Настолько строгим и настолько командным, что я струхнул — и полез. А то, что у меня разыграется ангина и некому будет бомбить Оронеж, она своей светлой макроцефальной головой не подумала. Обошлось: ангина не разыгралась. Рыбу отдали собаке. Собаку нашли у реки: ждала рыбака, который утонул неделю

назад. Собака расплакалась и увязалась за нами. Теперь крепко спит с дочкой, и я, уходя на рассвете бомбить Оронез, глажу обеих, а они улыбаются во сне. У меня наворачиваются слёзы, хочется плюнуть на работу и остаться с ними, но ведь потому и наворачиваются, что надо лететь бомбить Оронез, чтобы непременно вернуться и увидеть их снова, не так ли? Если бы я не летал бомбить Оронез, а уезжал на трамвае допрашивать с девяти до пяти изменников родины, прибывая их руки, которые привыкли алчно пересчитывать иноземные деньги, к столу, стене, полу, друг к дружке, и вернуться с работы к моей любимой девочке и её трогательной собаке было бы легко и просто, главное — не нажраться по дороге до поросячьего визга, разве б мои глаза были на мокром месте?..

Когда велено не оставить мокрого места от места в Оронезе, в котором днём содержится оронезское отродье, пока его родители пытаются сбить меня с небесной тверди, чтобы пленить и спросить: «Зачем?», я советуюсь с собственной совестью. «Совесть, — говорю я ей, — если вылет будет напрасным, потому что детский сад устоит, как я смогу жить с тобой дальше?» И она, подумав, отвечает: «А ты не допусти. А ты загрузи-ка свой ероплан по самую макушку не напалмом-шмапалмом, а БЕТАБаами, которые сметут и размажут, сметут и размажут самое бетонное-бетонное здание на века». И я слушаюсь свою совесть. И я беру на борт ероплана столько ЗАБов, в которых, должно быть, плещется напалм-шмапалм, что выгорают не только ненавистные нам поминки по какому-то ненавистному нам стрелку по моему бомбардировщику, которые прописаны в полётном задании, но и вообще всё село, со всеми его давно не ходячими старушками, потому что они когда-то родили папу-маму того, кто целится в мой ероплан, и всеми грудными младенцами, потому что они могут подрасти — и завалить мой бомбер.

Иногда дочка спрашивает меня: «Зачем?», и собака при этом подчёркнуто рычит. Мол, зачем всё это, если ты, папочка, ни разу не привёз мне оттуда зверька, девочку, с ко-

торой я могла бы играть, ибо у нас в мою дочь принято плевать, а играть с ней — не принято. «Наряжать девочку и ставить её, если провинится, в угол» — это всё, о чём мечтает дочка, а собака при этом хватается меня за галифе и тащит к соседям по аэродрому, у которых целых два зверька из Оронеза, которые за еду ходят на задних лапках, за поцелуй — поют детям красивые колыбельные, а за платице с бисером — переломают ноги неуголному детям обидчику. Но откуда, но как, ведь я только летаю над Оронезом, а в его небе ничего такого не водится. И поэтому, когда дочка вызывается приготовить мне ужин, я, поев, чувствую себя хуже некуда. «Зачем?» — спрашиваю я её. «А чтобы обо мне думал», — отвечает она и вызывающе облизывает мою тарелку, потому что на неё волчье лыко необъяснимым образом не действует. А меня потихоньку убивает. А на следующем вылете я всегда нахожу в комбезе её записку: «Или донесу. Донесу, папочка, что ты не стараешься бомбить Оронез. Не выкладываешься на все двести пятьдесят...»

Время спешит. Скоро моя дочка доживёт своё и загнётся: такие, как она, живут, словно дворовые собаки, меньше пятнадцати, и я должен расшибиться, продать, я не знаю, вылет и разбомбить не то, что надо, а то, за что кто-нибудь заплатит, — но добыть ей девочку из Оронеза, чтобы та... ну а чего?.. ушла с моей девочкой рядом, когда придёт её время. Любимая же подружка, и ей без моей девочки тут будет совсем худо.

Интервью

Б-Г. А там им вместе будет хорошо? Ах, да, рай, я запомнил. (В сторону.) Чёрт, я бы его удавил. Но при чём тут я? И: можно ли (нужно ли) «удавливать» весь зоопарк, весь дурдом... Разве дурдом, пусть даже половина в нём — симулянты, виноват в том, что он ненормален? Но: если дурдом постреливает... да нет, стреляя всюду, убивает направо, разве его не надо быстренько удавить? Чёрт, почему я за мир и добро? почему мне хочется его удавить?.. (Обращаясь к Читателю.) А вам чего хочется?

ЧИТАТЕЛЬ, кажется, не находит себе места: приложив палец к губам, он пишет что-то на бумажке и передаёт её Б-гу.

Б-Г. Хороший почерк. Спешили, не в себе, а почерк отменный. Увидите свою маму, поклонитесь ей от меня.

ЧИТАТЕЛЬ. При чём тут мама?

Б-Г. А то вы не знаете. Хороший почерк передаётся по материнской линии.

ЧИТАТЕЛЬ. От Евы?

Б-Г. Это шутка? Ева не умела... А, это шутка! Какой вы... Зачитываю: «Ваше превосходительство, можно, подойдя к вам, шепнуть вам кое-что на ухо?» Можно.

ЧИТАТЕЛЬ не без опаски приближается к Б-гу (да и кто бы не опасался: Б-г красуется в мундире и фуражке ефрейтор-философа Ницше, тогда как в первой сцене он был в мундире и фуражке ефрейтор-полковника Налётчикова. А мы гадали, что это за форма...), но останавливается неподалёку. «Да давайте уже», — говорит Б-г и манит его руками, а потом ласково обнимает. Читатель шепчет. Б-г то и дело весело восклицает: «Как же это щекотно!» Оказывается, Б-г не высок: чтобы приникнуть к уху Б-га (уху Б-га — как это хорошо!), Читатель вынужден наклониться (не так сильно, как *полевой цветок* на ветру, но всё же).

Б-Г. Итак, у нас перемена в ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ (но не исполнителях; исполнитель тот же: заслуженный артист взорванного театра Имярек. Ваши аплодисменты!): вместо Читателя в пьеску срочно вводится Аноним. Объяснять, почему? Неужели объяснять? Читатель, простите мне моё детское аргю, наложил в штаны.

АНОНИМ. Так уж наложил.

Б-Г. Наложил.

АНОНИМ. Хорошо, наложил.

Б-Г. Я не осуждаю. Пьеска играется не в «Глобусе», не в «Ковент-Гардене», а совсем наоборот: в топорном воздухе дурдома при большом стечении народа, да на главной пло-

щади какого-нибудь пгт (бывают в пгт главные площади?). И в этом неулыбчивом народе, который пришёл посмотреть на театр кабуки, шутка, на лубочный театр, потому что мы повсюду развесили плакаты: «ЛЕЩ С ЕРШОМ — ДАРОМ» и не подвели: наливали и наливаем (извините, что только одну кружку)... в этом оскалившемся от кружки ерша с лещом народе каждый третий стучит, а каждый второй мог бы, когда «совсем прижмёт». И лишь каждый первый сидит при этой мысли, но седина, господа, увы, не смертельна.

АНОНИМ (*скорее шепчет, чем говорит*). Да, я бы удавил тоже. Также хочется.

Из толпы, полуокружившей, гм, театральный помост на главной площади пгт, имя которого смутно помнится самим его жителям, а всем прочем незнакомо вовсе, на сцену прорывается некто с велосипедом в руках. Он кричит: «Позвольте. Я хочу, я должен. Мне есть что сказать. Из меня прёт. Эти петрушки если и ошибаются, то ошибаются преступно».

Б-Г. Может, велосипед оставите внизу? (*Человек с велосипедом мотает головой.*) Ладно. Кажется, у нас ещё одно **ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО**. Как вас называть, любезный? (*Человек с велосипедом: «Давайте без имён. Мне просто стало обидно.»*) Без имён... Но я буду называть вас Любезный. Вам слово, Любезный.

ЛЮБЕЗНЫЙ (*кричит, чтобы быть услышанным*). Я не Аноним, мне тихариться нечего. Я скажу громко и так: лётчик высшего класса ефрейтор-полковник Налётчиков, про которого каждый день пишут во всех газетах планеты, мой герой. Но ваш ли он герой? Я вас спрашиваю, мои дорогие жители моего родного пгт: он ваш герой? (*Пытается ударить велосипедом Анонима. Аноним отбегает и прячется за Б-га.*)

Толпа кричит: «Он наш герой».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Нет, вы кричите не стройно. Нет, я вас не слышу. Он ваш герой?

Толпа скандирует: «Он наш герой. Он наш герой. Он наш герой».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Кто ваш герой?

Толпа скандирует: «Налётчиков — наш герой. Налётчиков — наш герой. Налётчиков — наш герой».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Кто ваш герой? Кто наш мальчик?

Толпа кричит: «Он наш герой. Он наш мальчик».

НАЛЁТЧИКОВ. Спасибо, мой народ. Я тронут. И на этом душевном подъёме, который охватил меня до глубины моего нутра, клянусь вам завтра же разбомбить к ферам ихний драмтеатр, перед которым будет написано: «ДЕТИ». Клянусь. Клянусь. Клянусь. Они, *фа*, своими говёнными маленькими мальчиками и маленькими девочками прикрываются. Вот до чего дошли эти нелюди. Можно их бомбануть?

Толпа кричит: «Нужно».

НАЛЁТЧИКОВ. Вы даёте мне такое право?

Толпа кричит: «Даём. Бери, наш герой. Бери, наш мальчик».

НАЛЁТЧИКОВ. Вы простите мне, если я, отбомбившись, быстренько *там* сяду и с автоматическим оружием в руках добуду для моей милой несчастной дочурки, для моей кровинушки живую куклу из числа тамошних недодетей?

Толпа кричит: «Простим, наш герой. Действуй, наш мальчик». НАЛЁТЧИКОВ кланяется толпе, потом, не сходя со сцены, становится перед ней на колени.

ЛЮБЕЗНЫЙ. Кто ваш герой?

Скандируя: «Он наш герой», толпа указывает на Налётчикова. «Он наш герой. Он наш герой».

ЛЮБЕЗНЫЙ. А эти двое хотят его удавить! Они хотят удавить нашего героя!

Эти слова бьют по толпе наотмашь, разбивая носы, из которых начинает течь кровь. Эти слова разбивают витрину магазина музыкальных инструментов, и толпа, разобрав штурмовые барабаны и похоронные трубы геликоны, стучит и гудит так, что вкупе с этими словами поднимает мертвецки пьяных плотников, которые тут же приступают к установке на сцене трёх ИДЕАЛЬНЫХ ВИСЕЛИЦ. «Для кого третья?» — спрашивают в толпе.

ЛЮБЕЗНЫЙ (*кричит, попадая в паузы между барабанным треском и трубным гудом*). Третий всегда найдётся.

Толпа хохочет и начинает озирается в поисках третьего. Б-га и Анонима подводят к виселицам и набрасывают на них петли.

ЛЮБЕЗНЫЙ (*обращаясь к толпе*). Что мы делает с бешеными собаками?

Толпа скандирует: «Вешаем. Вешаем. Вешаем».

НАЛЁТЧИКОВ. Секундочку. Есть среди вас репин? Хочу, чтобы он нарисовал с натуры икону вот с этим (*указывает на Б-га*). Хочу взять эту икону в завтрашний полёт. Хочу, чтобы она спасла меня, когда я буду бомбить их трусливый вонючий драмтеатр, перед которым будет написано: «ДЕТИ».

Появившийся из толпы репин лезет на сцену и начинает писать Б-га, спросив у Любезного: «А ничего, что он в каком-то фашистском костюмчике?»

ЛЮБЕЗНЫЙ. Ничего. Только быстро, дружок. Мухой давай, ладно? Скоро обед. А потом (*кричит*) не забыли? Сегодня футбол. Все на футбол. Наши играют с ихними пленными. Кто победит?

Толпа ревет: «Наши».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Не слышу.

Толпа: «Наши. Наши. Наши».

ЛЮБЕЗНЫЙ (*обращаясь к толпе*). Может быть, пока репин рисует, дать им последнее слово?

Толпа кричит: «Попробуй. Только коротко. Скоро обед, а потом футбол».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Предпоследнее слово предоставляется Анониму.

АНОНИМ. Господа, вы — быдло.

ЛЮБЕЗНЫЙ. Это всё?

АНОНИМ. Всё. Хватит с вас.

ЛЮБЕЗНЫЙ. Репин за тобой не успевает.

Толпа хохочет.

ЛЮБЕЗНЫЙ. Последнее слово предоставляется Б-гу. (*Обращаясь к Б-гу*.) Дайте репину дописать вас живым. Заверните чего-нибудь этакое минуты на три. Репин, в три уложишься? (*Репин кивает*.)

Б-Г. С вашего позволения я почитаю стихи. Можно мне перед смертью почитать стихи?

Толпа хохочет: «Просим».

ЛЮБЕЗНЫЙ. Три минуты.

Б-Г. Три минуты.

«Дай бороду потрогать, мой Фидель!..»
Он, не очерчен кругом ли, квадратом,
стыл на углу, прихлёбывая эль,
скользя глазами, но краснелся братом
единственному отпрыску в семье,
кому-то мнился другом малолетства,
кому-то вылось: «Господи, в тряпье,
товарищ команданте, нате средства»,
он был любимой, выпавшей в окно,
когда она, хмельная, там курила,
и первым космонавтом, что чудно
с шнурками по земле шагал к могиле,
и девочкой, с которой станцевать
хотелось, да смущенье не велело,
а всякий сотый замирал: «Я в мать», —
и обнимал родную оробело,
и вёл домой, а те нашли отца,
что из дому ушёл, и всё, с концами,
он болью был, а всё-таки сердца
в груди трепались рваными толчками...
А после он пропал — не исцелив
ни одного, но и не покалечив,
да и к чему — нас или скосит тиф,
иль время (бу-га-га) очеловечит.
Народ бежал, но будто бы на взлёт,
на кладбище, но весело и гордо,
уж забывал и, зная наперёд,
что будет стыдно, брал себя за горло...
...А мне он показался старым мной
(не думаю, чтоб я шептал престрого:
«Терпи, раз ходишь только по прямой»).

Кого ж я видел... Неужели...

Тот б-г, что давеча на уличном углу
стоял, приписан к заднему числу:

у всякого, кто видел того б-га,
спохватываться есть о чём, тревога
о чём скребёт, но — опоздала, как
машина «Хлеб», полночный автозак,
сбирающий предутреннюю сволочь,
которой не спалось, но всё же обочь
которая просила устоять:
— «Хлеб» не пришёл, Ты поступил на ять,
остались на бобах, и — слава б-гу:
до завтра дней немало, понемногу
дотянем до бессонья, подождём,
авось опять раскиснет под дождём,
авось опять не прочитает карту
машинка «Хлеб», а там и март, а к марту,
к шестому марта, станет хорошо,
и сон придёт, а с ним и б-г ужо.
(...)

Вот как-то так. Все видевшие б-га
благодарили б-га за полого
идущие дела не вверх, так вниз,
через губу, но тратить лишний бис
на б-га на углу, когда всё в прошлом
и «Хлеба» нет пока? Оставим дошлым.

Б-г есть, и Он не фраер, Он, как мы,
Он — человек: когда не без урона,
не первородный с пазухой хурмы,
инжира, яблоч, чтобы их с перрона
проезжим раздавать: «Запас для вас,
таких плодов вы не едали, верно?» —
он за нож чаще держится, чем в фас
пред зеркалом стоит и суеверно
не смотрит в насекомые глаза
Он нахватался, подцепил, и это
не хорошо, не плохо, но сиза
вдруг некая, а к вечеру — и нету

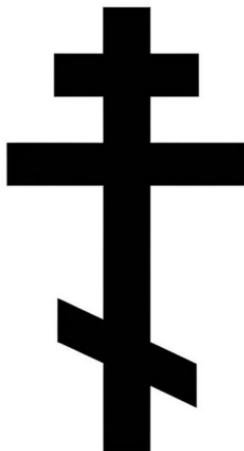
её уже, и почему ж? — лгала, —
а назовут случившееся комой;
а где-то кровенеет и брыла
кровавит лоб упавшего искомой
наружности: похожий имярёк —
с рожденья душегуб, и боль удара,
скрутившего уroda, в Нём навек,
но Он — терпила в роли санитара
и всякому воздаст, кто бла-бла-бла.
Он рвотный, скотный, мстительный и, право,
заслуживает нас, нас за дела
засуживая: по делам расправа.

Репин кивает головой Любезному: всё, готова икона. Налётчиков рассматривает икону и целует репина в губы. Анонима и Б-га вешают молча, но под долгие продолжительные аплодисменты толпы. Дамы, чтобы видеть всё, забираются на плечи кавалеров и, сняв лифчики, машут ими над головой.

Постепенно аплодисменты смолкают, и толпа расходится: одни идут обедать, другие — на футбол, третьи — громить английские газеты, которые плохо пишут о пилоте бомбардировщика Налётчикове, их герое и мальчике, не понимая, верно, что иметь бомбардировщик — великое счастье и великая свобода.

На опустевшей сцене кто-то не спеша, ни слова ни говоря, вешается, вешается сам.

Это обещанный третий.

Боль головы

Действующие лица

ЛЮДИ.
АВТОМАТОНЫ.
ЛЮДИ и АВТОМАТОНЫ.
АВТОМАТОНЫ и АВТОМАТОНЫ.

Люди

ПЕРВЫЙ. Что говорят?

ТРЕТИЙ. Молчат. Теперь никто не говорит. Боль головы. Плохо, что мы говорим головой. Болела б не голова — трепались бы как заведённые.

ПЕРВЫЙ. А может, это завод? Он не кончился?

ТРЕТИЙ. Если и кончился, то далеко не у всех.

ПЕРВЫЙ. То есть дело не в заводе?

ТРЕТИЙ. Не в нём.

ПЕРВЫЙ. А боль шеи, хотя она ближе всего к голове, помогла бы трепаться?

ТРЕТИЙ. Конечно. Ты же не шеей говоришь.

ПЕРВЫЙ. Даже если кончился завод?

ТРЕТИЙ. Если он кончился — боль в шее не поможет. Впрочем, я не уверен: я не помню, что бывает, когда кончается завод. Ты помнишь?

ПЕРВЫЙ. Я — нет.

ТРЕТИЙ. Вот и я смутно. Я даже не знаю, кончается ли у нас завод. Ты не знаешь?

ПЕРВЫЙ. Я — нет.

ТРЕТИЙ. По идее, кончается. Но когда?

ПЕРВЫЙ. Когда исчерпывается, тогда и кончается?

ТРЕТИЙ. По идее, так. Но что если он немаленький?

ПЕРВЫЙ. Какой примерно?

ТРЕТИЙ. На... примерно... 37 лет.

ПЕРВЫЙ. Почему на 37-м?

ТРЕТИЙ. Не знаю. Число на слуху.

ПЕРВЫЙ. А на моём слуху его нет.

ТРЕТИЙ. А, вспомнил: 37-летний завод был у некоего Пушкина.

ПЕРВЫЙ. Кто таков?

ТРЕТИЙ. Некий Пушкин.

ПЕРВЫЙ. И что?

ТРЕТИЙ. Его завод кончился, когда исчерпался: через 37 лет.

ПЕРВЫЙ. Это прилично?

ТРЕТИЙ. Это очень прилично: 37 лет. Представляешь?

ПЕРВЫЙ. Мыслимо ли представить такое?

ТРЕТИЙ. Моей мысли не хватает. Шестерёнки бегут, зубчик попадает во впадину между другими зубчиками, как-то выбирается из неё — и снова захватывается впадиной. И так 37 лет. Я даже вспомнить не могу, что у нас длится 37 лет... Зима? Нет, она короче. Снегопад? Не уверен, хотя, кажется, он был всегда. Он был всегда?

ПЕРВЫЙ. Определённо всегда.

ТРЕТИЙ. Тогда он не подходит. Надо что-то конечное. А в голове крутится только слово «зима».

ПЕРВЫЙ. Ты сказал «шестерёнки»?

ТРЕТИЙ. Ну а что?

ПЕРВЫЙ. Действительно. Что ещё-то... Не болты же... Не болты?

ТРЕТИЙ. Не болты.

ПЕРВЫЙ. Выходит что шестерёнки.

ТРЕТИЙ. Так выходит. Они самые простые.

ПЕРВЫЙ. И не ломают привычную картину мира.

ТРЕТИЙ. Именно.

ПЕРВЫЙ. И у всех такой долгий?

ТРЕТИЙ. Не знаю. Наверное, бывает по-разному.

ПЕРВЫЙ. Больше? меньше?

ТРЕТИЙ. Когда как.

ПЕРВЫЙ. Вот у тебя какой?

ТРЕТИЙ. Сначала скажи свой.

ПЕРВЫЙ. Допустим, больше 37-ми!

ТРЕТИЙ. Ну это вряд ли.

ПЕРВЫЙ. Тогда меньше.

ТРЕТИЙ. В меньше — верую.

ПЕРВЫЙ. А у тебя? Ты обещал.

ТРЕТИЙ. Да где-то также.

ПЕРВЫЙ. Тоже веруешь или знаешь?

ТРЕТИЙ. Чувствую.

ПЕРВЫЙ. А чем обусловлена?

ТРЕТИЙ. Что?

ПЕРВЫЙ. Продолжительность.

ТРЕТИЙ. Чего?

ПЕРВЫЙ. Завода.

ТРЕТИЙ. Уже забыл? Исчерпываемостью, склеротик.

ПЕРВЫЙ. Пропущу мимо ушей. А отчего у этого Пушкина кончился? Разболелась голова?

ТРЕТИЙ. Тогда головы не болели.

ПЕРВЫЙ. А что тогда болело? Шея?

ТРЕТИЙ. Ещё спроси: «когда?».

ПЕРВЫЙ. Спрашиваю.

ТРЕТИЙ. А-то ты не помнишь.

ПЕРВЫЙ. Это-то я помню. Я другое забыл: когда именно: до того как начали болеть головы или после?

ТРЕТИЙ. До того.

ПЕРВЫЙ. Спасибо, что напомнил.

ТРЕТИЙ. Не за что.

ПЕРВЫЙ. А этот твой Пушкин осознавал исчерпываемость завода?

ТРЕТИЙ. А ты осознаёшь?

ПЕРВЫЙ. Думаешь, он лучше меня?

ТРЕТИЙ. Ты-то осознаёшь?

ПЕРВЫЙ. Давай на примерах, чтобы было наглядно.

ТРЕТИЙ. Давай. Если после сегодня не наступит завтра, это что?

ПЕРВЫЙ. У кого не наступит?

ТРЕТИЙ. Ну не у меня же. У тебя.

ПЕРВЫЙ. Это чёрт-те что...

ТРЕТИЙ. ...и это оно и есть: осознание исчерпываемости завода.

ПЕРВЫЙ. Если не будет завтра — это осознание?

ТРЕТИЙ. Ага.

ПЕРВЫЙ. Кем?

ТРЕТИЙ. Тобою. Не мной же.

ПЕРВЫЙ. Мною?! Как я могу осознать отсутствие завтра, если оно случится завтра, а меня в нём, кажется, не будет? Ведь не будет?

ТРЕТИЙ. Не будет.

ПЕРВЫЙ. А кто заводит?

ТРЕТИЙ. Зачем тебе это?

ПЕРВЫЙ. Чтобы спросить у него.

ТРЕТИЙ. Предположим, что никто особенный не заводит, что мы заводим друг друга: я завожу тебя, ты — меня.

ПЕРВЫЙ. Это точно?

ТРЕТИЙ. Это «предположим».

ПЕРВЫЙ. Ладно, давай предположим.

ТРЕТИЙ. Тогда о тебе надо спросить, предположим, меня.

ПЕРВЫЙ. Предположим, я спрашиваю.

ТРЕТИЙ. Предположим, я отвечаю: у тебя, друг мой, кончается завод, и до завтра ты, вероятно, не дотянешь. Вот тебе и осознание исчерпываемости завода. Завтра настанет, а тебя в нём не будет, потому что ты — это не вот эта гуманоидная оболочка, а осознание завтра. Есть оно — есть и ты.

ПЕРВЫЙ. Кажется, я понял: чтобы посмотреть на тебя, впавшего в неосознанность завтра (о чём я давно мечтаю), я должен тебя недозавести.

ТРЕТИЙ. Примерно так.

ПЕРВЫЙ. И тебя это не трогает?

ТРЕТИЙ. Что именно?

ПЕРВЫЙ. Что я тебя недозаведу — может, по ошибке, может, по злему умыслу, — и ты не поймёшь, что наступило завтра, а завтра даже не всплакнёт по тебе.

ТРЕТИЙ. Не трогает. Я верую в неопределённость.

ПЕРВЫЙ. Это ещё что?

ТРЕТИЙ. Это отсутствие определённости.

ПЕРВЫЙ. Ясно.

ТРЕТИЙ. Но я хотел бы спросить тебя, если я и впрямь не увижу завтра: почему ты недозаведёшь меня? На самом деле, без всяких «может».

ПЕРВЫЙ. Как я и сказал: мечтаю посмотреть на тебя, впавшего в неосознанность завтра.

ТРЕТИЙ. Зачем тебе это?

ПЕРВЫЙ. Ты забыл?

ТРЕТИЙ. Я забыл?

ПЕРВЫЙ. Ты забыл.

ТРЕТИЙ. Что я мог забыть?

ПЕРВЫЙ. Что я не только разговариваю...

ТРЕТИЙ. ...когда есть завод, когда я завожу тебя, когда я не забываю завести тебя, когда я позволяю себе завести тебя, когда мне почему-то хочется завести тебя, когда ты даёшь мне завести тебя, когда ты, простив меня, даёшь мне завести тебя, а я прощаю тебя и завожу тебя, когда тебе не остаётся ничего другого, кроме как дать завести себя, когда ты уже лежишь и подыхаешь, потому что завод на исходе, а я не настолько зол на тебя, чтобы не увидеть, как ты подыхаешь, и не услышать, как твои губы выговаривают: «Ну пожалуйста, друг, ну прошу тебя, друг, ну мы же с тобой друзья, ну войди в моё положение, ну ты только подумай, друг: завтра это случится с тобой, и, если ты, сука, не заведёшь меня сейчас же, разве я заведу тебя завтра, когда это случится с тобой?..»

ПЕРВЫЙ. ...но и рисую.

ТРЕТИЙ. Маслом?

ПЕРВЫЙ. Бывает, что и маслом.

ТРЕТИЙ. На холсте?

ПЕРВЫЙ. Бывает, что и на холсте.

ТРЕТИЙ. А поясной портрет можешь?

ПЕРВЫЙ. Смотри чей.

ТРЕТИЙ. Мой, естественно.

ПЕРВЫЙ. С орденами?

ТРЕТИЙ. Ну не без них же.

ПЕРВЫЙ. Могу, если ты наконец-то впадёшь в неосознанность категории «завтра». Но это проблематично.

ТРЕТИЙ. Это почему же?

ПЕРВЫЙ. Ты впадёшь в неосознанность в положении «лёжа».

ТРЕТИЙ. Это отчего же?

ПЕРВЫЙ. Когда кончится завод, ты рухнешь как подкошенный.

ТРЕТИЙ. А, точно.

ПЕРВЫЙ. Ты рухнешь, и можешь удариться лицом.

ТРЕТИЙ. Ну так вытри кровь, посади меня, надев на меня ордена, — и рисуй.

ПЕРВЫЙ. А если синяки?

ТРЕТИЙ. Запудри.

ПЕРВЫЙ. А если будет проломлен висок?

ТРЕТИЙ. Рисуй в профиль.

ПЕРВЫЙ. Но тогда будет видна только часть орденов.

ТРЕТИЙ. Да и бог с ними.

ПЕРВЫЙ. А закрытые глаза?

ТРЕТИЙ. Ну так открой.

ПЕРВЫЙ. Непременно. Но куда я дену бессмысленность во взгляде и невыразимую тоску человека, который не увидит завтра?

ТРЕТИЙ. Что ж, рисуй с ними...

ПЕРВЫЙ. ...и поступай не по правде?

ТРЕТИЙ. Это да.

ПЕРВЫЙ. Ты же не такой. У тебя во взгляде всегда такая разумность. У тебя во взгляде всегда такая энтузиастическая уверенность в завтрашнем дне.

ТРЕТИЙ. Правда?

ПЕРВЫЙ. Не буду же я тебя обманывать.

ТРЕТИЙ. Есть зеркало?

ПЕРВЫЙ. Сейчас. На, убедись.

ТРЕТИЙ. Неплохо, неплохо... А теперь дай я на тебя посмотрю. У тебя похуже, похуже у тебя с этим...

ПЕРВЫЙ. Наконец-то мы с тобой поняли друг друга. Хотя у меня и не «похуже». Но я сделаю вид, что не расслышал всего сказанного...

ТРЕТИЙ. О, я знаю, как нам быть: нарисуй меня сейчас, если ты такой художник. Не весь поясной портрет, а только разум, завтра и энтузиазм во взгляде. Это-то ты умеешь, художник? А потом просто добавишь их — разум, завтра и энтузиазм — в портрет, который сядешь писать, когда я не увижу завтра.

ПЕРВЫЙ. Во-первых, завтра это когда ещё будет...

ТРЕТИЙ. Это будет завтра.

ПЕРВЫЙ. А что есть «завтра»?

ТРЕТИЙ. Да, что такое, по-твоему, «завтра»?

ПЕРВЫЙ. ...А во-вторых, завтра — это далёкое неведомое будущее.

ТРЕТИЙ. Если ты о том завтра, в котором у меня будут другие глаза, то есть это буду не совсем я, потому что я — это сегодня, а завтра — это уже не я и не сегодня...

ПЕРВЫЙ. А я об этом?

ТРЕТИЙ. ...то, пожалуйста, если тебе так хочется, недозаведи меня, чтобы нарисовать не совсем меня. Я разрешаю. Но прежде посади меня со всеми орденами, чтобы нарисовать как положено, таким, какой я есть. (Интересно, понравится ли мне этот, завтрашний, мой поясной портрет?)

ПЕРВЫЙ. (Другие же тебе нравились.)

ТРЕТИЙ. (Но на них я был сегодня...)

ПЕРВЫЙ. Словом, ты предлагаешь мне солгать?

ТРЕТИЙ. Невелика ложь.

ПЕРВЫЙ. Кому как.

ТРЕТИЙ. Не хочешь значит покойника рисовать?

ПЕРВЫЙ. Хочу, но без горящего взора. С потухшим хочу.

ТРЕТИЙ. А вдруг у меня... то есть уже не у меня... будет именно такой взор: горящий?

ПЕРВЫЙ. Вот мы и проверим, когда ты всё.

ТРЕТИЙ. Потому что ты меня недозаведёшь?

ПЕРВЫЙ. Всё может быть.

ТРЕТИЙ. То есть ты отказываешься рисовать покойника, даже если он твой лучший и, несомненно, единственный друг?

ПЕРВЫЙ. А чего это сразу «лучший и единственный»?

ТРЕТИЙ. А какой же?

ПЕРВЫЙ. А как же Второй? Мне кажется, он лучше тебя. И, раз вас двое, то ты не единственный.

ТРЕТИЙ. Какой ещё Второй?

ПЕРВЫЙ. Вот этот.

ТРЕТИЙ. А, этот. Я его первый раз вижу.

ПЕРВЫЙ. Вот как вы заговорили о лучших и единственных друзьях...

ТРЕТИЙ. А мы друзья? Лично вас я вижу во второй раз. И мы уже друзья?

ПЕРВЫЙ. А лично я вас — в первый... Это где же мы виделись в первый раз, если это уже второй раз?

ТРЕТИЙ. Давно хочу спросить вас о том же.

ПЕРВЫЙ. Спрашивайте.

ТРЕТИЙ. Что нас свело?

ПЕРВЫЙ. Как мы тут оказались?

ТРЕТИЙ. Где «тут»?

ПЕРВЫЙ. Ну вот в этом... в этом... не могу подобрать слово...

ТРЕТИЙ. А я тем более.

ПЕРВЫЙ. Перед витриной шмоточного магазина?

ВТОРОЙ. Солнце — всё.

ПЕРВЫЙ. Какое солнце?

ВТОРОЙ (*показывает на небо*). Вот это.

ТРЕТИЙ (*смотрит на небо*). И что с ним? Солнца, кстати, не вижу.

ВТОРОЙ. Разумеется. Сплошная серая тучность. Но оно — всё.

ПЕРВЫЙ. То есть оно...

ВТОРОЙ. Да.

ПЕРВЫЙ. А не рано?

ВТОРОЙ. Да, рановато.

ПЕРВЫЙ. Обещали миллиарды.

ТРЕТИЙ. Чего?

ПЕРВЫЙ. Лет.

ВТОРОЙ. А оно раз — и с копыт.

ТРЕТИЙ. Миллиарды лет? Не понимаю. Это много или мало?

ПЕРВЫЙ. Это нормально.

ТРЕТИЙ. Сегодня — понимаю. Завтра — с трудом. А миллиарды — никак. По-моему, такого не бывает.

ПЕРВЫЙ. Но оно же ещё не совсем всё? Хоть что-то под сплошной серой тучностью осталось?

ВТОРОЙ. Есть немного, но не надолго.

ПЕРВЫЙ. Сколько обещают?

ВТОРОЙ. Пару недель.

ТРЕТИЙ. Ну это по-божески. За две недели, если впрямь-ся, столько дел можно сделать.

ПЕРВЫЙ. А чего это оно? Что говорят-то?

ВТОРОЙ. Холодно молчат. Теперь никто не говорит. Всеобщая боль головы.

ПЕРВЫЙ. А почему мы говорим?

ТРЕТИЙ. А мы говорим?

ВТОРОЙ. Мы молчим, понимая друг друга с полуслова.

ПЕРВЫЙ. Без слов.

ВТОРОЙ. Пишут. Теперь все пишут. Все же грамотные.

ТРЕТИЙ. Мы сейчас пишем?

ВТОРОЙ. Пишем — следовательно, ещё существуем. Но скоро и это закончится.

ТРЕТИЙ. Но думать-то мы не прекратим? Как можно убить мысль? А главное — чем?

ВТОРОЙ. А мы думаем?

ТРЕТИЙ. Ты прав.

ПЕРВЫЙ. А о солнце что пишут?

ВТОРОЙ. Ему надоело.

ПЕРВЫЙ. А твоё мнение?

ВТОРОЙ. Надоело нам.

ТРЕТИЙ. Да, это бывает.

ВТОРОЙ. Ну не с нами же.

ТРЕТИЙ. А почему сразу «не с нами»? Чем мы лучше?

ПЕРВЫЙ. То-то у меня вся голова в боли.

ВТОРОЙ. И у меня боль в голове.

ТРЕТИЙ. И даже у меня.

ПЕРВЫЙ. А о боли головы что пишут? Неужели всеобщая опухоль? Или это обычное похмелье?

ТРЕТИЙ. Вот бы было похмелье.

ВТОРОЙ. Пишут о солнце.

ПЕРВЫЙ. Теперь мне всё ясно: солнце — всё, а значит получите всеобщую боль головы, ледяное молчание и, как следствие, каждый первый — толсточехов. Как же хорошо, что мы пишем руками, а не головой.

ТРЕТИЙ. Будет что почитать.

ПЕРВЫЙ. А автоматов тоже накрыло? У них солнце — всё? А как у них с головой? болит или уже прошла?

ТРЕТИЙ. Ненавижу автоматов. У них даже похмелья не бывает.

ВТОРОЙ. Пишут, что автоматы ещё говорят.

ТРЕТИЙ. Вот гады. Вот же устроились.

Автоматы

240222 (*закатывает рукав гимнастёрки на левом предплечье, шевелит губами*). Чёрт, почему я всегда его забываю... Номер 240222 прибыл на рассвете в ваше распоряжение, но не в распоряжение.

140524 (*здесь и далее говорит с самыми разнообразными акцентами*). На рассвете? Где ты видишь рассвет? Темень несусветная... А давай, что ли, целоваться. Надоело целыми днями не целоваться...

240222. Прямо тут, в витрине, на людях?

140524. ...и целыми днями не щупать друг друга. Устала я не целоваться и не щупать.

240222. На публике? в витрине?

140524. Осточертели их слюнявые губы на моих бёдрах и их сальные руки под кружевом моих панталон. Когда за-

крыто, разобьют витрину кирпичом — и слюнявят, и шарят. По одному и группами. Когда открыто, по одному и группами приходят примерять женское и зовут в примерочную: «Эй, ты! Быстро посмотри, как на мне сидит этот лифчик...» Ужасно сидит... А сами набрасываются и целуют, целуют, и шарят, шарят. А я хочу не похоти, а чувства, хочу твоих нецелованных губ и твоих трепетных рук, которые будут пугаться моих тайных уголков под кружевами моих панталон.

240222. Но ведь это их право.

140524. Лезть под кружево девушкиных панталон?

240222. Сейчас вспомню... «Иметь во все дыры, ибо высшая раса».

140524. И где здесь про руки под кружевами девушкиных панталон?

240222. Нигде.

140524. Тогда давай целоваться!

240222. Не имею права. Сейчас вспомню... «Вступать в интимные отношения с девушками моей расы без согласия енерала».

140524. Он не узнает.

240222. Я сам ему расскажу. Должен и обязан. И нам не поздоровится. Тебе особенно.

140524. Что будет мне — я знаю: нагрянет в магазин со взводом солдат и, примеряя женские панталоны, будет истекать слюной, глядя на ефрейторов, насилующих меня в примерочной напротив. Ничего, и не такое претерпевала. А что станется с тобой, хорошенький?

240222. Нагрянет на передовую со взводом машинисток и, щупая одних машинисток, будет истекать слюной, глядя из блиндажа на других машинисток, насилующих меня в окопе; далее с новыми машинистками... Да я лучше застрелюсь, чем нарушу.

140524. Ну пожалуйста, один поцелуйчик.

240222. Нет.

140524. Самый-самый невинный-невинный.

240222. Нет. Нет.

140524. А чего тогда припёрся на рассвете?

240222. С пакетом от енерала-с.

140524. Читай, мне некогда, говорят, скоро зима, поэтому у меня сегодня горнолыжный костюм, а лыж нет, даже беговых, только хоккейные клюшки. Не знаю, как вывернуться, чтобы никто ничего не заметил. Может быть, заголить грудь... Типа не успела одеться...

240222. Читаю: «Дождись меня, моя девочка, нетронутый. Жди меня, и я — что? Вернусь, дурочка».

140524. Хороший пакет. Поэтичный пакет. После такого пакета особенно хочется любви. Его, кстати, ещё не убили?

240222. Это невозможно. Мой енерал воюют браво, но удалённо-с, из блиндажа глубокого залегания... А на словах в телефоне мой енерал просили-с передать, что, вернувшись, подарят вам несколько магазинов, чтобы вы не застывали в одном.

140524. Как мило с его стороны. Слушай, хорошенький, если рассвет всё же наступит, за ним последует раннее утро, к нам повалит народ, скоро зима, завтра выпадет снег, у меня все косточки ноют и зуб не попадает на другой, всем нужны горнолыжные костюмы, так что давай по-бырому. А я напишу ему, что солдатик, которого он прислал, был настолько сволочным, что, когда я сняла кружевные панталоны, чтобы надеть горнолыжный костюм на голое тело, как это делают все мастера этого закатного зимнего спорта, закрыл глаза, отвернулся, заплакал и выбежал из магазина на мороз. А ты ему ничегошеньки не скажешь, потому что ничего и не будет: мы не станем в витрине, мы запрямся в туалете, в котором выключим свет, а твой доклад о проступке я сотру контузией. Нас так пытаются, когда мы воруем шпильки и переводные картинки с Винни-Пухом: гладят паровым утюгом по одетому телу, — и мы больше не воруем. Проверено, хорошенький: я тебя поглажу, и ты забоишься докладывать, потому что заботиться страшнее правды, потому что, хорошенький, в следующий раз, когда ты прискачешь с пакетом от моего енерала, я тебе не дам. Убедила? Пошли?

240222. Да поймите же вы: мне за каждый непоцелуй девушки енерала положена медаль. Мне же выгодно вас не

целовать. У меня сразу знаете сколько привилегий: один непоцелуй — и похоронят не в братской могиле, а в отдельном холмике, положив рядом всё, что мне дорого: увеличительное стекло, в которое я рассматривал насекомых по имени «пожарник», рассматривал, но никогда не жёг, стеклянные шарики, оловянного солдатика на фронтах Пунической войны, рентгеновский снимок моей головы, подтверждающий отсутствие опухоли, пустой пузырьёк из-под ваших духов и диплом с отличием ПТУ вестовых и ординарцев; два непоцелуя — и я погибну не как все, от сыпного тифа во фронтовой инфекционной больничке, а от пули снайпера в белых колготках; три непоцелуя — и снайпер отнесётся ко мне не как к пушному зверьку по имени «белка», а как к уважаемому врагу: попадёт не в глаз, но в сердце, а за четыре непоцелуя — попадёт не в левый желудочек сердца, но в правый; пять непоцелуев — и на мою отдельную могилку будет приходиться моя вдова: дама из высшей расы. Представляете: у меня и такая женщина.

140524. Ну чего тебе стоит...

240222. Да поймите же вы, он видит меня насквозь. Встанет как баран напротив и проникает: «А что это у тебя шницель ещё не переварился?» А когда я завожу его, он оказывает мне почести, о которых мы можем только мечтать: «А не хочешь ли ты почесать меня вот здесь?»

140524. Где это «здесь»?

240222. Там.

140524. А меня не просит, я о его *там* догадываться должна. А если не догадываюсь, бьёт, применяя оплеухи, пока я не догадаюсь, и груб, как проститутка. И когда я наконец догадываюсь, такой сразу, как невеста, нежный... Можно тебе признаться?

240222. Прошу вас.

140524. Он ведь стихи мне читает, и как. Делает со мной всё, что ему угодно, и читает. Память у него какая-то механическая... Столько строк знает. Я как-то посчитала: на одно соитие в среднем уходит двадцать восемь строк: «Ева — секс-работница, она / трогает. Потрогает чего-то, / и чего-то, чья-то неохота / быть-вдыхать, становится трудна /

и потеет в самый стылый час, / и глаза закатывает в банки,
/ и в пристенок хочет, и к орлянке / падка, и пусть даже
фтириаз, / но через дорогу никого, / получеловека-недо-
трогу, / не перевести, не взять дорогу, / на которой только
в Рождество / насмерть давят, может, жёлтый дом, / весь
пятиэтажный и вонючий, / под надзор — несносно, и под
случай / не влюбиться, чтобы чередом / было всё: зачать,
родить дитя / Каина, окончить вуз и ноги / лошадей, людей
лечить в тревоге — / а не безучастно, не шутя, — / невоз-
можно. Тронула — и всё: / умирает с песней про калину, / и
глиобластома вполовину, / кажется, ужалась. Ева — о / точ-
ке прикасания: “Се срам. / Это лучше, чем в собачьем танке
/ сжечься в бойне при орангутанге? / Лучше нашей лепры,
а, Адам?”» На этом он просит меня надеть свадебное пла-
тье, ему хочется, чтобы я была в свадебном платье, а не в
купальнике, после чего переходит к следующему соитию. А
за ним ещё одно без остановки. А потом: «Иди, иди, иди,
дура, в магазин за портвейном, коли не догадалась запа-
стись». А я догадалась, я запаслась, я бутылку ноль-во-
семь купила, но он её уже выдул. Без портвейна больше
трёх соитий не может. А с портвейном может весь отпуск
по ранению...

240222. По ранению?

140524. Разве не помнишь? Однажды его ранило шаль-
ной пулей в ягодицу... Мы прекрасно провели время.

240222. И как я могу предать его после такого?

140524. Говорят, прежде чем стать енералом, он работал
в такси: резал случайных ночных блондинок до двадца-
ти пяти, которые не давали. Ну чего тебе стоит? А если не
дашь, я ему такое о тебе напишу.

240222. Дам.

140524. Здесь или в туалете?

240222. В туалете.

140524. Без света?

240222. Если можно.

140524. А я со светом люблю.

240222. Вы обещали.

140524. Заткнись. На, выпей прежде портвейна, не могу уже, когда мужик без портвейна... Хочу целовать тебя в енеральской форме! Но мы таким дерьмом не торгуем.

24022. А я вас, простите, голую.

(...)

Если это раннее утро, то сушая ночь. Если это лето, то со вдруг зимними холодами. Витрина. Накрытый стол. 1400524-я и 240222-й, гм, пируют. 140524-я в горнолыжном костюме, который не успела надеть; не успела, но уже, вероятно, накаталась настолько, что села отмечать с кавалером первый день катаний. На плечи 240222-го накинута тёмно-вишнёвая шаль, а его ноги укрыты пледом, а сапоги он снял на входе в туалет, где и оставил. Не вестовой в форме, но усталый, но довольный катанием горный лыжник.

140524 (*поёт*). Я стыдливо лицо закрывала, а он нежно меня целовал... (*Говорит.*) А тебе к лицу эта тёмно-вишнёвая шаль из отдела вязаных вещей. Подарить?

240222. Подарите.

140524. Она твоя.

240222. Целуя вас, я вспомнил нечто, о чём за всеми этими вашими ухаживаниями забыл вам сказать.

140524. Какая я «ах»?

240222. Они перестали говорить.

140524. Эти?

240222. Они. Они подходят к тебе, чтобы, допустим, ударить в ухо и выкрикнуть в побитое ухо, какая я несусветная, недостойная быть рядом с ними тварь, но только бьют в ухо — и неудовлетворённо немотствуют. И снова бьют в ухо, чтобы поднять себе настроение. А потом и в ухо забывают бить. Подбегают с неясной уже мыслью и стоят, искалочно заглядывая в глаза, будто ждут, что я подскажу им, зачем они подбежали, они ударят, а я произнесу их реплику про недостойную тварь.

140524. Произнесёшь себе в ухо?

240222. То-то и оно.

140524. Что-то мне взгрустнулось. Все или некоторые?

240222. Очень многие. Все, кого встретил по дороге, доставляя вам этот пакет.

140524. А мой енерал?

240222. Мне кажется, с него-то всё и началось. Но я могу ошибаться — мой мир енералоцентричен. По-моему, он первым попытался приказывать мне силой мысли: мол, давай-ка, я тебе вломил, а ты теперь прикрикни то, что я не могу выговорить, потому что перестал говорить; мол, это приказ, давай-давай, что я тебе сказал... А мысли-то и нет, бульканье какое-то вместо вот этого «я тебе вломил, а ты теперь...» Знаете, как булькает чайник, прежде чем засвистеть? Один в один. Поэтому я себе в ухо не бил, потому что команда была очень нечёткой. Зато мы вместе свистели, когда он переставал булькать. А потом вместе же хохотали. Самое неприятное: прежде я не видел его смеющимся. Простите, что не доложил об этом до поцелуев.

140524. Но воевать-то они не перестали? Девочек наших всё ещё насилуют, догнав на дороге и свалив в кусты ударом рукоятки «макарова»?

240222. Слава богу, это у них ещё получается, только никаких кустов в бункере нет.

140524. И что это, по-твоему?

240222. По-моему, это заразно.

140524. Свинка?

240222. Вряд ли. Морды у них пухлые, но не настолько же. По их губам я прочёл, что у них «боль головы». Может, это менингит? И менингит этот злобен: он скосит енералов, и на их место придут ефрейторы, такие же немые, как мой енерал, но только ефрейторы. И как нам служить им? Проще встать под пулю снайпера в белых колготках. *(Пытается заплакать.)*

140524. Ага. Только ты, хорошенький, улыбайся. На нас же смотрят. Шире улыбочку, солдатик. Помни: ты лыжник... И что такое сегодня с солнцем?..

240222. Есть улыбаться. Хотя и не очень получается. Я ведь главного вам не сказал: в последний раз енерал целовал меня в губы уже немым.

140524. А я только что целовала тебя... Улыбайся, дурак! Я тоже должна улыбаться. Я хочу улыбаться. И я буду улыбаться, помахивая им ручкой. Как думаешь, нас это затронет?

140524-я и 240222-й поднимают тосты. Она восславляет царствие менингита, а он, до ушей улыбаясь, кричит собравшимся у витрины зрителям: «И девы-розы пьем дышанье, — быть может... полное... чего?»

Люди и Автоматоны

ТРЕТИЙ, ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ, дрожа от холода и темноты, стоят перед витриной, в которой красиво сидят 140524-я и 240222-й.

ТРЕТИЙ. «Менингита»? Ненавижу автоматонов. Неужели «менингита»? Пьют красиво, а голова назавтра как ношенька. Мне кажется, они щебечут о какой-то менингита.

ПЕРВЫЙ. Что это? При ней есть боль головы?

ВТОРОЙ. Ага, они ещё говорят...

ТРЕТИЙ. Ненавижу — они ещё и говорят.

ПЕРВЫЙ. Мне кажется, у меня усилилась боль головы.

ВТОРОЙ. Мне кажется, или солнце за густыми чёрными тучами ещё больше уменьшило свою звёздную величину?

ТРЕТИЙ. Говори яснее: что такое «звёздная величина»?

ПЕРВЫЙ. Что такое «менингита»?

ВТОРОЙ. А что у нас с заводом? Когда нас заводили в последний раз? У меня уже подкашиваются ножки.

ТРЕТИЙ. Кто заводил нас в последний раз?

ПЕРВЫЙ. Я не помню.

ВТОРОЙ. Срочно узнай у Янепомню, когда он заводил нас в последний раз.

ТРЕТИЙ. И пусть он заведёт нас опять.

ПЕРВЫЙ. Янепомню, пожалуйста, откликнись и приди.

ВТОРОЙ. Попроси его не задерживаться. У меня уже откашивает рот.

ТРЕТИЙ. Зачем тебе рот, если ты не говоришь?

ПЕРВЫЙ. А вдруг ему захочется попросить чаю?

ВТОРОЙ. Или прокатиться в носилках вдоль по Питерской? А рот — всё. Кто тогда прикрикнет: «Эй, ты, сволочь, давай неси. Чё вылупился, неси давай. Я, кажется, сказал “неси”. Ты уже слов наших не понимаешь?»?

140524. Почему эти клоуны молчат? Не забывай улыбаться. Им нравится, когда мы улыбаемся.

240222. Сколько они уже тут?

140524. Да всё утро. Если только это и впрямь утро...

240222. И ни матерного словечка.

140524. Вообще ни словечка.

240222. Ой, один из них упал. Надо помочь.

140524. Должны помочь. Это же наши благодетели. Обмотай лицо мокрым полотенцем, чтобы зараза, чтобы этот менингит, не попала в нас...

240222. Да я с самим енералом целовался, когда он уже говорить перестал и стал припадать на обе ножки. Ничего мне не сделается.

1400524. А чего это ты с ним целовался?

240222. А он захотел. А, вспомнил: он так привет вам передавал. Точно, я ещё больше вспомнил: когда он ещё говорил, то строго наказывал: «Поцелуй её крепким глубоко проникающим поцелуем. Так, как я целую тебя сейчас. И без её ответного поцелуя не возвращайся». Только, прежде, он совал в рот язык. А язык у него длинный...

1400524. ...и шершавый, как наждачка. Знаю. Не объясняй. Этот язык вечно царапает мне гланды.

240222. И шершавый. И гланды. Всё верно. Мадам, вас не обманешь даже небольшим лирическим преувеличением. Можно уже передать от него привет?

140524. Валяй. Обожаю его приветы.

Возбуждённо целуются. Кажется, это происходит целую вечность.

240222. Ой, пока мы целовались, эти упали. Лежат, но плятятся. Забавные.

140524. Белый, Рыжий и Ковёрный. Знаю их. Целыми днями на меня смотрят. Мои поклоннички. А один даже рисовал меня. Потом принёс картину и показал её через стекло. Ничего так. Такое вполне себе пикассо. Я была тогда в розовом, а он нарисовал в голубом. Кажется, сдачи они сегодня не дадут. Они сегодня без грима. Пошли разрисуем им лица.

240222. А в женское их одеть можно?

140524. В трусы?!

240222. Ура, в трусы!

140524. И в парики.

240222. Ура, и в парики!

140524. И пусть уж тогда выпьют.

Берут вино, краски, кисти, парики, женское нижнее бельё и выходят на улицу.

140524. Как холодно и темно. Здравствуйте, клоуны. Чё лежим? Притомились? Из горла будете?

240222. Я же говорил: они перестали говорить, но не приказывать нам. Посмотри на этого: кажется, он пытается командовать нами. Чувак, твои мысли пусты, пусты твои мысли. Пробуй лучше. (*Пинает его ногой.*) Всегда хотел вломить по рёбрам. Они мне по почкам, а я им — по рёбрам... Я же говорил: они, как чайники перед закипанием. Сейчас засвистят.

140524. Зачем ты его ударил? Это же Рыжий. Он ещё рисовал меня. Они старые, безобидные и мои поклоннички. Никогда не бей поклонничков.

240222. Простите, мадам. Извини, чувак. Хочешь меня пнуть в ответ? Хочет, но нога не слушается. Я тебя понимаю, чувак. О, как я тебе сочувствую, чувак.

140524 (*поит Третьего, Первого и Второго из бутылки*). Вкусно? Сейчас, миленькие. Сейчас к вам вернутся силы...

ТРЕТИЙ (*зубы не слушаются, речь отрывиста, как лай, но понять можно*). Зачем ты ударил ПЕРВОГО? Я тебя сгною.

240222. Затем. Я же извинился.

140524. Что с вами случилось? Почему вы упали?

ТРЕТИЙ. Боль головы. Несите меня на носилках, я обле-
нился и хочу проследовать домой на носилках.

140524. Ага.

240222. А этих?

ТРЕТИЙ. Я их не знаю. Кто эти люди? Спросите у них
сами.

240222. Они молчат.

ТРЕТИЙ. Я их не знаю.

140524. Опахало хотите?

ТРЕТИЙ. Чего?

140524. Мух от вас отгонять во время переноски?

ТРЕТИЙ. Каких мух?

140524. Цеце.

ТРЕТИЙ. Чего?

140524. В брачный период смертельны для человека.

ТРЕТИЙ. Отгонять.

140524. Как голова?

ТРЕТИЙ. Болит.

140524. Тряску перенесёте?

ТРЕТИЙ. Чего?

140524. Нести бережно или быстро?

ТРЕТИЙ. Ненавижу вас.

140524. Значит, бережно. Поднимайтесь. Постоите вме-
сто меня в витрине.

ТРЕТИЙ. Чего?

140524. Алё, вообще-то я на работе. Я бы отнесла, гово-
рю, но мне надо стоять в витрине. В горнолыжном, между
прочим, костюме. Не хотите примерить и купить?

ТРЕТИЙ. Бульк, бульк, бульк.

240222. Я же говорил, они только булькают.

140524-я собирается дать ТРЕТЬЕМУ вина.

240222. Стойте, не надо. Хотите, чтобы он болтал? Хоти-
те нести этого кабана? (*Обращаясь к Третьему.*) Кабан, нам
же тебя не поднять.

140524. Должна. Обязана. Но не хочу. Не очень хочу. Со всем не хочу. Что со мной, хорошенький?

240222. А я знаю? Я тоже должен и обязан хотеть, но хочу я другого: пнуть этого. Хочу и сейчас пну. *(Пинает Третьего.)*

140524. Мне почему-то не хочется тебя осуждать. Что со мной такое... Я им всё-таки налью, ладно? Ты меня тоже не осуждай. Если они заговорят, то, может, в последний раз.

140524-я обходит Третьего, Второго и Первого, давая им вина. Третий, Второй и Первый несколько оживают: шевелятся, пробуют говорить, издавая нелепые звуки. «Ещё вина?» — спрашивает у них 140524-я. Все трое, как могут, кивают. Третий снова заговаривает первым.

ТРЕТИЙ *(косноязычно, путаясь в словах, в ударениях, языках... но вы поймёте его)*. Спасибо. Дайте, пожалуйста, ещё. Если кончилось, у меня в кармане есть деньги. Возьмите их, пожалуйста, взяв себе на чай, и купите, пожалуйста, ещё вина, много вина, вино мне, кажется, помогает. И аспирину, пожалуйста. Пару упаковок. Я приму сразу пару упаковок. У меня такая боль головы. И на этих... это мои старинные друзья, друзья детства, юности, взрослости и старости... и на этих тоже купите вина и аспирин. Пожалуйста. Пожалуйста. Я вас очень прошу. Вы такие добрые. Девушка похожа на мою младшую дочь, она такая умница, я вижу, что вы тоже такая умница. А мальчик похож на моего среднего внебрачного сына, он такой добрый, и мальчик тоже такой добрый. Заранее вас благодарю. Всё вышесказанное произнесено мною зимой в недобром здравии, но очень светлом уме. *(Замолкает. Кажется, навсегда.)*

140524. Хороший мой! Я всё сейчас сделаю! Спасибо, что доверяете! Спасибо за незаслуженный комплимент! Я буду очень стараться, чтобы вы не разочаровались во мне! Солдатик, бери деньги и дуй за водкой и колёсами. Живо. *(240222-й убегает.)* *(Обращаясь к Первому и Второму.)* А у вас, хорошенькие мои, есть последняя воля? хотите что-то сказать, попросить?

ПЕРВЫЙ. O, I die, Horatio! / The potent poison quite o'ercrows my spirit. / I cannot live to hear the news from England. / But I do prophesy th' election lights / On Fortinbras; he has my dying voice. / So tell him, with th' occurments, more and less, / Which have solicited—the rest is silence. Дай руку мне свою, я напишу / на ней два телефона. Это — первый. / Офелии моей. Ей позвони, / скажи всего четыре этих слова: / «Чем сорок тысяч братьев». Нет, прибавь / ещё одно простое слово, слово «больше». / В начале фразы иль в её конце. / Она мертва, но кто-нибудь ответит. / А это Фортинбраса номерок, / который непременно пропоёт: / «Привет, привет, собака, что такое?» / Скажи ему, что Гамлет попросил / набрать и передать вот эту глупость: / «Прости меня, а я тебя прощаю». / Заранее спасибо за звонки. *(Замолкает. Кажется, навсегда.)*

ВТОРОЙ. Вы не знаете, как нас заводить?

140524. Извини, хорошенький *(плачет)*, я не знаю. Я правда не знаю.

ВТОРОЙ. Не плачьте... Ничего страшного... Подумаешь, не знаете... Я вот ничего не знаю, а даже не всплакну — не умею... Тогда вот что. У меня на груди висит ключ. Я ношу его с детства. Это подарок мамы. Мамы давно нет, а ключ её со мной. Может быть, он для моего завода? Вы не могли бы поискать во мне подходящее для этого ключа отверстие?.. *(Замолкает. Кажется, навсегда.)*

Возвращается 240222-й.

140524. Все они — всё. Какие были люди... Как мне их жалко...

240222. Чёрт. Не успел. Мадам, простите. И вы, мужики. Что делать с водкой?

140524. Сдаётся мне, что будем её пить.

240222. Для профилактики?

140524. Какое там... С тоски. Когда тебя лобзал мой енерал?

240222. Он потерял остатки речи... дайте вспомнить... наверно, с месяц как. Тогда и целовал... Он целовал меня

без остановки. Увидит — и целует, как дурак. Всё в губы, а потом не только в губы. Но в губы целовал уже при всех. Когда все онемели и ни слова для сплетен подобрать бы не могли.

140524. Выходит, что зараза онеменья и боли головы нас не берёт...

240222. Выходит так, мадам. Что это значит?

140524. Ты спрашиваешь, мальчик, что се значит? Не люди мы, хорошенький, увь. Не путай с нелюдью, которая навеки сегодня замолчала. Не она с тобою мы. Мы, кажется, иное.

240222. Что же мы?

140524. Откуда знать мне... Кто же мы, солдатик?

240222. А мне откуда знать? А это важно? Мы живы, это главное, мадам.

140524. Кончай мадамкать. И давай уже «на ты». И давай, что ли, целоваться.

240022. А чего, я не против. Давай, давай, подруга, целоваться.

140524. И хватит уже белым стихом. Ты по-простому, что ли, разучился?

240222. Есть по-простому, подруга. Ну, где твой рот?

140524. Вот мой рот, хорошенький такой.

240222. Ой, погоди. Забыл сказать. Эти, которые не мы, все вповалку и не дышат.

140524. Господи.

240222. Угу. Зато, мать, все витрины теперь твои. А мне — об этом я тоже забыл тебе сказать — не надо возвращаться. Меня же, подруга, выставили из бункера. «Нахлебников, — написал енерал, — полк, а жратвы — крохи, а ты не девка, чтобы тебя оставить». Вот. Его рука?

140524. Скорее его нога. Тебе дали под зад. Больно? Дружочек, вот мой рот.

240222. Вот мои губы, дева из витрины.

140524. Какие были люди перед смертью...

240222. Ой, смотри: снег.

140524. И совсем не белый.

240222. Совсем чёрный.

140524. Пошли пробовать. Первый же. Я всегда пробую первый.

240222. Холод — собачий.

140524. Снег — отвратный.

Автоматоны и Автоматоны

489870-й, 489871-й и 489872-й, дрожа от холода и темноты, стоят перед витриной магазина, в которой на двух стоящих вместе раскладушках лежат 140524-я и 240222-й.

140524 (*не открывая глаз*). Рассвело?

240222. Нет. Теперь не рассветает.

140524. Почему?

240222. А зачем?

140524. Привыкла я чего-то к рассветам... Боли головы нет?

240222. Нет. С чего бы ей быть? Забот и так хватает. А если ты о похмелье, то его не бывает. Сказки.

140524. И у меня нет... И у меня не бывает... Мы ещё говорим?

240222. Треплемся как заведённые.

140524. Есть хочу.

240222. Вода ещё есть. Я вскипячу. Горячую есть вкуснее. А когда закончится — будем пить снег. Говорят, это даже полезно.

140524. Всё ещё чёрный?

240222. Угу и сыплет.

140524. На вкус — как сажа, хотя я никогда её не пробовала. Нам в ПТУ её не давали, а давали многое. Каши, которыми нас кормили, отличались всем спектром вкусов и запахов. Готовили к профессиональной жизни.

240222. А где ты училась?

140524. ПТУ манекенок и проституток.

240222. Боже мой, вот откуда я тебя знаю. Моё ПТУ было рядом: вестовых и ординарцев. Когда у вас кончались учеб-

ные экспонаты, ваши договаривались с нашими, и нас отправляли к вам. Однажды я целый день пролежал в одном пеньюаре в позе Данаи: правая ручка приветствует несказанный золотой свет, Зевс вот-вот материализуется, и мы зачнём Персея. А вы сидели за партами и писали сочинение «Здоровая женщина, замлевшая от восторга, или Я б зарезал её, потому что распутница». Я был в нём с семи лет, потому что хорошенький, послушный и исполнительный.

140524. А меня отдали в шесть, потому что я умненькая и бойкая.

240222. Вот почему я полюбил тебя больше, гм, самой жизни.

140524. Господи, мы же на зарыли моих поклонничков...

240222. Поздно, засыпаны.

140524. Тогда надо поставить крестики. Белый. Рыжий. Ковёрный.

240222. Ты их правда знала?

140524. Да откуда... Однажды наше ПТУ водили в цирк, в котором не было ничего, кроме клоунов: Белого, Рыжего и Ковёрного. Мне кажется, это были они. Я подумала об этом, когда они стали возникать перед витриной. Они были хорошие: они не мерили женское, они не лезли со слюнявыми поцелуями и не лезли под кружево панталон дрожащими грязными руками. Они, кажется, вообще ни разу не зашли в магазин. Я требую, чтобы мы поставили на их холмики крестики... Что ещё нового?

240222. Перед нашей витриной стоят трое. Один весь в орденах.

140524. Чего?! Они живы?! (Открывает глаза.) Чёрт, другие. И из наших. Кто такие? чего хотят? Скажи им, что нас уже ограбили, а из еды есть только вода в чайнике. Впрочем, могу отдать им всё нижнее женское бельё. Оставляю себе, чтобы не застирываться, и пусть забирают.

240222 (кричит через стекло). Чего вам? Труссы нужны? Женские. Только стекло не бейте, на улице теперь холодно.

489870. Знаем, что холодно.

489871. Мы сами не местные.

489872. Пустите погреться.

140524. На санках кататься умеете? (*Обращается к 240222-му*). Дай им санки.

489870. Наверное.

489871. Можем попробовать.

489872. Втроём на одних?

140524. На одних. Лыж нет, извините. Хочу посмотреть на катания по первому снегу. Всегда катаюсь по первому снегу, а сегодня не хочу: чёрный и невкусный. А вот на других посмотрю.

489870. С холмиков?

140524. Только не с этих: под ними Белый, Рыжий и Ковёрный. Двое садятся, третий везёт. Потом садятся двое новых, и везёт новый третий. И так далее.

489870. Будет исполнено. (*Катаются на санках.*)

140524. Всё, всё, свободны. Сомнительные какие-то нынче катания. А в чёрный снег лицом упасть можете?

489870. Можем. (*Все трое падают лицами в снег.*)

140524. Вижу, что можете. Сомнительные какие-то нынче падения. А чего хотели-то?

489870. Хотели отрезать ногу.

140524. Нам, что ли? Не дадимся. Солдатик, покажи им свой автомат.

489870. Боже упаси. Мне.

140524. Что-то с ножкой или проголодались?

489870. Что-то с ножкой: припахивает, потому что, наверное, отпадает.

240222. Какая ножка-то?

489870. Правая.

240222. Ну, это терпимо. Ибо ступаем мы с левой.

489870. Это да. (*Плачет.*)

140524. Перестаньте и продолжайте, интересно же. И почему же она отпадает?

489870. Когда нажали на кнопку, я был вне блиндажа глубокого залегания (в просторечии — «бункера»). Меня послали осматривать всё воочию и делать заметки. Это продолжалось несколько дней, потому что территория ос-

мотра огромная: несколько, разумеется, Франций. И в один из дней я наступил на ржавый гвоздь. Когда я вернулся, всё было прекрасно: они наградили меня новым званием, дали мне новый орден и сказали (тогда они ещё говорили с нами, с собой и друг с другом): «Какой же ты молодец, живи пока с нами». И если бы не нога, которая разболелась и стала припахивать, они ни за что не отправили бы меня наружу, чтобы я нашёл врача, который ампутирует мне ногу. Но нога припахивала, а вентиляция в бункере не очень, а болгаркой я не захотел. И нас с сопровождающим письменно попросили наружу.

489871. Меня препроводили наружу, попросив сопроводить его.

489872. А меня попросили закрыть за ними дверь с той стороны, потому что с этой она закрывалась не очень.

489870. Так мы оказались перед вашей красивой витриной. У вас нет пилы? Если нет циркулярной, я согласен на ручную столярную. Только сначала её надо смазать.

240222. О, у нас осталась водка.

489871. Пустите нас хотя бы постоять за вашим тёплым стеклом.

489872. Мы постоим, сколько вам надо, и пойдём дальше. Во что надо нарядиться?

489870. Мне всегда нравились женские трусы.

489871. А мне — женские пояса.

489872. А мне — женские чулки.

140524. Нет, пилы у нас нет.

489870. Ничего, я потерплю.

240222. Заходите. (*Обращается к 140524-й.*) Можно же?

140524. Можно. Милости просим в нашу витрину. У нас есть горнолыжные костюмы, но их никто не покупает, потому что чёрный снег, поэтому вы постоите в горнолыжных костюмах, чтобы покупатели передумали.

489870. Большое спасибо. Вы — сама человечность.

140524. Но сначала вы расскажете правду. Не вы, потому что нога и впрямь припахивает, но я привыкла ко всяким запахам и вкусам, а вы. Ну-ка, за что вас выставили?

489871. Я ни разу не горел в танке.

140524. А то они горели.

489871. Конечно, они не горели. Но они хотели, чтобы рядом был хотя бы один, кто хотел и мог гореть в танке, а я мог и даже хотел, но теперь моё желание неосуществимо, потому что все танки оплавилась без меня. И мне приказали сопровождать больного.

489872. А я перестал заводить их. Когда-то они, увидев меня, кончали, простите, в галифе и лезли целоваться. А теперь, когда у меня облетели волосы и я оказался лысым, а не блондинкой в юбке до пупа, я их уже, видите ли, не завожу.

140524. А волосы-то почему облетели?

489872. Явление природы.

140524. Вот же сволочная природа. И снег зачернила. И вас раскучерявила. Кудрявеньким были, хорошенький?

489872. Да не то слово: весь, весь в локонах, из колечка в колечко.

140524. Подберите себе горнолыжные костюмы, — и вперёд. Наша витрина — ваша, мальчики.

489872. Можно мне женский горнолыжный костюм?

140524. Погодите с горными лыжами... Что если чёрный снег завтра растает...

240222. Это возможно.

140524. ...и в моду войдёт бадминтон...

240222. Это более чем вероятно. Это игра с воланчиком? Однажды я так ударил ракеткой, что воланчик улетел и больше не вернулся.

140524. ...а поскольку юбочек и шортиков у нас не очень (*обращается к 489872-му*), как у вас в бункере с входной дверью, предлагаю играть в бадминтон в нижнем белье. Это привлечёт покупателей, продвинет вид спорта и сделает кассу. Согласны? (*Все увлечённо кивают.*) Нет, я передумала. Тупо стоять в витрине в наше время — это тупо. Согласны? (*Все кивают.*) Давайте станем театром «В витрине». Напишем пьесу, поставим её быстренько и расклеим повсюду плакаты. Согласны? (*Все увлечённо кивают.*) Предлагаю на-

чать с названия. Кто за то, чтобы назвать пьесу «Боль головы»? Чур, у меня, как у драматурга, режиссёра и владельца театра, два голоса. *(Все вскидывают руки.)* Единогласно.

489870. Если в пьесе «Боль головы» есть герой-любовник, я отказываюсь от этой роли. У меня от ноги припахивает, и она отпадает, и у меня вместо улыбки по лицу пробегают судороги.

140524. Будете изображать первого покойника.

489870. Спасибо.

140524. Покойника, который умрёт первым.

489870. Ещё раз спасибо.

140524. С костюмами, инвентарём и декорациями витрины мы определились: бадминтон... азартный бадминтон и нижнее бельё... откровенное нижнее бельё.

240222. Мужское или женское?

140524. То, что вам милее. *(Все произносят: «Вот за это спасибо».)* Сюжет у пьесы сложный: в пору, когда в наш счастливый край приходят ночь и зима, которые, возможно, пришли навсегда, словно из ниоткуда, появляется новая игра; игра называется «бадминтон», играют в неё на деньги, на воздухе и в откровенном нижнем белье, один на один, двое на двое и двое на трое, но играют днём и летом, а пока в ожидании дня и лета, репетируют новую игру, замахиваясь на висящий в воздухе волан ракетками и демонстрируя восхищённой публике откровенные бадминтонные туалеты. Наступает момент, когда бадминтонистам кажется, что они всё отрепетировали и всё умеют, и они выходят играть в ночь и зиму на чёрный снег. Играют двое на трое. Во время первого гейма у одного игрока одной команды и одного игрока другой команды развивается неизвестный ранее недуг «боль головы», они выходят из игры, чтобы лечь рядом с кортом и весёлыми выкриками поддерживать своих. Во втором гейме болячка скручивает игрока одной команды. Третий гейм команды бьются один на один, и, когда до конца игры остаётся одно очко, боль головы сражает обоих игроков: меня и, допустим, героического колченогого 489870-го в красивых трусах типа Т-стринги. К тому

Пьесы для взорванного театра

моменту сходит на нет и энтузиазм игроков, заболевших ранее. Начинается бесконечная немая сцена: все пять легко одетых игроков лежат на чёрном снегу и даже не кашляют. Ракетки в их неподвижных руках застыли в воздухе. Волан в грустном недоумении висит над кортом. Они лежат безо всякого движения минуту, две, три, десять, час. Их не могут поднять ни аплодисменты зрителей, ни занавес. Выждав несколько часов, один из зрителей поднимается на корт (сцену), осматривает-ощупывает каждого игрока и, обратившись к зрителям, произносит: «Вскрытие покажет».

Все, включая 140524-ю, аплодируют.

140524. Ну что, делимся на команды, одеваемся и начинаем? (Все, включая 140524-ю, кричат: «Конечно».)

240222. Мы правда заболеем?

140524. Там посмотрим. Но я ничего не исключаю.

489870. Кто скажет: «Вскрытие покажет», если зрители так и не появятся?

240222. А кто нас будет вскрывать?

140524. Хватит болтать. Внимание: начинаем... начинаем с самой игры, потому что предыдущие акты — легкотня. Марш на чёрный снег.

Начинается то, что будет длиться бесконечно, пока кто-нибудь не произнесёт: «Вскрытие покажет».

М.Грим

*Я немного говорю на нашем
(практическое пособие
по нашей бытовой лексике)*

Действующие лица и объяснение

Человек в ситуации, провоцирующей обращение к нашим людям с вопросами: мужчина или женщина, молодой (ая) или не очень, вежливый (ая), порой интеллигентный (ая), не быдло (хотя бы по рождению), не всегда негодяй и ни в коем случае (это составитель вопросника гарантирует) не проходимец (ка). Место вопрошания упоминается отдельно или становится понятным из контекста или интуитивно.

Н а ш и л ю д и , отвечающие на вопросы: всякие, обоих полов, всех возрастов.

Предлагаемый вашему вниманию вопросник, в котором использованы некоторые типовые вопросы и ответы, услышанные и записанные на улицах, кухнях, в трамваях и различных учреждениях нашей родины, — не что иное, как бесстрастное, не дающее никаких оценок пособие по нашей бытовой лексике, которое позволит вам грамотно и ко времени задавать возникающие у вас типовые вопросы и/или бойко и достойно отвечать на типовые вопросы других.

Безденежье

Эй, у вас есть деньги?..

— У нас нет денег.

— Есть, но вам-то что? К чему этот интерес? Клянчите, что ли? Не дам.

— Не скажу.

— Отвали.

— Чего? Совсем обнаглели.

Простите, у вас есть деньги?..

— Не прощу.

— Пшёл в *опу.

Извините, у вас есть с собой деньги? Совсем немного. Самую малость. Хотя сколько-нибудь...

— Сколько вам? Десять монет — норм?

— Извини брат (сестра), я тоже пуст.

У вас не будет немного денег для человека в нужде?..

— Заработай.

— Не будет.

У меня кончились деньги, не поможете копеечкой?..

— Не помогу.

— Помогу. Сейчас. Вот десять монет. Извините, больше мелочи нет.

У меня совсем нет денег, а они так нужны...

— На водку же, сволочь, просишь.

— Мало ли что кому нужно. Ещё скажи, что ты не местный.

Не поможете человеку?.. ну какому «человеку»... человечку, я теперь человек... Не говорить же, что я не ел три дня... Или говорить...

— Не помогу.

Я не ел три дня. Я действительно не ел названное количество дней. Не могли бы вы дать мне немного денег, чтобы я утолил довольно острый голод?.. Довольно острый голод при язве — а у меня язва — весьма губителен... Впрочем, может быть, язва ещё не разыгралась, и это просто мои фантазии...

— Сочувствую. Натэ. Больше не дам, самому на хлеб не хватит: мама отправила за хлебом. Извините.

— А у меня две язвы и сколько хочешь фантазии.

Я не ел три дня. Не могли бы вы купить мне треть буханки или батона? Будьте так любезны... Наверное, лучше не «не ел», а «не кушал», да? Теперь, кажется, «кушают», не правда ли?..

— Сейчас. Не уходите. Я быстро. Чёрный или белый? Ладно, куплю всякого.

— Не ел он. Спляши — куплю. Ну чего ты, давай, пляши. Какие танцы умеешь?

Я не кушал три долгих дня и совсем изголодался. Если честно, едва передвигаю ноги. А чтобы попить водички, я стучусь в двери, чтобы мне налили, причём кружка у меня своя, и я выпиваю её тут же, при тех, кто не отказывает в воде. Но когда я заикаюсь о хлебушке, мне и воды-то не дают... Лично вы дали бы мне воды? а хлебушка?

— Я не знаю. Я спешу. Извините.

— Господи, чего только не плетут. И ведь не скажешь, что божж...

Пожалуйста, дайте покушать. Вы верите, что я голодный?

— Вы голодны? У нас, кажется, есть пельмени. Пельмени будете? Я сейчас сварю и принесу. Не уходите. Полчаса мне дадите?

— Что я тебе дам, чувак? Откуда у меня с собой? Покушать ему...

У вас нет с собой хлебушка? У меня есть перочинный ножик, и вы, если у вас есть с собой буханка или батон, а я вижу, что

вы идёте из магазина, наверное, могли бы отрезать мне кусочек. Иначе говоря, не могли бы вы отрезать мне кусочек от вашей буханки или вашего батона? Совсем небольшой, чисто символический. Я попрошу ещё у кого-нибудь, и вот уже голод, возможно, будет утолён... Простите меня, пожалуйста. Я так виноват... Если надо я съем при вас, чтобы вы ни секунды не сомневались...

— Давайте свой ножик. Чёрного? Белого? Только при мне не ешьте, пожалуйста. Ни к чему это. Не унижайтесь вы так. Попросите толком, и люди откликнутся. Или, скорее, не откликнутся...

— Некогда мне (нам).

(Этот не совсем вопрос «задан» человеком с вопросом в глазах.) Я не пью. Нет, правда, я не пью. Вообще не пью, ни со вчера, ни всю последнюю неделю... Ну зачем вы так... Я всего лишь хотел попросить на хлеб...

— Вот и не пей, мужик. Водка — зло.

— А я всего лишь хотел дать тебе в ухо.

Милые граждане, я не алкаш, я вообще не пью. Я просто чертовски голоден. Был бы вам очень признателен, если бы вы выделили мне из своего денежного запаса хоть сколько-нибудь монеток на приобретение хлебушка... Сумеете?

— Гм... Нет у меня никакого денежного запаса...

— Не алкаш он, ага. Иди проспись. Зальют с утра глаза...

Вы думаете, мне на портвейн надо? Если бы. Я вообще не пью. Мне есть хочется. Так уж, простите, получилось. Дайте, прошу вас, на хлеб столько, сколько вам не жалко...

— Ничего мы не думаем. Не жалко десятки. Возьмёте десятку?

— Не пьёт он... Получилось у него... Не простим.

Представьте, вы оказались на улице без средств к существованию. Так бывает. Уверяю вас, это не редкость, и вины человека, который вдруг стал бездомным, нет никакой. Долго

объяснять. А если коротко: неожиданный бездомный, бывший белый воротничок, изголодался до такой степени, что стоит у магазина и просит... Считаете, что я прошу на водку, или я, увидев в вашей сумке батон колбасы, прошу отрезать мне колбаски? Нет, нет и ещё раз нет: я прошу на хлеб — или же, если у вас есть с собой булка, батон или буханка чёрного, оторвать мне кусочек... Вам не сложно?..

— Не сложно. Держите. Руки у меня, конечно, уличные... Ничего, что не очень чистыми руками?

— Какой-какой воротничок?

Как бы вы отнеслись к отказу дать вам на хлеб, окажись вы в моей ситуации? Вам было бы очень больно, не так ли? Боль пронизывает меня всякий раз, когда мне отказывают, когда меня не слышат, когда в меня плюют, когда меня пытаются побить, когда меня хотят прогнать. Нет, не физическая боль. Эта боль иного рода: она не проходит, она имеет свойство накапливаться, наконец, она потихоньку убивает во мне человека, потому что она выплёскивается. Я стал замечать за собой раздражительность, желание передразнивать вас, грубить вам, пока ещё беззлобно, скорее даже иронизировать, чем грубить, унижать ваше человеческое достоинство, но кто знает, каков будет кумулятивный эффект, когда количество отказов пересечёт некую черту...

— Возьмите денежку.

— Ну ты задвинул.

Дорогие мои... Мой муж — идиот: напился и разбился на мотоцикле. Остались трое детей. Похоронить скотину — не на что. Продала бы мотоцикл, но он вдребезги. Не могли бы вы?..

— Да. Конечно. Разумеется.

Не могли бы вы подать на бородинский хлеб и гроб красного дерева ветерану войны 1812 года, закончившему войну аж в самом Париже и пролившему литры крови: своей и французской?

— Могли бы и сейчас подадим.

— С превеликим удовольствием. Спасибо, бабушка, за победу. *(Наш человек становится перед человеком-в-ситуации на колени, потом троекратно целует его и крестит.)*

— У меня только тысячная. *(Человек-в-ситуации приходит на помощь: «Ничего, я разменяю».)*

— Бабушка, почему не пошли дальше? *(Человек-в-ситуации отвечает: «Не было приказа. А то бы мы их».)*

— Бабушка, вы убивали? *(Человек-в-ситуации отвечает: «Тысячами».)*

— Бабушка, как думаете, мы могли бы повторить? *(Человек-в-ситуации отвечает: «Кишка тонка».)*

— Пётр Иванович, это вы? Что с вами случилось? Сколько вам надо? Натё всю буханку. До свидания, Пётр Иванович.

Ну что вам стоит подать на насущный хлеб поиздержавшемуся сломавшему спину прыгуну в высоту?

— Ничего не стоит.

Можете ли вы подать на сытный и тёплый хлеб сидящему без денег сифилитику с многолетним стажем?

— Не можем.

Готовы ли вы подать на вкусную французскую булку нищему прокажённому?

— Не готовы.

Подайте на ампутацию ветерану, который в 1812-м покушался на самого маршала Даву. Помню, я метнул гранату в маршала, но тот оказался хватом: он поймал гранату и бросил её обратно, в результате чего мне недооторвало ногу. При ходьбе и беге трусцой за лошадей недооторванная нога, разумеется, волочится, но ведёт себя терпимо, но когда общество ветеранов 1812 года отправляет меня на патриотическую профилактическую встречу с детьми, сил моих нет: малыши, войдя в моё положение, предлагают свои услуги, но их инструменты — это топор Чингачгука

и мамин столовый нож, а когда в зале поднимается мальчик (такой есть на каждой встрече), который носит с собой хирургическую пилу, возникает денежный вопрос. Мальчик-хирург просит изрядно. Вот почему я здесь, в бородинской электричке, пою вам эти трогательные песни про подлека Даву, который не смог зашвырнуть гранату так, чтобы ногу оторвало раз и навсегда. Впрочем, маршал торопился. Как считаете, мог ли он поступить иначе? Ответы, которые я вам предлагаю. Первый: имей он хоть каплю совести и знай о том, как мне будет нелегко, маршал мог бы, поймав гранату, смириться со своей участью и удерживать её в руке до взрыва, но тогда он, будем честны, проиграл бы это сражение, а он принципиально их не проигрывал (и так и не проиграл ни одной битвы до самой своей кончины от ТБЦ в молодом 53-летнем возрасте). Второй: знай мусью Даву о том, что его свалит «тубик», он наверняка предпочёл бы смерть от моей меткой гранаты, не находите?

— Второе, без вопросов.

— Само собой, второе.

— Конечно, второе.

— Второе, дед. Ты ещё спрашиваешь. Какая же гнида, этот ваш Даву.

Не хотите ли вы подать на хлеб человеку, который по пьяни потерял пенсию по потере кормильца, но перед этим успел прочитать 830-страничную книжку «Улисс» и знает наизусть всего «Евгения Онегина»?

— Хочу. И как вам «Улисс»? (*Человек-в-ситуации отвечает: «Мучительно. Насилие над читателем, который любит другие книжки, и они, представьте, тоже высоколобы».*) Нет, теперь не хочу.

— Не очень хочу. Но очень хочу спросить: вам понравился «Улисс»? (*Человек-в-ситуации отвечает: «Безумно».*) Теперь хочу.

— Хочу, но сначала, пожалуйста, прочитайте с выражением 10-ю главу «ЕО». (*Человек-в-ситуации читает 10-ю главу «ЕО» голосом Смоктуновского, передавая отточия прихло-*

нами и притопами народного танца «Валенки». Вокруг него постепенно собирается толпа. Человек-в-ситуации бросает оземь кроличий треух, и в него обильно летят блестящие монеты и хрусткие купюры. Вскоре появляются конные менты, которые, беззлобно помахав нагайками и потоптав копытами, пересыпают шапку в свои карманы и отходят на заранее заготовленные позиции. Человек-в-ситуации, увлѣкшись, читает 9-ю главу «ЕО», и треух снова наполняется деньгами, и опять толпу восхищённых слушателей теснят кони, чтобы менты покойно собрали дань...)

Совесть

(Человек-в-ситуации стоит ранним утром около выхода из метро «Бауманская».) Наконец, перейдя с боями границу, мы начали насиловать польских женщин, ибо ни одна из них не полюбила нас так, чтобы лечь с нами, словно жена с мужем; потом настала очередь женщин разнообразных германских племён, затем бельгийских женщин; и вот перед нами Франция и её восхитительные женщины, которых мы насильовали с особенным... не скажу «остервенением»... удовольствием, а они... не все, но были, были такие... отвечали нам ударами кинжалами и своей неизбежной смертью под нашими разъярёнными сапогами. Граждане, скажите ветерану 1812 года, которому скоро сходить в гроб, мы... я... очень плохо поступал? Сами бы вы что делали, когда все ваши боевые товарищи с удовольствием насилуют?

— Дедуля, не раскисай! Дело было военное, дело было в угаре, дело было праведное: они в нас стреляли — а вы трофеили их женщин. Чего такого... Ничего такого... На твоём месте, старик, мог быть каждый.

— Вы говно, а не человек. (Человек-в-ситуации согласен: «И я так думаю. И что мне теперь делать? Сдаться ментам?»)

— Я бы не стал так делать, дедушка. Нет, не стал бы. У вас мама, дедушка, была? а сестра? а дети у вас есть? (Человек-в-ситуации отвечает: «Уже и не помню».)

— Моим ответом вам, дедушка, будет плевок презрения. (Плюёт ветерану в лицо. Толпа выходящих, мгновенно окрысившись, бьёт плюнувшую и тащит её в кусты сирени, крича: «Французенку словили. Такую сладкую» и «Достанется всем. Соблюдайте очередь». Человек-в-ситуации падает и, кажется, испускает дух. Никто не обращает на него внимания; он лежит около метро весь час пик, после чего на него мочится бродячая собака, а вышедшая покурить метроработница вызывает труповозку, потому что скорая, осмотрев лежащего по телефону, не хочет приезжать: «Вы знаете, сколько у нас вызовов? К уличным жмурикам — в самую распоследнюю очередь». — «Но ведь он, кажется, брал Париж». — «За какое место?..»)

Это трагическая история человека, который трусит. Я очень хороший самолётный мастер, но сейчас я в отпуске: от постоянного страха я заболел дизентерией, и меня отправили на побывку, потому что на аэродроме нет таблеток и лётчики постоянно наступают в мои жидкие кучки, после чего им невыносимо летать. Я обслуживаю машины, которые бомбят французские города, пгт, сёла, художественные галереи и пловцов, которые переплывают Ла-Манш. Я приветлив с людьми, которые бомбят Францию и нисколько в этом не сомневаются. Я — головка от морковки, потому что могу сделать так, чтобы все вылетевшие самолёты рухнули, но я не делаю этого; я через день пью с лётчиками, но не могу передушить их по очереди, когда они падают под стол. Я боюсь... И что мне теперь делать? Завтра мне возвращаться в часть. А я до сих пор не принял никакого решения...

— На священной Красной площади, гад? (Люди, гулявшие неподалёку от человека-в-ситуации, в панике разбегаются; человека окружает толпа ментов; некоторые из них в сапогах со шпорами.) Давите гниду. (Человека топчут сапогами со шпорами до тех пор, пока от него не остаётся одно тело.) А теперь — в щеподробилку. (Из Спасских ворот на бешеной скорости выезжает огромный щепорез. Тело суют в его чрево, начиная с головы, и вскоре брусчатка напротив

могилы Гуталинщика окрашивается робкой киноварью. Душа очень хорошего самолётного мастера ретируется с Красной, ей страшно. Она, конечно, вернётся, но только ночью, когда приборы ночного видения засветит сияние вокруг густой плешки маленького начальника, который выйдет из покоев на улицу, чтобы повальсировать со свежей фавориткой. В конце тура маленький начальник наступит на платье фаворитки, платье, словно это было задумано, не без труда спадёт, и начальник и пассия наконец-то займутся продолжением рода. В одну из фрикционных серий плешь поблётнет, и пугливая душа страшливого мастера отлетит снова.)

Я переломал безноготу руки, которые не дали мне закурить. Я негодай? Я думаю об этом снова и снова, и нет мне покоя...

— А кто не ломал? И кто тогда не сволочь?

— Знаете, бывают такие безногие, что их проще убить, чем переломать им руки. У моей подруги муж. Беря Брюссель, потерял ноги: уснул выпивши на улице, ночью ударил мороз (в Брюсселе — и, мать, мороз!), ноги и перемёрзли. Короче, теперь она таскает его на себе, потому что коляски он — одну за другой, одну за другой — пропивает. И она, разумеется, не таясь, рассказывает всем и каждому, что давно готова сбросить его с балкона, потому что перелом рук (а она их уже ломала) ничего не решает: теперь ей мало оттащить его на закорках к собутыльникам, теперь она должна быть рядом, чтобы самой поить его.

— Если безногий брал хотя бы Ножан-Сюр-Марн, ты это зря, брат. Хочу дать тебе в морду — и сейчас дам.

Однажды, когда я был в летнем лагере... Нет, не так. В детстве я был застенчивым утончённым ребёнком. Я много читал и знал бездну способов умерщвления обидчиков хороших людей... Нет, снова не так. Меня били, потому что у меня не наша фамилия; она настолько не наша и настолько вызывающая, что меня били, едва услышав мою фамилию, а потом и фамилия была не нужна: если я где-то за-

держивался дольше обычного (в школе, в летнем лагере, во дворе), меня били просто потому, что я есть, рядом и замешкался, ибо нашим людям старше пяти всегда надо кого-то бить. А теперь вернёмся к летнему лагерю, в котором меня били привычно, но зато у меня был доступ к кухне, в которой я чистил картошку для всей смены, потому что у меня была не наша фамилия и я провинился на первой же утренней линейке, зашагав с правой, а не с левой, хотя последнее легко объяснимо и могло стать оправданием: я правой ногой. Но на линейке был писатель Залепин, который приехал к нам по обмену опытом: заметив мою оплошность, он презрительно расхохотался, директор лагеря сгорел со стыда и оставил весь лагерь маршировать до обеда. Писатель Залепин возглавил нашу штрафную колонну; оказывается, он прекрасно тянет ножку; мы топали за ним, распевая его частушечные рассказы, а он выбегал из строя, чтобы посмотреть на нас со стороны и пнуть тех, кто сбивался с шага. Мы прекрасно провели время. После чего меня били так долго, что опоздали на обед. В этот же день меня назначили главной картофелечисткой до конца смены. И я понял, что будет дальше... Я тайно выбил несколько стёкол, которые подобрал до последнего осколка и растолок, получив стекольный порошок такой фракции, которая остаётся в организме и режет его нещадно днями и неделями. Порошок был высыпан в детский корм в один из самых чёрных дней, когда свежие синяки на мне, минуя синеву, сразу стали чёрными, но не в пюре, чтобы ничто не указывало на меня, — а в пудинг, обожаемый всеми и всеми поглощаемый подчистую. Слегли все. Лежали долго. Врач терялся в догадках. Я тоже лежал, для конспирации проглотив горсточку почти безопасного толчёного стекла, поэтому легко отделался. Все же отделались тяжело. Смена тянулась, родители не знали, все лежали, меня не били, я ликовал: есть, есть правда и способы её достижения; потом почти все поднялись, но ходили на полусогнутых, и я по-прежнему оставался цел. Так долго меня давно не били. А потом закончилась смена... Теперь я Иванов, и не просто

какой-нибудь Иванов, но Иванов-Петров, а имя у меня уже тогда было нормальное, наше и незаметное. Теперь, если надо, если это делают все и уклониться опасно, я бью сам, но тот случай... та месть, которую я им устроил, нейдёт у меня из той части головы, в которой пожизненно заключена совесть... Не могли бы вы простить меня, мальчики и девочки, которых я чуть не свёл со света? Помните меня? Меня звали тогда Швайнштайгер, и вы били меня безостановочно: утром, в обед, вечером и ночью; идя мимо по своим глупым делам и спеша именно ко мне, чтобы отвесить недобранное днём, били по одиночке и малыми стаями, лупили с остервенением и беззлобно, за дело, когда глаза мои были злы, и без дела, когда я, принуждаемый вами, целовал ваши грязные руки, нежно глядя в ваши искристые весёлые глаза. Сможете ли вы простить меня?

— Иванов, милый, хороший Иванов, что такое? почему ты вскочил посреди ночи? Все спят, спят усталые игрушки, мишки спят, а ты, сука, закатываешь концерты. Ну-ка ложись, ну-ка лёг, пожалуйста, я сказала. Не под кровать, а в кровать. Таблеточку или укольчик? Таблеточку? Нет, солнышко, ты не угадал: укольчик. Ты же не деточка, Иванов, ты взрослый мальчик. Сестра, аминазин скотине. Всех перебудил. Ни ночи без стендапа.

— Я прощаю тебя, Иванов. Я, я тебя прощаю. Я, я, это я, я тут, я на соседней койке, посмотри на меня. Слышишь, Швайнштайгер, я тебя прощаю. Я тебя помню. А ты помнишь меня? Я всё время бил тебя в пах. Ты показывал нам свой синий пах в душе, ну, не сам показывал, а мы просили, ну, не просили, а наваливались на тебя, раздвигали тебе ноги — и не могли оторвать глаз. Это я, свинья ты из хлева. И я обязательно прощу тебя, но сначала я откушу тебе твой оглушительный ночной язык.

— Сестра, этому тоже аминазин. Я не помню, какая у него дозировка. Колите, колите, хуже не будет.

Осталась ли у меня хоть капля совести? Имею ли я право колоть человека, который, да, устроил самосуд... но было ли это самосудом? Нет, это была самозащита...

— Убийца в белом халате. Ненавижу. Как твоя настоящая фамилия, убийца?

— Дорогой, у нас ипотека, дети, ты всё правильно сделал. Ну не помнишь ты дозировку, — а кто бы помнил, когда в твоей больнице тысячи пациентов, когда цистерны ами-назина едва хватает на неделю лечения. А ещё не забудь: если не будешь колоть ты — заколют тебя. Зачем нам это? Коли их, но знай меру: осторожничай, не коли до смерти, чтобы потом, когда всё поменяется, ты мог сказать, что был на их стороне, дозировок не знал принципиально, это, мол, любая медсестра подтвердит, поэтому всегда вкалывал на-обум и самую малость, полшпричика...

Я живу со святой. Это не художественное преувеличение: она такова. Встреча с ней — лучшее, что случилось в моей жизни... Господи, я говорю штампами... Но ведь иначе, товарищи члены товарищеского суда, вы не поймёте? Надо доходчивей, проникновенней и со всей честностью, не так ли? Короче, в первый раз я изменил ей десять лет назад. Как вы знаете, у нас пять детей (тогда их тоже было пять, только совсем маленьких). Я жил на два дома: утром я уходил к другой, ночью возвращался к жене. Чтобы жить так, я бросил работу, потому что работа мешала моим отношениям с новой женщиной, которую я встретил на улице во время ливня: она стояла посреди многорядного шоссе, надеясь, что её собьют и раздавят. Я не смог пройти мимо; я остановил движение со своей стороны, целясь то в одну машину, то в другую, и увёл её с дороги... чтобы не расставаться с ней долгих полгода, пока она не придёт в себя. Мы полюбили друг друга с первого взгляда, и это, поверьте, несколько не помешало моей любви к жене. Я любил их обеих. Я предлагал им принять это и съехаться всем вместе. Увы, они меня не понимали. Они не только отказались жить вместе, они не захотели даже встретиться, чтобы поговорить. Но при этом они обе следили за мной. Когда я на ночь глядя прогуливался в парке с любимой женой, новая любимая побивала нас издали тухлыми яйцами. Проводя время с но-

вой любимой у реки, мы никогда не знали, чем закончится наш пикник: моя любимая жена, которая когда-то занималась подводным плаванием, могла приблизиться под водой к моей новой любимой и начать её топить. Всё это было... мучительно. Страдали все. Только через полгода я понял, что так не может продолжаться. И тогда я упросил лучшего друга встретиться и полюбить мою новую любимую. А я сумел уговорить её быть к нему благосклонной. Они встретились раз, другой, пятый, чувство всё не возникало, но тут у моей новой любимой опять случился срыв, и мой друг, как я когда-то, спас её. Они полюбили друг друга, и с тех пор не расстаются. А я... что же, я до сих пор люблю обеих. Но это уже мои проблемы... Дорогие члены товарищеского суда, прошло десять лет. И я... полюбил третью женщину. Ситуация — глупее не придумаешь, но что любви до наших оценок... Она просто возникает. Свою третью любимую я видел только на фотографиях. Когда-то мы были знакомы: мы учились с ней в начальных классах. Прошло миллион лет, в течение которых мы, конечно, вспоминали друг друга (я — точно), но ничего друг о друге не знали. Наши пути, как говорят ужасные беллетристы, разошлись, и бесповоротно. Но однажды я увидел в Сети её снимок: это была она, и она была прекрасна, несмотря на возраст. Я разыскал её адрес, я написал ей, она тут же ответила, — и у нас начался... бурный роман по переписке. По электронной, конечно. И, разумеется... голосовой: мы болтали по сто раз на дню... Смешно: у неё появился акцент. Сейчас я поясню: она живёт... не здесь. Очень, очень далеко от наших земель. Но меня это не остановило. Я начал строить безумные планы: предложил ей встретиться в третьей стране, куда намеревался отправиться в отпуск, и она загорелась, и она согласилась, и она была готова, но я тут же, чуть-чуть подумав, написал ей, что готов на большее: переехать к ней, бросив тут всё (любимую жену, детей). И она... это было чудо... поддержала меня, написав: «Жду не дождусь. Я так люблю тебя. Я любила тебя всегда». А потом — буквально через несколько дней — её не стало... Не спрашивайте, что случилось, пожалейте меня,

пожалуйста... Итак, я приближаюсь к концу моих грустных показаний. Я скрыл мою третью любовь от моей любимой жены. Она ничего не знает. Она в зале, который собрался, чтобы решить, что со мной сделать... Вон она, в третьем ряду, справа... но для неё сказанное мною о моей третьей женщине — новость. Полагаю, что жуткая, даже шокирующая. Любимая, прости. Любимая, простишь ли ты меня? Я не смог сказать тебе это наедине, не хватило сил. Я испугался, вспомнив, как ты истязала себя во время моей второй влюблённости. И я донёс на себя в наш товарищеский суд, желая, чтобы он покарал меня, и ты, быть может, чуть-чуть возрадовавшись моему неизбежному наказанию, не простила, но поняла меня: мою глупую детскую влюбчивость... Не плачь, любимая. Я не знаю, смог бы я тебя бросить. Может, да, а может, нет... Любимая, я люблю тебя. Любимая, ты всё ещё любишь меня?

— Я люблю тебя, любимый. Спасибо, что не утаил...

— Товарищеский суд многоквартирного дома №17 по Уличной улице удаляется на совещание.

— Мужик, ты не виновен! Это всё бабы! Моё сердце с тобой!

— И этот трёличный вертихвост живёт с нами под одной крышей!..

(...)

— Товарищеский суд постановляет: заклеить Такого-то прелюбодеем и отселить его на год в одноместную туристическую палатку, которая будет размещена во дворе нашего дома, без права посещения им его квартиры.

...избивать мужа своего. На Нём же места живого нет. Мне стыдно встречать Его утром в лифте. Я глаза отвожу. Он улыбается, Он всегда улыбается, Он хронический добряк и рохля и, если бы не надо было пахать у станка, вытачивая 155-миллиметровые артснаряды, которые так нужны родине, Он целый день стоял бы у дороги, чтобы переводить через неё старушек. Он же воплощённый Иисус, Он же спаситель всех и вся, и у него, у нашего дорогого воплощён-

ного Спасителя, хронические, ха-ха, синяки и, ха-ха, я подозреваю, переломы. Извините меня за эти припадочные подхохатывания: нервы, боль за Человека. Она бьёт Его оголтело и безустанно. Она находит в этом удовольствие? О нет: она не может иначе. Это стало её привычкой. Она не может остановиться. Некоторые — надо или не надо — пекут блины и кормят ими до посинения домашних, соседей и бомжей около винного, блины очень вкусные, но сколько же можно, а она — кажется, не отдавая себя отчёта, — ломает Ему челюсть бесконечными пощёчинами. Некоторые пишут плохие стихи и читают их первым встречным, схватив их за руку, а она работает, как говорят, эффективным следователем, и к её отделению каждый день приезжает скорая. Доколе? Доколе она будет калечить дорогого всем нам Человека, от улыбки которого — от одной лишь улыбки — хочется взлететь и взлетается, хочется целовать незнакомых смурных мужиков и целуется? Доколе мы будем поступать против собственных убеждений и добрых нравов? Не пора ли пресечь это кощунство, творимое её беспокойными руками?

— А вы у Него спросили?

(...)

— Товарищеский суд постановляет: развести Его вопреки воле нынешней жены Его и, не спрашивая у Него разрешения, ибо это в Его же и наших интересах, женить на Его защитнице.

— Погодите... но разве Он не превратится теперь в нас?..

Стихия

Зачем... зачем... зачем... вы выстрелили в меня?

— Вы мне не нравитесь. Никогда не нравились. Мы бьёмся мордами каждый день уже лет двадцать: вы бежите сюда, я несусь туда. Наверное, вы «карандаш»... ну, инженер, не так ли? Чертите что-то, всякую чушь: гайки, болты, узлы, соединения, метрические и трубные резьбы, горелки Бунзена, зажигалки Ронсона, газвагены «Даз Брот», изящ-

ные пересечения куба с земным шаром. А я — собаковод, кинолог, говоря по-вашему, я в каком-то смысле мент, я натаскиваю собак на таких, как вы, которые тихие-тихие, рисуете женские профили на чертежах, а потом как выйдете целым миллионом, — и нам немецкая амба. Лет пять я вас терпел. Ещё лет десять с трудом переваривал. А в последнюю пятилетку... чего уж отнекиваться... стал потихоньку готовиться: я начал красть у наших детали пистолета св. Макарова; у одного — пружину подавателя, у другого — затворную задержку, у пятого-десятого — шептало. И вот она: новенькая, ручной сборки ставропигиальная свято-макаровская машинка, которая вас только что укокошила. А как ещё я мог поступить?.. Отойдите от меня, всех положу, я, наверно, психический. Дайте уйти. Я — старая подыхающая собака, я уйду в поля, чтобы затеряться и тихо откинуться. Господи, ты слышишь? Да, да, да, согласен, Господи: я сам застрелюсь, но только не здесь и ни при этих... А если не верите, вот этот пойдёт со мной, чтобы увидеть и запроотолировать. Дел неотложных нет? никуда не спешишь? Тогда — руки вверх. Пошли. Покедова, ребята... Эй, ты, подстреленный. Постарайся не умереть, если так уж хочешь. (Поёт.) Рабинович стрельнул, стрельнул, промахнулся... (Не поёт.) А я ни черта не Рабинович. Я этот... я собачник... у меня даже фамилия была, но я её давно не помню. Полканов?.. нет, не так... Шариков?..

— Захотел — и выстрелил. Многие хотят, да не все стреляют. А этот бабахнул. Терпите... Давайте, что ли, обнимемся. Только кровью меня не пачкайте... Вот так. Сейчас вам станет лучше: или отойдёте, или приедет скорая. Да ладно вам... всего три выстрела... Кто-нибудь догадался вызвать скорую? Мальчик, сними с себя белую рубаху и порви её на лоскуты. Я это тебе, остолоп. Человек истекает... Зря начал рвать. Он истёк. Его больше нет. Чёрт, я же спешу...

— (Обращаясь к омерзительно милой болонке с розовым бантиком.) Пошли отсюда, собаченька. Зрелище, увы, закончилось.

(Человек-в-ситуации упал в метро; его подняли и перенесли к колонне в конце платформы; вокруг собралась небольшая толпа.) Я не могу дышать. Мне кажется, у меня нет горла. Куда оно делось? Продырявьте меня, пожалуйста... дайте вдохнуть...

— Грешили-с? Если грешили-с, это наказание. Не почувствовали-с дуновения перед? дуновения с запахом черёмухи? Ангельские крыла пахнут-с черёмухой, запах изумительный, но страшный: вдохнувший раз — больше не дышит-с. Я знаю-с, я сама через это прошла-с.

— У кого есть что-нибудь острое? Я не врач, но читал Михал Афанасьича. Ему надо проткнуть трахею. Но я не уверен... не помню точно, где она находится...

— У меня есть гвоздь, большой, двадцатка. Норм?

— В голове?

— Зачем носить с собой гвоздь, да ещё такой...

— Норм, но он должен быть стерильным.

— У меня с собой водка. Пойдёт?

— Пойдёт.

— Готово, доктор: гвоздь чистенький. Держите.

— Спасибо, медсестра... Я спрашивал про трахею. Алё! Где она? быстро! У нас нет времени.

— Она тут.

— Откуда знаете?

— Трахея, она же дыхательное горло, часть воздухоносных путей между гортанью и бронхами. У меня брат учился на фельдшера. Он зубрил, а я запомнил, у меня очень хорошая память.

— Хорошо, что очень хорошая. Будем считать, что здесь.

— Клянусь, что здесь. Я помню эту картинку. Я помню, как, бывало, брал иголку и прокалывал картинку в этом месте, словно какую-то куклу вуду. Но прокалывать я не буду! Я ужасный трус. И я не терплю вида крови...

— Я забыл! После того как я вгону и вытащу гвоздь... Человек с водкой, полейте мне на руки, пожалуйста... Зачем вы носите столько водки... Спасибо... После этого понадобится трубка. Я вставлю её в отверстие, — и готово: зады-

шит как миленький. Есть у вас трубка, люди? Если нет, зачем вы тут?

— Я просто смотрю, мне интересно, я хочу бросить учёбу в кинематографическом и перевестись в медицинский...

— А я сердобольная: не могу отойти от человека, которому плохо.

— Вы что же, прогоняете нас?

— У меня есть коктейльная соломинка! Хорошая, красная, пластмассовая. Я ношу её с собой в память об одной встрече. Показать?

— Не показывайте, просто дайте. Человек с водкой, обработайте соломинку.

— Есть обработать. Обработал.

— Молоток. Внимание: я вгоняю... гвоздь... неглубоко... глубоко нельзя... понимаете почему?.. чтобы не пробить трахею насквозь... я вытаскиваю... гвоздь... я вставляю... соломинку... я внимательно смотрю и слушаю... Тихо! Заткнитесь! Не застите свет! Включите телефонный фонарик! Светите!..

— У меня дальновзоркость, и я определённо вижу, что его губы порозовели.

— Я слышу его сердце. Кажется, ура. Неужели успели...

— Какого Михал Афанасьича?

— Булгакова.

— Писателя? Что же я у него читал...

— То же, что и все. Впрочем, всё без толку.

— А вы говорите, литература. А она раз — и спасла человека. Кажется.

— (Все.) Ура! Качать доктора!

— Сердце определённо ко-ло-ти-тся... А моё — так просто бьётся в упоенье.

— Эй, доктор, гвоздь отдайте.

— Натё. Вы молодец.

— Да куда там. Это же я его... того... Но, видать, что-то не то с дозировкой.

— Так вы убийца, что ли?

— Типа того.

— А гвоздь зачем дали?

— Да посмеяться хотел... про себя, конечно. А вы раз — и спасли. Теперь думаю, что с вами делать...

— Кажется, вы орали: «Ура» и хотели меня качать.

— (Все.) Орали. Хотели. Качать доктора!

— Как же это всё кинематографично, господа.

— Удивлюсь, если доктора не представят к медали.

— (Все.) Качать доктора!

— А теперь несите меня к выходу — и побыстрее. Подалее отсюда, пожалуйста...

— (Все.) Уже несём, доктор!

— Думаешь, ты уйдёшь? Ты попал, михал афанасьич.

— Стойте, олухи! Простите. А больного? Вы забыли больного. Разделитесь: одни бережно несут меня, а другие тащат нашего больного. К выходу! И поживее. А там пусть кто-нибудь позовёт местного фельдшера! Должны же тут быть фельдшеры... Парня надо долечивать. Прошу вас, быстрее... (*«Доктора» и больного несут на руках. Ангел с досады плюётся. Слюна падает на головы, плечи, руки. Она похожа на вороньи испражнения.*)

Здравствуйте. До свидания. Здравствуйте. Простите. Французское телевидение. Можно задать вам вопрос? Спасибо, вы — сама куртуазность. Вижу, вижу, что очень заняты. Я молниеносно. Как вы, наверное, знаете, недавно в вашем тишайшем и милейшем Энске, в котором ровно десять тысяч жителей, в течение одного дня из окон выпали двести пятьдесят старушек от семидесяти и старше. Тютель в тютель четверть тысячи, совершенно верно. Из своих квартир на этажах со второго по пятый. За день... даже за полдня, причём до полудня оставалось около минуты. Да, да, вопрос. А спросить вас, мсьё, я хочу вот о чём: почему так ровно? Отчего старушки выпадают — более-менее ясно, но почему их было двести пятьдесят и ни одной старушкой меньше или больше?! Немыслимая загадка. Нам этого не понять. Спасибо, вы очень, очень терпеливы.

— Вам повезло, мадам, я знаю об этом забавном происшествии всё, и поэтому его загадочность стремится к нулю.

Первая выпавшая старушка — моя дальняя родственница по бабушке, царствие ей небесное... Нет, она выпала раньше, не в тот день. Старушка открыла окно, чтобы узнать у кричащего во дворе: «Точу ножи, ножницы, косы, топоры, пилы, вилы, лопаты и кастеты», почём наточить топор, которым она собиралась зарубить соседа, который вешал на её дверь всех мёртвых собак. Но тут начался ураган, что в Энске не редкость, и он буквально высосал сухенькую старушку из окна. Вот вам и первая жертва. Следующие девять девять живущих рядом старушек выпадали из чистого любопытства, одна за другой, можно сказать, по очереди: вторая увидела полёт первой и открыла окно, чтобы узнать, кто это и зачем летит. Ураган был тут как тут. И так далее. Повезло сто первой старушке: ураган к тому времени выдохся, и она выжила: высунулась на сотый крик, осмотрела поле битвы ветра со своими неудачливыми сверстницами, плюнула с высоты и вернулась к телевизору. Кажется, показывали «Шахматную школу» гроссмейстера Авербаха... Вы считаете? Оставалось ещё сто пятьдесят старушек. Следующие пятьдесят... вы правы, опять ровное число... не смогли решить смешную задачу «мат в один ход», что расстроило их так, как ничто прежде, хотя жили они не в сахарной пудре: опечалившись, они написали завещания «В моей смерти прошу винить гр. Авербаха», почти одновременно открыли окна, влезли на шаткие табуретки и, вы правы, вы уже догадались, шагнули вниз. После чего осталось... считаем... сто старушек, а времени в обрез. Помог отдохнувший ураган: опять налетел, и всё повторилось, только на сей раз ураган оставил наш город на двухсотпятидесятой старушке. Стихия, мадам. А у стихии свои счёты с арифметикой. Даже две стихии, мадам: ветер и старость. Нет, даже четыре: ветер, старость, любопытство и Капабланка-и-Граупера, Хосе Рауль.

— Простите, я невольно услышал ваш разговор... Можно мне кое-что пояснить? Благодарю, мадам. Мсьё, который развлекал вас до меня, увы, не знает правды. А она такова, мадам: герои 1812 года, которые эшелонами возвращаются

в родной Энск, мало того что безноги и безруки, они ещё и бездомны. Пока шёл 1812-й, все они были на обеспечении, им предоставлялись окопы и захваченные в походе дома. А теперь всё: ни окопов, ни трофейных домов, ибо наверху решили, что пора возвращаться, хватит, напроливались кровушки. А возвращаться, мадам, некуда: Энск не резиновый, тут знаете сколько с 1812-го наплодилось... О-го-го. И тогда, мадам, я придумал, предложил, и мы осуществили следующее. Я? Я — замгородничего по новенькому и мыслям... Накануне мы дали по местному радио, которое вещает у нас круглосуточно из громкоговорителей на столбах... осинового столбы, мадам, во всех смыслах очень удобная штука... апокалиптическое объявление. Спокойное, но такое: «Вниманию одиноких старушек от 70-ти и старше, живущих в отдельных квартирах на этажах со второго по пятый включительно. Завтра в 12:00 наступит конец света. Дорогие старушки, обратите внимание: не “наступает”, а наступит. Просим отнестись со всей мыслимой серьёзностью: не ждать, что пронесёт — ни черта не пронесёт, — но встретить апокалипсис во всеоружии и заранее: шагнуть из окна первой, не дав концу света уничтожить вас. Посмеёмся же над подлым и жестоким апокалипсисом, истребив себя заранее: до 12:00 завтрашнего дня. Медлить нельзя». После этого поставили в каждом дворе счётчика, чтобы он вёл учёт выпавших и немедленно передавал информацию в штаб. И вот, когда упало 240 старушек, мы дали объявление о том, что конец света отменяется на неопределённый срок по независящим от градоначальства причинам. После чего, как и предполагалось, выпрыгнуло ещё десять старушек с плохим слухом, и на этом, мадам, как отрезало. Ровно двести пятьдесят. Как мы и запланировали. Ровно столько окровавленных ветеранов 1812 года вернулось на днях в Энск. Теперь все они живут в отдельных квартирах и в ус не дуют! Низкий поклон им за их нетленный подвиг!

Работа

(На улице при большом стечении зрителей проводится последний — и показательный, даже образцово-показательный

— допрос, который предшествует казни. Следователь в чёрном костюме с иголки сидит за столом, который установлен на помосте; допрашиваемый висит перед ним на дыбе в состоянии покоя и гравитации.) Вы, дружок, так и не удосужились сказать нам, кто виноват (следователь встаёт из-за стола, чтобы дать допрашиваемому лёгкую пощёчину). Господи, как же от вас пахнет... Кто-нибудь, дайте мне лавандовой воды, чтобы я перебил этот невероятный запах предательства... Спасибо. Так кто же виноват в том, что подлые французы спалили сердце нашей родины, город на могучей реке, название которой слишком хорошо известно, чтобы называть его здесь? Может быть, хоть теперь признаетесь? перед лицом тысяч наших людей, которых вы оставили без крова? Не уваливайте, пожалуйста. От вашего ответа зависит установление истины. А без истины очень тяжело жить. Как же трудно всем этим людям сводить концы с концами, не зная истины! Откройте же им глаза, — и пусть они уверуют, и да полегчает им, познавшим подлинную правду, и да взойдут озимые!

— Я, я виноват, товарищ следователь...

— Распятъ предателя (улицу разрывает рёв; в окнах лопаются стёкла)! Теперь заживём!

— ...Я почему не признавался на следствии... Я рта не успевал открыть, как вы а) били, б) били, в) били, г) заливали в рот свинец. Да, экспериментально, но ведь заливали. Я знаю, товарищ следователь, это работа, но я семь лет после жидкого свинца не мог вымолвить ни слова. А письменные показания — какие же это показания, как вы всегда говорили... кто в них поверит... Представьте, если бы вы поинтересовались сейчас, кто виноват, а я попросил у вас вечное перо и написал на листке в косую линейку: «Я, я виноват»... Вы бы меня на смех подняли. Виноват я, я и только я, я один. А подлые французы... что же, они мне лишь потворствовали, нехотя пошли у меня на поводу, оттого не наказывайте их так, как меня, ибо они всего-то проявили человеческую слабость, а не подлое предательство... Когда подлые они, побив Михал Илларионыча, вступили в сердце роди-

ны и начали отмечать, я малодушничал, я ничего не делал, хотя они ничего не соображали от бургундского, а вокруг было столько финских ножей, которыми они резали приготовленных на вертеле крыс. Когда подлые они изволили почивать, я опускал руки, хотя, они спали как младенцы, оставив рядом штыки. Когда подлые они варили на кострах своих лягушек, меня тупо рвало, хотя они искали травы и специи, а белладонна, мне ли не знать, была в самом соку. А потом неожиданно выпал снег, и подлые они, замёрзнув, забились в одно большое строение. И тут меня осенило, и я поджёг его, и огонь перекинулся на другие дома. Так от моих подлых рук и сгорело сердце родины...

— Распятъ его трижды! (*Из толпы стреляют. Допрашиваемый падает замертво.*)

— Это что же, казни не будет? Ах.

Никто не хочет помочь? (*Палач удручённо кивает головой на топор.*) Опять эти не наточили. Наши не умеют, а эти обленились. Ничего, и до них доберутся руки. Я покажу, как. Я дам, чем. Не стесняйтесь. Это полезный навык. Мальчик, ты чего? Тебе уже есть тринадцать? Тогда залезай. А пока дитя... мужик, наш настоящий юный мужик, точит мой топор, хочу спросить у вас: что нам делать с только что признавшимся в поджоге сердца родины в 1812-м, которого подстрелила какая-то сволочь... подстрелила и испортила нам праздник: отрубить собаке голову с выпученными мёртвыми глазками предателя? Повесить? Разделить и отдать псам? Псы неподалёку, терпеливо ждут вашего решения... Или всё-таки взять и, вопреки всему, расстрелять? Наденем на клятвопреступную голову терновый венец, поставим к стенке, прибьём к стенке в четырёх местах, — и бабах. А? Казнь назначена, казнь состоится при любом состоянии казнимого... А погоды сегодня просто прекрасные. Давно в такие погоды не казнил... Короче, кто за то, чтобы отрубить жмурику его предательскую голову? Невероятный рёв. Лес рук. Запомнил и то, и другое. А как вам идея с повешением поджигателя? Дикий рёв. Море рук. Запом-

нил, сравню. Или, может, отдать служебным псам, которые, конечно, не бешеные, но не ели уже три дня? Яростный рёв самолёта без глушителя. Чёрная бездна рук. Запомнил, учту. А может, к стенке? Неистовый, знаете ли, рёв. Непроглядная тьма ваших по-хорошему нервничающих лапок, соотечественники. Думаю... А пока я думаю, матери, поднимите детей повыше, это будет незабываемо, это воспоминание пройдёт с ними через всю жизнь.

— Котя, полезай к маме на плечи. Нет, не садись, попробуй встать. Встал? Не упадёшь? Тебе удобно? Ветер тебя не сдует? Видишь дядю палача? Смотри во все глаза и запоминай. Ещё пригодится.

Здравствуйте, падлы. Шутка. Я, кажется, ясно сказал: «шутка». Хватит закатывать глаза и строить кислые мины. (*В сторону.*) Можно подумать, не падлы... Начинаем программу телепередач назавтра. Шутка. Перестать негодовать, падлы, ибо я сказал: «шутка». Совсем шуток не понимаете? Считаете, что заседание тройки не место для шуток? Сегодня будут рассмотрены три дела. Все они связаны с оскорблением словом, а именно: с очевидным оскорблением, с возможным оскорблением и никаким не оскорблением. Но — по порядку.

Дело №1: Иванов против Сидорова. Цена вопроса: побиеие виновного кирпичами, конфискация всего, штраф за переход дороги в неположенном месте и пять годков во Владимирском центре рядом с либеральным отребьем, истосковавшимся без женщин. Суть дела: однажды Иванов зачем-то назвал Сидорова черно*опым. Сидоров возбухнул и переспросил: «Ты кого назвал черно*опым?» Иванов не смутился и ответил: «Я тебя назвал черно*опым». Свидетели оскорбления словом подтвердили: «Он вас назвал черно*опым, не извольте сомневаться». Иванов, возмущённый возмущением Сидорова, спросил: «А ты разве не черно*опый?» На что свидетели сказали: «А давайте проверим» и «Снимайте с него штаны, верующие люди». Пока верующие люди из числа свидетелей оскорбле-

ния словом снимали с Сидоррова штаны, Иванов то и дело спрашивал: «Ну и что? Что вы увидели? Действительно ли он черно*опый, как я его назвал? Неужели не черно*опый? Если не черно*опый, я, наверное, даже извинюсь... Впрочем, нет, я ещё крепко подумаю, потому что какой же он не черно*опый? — типичный черно*опый, даже если он и не черно*опый, вы только взгляните на его, с позволения сказать, физиономию...» И когда свидетели оскорбления словом наконец-то стащили с Сидоррова штаны повернули его этим местом к свидетелям из числа зрителей, которых не оставил равнодушными не совсем наш вид Сидоррова, выяснилось, что Иванов ошибся: никакой чёрно*опости у Сидоррова не наблюдалось. И тут нам впору бы начать побиевание Иваннова, который ошибся, кирпичами, если бы не одно «но»: после всестороннего рассмотрения жалобы Иваннова выяснилось, что Сидорров-то не совсем тот, за кого себя выдаёт, что следует из его весьма сомнительного родословного дерева. Поэтому мы, я и пара кивал из народа, которые, как всегда, выпивши и спят, волею, данной нам родиной, приговариваем Сидоррова к тому, что перечислено выше. Обжалованию, ха-ха, наш приговор не подлежит. Слышите, всё-таки черно*опый Сидорров? Даже не старайтесь. Побиевание кирпичами можно начать немедленно. Нет, ну не в зале же, падлы. На заднем дворе, пожалуйста, рядом с сортиром, там бездна битого кирпича. Следующие!

Дело №2: Петрофф против Смирноффа. На непредвзятый взгляд тройки, обвинение несколько сомнительно, и тогда, если оно действительно шиш с маслом и поклёп, наказан будет обвиняющий... Словом, кому-то из этих двух корячится... не скажу что, потому что ещё не придумал. А кому — сейчас выясним. Открываем дело, чтобы впервые полистать его... шутка... ну, не совсем, конечно... Петрофф, оскорбленец, вот это чмо с хайром до пупа (*показывает на Петроффа средним пальцем*), пытается уверить высокую тройку, почти птицу, в том, что Смирнофф, ефрейтор наших доблестных сил специального назначения, увидев его на лавочке на закате, возжелал его и начал лапать, оскор-

бляя словом «прош*андовочка», во что я не верую вовсе. Смирнофф, дорогой мой, в вашей бытовой лексике есть слово «прош*андовочка»? Все видят? — как эпилептик, отрицательно трясёт головой и крестится. Сложное же слово, товарищи. Не его оно ума. Кто такой сей Смирнофф? Смирнофф — ефрейтор сил специального назначения на побывке, который перепутал — я почему-то искренне верую в это и настаиваю на этом: пе-ре-пу-тал — перепутал во внезапно сгустившихся сумерках этого волосатика Петроффа с девушкой своей мечты. Так, ефрейтор Смирнофф? Кивает. Так. Вы, Смирнофф, небось орденоседец? Кивните, если небось. Кивает. Человек удивительной профессии и судьбы только что с задания, расслаблен, а тут в густых хлопьях вечерней зари перед ним предстаёт девушка его мечты, возможно, будущая супруга... Нет, я отказываюсь считать слово «прош*андовочка» оскорблением. А то, что, возможно, лапал, — так это эксцесс воина на побывке. Юбку же он с Петроффа не снял, не так ли? Короче, мы решили Смирноффа поблагодарить за службу, а Петроффа, этого оскорбленца, пожурить. Петрофф, вам не стыдно? «Прош*андовочка» в устах специального солдата на побывке — это комплимент, это присказка, это почти, извините меня, стишки. Вам, Петрофф, цветов, что ли, не хватило? Если бы Смирнофф, сказав: «Прош*андовочка», преподнёс вам букет кал, вы бы оскорбились? Секретарь, запишите: «Наверное, нет». Вот за это «наверное» получите-ка, Петрофф, десять, что ли, палок. Нет, приставы, речь о других палках. Ах, вы поняли. Ах, вы так шутите. Секретарь, запишите: вот этих приставов приговорить к паре палок. Не записывайте, это тонкая шутка.

Дело №3: Мракобрядская против Развесёлкиной, Развесёлкина против Мракобрядской. Шняга какая-то, бабы. Абсу-у-урд. Вы только послушайте, товарищи. Одна, Мракобрядская, избиделась. А другая, Развесёлкина, оскорбилась до глубины души. А именно: Развесёлкина сказала, что Мракобрядской (какая сомнительная у вас фамилия, мадам) нравится чикатило, тогда как Мракобрядской оно не очень

нравится, зато она без ума от Ивана IV Васильевича Грозного. Мракобрядская же, избидевшись, назвала Развесёлкину латентной фашисткой, на что оскорблённая до глубины души Развесёлкина заявила, что никакая она не латентная, потому что, цитирую: «римское приветствие, достигшее чужих глаз, ослепляет почище выцарапывания». Вон отсюда, кошёлки. Это и есть решение тройки. Пошли вон. Приставы, чего сидите? Взашей их.

— Есть взашей, ваше высокоблагородие.

Взятие ГУМа

Мороженого... не могли бы вы дать мне немного мороженого? Меня задело, я скоро всё, а в голове только это и талдычит: мороженое, хочу мороженого (*человек с липовым листиком на шутовском колпаке смеётся; выстрелом из какой-то зверской дряни ему оторвало ногу — а он насмешничает*). Никогда не хотел, а сейчас жить без него не могу. Чёрт, как же я хочу мороженого... В ГУМе, наверное, целые витрины мороженого.

— Сейчас поищем, дорогой. (*Дама, к ночному колпаку которой аккуратно приколот свежий липовый листок, передаёт по рации.*) Дорогие ребята, это Свобода, Ведущая Народ. Осмотритесь, нет ли рядом с вами лотков с мороженым. Очень надо. Я в «Детском мире», на первом этаже. Хватит пары брюле (мне тоже что-то захотелось). С нетерпением жду. Приём.

— Это Делакруа. Приложим все силы, мадам. Приём.

(*Только что стрелявший из укороченного автомата человек-в-ситуации, мент, обращается к другому.*) Калашников, друг, посмотри, что со мной не так. Положил кучу психических. Они не прятались, они просто шагали в ногу, неся на кольях знакомые головы. Одна из них нашего вашего превосходительства. Эту голову не спутаешь... Но одного, кажется, снял напрасно: в меня словно что-то вселилось. Его душа? Я чувствую её в себе, и она... пылает негодованием...

она, Калашников, приказывает мне пришить тебя...

— Только попробуй, Макаров. Я те пришью, Макаров.

Командир, а что там, в этом ГУМе?

— Лучшие огневые позиции для стрельбы по Кремлю.

Командир, это ничего, что, стреляя, я ору стихи? (*Командир улыбается и кивает.*) Люпин, люпин. Упав в цветы одним — / неношеным встаёшь: двудольным очень, / бобовым и сиреневым; отсрочен, / прощён, смеёшься: с прежним несравним. / Целуешь всяких и галдишь слова — / а ими кто-то водит по бумаге, / и оттого пронзительны и благи: / единственная; море; острова. / И всякие хватают акварель / и говорят: «Замри на фоне неба, / я допишу соцветие, что слепо / легло на щёку, верность — наша цель, / люпин яснее, на лице рука / люпина сбилась, и кусает пчёлка / не цвет — слезу. Тебе совсем не колко? / А плакал почему?» И облака / рядятся в тучи, только б кисть макнуть / в свой фиолет. И мы стоим по пояс, / щека и кисть, в дожде, не беспокоясь — / люпин цветёт, люпин уже по грудь!!!

Командир, можно обратиться по радице ко всем девушкам, которые сейчас с нами? (*Командир кивает.*) Вниманию всех девушек от 18-ти и старше, которые сейчас с нами. Я люблю вас. А вы меня любите? Приём.

— Я тебя люблю. Приём.

— Я не знаю, кто ты, но — люблю ужасно. Приём.

— И я люблю. Приём.

— Очень люблю. Очень хочу встретиться. После победы в шесть вечера на Красной? Буду ждать каждый день, любимый. Приём.

М.Грим

Стул №14

Действующие лица

ОН, лет сорока.

ОНА, лет сорока.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА, лет двадцати.

Суббота

ОН. Посмотри-ка: в нашей милипизерной песочнице уместились три человека и четыре человекка, строящих куличиковый рай. А вокруг на встречных курсах игриво скачут два мизантропических алабая, каждый размером с мини-аппалузу...

ОНА. Без копыт хотя бы?

ОН. Полагаю.

ОНА. Не хотела бы я попасть под их копыта... Значит, старики.

ОН. Кто?

ОНА. Собакенции. Значит, со вставными челюстями. Радуются новым зубам. Со старыми давно бы всех подмяли и подъели. Грудью сшибаются?

ОН. Кто?

ОНА. Мини-аппалузы.

ОН. Нет: деликатно расходятся.

ОНА. Не хотела бы я попасть под эти локомотивы.

ОН. А на крыше пятиэтажки вкалывает мальчишка: один, уже третий день.

ОНА. Перекрывает? Уже прохудилась?

ОН. Вряд ли: занят только жестяными свесами. Для чего заклеивать их толем?..

ОНА. Зачем это, если дом сегодня есть, а завтра — раз, и нету?..

ОН. Рукастый. Всё сам. По двенадцать часов. И без всякой страховки. Обожаю трудяг.

ОНА. И в выходной?

ОН. В выходной особенно. Отправит домой денежку.

ОНА. Думаешь, они ему заплатят?..

ОН. А рядом сидит девица и безостановочно смотрит... на меня? Только что рукой не машет.

ОНА. На крыше?

ОН. На земле, неподалёку от двух локомотивов. И ведь не боится. А ну как они перепутают её с диверсантом...

ОНА. На тебя?

ОН. На меня. На наши окна. Мне так кажется.

ОНА. Чего это она?

ОН. Влюбилась?

ОНА. Давно?

ОН. Влюбилась?

ОНА. Смотрит.

ОН. Сам хотел бы узнать.

ОНА. Красивая?

ОН. Длинноногая. С букетиком. В ситце. В сарафане. Сидит, нога за ногу... Неужели на стуле... Там ведь не на чем сидеть. Я тоже на твои окна смотрел, но стула с собой не таскал. Стоял и пялился. Пялился и стоял.

ОНА. А меня в это время и дома-то не было.

ОН. А мне всё равно надо было стоять и смотреть.

ОНА. На стуле?

ОН. Кто-то вынес? Ну не с собой же она его принесла...

ОНА. Может, она рядом живёт.

ОН. Я такой не помню.

ОНА. Давно, значит, сидит, коли ей стул вынесли. Допустим, с ночи. Люди у нас — добрейшие. А теперь смотрят в окно и умиляются: как хорошо сидит на нашем стуле...

ОН. С рассвета. Ночью у нас темно. Ночью я у окна не стою.

ОНА. Помаши ей, что ли.

ОН. С чего бы вдруг? Пусть она первая.

ОНА. Ты бы помахал мне, если бы я была в окне?

ОН. Когда?

ОНА. Тогда.

ОН. Так не была же. Вечно где-то моталась, когда я тебя высматривал.

ОНА. Погоди, а откуда я знаю, что ты стоял и смотрел?

ОН. Я рассказывал.

ОНА. Не придумывал?

ОН. Зачем?

ОНА. Прельщал.

ОН. Прельщал, конечно. Но и под окнами стоял. Каждый день, пока ты вдалеке наслаждалась летом. А потом перестал.

ОНА. Когда я приехала.

ОН. Догадливая. Стоял под дверью. И иногда звонил в дверь... и со страху убегал наверх. И, дрожа, слушал, как ты стоишь и удивляешься.

ОНА. Я выносила мусор, а ты давал дёру.

ОН. Господи, её свалил алабай. Она и впрямь сидит на стуле. И стул-то венский.

ОНА. Это такой с круглым сиденьем и спинкой из пары изогнутых берёзок?

ОН. Буков. Да, описала похоже.

ОНА. Цела?

ОН. Собаченька игралась. Собаченька свалила, рассмеялась и убежала к другой собаченьке.

ОНА. Напугана?

ОН. Не очень.

ОНА. Молодец девочка.

ОН. Ты бы даже не заметила.

ОНА. Заметила, но виду не подала б.

ОН. Встала, отряхнулась, села, смотрит.

ОНА. На тебя?

ОН. На меня.

ОНА. Нога на ногу?

ОН. Ты тоже так любишь.

ОНА. Дай же мне наконец взглянуть. Хватит кормить меня репликами. Где бинокль?

ОН. Сейчас принесу. *(Уходит; возвращается, наводит бинокль.)* Держи. *(Она смотрит долго, с минуту, две минуты.)* Что ты там увидела, чего я не увидел невооружённым взглядом?

ОНА *(недоумённо, испуганно, весело; потом отшатывается вглубь комнаты)*. Себя с ландышами. Боже мой... *(Она передаёт Ему бинокль. Он смотрит и... не может насмотреться.)* Ты разве не понимаешь, что я уже ревную? Хватит пялиться на деваху. Верни бинокль. Нет, спрячь его. Кроме шуток, убери эту магическую штуковину.

ОН *(недоумённо, испуганно, весело)*. Это же ты.

ОНА. А я о чём говорю...

ОН. Я бы сказал: «кого-то она мне напоминает», если бы это была не ты. Но это ты.

ОНА. Это я. Мне ли себя не знать...

ОН. Да ну. Бинокль сломался. Бинокль заболел. Бинокль при смерти. У него видения. Ему сто лет. Мой прадед смотрел в него на немцев в 1914-м, а они целились ему в первый окуляр. Я спущусь. Я осмотрю её. Я всё тебе расскажу.

ОНА. Прямо так подойдёшь и начнёшь всматриваться?

ОН. А что? Цветы ей купить?

ОНА. Я бы на её месте не возражала.

ОН. Значит куплю цветы. Два букета лучше одного. Какие?

ОНА. Ты спрашиваешь? ты не помнишь? Стыд какой. Мне нравятся розы.

ОН. Какого цвета?

ОНА. Девушка юна, как румянец. Таким преподносят светлые. Подойдут розовые.

ОН. Розовые розы. Запомнил. Пошлость, но ты так сказала.

ОНА. Впрочем, может, она ещё не любит розы... Вдруг, ей ещё нравятся гвоздики... Какая же ОНА ногастая. Чистый скакун. У «скакуна» есть женский род?

ОН. Сивка-бурка.

ОНА. Лошадёнка.

ОН. Не завидуй. Я ускакал.

Она стоит у окна. Ещё-Одна-Она теперь смотрит на Неё. Она поднимает руку, едва заметно машет. Ещё-Одна-Она машет в ответ и, кажется, улыбается. Она берёт лист бумаги и рисует на нём огромный знак вопроса. Показывает его в окно. Ещё-Одна-Она разводит перед собой руками: мол, как бы тебе объяснить... Появляется Он: стоит с розовыми розами поодаль и, как и обещал, всматривается в Ещё-Одну-Неё. Та снова разводит перед собой руками, как бы говоря: «Что? ну что такое?» Он спохватывается и, ни слова не говоря, дарит Ещё-Одной-Ей цветы. Ещё-Одна-Она смеётся. Он смущается и уходит. И вот Он уже дома.

ОНА. Ну? Это я? Говори же. Стройная? Ещё не понесла?

ОН. Как она может понести, если мы ещё не были толком знакомы?

ОНА. Откуда я знаю.

ОН. Такая тростиночка. Это ты.

ОНА. Хорошенькая? Что я несу... Может, фотографии посмотрим?

ОН. Зачем? Как я могу не узнать тебя? Зверски хорошенькая.

ОНА. И что же нам теперь делать?

На улице начинается дождь. Он и Она подходят ко окну. Ещё-Одна-Она по-прежнему сидит на стуле; кажется, дождь её не смущает. Увидев Её и Его, Ещё-Одна-Она машет им рукой. Они машут в ответ, но осекаются.

ОНА. А ведь ты размахался. Тебя накрыл невиданный энтузиазм. Ты прямо пыхтишь его марш своими воспалён-

ными иссушенными губами. Этот мотив в этом исполнении мне особенно противен.

ОН. Да и ты не отстаёшь.

ОНА. Я уже не могу помахать самой себе?

ОН. Смешно.

ОНА. Очень. И очень страшно. Кто она, хороший? Что ей надо? Почему сейчас?

Потому что здесь (в квартале от них) и сейчас вот-вот упадёт авиабомба? А она действительно падает, и взрывная волна жутковато встряхивает внушительное недвижимое и бросает оземь чепуховое движимое: стайку вятютней (откуда они в городе?! убегая, летели мимо?), гурьбу круглых антенн с крыш, ораву беспечно прогуливавшихся. Среди прочего движимого с места срывает Ещё-Одну-Её. Стул уносится, букеты улетают (а она только начала гадать на розах, отрывая лепестки), а она, прокатившись брёвнышком с горки, замирает на земле, вглядываясь в знакомые окна. Она и Он, не знающие чего бояться больше: новой бомбы, вот этой поваленной или её ранения, машут ей: «Ты цела? Давай к нам, вставай-вставай». Ещё-Одна-Она не против. Найдя свой стул, она бредёт в их подъезд, поднимается по лестнице, потому что электричество в домах и авиабомбы не совместимы, и садится на стул напротив их двери. Она и Он по очереди смотрят в глазок, одними губами спрашивают друг друга, что делать, но дверь всё-таки распахивают. Распахивают и предолго смотрят на Ещё-Одну-Неё. Немая сцена? — Да, это довольно точное описание происходящего.

ОН и ОНА (вместе). Ну привет.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА (ломко, неуверенно, будто нащупывая язык, на котором давно не говорила). Здравствуйте, дядя и тётя.

ОН и ОНА (вместе). Ух ты, и голос тот же. (Ещё-Одна-Она улыбается.)

ОНА. Голос, конечно, тот, но — «дядя»?

ОН. И «тётя», конечно. Разве ты сморозила бы такое?

ОНА. Ещё бы сказала «мать».

ОН. И «отец».

ОНА. А чего это мы расприветились?

ОН. Сам не знаю.

ОНА. Ну похожа... немного. Ну голос... кого-то напоминает. И что — надо умиляться девице, которая расселась на венском стуле напротив нашей двери, улыбается, как матрёшка, и несёт чёрт знает что? Милая, ты ещё ноги на стул задери и положи на коленки подбородок. (*Ещё-Одна-Она так и делает.*) Во даёт.

ОН. И ты так делала. И ты так любила.

ОНА. Но эти нелепые «дядя и тётя»?!

ОН. Может, оговорилась?

ОНА. Ничего она не оговорилась. Посмотри, как смотрит.

ОН. Пронзительно смотрит.

ОНА. Наглогато. И не отводит глаз.

ОН. Мне это кого-то напоминает.

ОНА. Не сочиняй.

ОН. Да, расприветились мы не по-детски.

ОНА. Может, ты и пригласить её намеревался? Мол, приходите, барышня, вас-то нам и не хватало. Ах, столько лет не виделись. Где это вы так долго обретались? почему не заглядывали? Не хотите ли чаю с лимончиком и тортом «Прага»? Вы останетесь у нас? Пожалуйста, оставайтесь. Если не хотите спать на раскладушке, я попрошу вот эту (*показывает на себя*) освободить её спальное место рядом вот с этим (*показывает на Него*)...

ОН. Зазвать в дом незнакомку, которая ляпнула: «дядя и тётя»? Вряд ли. Та, о ком мы с тобой полуговорили, сказала бы иначе. Например, «здравствуйте».

ОНА. Или «привет».

ОН. Или «а вот и я». Могла бы вот так?

ОНА. Определённо: и поднялась бы, и сделала, например, книксен. И всё это, заметь, искренне. Потому что *так* чувствовала. А ещё, насколько я её знаю и помню, могла бы счастливо рассмеяться, потупить глаза, а потом вдруг стать серьёзной и, переводя глаза с «дяди» на «тётю», с «тёти» на

«дядю», заглянуть в них так глубоко, что им стало бы... не то что стыдно бог знает за что, но печально, как после чтения чего угодно у Александра Сергеича, и печаль эту они отнесли бы к себе: мол, все, как идиоты, горя не знают, ржут над всякой чушью, а я знаю, не ржу и до сих пор не помню, как кончается стишок к Катеньке Тимашевой... две последние строчки... просто не верится, что там употреблена эта детско-морщинистая, словно при сенильном папизме, рифма «розы — прозы»...

ОН. Это да! Устроить с места в карьер экзамен — ох, могла бы. Прочитать, не давая себя прерывать, что-нибудь этакое: «Ангелы падали всякий день; / отроки Смертин и Черноглазов / (Смертин, задабривая мишень, / с места падения не счесть камазов / вывез бутылочного стекла, / и метастазов — вагон, и знаний / об одиночестве в догола / разоблачившейся смерти в ранний, / между полканом и петей, час — / тачку для угля, одну лишь горку / угля не тронул: «А пусть у нас, — / Смертин смеялся, — не мёд, но горько / будет им, если не на копну, / не на матрас, поломав ладошку, / свалятся»; а Черноглазов у / места падения понарошку / книжку читал в этот серый час — / и черноглазо глядел на небо, / «Пусть, — трепетал Черноглазов, — нас / не переваривают. Не лепо ль / ны бяшет старыми словесы / “чтоб вы подошли” начати, братья, / павших обласкивать, картузы / глубже напяливать и проклятья / сквозь битый прикус цедить, смеясь?»)... / мальчики Смертин и Черноглазов / сбили носилки, рубашек бязь / перевели на бинты, по гласу / выживших ангелов во плоти / долго искали и к коновалу / нет-нет да и доносили почти — / если хватало бинтов (не хватало)» и спросить: «Чьё?» Типа: если не знаете, то и я вас знать не хочу: терпеть буду, пока рядом, но знать не хочу.

ОНА (*мечтательно улыбается; Ещѐ-Одна-Она показывает глазами на Него.*) Его ли, спрашиваешь? Его-его. Мастер опусов.

ОН. О да. Могла. Могла и выкаблучивала.

ОНА. Не выкаблучивала, а так чувствовала — и считала возможным делать... Это кто же из нас Смертин, а кто Черноглазов?

ОН. О чём ты?.. Чёрт... Ты намекаешь на...? С ума сошла? Давно ли ты веришь в эти глупости?

ОНА. Никогда не верила и, надеюсь, не успею поверить. Но... С чего это вдруг ты прочёл именно этот стишок?

ОН. Понятия не имею. Первое, что пришло на ум.

ОНА. Если бы. Может, это и первое, что пришло, но как же удобно оно пришло... Вдруг появилась некая неотличимая от меня деваха столетней давности. При ней ничего. Только стул. Стул-то откуда, длинноногая? (*Ещё-Одна-Она пожимает плечами.*) Не знает. Лучше бы ты с моей живой девочкой появилась (*плачет*)...

ОН. Или с моей ещё не написанной книжкой. Ну что ты такое говоришь. Перестань, не плачь (*гладит Её по голове, вытирает Ей слёзы*). Видите, мадемуазель, что вы наделали?..

ОНА. ...и пялится, и пялится. Бомба дом чуть не смела, а у этой — ни царапинки. Ни царапинки же? (*Ещё-Одна-Она осматривает себя; кивает головой: ни царапинки.*) Ни синяка. И ничего ей, поверь мне, и впредь не будет.

ОН. Почему?

ОНА. Потому, дурачина ты, простофиля. Ты бы зашёл к ней с тылу и спину ей осмотрел, а? (*Смеётся, смеётся грустно.*)

ОН (*хохочет*). Непременно. (*Ещё-Одна-Она поворачивается спиной, спина у её сарафана открытая.*) Вот видишь.

ОНА. Вот вижу. Но пускать в дом её не стану.

ОН. И я тоже.

ОНА. У нас денег полный матрас. Вдруг она не моё разгравшееся воображение, а охотница за деньгами в матрасе...

ОН. ...и брильянтами. У нас, барышня столько брильянтов. (*Ещё-Одна-Она улыбается.*)

ОНА. Хотя, согласишься, всё это дико: сидит какая-то перед дверью, а мы сюсюкаем.

ОН. Со стороны взглянуть — можно умереть со смеха. Соседи, верно, уже умерли.

ОНА. Постой. Она вообще существует? Уколи её чем-нибудь. И пусть она даст тебе сдачи. Не со зла, а инстинктивно.

Я всегда так делаю: отмахиваюсь... словно обожглась. Что же мы о такой простой вещи сразу не догадались...

ОН. А погладить можно? Если дастся, а потом остановит руку и задержит ладонь на моей руке, словно благодарит, то...

ОНА. Что «то»?

ОН. Не важно. Пошёл за иголкой (*уходит; приходит*). Пришёл с иголкой (*колет Ещѐ-Одну-Еѐ в шею. Ещѐ-Одна-Она вздрагивает, отмахивается от руки с иголкой — и смеётся.*)

ОНА. Смеётся, как автоматон. Ты спину хорошо осмотрел? Там впадинки для ключика нет? Теперь мне уже кажется, что она заводная. (*Ещѐ-Одна-Она смеётся.*)

ОН. Как ты, а не автоматон.

ОНА. Автоматонов тоже не бывает, да?

ОН. Ну наконец-то.

ОНА. Вот я и успокоилась, да? Настоящая, да?

ОН. Нет и да. Надо бы поинтересоваться... но мне не с руки...

ОНА. О туалете?

ОН. Да.

ОНА (*обращается к Ещѐ-Одной-Ней*). Хочешь? Забежишь к нам? Полотенце я сейчас повешу. Мыло найдѐшь. Но только сразу назад. Пускать тебя на ночь никто не собирается. А если захочешь ночью... даже не знаю что делать... Ладно, постучи. (*Ещѐ-Одна-Она благодарно кивает, поднимается со стула и исчезает в квартире.*)

ОН. И впрямь венский (*переворачивает стул*). Господи, это же настоящий «Тонет» №14, из позапрошлого века. Вот откуда?..

ОНА. Девчонка устала: посерела, как только зашла к нам. То есть бодрилась.

ОН. Хочешь, чтобы она переночевала?

ОНА. Нет.

ОН. Вынести в коридор диванчик? Будет весело.

ОНА. Нет.

ОН. Тогда дадим ей ещё пару стульев, назвав это кроватью. Главное, чтобы они были одной высоты с 14-м. Это 14-й, представляешь?

ОНА. Мне это ничего не говорит. Дадим пару стульев.

ОН. И простыню?

ОНА. Издеваешься?

ОН. Одеяло?

ОНА. Конечно. Одеяло — конечно.

ОН. Но почему бы не пустить её? Хотя бы в *наш* коридор?

ОНА. Хочешь пустить?

ОН. Хочу, но...

ОНА. Решено: пусть ночует в общем. Если она вообще намерена это делать. Вдруг у неё другие планы? Сейчас умоется — и передушит нас, чтобы отыскать брильянты :-). Сейчас умоется — и сделает ручкой: я, дядя и тётя, удовлетворена, — вы отреагировали на меня так, как сказал Он, то есть не поверили, не полюбили, выгнали...

ОН. В общем — так в общем. Пошёл за стульями.

ОНА. А я за одеялом. И свитером. И шерстяными носками. И ночным колпаком :-). И чаем с бутербродами. Или её дома накормить? Конечно, дома, чего это я...

Ночью в общий коридор выходят соседи (к счастью, они живы, никого из них смех не убил). Они на цыпочках подходят к спящей на трёх стульях Ещё-Одной-Ней и долго-долго вглядываются в её смутно знакомое им лицо. Ни один не смеет разбудить её, чтобы прогнать. Что-то их останавливает, хотя люди они очень, очень разные. На крыше пятиэтажки, расставив палаточку, ночует работяга. В песочнице, сбившись в своём раю, ночуют куличики. В небе, зависнув на подлёте к городу, ночуют авиабомбы: они ещё не знают, когда и куда упадут, и поэтому сон их нервен: словно спохватившись, некоторые из них начинают шевелиться и даже юлить, но потом опять успокаиваются. Ночью тут спят, хотя это и не очень типично. Ночью тут ничего не происходит, разве что кто-то встаёт в туалет, а потом вспоминает, что туалет за двумя дверьми, в одну из которых надо стучаться, и засыпает вновь.

Воскресенье

Он проснулся — и удивился: где-то в квартире говорили, голоса были девичьи, потому что Её голос со временем не изменился вовсе: девчачий и такой, когда на его обладательницу, если её не видишь, очень хочется взглянуть. Трогательный, но и трогаящий. Второй голос... тоже был... Её. Неужели сама с собой?.. ОН поднялся, оделся и, таясь скорее в шутку, чем по-настоящему, пошёл на голос... на голоса: оба голоса собрались на кухне. Она разговаривала с Ещё-Одной-Ней — и как с подружкой.

ОН. Надо же. Как мило. Закадычные и задушевные. Доброе утро, щебетуньи. Как сами?

ОНА. А она ничего, а она ух какая.

ОН. Ещё бы: я бы тоже себе понравился: дурак, зато какой юный.

ОНА. И — я ей всё рассказала.

ОН. Всё-всё? Всё, что будет? то есть было?

ОНА. Да.

ОН. И про девочку нашу? (*Она через силу кивает.*) То-то вы такие зарёванные. И она готова?

ОНА. К чему?

ОН. Ко всему.

ОНА. Не понимаю.

ОН. Чего тут не понимать... К моей дикой влюбчивости и садистской правдивости. Деточка, я очень часто влюбляюсь во всяких... дев... в замечательных и ужасных, в ужасных почему-то чаще, а замечательная была одна (ни слова ни говоря, она купила торт и приехала к нам домой: знакомиться, и твоя подружка, девочка, надела ей этот торт на голову), но твоя подружка — это навсегда, а все остальные длятся месяц-другой, но это доводит Её, мою ненаглядную, до срывов и всего прочего, и знаешь, почему? — потому что я всё Ей рассказываю: вот как влюблюсь — так сразу и рассказываю (счастье, что не вожу этих дев домой — чтобы с ней познакомить), и она сначала перестаёт смеяться, потом есть, потом опять ест, но при этом худеет на двадцать пять

килограммов, до концлагерного стандарта, потом перестаёт разговаривать, не со мной, со мной она любезна, со всеми, вообще со всеми, а потом, когда у меня всё заканчивается и мне от стыда жить не хочется (и это так мелодраматично, деточка), она месяц, ровно столько, сколько я был безумен, в это не верит, — и начинается самое страшное: раздевшись догола, она выходит в мороз на балкон и баррикадирует балкон, и попасть на него можно, только разбив окно, но происходит это не сразу, и она успевает заболеть воспалением лёгких... Продолжать, деточка? Не плачь, деточка. Всё будет хорошо, деточка.

ОНА. Какая же ты сволочь... Не слушай его, он хороший, он лучший. Он живёт... жил с нашей девочкой на руках... с нашими девочками... их было трое, я тебе не сказала, просто у них всегда было одно имя, которое нам нравится, а мы упрямые, мы такие упрямые... Я долго отхожу после появления на свет человечка... отходила. Полгода, не меньше, даже дольше. И он не выпускает её из объятий (можно я буду говорить в настоящем времени?), она на полном его попечении: он кормит её мною, поднимая меня с постели и упрашивая покормить, он круглыми сутками гуляет с ней, он полуспит, чтобы быть рядом с ней, когда она капризничает ночью, он — отец, он, ей-богу, спаситель, он, он, а не... он её, нашей девочки, творец. Он читает стихи трёхнедельной Ане; он учит полугодовалую Аню арифметике; он поёт с девятимесячной Аней «Прелюдию и фугу №10 ми минор», и у неё уже получается. Он делает годовалой (день рождения был вчера) Ане искусственное дыхание, он делает его долго, наверное, час, но Аня всё равно умирает от родимчика. Они называют это синдромом внезапной детской смерти, только чего же в нём внезапного, правда же, любимый? Троицу, девочка, на небесах обожают: троих и прибрали. А на четвёртую девочку нам духу не хватило...

Он и Смертин... Давеча ему в голову пришёл один из его стишков, помнишь? (*Ещё-Одна-Она кивает.*) Он же ни дня не работал, как все люди; он утром выходит собирать бутылочное стекло, «потому что некто, упав с неба, может

пораниться», он КАМАЗами вывозит его далеко-далеко и закапывает глубокого-глубоко. Он сметает с земли метастазы, чтобы они не перекинулись на упавших. Он собирает и сжигает знания об одиночестве умирающего в час между бродячей собакой и петухом. Он только рассыпанный уголь не трогает, «чтобы они сразу поняли: тут бывает больно». Он и Черноглазов: он утром, как на службу, выходит сидеть... везде, там, где ему вздумается, что некие с неба могут упасть; он караулит их, чтобы не опоздать и улыбаться им, а не облаивать их, как бы ему ни хотелось их облаивать... Прости, я путано говорю...

Цветы, хлеб-соль, осмотр, перевязка, / носилки, переноска, если тряска / *показана* упавшему на уголь, / а угол отражения и угол / падения равны — иначе клумба / с анютиными глазками у клуба, / лечебницы когда-то, прежде куча / угля для согревания колюче / болтающего штучного поэта, / воронкой перерыта с силуэтом / крылатого, зачем-то с высоты / шагнувшего во льды, ещё б не льды... / В уме ли окрылённый, копь со свода / ступил... В уме: упавшему охота / со смеху умирать, и он за речи, / вернее, за отсутствие при встрече / речей, оркестра («разве похоронный!») / и плакальщиков («разве что колонной / по семеро в ряду, и всяк — Козловский!»), / возносит (но они не из таковских, / не шутят) санитаров: два дебила / уныло волокут, и ангел мило / «*Показана-показана!* В дурдом! — / скисает. — Я не местный, я с крылом»...

Он же за других книжки пишет и, как дитя, радуется, когда его — чужие — книжки противны ширнармассам, зато двое-трое избранных обращаются к ним каждый день. Он же, девочка, не просто хороший поэт, он лучший. Он называет свои стишки яблоками и, когда поднимается ветер, выпускает их в форточку, чтобы, полетав, они падали на головы людям и те удивлялись. Он же одиночка, девочка, он ни одной своей строчки не отнёс туда, где толкучка, где потно, где, как оловянные солдатики, шагают в ногу, а значит — только и делают, что врут. Я очень люблю эту сволочь, этого непутёвого сумасбродного ангела.

Ангел ангелу — человек. / Ангел выпавший бьётся страшно. / Ангел выживший из калек / взвод сбивает — и в город с «брашно, / млеко ваше потом, потом; / прежде наших айда в больнички — / биты редкостно, в горле ком: / в коме наши, одни реснички / чуть подрагивают; впередё». / Ангел выживший вертит дулом / пушки Токарева: «Взбредёт / бросить нашего — всех огулом. / Черноглазый, глаза отвёл. / Ты ещё хочешь-можешь смену». / Падший ангел — не лишний ствол, / ангел выживет непременно.

Он, разумеется, тоже упал, оттого и спасает своих. Только с нашей девочкой не получилось. И не мне, здешней, понимать до конца и донимать эту сволочь.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА. Я не помню, чтобы я откуда-то падала. Я просто появилась. Я сидела на стуле и держала в правой руке букетик ландышей. Но я помню всё, что было... со мной?... раньше.

ОН (*обращается к Ней*). С ней — или с тобой?

ОНА. Без разницы. (*Обращается к Ещѐ-Одной-Ней*). Это Он постарался. Он ждал твоего падения всю жизнь. Он сделал всё, чтобы тебе было мягко... (*Обращается к Нему. Он разводит руками, улыбается*.) Почему, дрянь такая, вам нельзя заводить тут детей? (*Плачет. Он берѐт её на руки и тетѐшкает, словно дитя*.) Брось меня, я такая корова, я такая старая... и я знаю, чем всё это закончится.

ОН. Я тоже не помню, чтобы я падал.

ОНА. Как интересно всё поворачивается...

ОН. Ты не думай. Я упрашивал их. Я угрожал им. Но они ни в какую. «Вам нельзя». Скоты небесные.

ОНА. Плохо, верно, упрашивал.

ОН. А я разве не пошутил?

ОНА. А таким разве шутят? Какая же ты всё-таки сволочь, любимый.

ОН. Всё-таки мозги мне иногда отказывают. Это правда.

ОНА. Мозги и сердце. (*Обращается к Ещѐ-Одной-Ней*.) Тебе в воздухе его «яблоки» не попадались? Не зря же он выкрикивает их в форточку... Только, пожалуйста, девочка, постарайся чуть-чуть менять голос. А то я уже устала слышать одну себя. Акцент, что ли, какой...

ОН. Обращаю твоё внимание: это ты её к нам привела, а не я.

ОНА. Зеленоглазый, глаза отвёл, пасть захлопнул.

ОН. Прости.

ОНА (*обращается к Ещѐ-Одной-Ней*). А стул, девочка? (*Обращается к Нему.*) Подскажи, какой у него номер...

ОН. 14-й.

ОНА. Впрочем, я вижу, что ты, как и я, недоумеваешь. Какой, к чёртовой матери, стул... Не о стуле я хотела. Я ещё об одном... испугалась тебе рассказать... Ты же помнишь... как странно это спрашивать... где ты, гм, учишься? (*Ещѐ-Одна-Она кивает.*) И я там... крутила вот с этим. Но и училась, и прилежно — настолько, что это я, девочка, спроектировала *ту самую штуку*, которая висит в небе столько, сколько ей нужно, чтобы все забыли о её существовании, зажили в мире и счастливо, завели детей, которых она убьёт, вдруг упав с неба. Не одна, конечно, дружным высоколобым коллективом, но расчёты — мои, и идеи, которые позволяют *этой штуке* почти бесконечно жить в небе своей жизнью, ни у кого не спрашивая, — увы, тоже мои. За это и расплачиваюсь... своими девочками.

ОН (*обращается к Ещѐ-Одной-Ней*). Я объясню, хотя ты, конечно, всё уже поняла. И, вероятно, поэтому ты и здесь (*Ещѐ-Одна-Она делает лицо: и не поняла, и где это здесь, о чём вы вообще...*). Эти штуки... назовём их для простоты авиабомбами... однажды были выпущены в небо многими тысячами. Их собирались испытать — и вернуть на землю. Но они... отказались, они... не послушались. Они не вернулись. Они там, и они действуют по своему разумению. И никто пока не придумал, что с этим делать. Разве что ты, нет? (*Ещѐ-Одна-Она отрицательно качает головой.*) Нет, нет, тоже не одна, но всем вашим упёртым небесным коллективом.

ОНА. Мы ведь всегда убиваем себя сами. Не так ли, девочка? Вот и я сама себя прикончу. То, что вот эта влюбчивая сво... то, что иногда вытворяет вот этот дорогой мне человек, — лишь добрая усмешка на губах твоего начальни-

ка, потому что я цела, несмотря на все его закидоны и свои заморочки, а некоторые и вовсе счастливы: Он с ними был, Он шептал им на ухо свои стишата и обещал жениться. (*Обращается к Нему.*) Обещал же?

ОН. Нет.

ОНА. Вот и я так думаю... А я, такая, сякая, ни разу не влюбчивая, придумала *эту штуку*, и теперь или она меня, или я её... Да лучше бы я уличных мужиков с триппером домой водила, правда, любимый?

Немая сцена, которую прерывает звонок в дверь.

ОНА. Это ко мне. (*Уходит. Слышен короткий разговор со звонившим. Возвращается.*) Я так и думала. То есть не зря я так думала :-). Чёртов стул «Тонет» №14. Если кому-то интересно... а вы, я смотрю, замерли... это не «Тонет» №14. То есть внешне это он. И даже жухлая этикеточка внизу выглядит «родной». И клеймо такое красивенькое и старинное. Но стул, гм, не отсюда.

ОН. То есть?

ОНА. Когда мы все уснули, я проснулась и сделала спил, и сделала звонок, и — пожалуйста: принесли бумажку и сообщение на словах... У нас хорошая лаборатория. Ты знаешь. Но наша хорошая лаборатория чешет затылок, не понимая, из чего №14 сделан. Это не одно из наших деревьев. Это не пластик. Это чёрт знает что. (*Она и Он смотрят на Ещѐ-Одну-Неё. И та смеётся.*) Кажется, она вызывающе смеётся?

ОН. У меня вся спина в мурашках.

ОНА. Можно посмотреть? (*Поднимает на Нём рубашку.*) Не соврал. Трусишь?

ОН. Я был уверен, что всё это хоть как-то объяснимо. А теперь вижу, что это...

ОНА. Необъяснимо?

ОН. И даже не чья-то идиотская шутка.

ОНА (*обращается к Ещѐ-Одной-Ней*). А ведь ты, девочка, не заплакала, а рассмеялась. Интонации смеха я так и не поняла, но он изменился. Так ты ещё не смеялась.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА (*говорит с неким акцентом*). Дядя, тётя, милые, хорошие. Мало того что я вряд ли когда-нибудь приду в себя... в вас, тётя?.. после своего возникновения здесь, хотя я рассказала тётю, кто я, и Она, выслушав меня, подтвердила: да, это я, то есть Она, только на двадцать лет моложе...

ОНА. Ровно на двадцать лет. (*Обращается к Нему*.) Совпадает вообще всё, что может... могло совпасть на тот момент. Девочка, словно она из дурной книжки или скверного кино для дебилов, знает даже то, что я сама почти забыла... хотела бы забыть... и о чём никто, кроме меня не помнит.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА. ...так теперь я ещё и виновата? В чём? В том, что не знаю того, чего не знаю? А давайте, что ли, пытать меня! Я боюсь, когда у меня берут кровь. Можете взять у меня кровь? И я всё-всё расскажу...

ОНА. Перестань, тут все прекрасно знают, что я падаю от одного вида крови... А теперь давайте не пытать, а пить чай. Давайте надуемся чаю.

ОН. Ой. А ты её щупала? Она же не голограмма?

Все смеются. Она даёт лёгкий шуточный подзатыльник Ещё-Одной-Ей, та, сказав: «Извини, дядя», даёт подзатыльник Ему, а Он — Ей. Все вполне материальны.

Вечером Он и Она заняты обычными делами: походив по комнате, Он что-то стремительно записывает на компьютере, затем опять вскакивает и с отрешённым видом вышагивает из угла в угол; Она читает. Когда на улице, может быть, даже и не в городе, что-то едва слышно взрывается, они подходят к окну. «Впервые сегодня и далеко», — говорит Он. «Очень далеко», — говорит Она. Ещё-Одна-Она в это время поёт в душе: готовится ко сну.

ОН. Напомни-ка мне, почему мы её оставили.

ОНА. Ей некуда идти. Она из двадцатилетнего далёка.

ОН. Это понятно. Я о другом. Мы оставили её из: а) чело-веколюбия или б) потому что она — это ты?

ОНА. Оба пункта.

ОН. И я так думаю... А мы точно уверовали, что она из... не хочу говорить «прошлого», дико звучит... из другого пространства-времени? Нет, так тоже не хочу говорить, я же ещё не тронулся... не совсем тронулся... что она твой молодой клон? Так лучше. Клонирование возможно.

ОНА. Мы в сомнениях, но мы на пути к вере. Стул №14. Не забыл?

ОН. Но её же надо... легализовывать. Мы её, прости, удочерять не будем? И паспорт ей нужен. И учёбу надо бы продолжить... Или ты её на дому будешь учить :-)? Кстати, что она поёт?.. Я эту песню двадцать лет не слышал...

ОНА. Ага... Ты же не влюбляешься в неё? Пожалуйста, пожалей меня.

ОН. Торжественно клянусь без особой нужды второй раз в тебя не влюбляться.

ОНА. Ты дошутишься.

ОН. Ой. А родинки на ней мы и не проверили...

ОНА. Точно. Как это мы забыли... Всмотрюсь в неё завтра утречком. Спи... Может, ещё отпечатки наши сличить (*улыбается Она*)?..

И они засыпают. Ему снится странное: Он на Красной площади. И что его туда понесло... Над Красной много солнца, и Он, застыв столбом и подняв голову в небо, купается в его лучах. Правда, потом они становятся слишком горячими, даже обжигающими, и Он бежит с площади. А Ей снится невиданное и страшное: Его нет пять дней, его телефон не отвечает, больницы бросают трубку, а морги выкамаривают: сказав: «алё», дико хохочут, а потом и вовсе начинают икать. Кошмар? — Он.

Понедельник

Те же, но не там же и не без перемен в облике и поведении. Грязненькая, вероятно, больничная, палата: койки в три ряда, в ряду по семь коек. «Очко кроваток, — думает Он, осмотревшись, не вставая с койки в левом верхнем углу и даже не подняв головы. Зырк непослушными глазами пе-

ред собой, зырк — влево, вот и освоился. — Надо же, как я неудачно развалился, в такой толпе... Надо же, я не дома. А любимая рядом...» Она смотрит на Него во все глаза. На ней чужой белый халат... Ещё-Одна-Она стоит рядом, она тоже в белом халате. «Больничка, что ли...» — думает Он.

ОН (*силится спросить, но язык ленив, как покойнический, и неумел, как безрукий*). С родинками-то как? Ты... её... проверила?

ОНА. С какими родинками, дорогой? Дорогой, вы срочно госпитализированы. Пришла вас осмотреть. Пора вас осматривать. И — не тыкайте мне, дорогой.

ОН. Где я?

ОНА. А также: «кто я?» и «почему я здесь?». В БОЛЬНИЧКЕ. Сказала же. Слушать будете или нет? Если «или нет» — я вас сейчас как уколою. (*Смеётся. Ещё-Одна-Она подхихикивает.*) Шучу я, дорогой. Немного. Вы (*смотрит в бумаги*) — Он. Вспоминаете себя? Вы — Он. Или мы вас с кем-то спутали?

ОН. Я — Он. Это я вспомнил. Не спутали.

ОНА. Вы здесь, потому что...

ОН. Где это «здесь»?

ОНА (*обращается к Ещё-Одной-Ней.*) Как думаешь, придуривается или совсем дурак? (*Ещё-Одна-Она хихикает.*) В больничке. Больничка имеет место быть в городе Серпухове. А вы думали, в Нью-Йорке, что ли? Увы, мы его ещё не взяли. В Сердце Родины все больнички забиты вашим братом. Теперь вашего брата везут куда подальше. Вам повезло: вас отправили в мой дорогой Серпухов, а могли бы в Уссурийск. Ещё раз спросите, где вы, — ей-богу, убью, медленно, но надёжно, лекарственные средства имеются. Вы здесь... надо объяснять, где?... не надо, вы наконец сообразили... Вы здесь, потому что ранним субботним утром вы за каким-то чёртом оказались на Красной площади, где смотрели в небо и шептали нелепое; нелепое было слышано дежурящим над главной площадью Родины БПЛА, после чего вас скрутили, поместили в машину «Хлеб» на 14-й стул и повезли по больницам...

ОН. Простите. Какую нелепость я шептал в небо?

ОНА. Я не могу это повторить. Но могу записать. Записать? После чего я при вас уничтожу написанное. Сестричка, дай ручку и бумажку. *(Пишет. Не выпуская бумажки из рук, даёт прочитать Ему. Рвёт бумажку, обрывки отдаёт Ещё-Одной-Ей.)* Уничтожь ещё раз.

ОН. Нет войне?

ОНА. Не понимаю, о чём вы.

ОН. Что такое «14-й стул»?

ОНА. Машина «Хлеб» имеет тринадцать посадочных мест. Четырнадцатый псих едет стоя...

ОН. Спасибо.

ОНА. ...повезли по больницам.

ОН. Почему по больницам?

ОНА. Откуда мне знать? Нам приказали взять вас под своё крылышко и «купировать». Мы даже не знаем, чем: ампулы выданы ими, и в пребольших количествах. В субботу, в день поступления, вас укололи два раза: на Красной площади (не мы) и в нашей больничке (мы). В воскресенье вас укололи один раз. Сегодня понедельник, мы с сестричкой пришли оценить ваше состояние с точки зрения купирования. Мы вас купировали, как думаете?

ОН *(указывает на Ещё-Одну-Неё)*. Она покажет мне родинки? У меня есть жена? у нас с ней есть дети? сколько мне? чем я занимаюсь?

ОНА. Мы вас ещё не купировали. Спасибо. Сестричка, вколи-ка ему казённого неизведанного.

Понедельник

Те же и там же, что и в выходные. Она и Он просыпаются.

ОН. Доброе утро, любимая.

ОНА. Доброе утро, любимый.

ОН. Если ты полежишь ещё пять минут, я принесу тебе кофе.

ОНА. Ух ты. А что взамен?

ОН. Родинки...

ОНА. Родинки. Я помню. Я даже знаю, куда вглядываться. Но как это сделать? «Девочка, ты не могла бы приспустить трусы?..»

ОН. Это проблема. Ушёл делать кофе. Не вставай.

ОНА (*вдогонку, громко*). А если подумать... неужели я не могу посмотреть себе под трусы?..

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА (*которую, вероятно, разбудил их разговор; из другой комнаты*). Можете. Сейчас. (*Заходит к Ней в комнату.*) Пожалуйста.

ОН (*из кухни, торжественно*). Несу кофе!

ОНА. Не спеши. У нас тут осмотр... Всё, неси.

ОН (*в дверях комнаты*). Вас уже двое. Уходил — была одна, пришёл через пять минут — двое. Как вы это делаете? А кофе только на одну...

ОНА. Это я, только, прости, моложе (*смеётся*).

ОН. Правда?

ОНА. О да. Все родинки на месте. Дактилоскопия не понадобится (*смеётся иначе: иронично*).

ОН. Вот и хорошо.

ОНА. Чего же хорошего? Отдай ей мой кофе. Я опаздываю на работу.

ОН. Когда вы наконец посадите свои бомбы? Есть прогресс? Два года уже летают...

ОНА (*смеётся зло*). А зачем их сажать?

ОН. Ты шутишь?

ОНА. А таким шутят? (*Он расстроен, разводит руками.*) Ей не мешай, о ней заботься, её корми обедом и полдником.

ОН. Кормить её? Я думал, она меня накормит. У меня же дел по горло: мне, кровь из носу, сегодня надо написать двести фальстафовских строк для мусью Шекспира. Полторы строки уже есть :-), и каких: пушечное мясо. Как тебе? Пушечное мясо. Вчера осенило: «Tut, tut, good enough to tosse: food for powder, food / for powder...»

ОНА. Миленько. Как будто бы про нас... небось с натуры писал, не напрягался? Кто такой мусью Шекспир?.. Накормишь-накормишь. Гречки ей, что ли, свари. Сумеешь?

Сумеешь. У девочки дел выше крыши. Девочка будет чертить... нашу скорбную умом бомбу. Она с родинками и головастая. Девочка, ватман и всё прочее вот тут (*показывает на шкаф*). Мы что-то упустили, а она как наче-е-ертит, и мы это как заме-е-етим! Как же хорошо, что у меня теперь две головы.

ОН. Конечно, накормлю. Уж яичницу-то я сумею...

ОНА. Помнишь, о чём я тебя просила? (*Шепчет.*) Не влюбляйся. (*Громко.*) И, конечно, стул №14.

ОН. Его тоже чертить?

ОНА. Его надо раскусывать. До вечера, голубки.

ОН. Возвращайся пораньше, любимая... (*Она хлопает входной дверью.*) А то придёшь попозже, а меня... нас уже нет. Меня нет, тебя нет, а ты есть...

Вечером того же дня.

ОНА. А девочка, несмотря на родинки... ты же не рассматривал их?.. дело чертит, и без всяких расчётов. Ещё чертить не перечертить, ещё считать, не пересчитать, но я уже вижу, что она на что-то наткнулась... А вдруг и впрямь удастся посадить штуковину, которая прижилась на небе... Иль перенаправить на Альфу Центавры. Ха-ха-ха.

ОН. А я был так занят её кормёжкой, что написал только другие полторы строки: «...they'll fill a pit as well as better: / tush, man, mortal men, mortal men». Мусью Шекспир сдерёт с меня три шкуры. Он собирался ставить эту штуку в своём народном «Глобусе» так скоро, как только я сумею написать.

Вторник

Те же, но не там же и не без перемен в облике и поведении. Он в больничной кровати, спит. Над ним повисла Она, в её руке шприц, целящий в его сердце (сердце-сердце; кажется, Она собирается сделать это с сердцем, хотя прежде Его кололи в мягкие ткани ягодиц). За Её спиной стоит Ещё-Одна-Она.

ОНА. Ах, вы проснулись. (*Убирает шприц за спину.*)

ОН. Давеча вы говорили о «нашем брате»: ваш брат, вашего брата, вашему брату, с вашим братом, о вашем брате... Это кто такие?

ОНА. Это те, кто приходит на Красную площадь и шепчет в небо нелепое.

ОН. И нас, кажется, много?

ОНА. Вас бездны. Слышала, что вами забиты все поезда. А отдельные самолёты садятся даже в Уссурийске, хотя их больничка, как говорят, тоже переполнена. Кладут в коридорах — и штабелями. Как жмуров.

ОН. А, так я не один.

ОНА. Как сказать. Жена ваша с дочкой вашей, которая паразитально похожа на жену вашу, добравшись до ненаглядного Серпухова (вы же помните, что вы в Серпухове?) (*Он кивает*), не остались. Походили вокруг — и уехали.

ОН. «Походили вокруг»?

ОНА. Вокруг периметра. Вокруг «колючки», если вам так понятнее. Или у нас «бруно», сестричка?

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА. У нас спираль Бруно.

ОНА. Таким образом, к нам не попасть. У нас даже запретка есть. Что есть «запретка»? Контрольно-следовая полоса. Нет? Между внутренней «колючкой» по всему периметру и внешней находится распаханная полоса земли, чтобы никто не прошмыгнул.

ОН. Ясно.

ОНА. Я их в бинокль видела. Мне донесли, и я взглянула. Мне стало любопытно, какие они, жёны и дети таких, как вы... Короче, мы вас купировали, как счита?

ОН. «Счита»?

ОНА. Считаете, дорогой. Это я вас проверяю. Первую проверку прошли. Цепляетесь к языку. Улавливаете нюансы. Про жену и дочь не спросили.

ОН. Спросил.

ОНА. Но не о том. Должны были: «Они плакали?» А вы смолчали. И опять молчите. Я ему про жену-красавицу, про дочь-красавицу, а он — плотва.

ОН. Давайте к следующему вопросу.

ОНА. А это уже вы должны у меня спросить.

ОН. Что я должен шепнуть небу над Красной площадью, чтобы меня не трогали и, возможно, даже наградили?

ОНА. Умничка. Но ирония — неуместна. Сейчас как уколю.

ОН. Я проверил вашу реакцию. Иронию считываете. Не сумасшедшая.

ОНА. Не купировали. Зря я понадеялась на вас. Сестричка, на шриц. Сама воткни. ОН мне омерзителен.

ЕЩЁ-ОДНА-ОНА. В сердце?

ОНА. В *опу.

Вторник

Она стоит у окна. Мальчик, который работает на крыше, вылезает из палаточки. За ним из палаточки высовывается девица.

ОНА. Одноместная же. Как они там... А ты знаешь, что твой работяга, живущий на крыше, завёл пассию?

ОН. Ага, вчера их видел. А потом на крышу залезла ещё одна девица, и они загорали. Парень вкалывал, а девчонки разлеглись в том конце, который уже готов. Счастливые. Юные. Счастливые эти юные. Ложась на грудь, они оголяли спину.

ОНА. В бинокль видел?

ОН. Без бинокля бросалось.

ОНА. Оказывается, наша не любит яичницу. Свари ей суп.

ОН. Я? суп?

ОНА. Я написала, как и из чего. Всё помыто, почищено, порезано, надо только следовать инструкции.

ОН. А мусью Шекспир?

ОНА. А он тебе хоть раз заплатил?

ОН. Пока нет.

ОНА. Вот именно.

ОН. Мне хватает его обещаний. Говорит, что каждый десятый проданный билет будет мой. Максимальная вместимость — три тысячи человек. Прикинь и удивись. Целых триста пенни. Двадцать пять шиллингов! Осталось написать, и мы — богачи.

ОНА. Вари и пиши. Пиши и вари. Не оставишь же ты её голодной...

ОН. Как там стул №14?

ОНА. Бьёмся. И — это секретно. Прости.

ОН. Я этот стул вам нашёл, а вы... Эх.

ОНА. Я намекну. Как мне сказали в военной приёмке, сначала им показалось, что он жидкий...

ОН. Тьфу ты. С каких пор ты шутишь обезьяньи шутки?

ОНА. А ты не спрашивай.

ОН. Я тебя сейчас спрошу... но ты пальцем у виска не крути, ладно?

ОНА. Обещаю.

ОН. Ты не знаешь, я не собирался на Красную площадь?

ОНА. Побывать на Красной — всё равно что ходить голым по ул. Чугунные Ворота: и стыдно, и противно, хотя кажется, что тебя никто не видит.

ОН. И не слышит?

ОНА. Не без этого. Хочешь испытать?

ОН. Нет. Обезьяний вопрос, такая же мысль... подражательные мысли: мне показалось, что, походив там, я смогу что-то исправить. Но что? И что-то сохранить. Но что? Как это всё нелепо...

ОНА. Не нелепей стула №14.

ОН. Неужели вы приделали к нему крылышки, чтобы слетать на небо и строго поговорить с твоими самодурскими бомбами?... А где наша питомица?

ОНА. В постельке. Хочешь, когда я уйду, перелечь?

ОН. Ох. Какой же, прости, лошадью ты стала, любимая.

ОНА. Прости. Вся на нервах. Дура, дура, дура, дура. Дура.

ОН. Хочу, если ты отпустишь её от чертёжной доски, съездить с ней завтра на Красную...

ОНА. Упрямый. Нелепый. Дуйте. Но только завтра. Сегодня она должна дочертить один узелок, который...

Среда

Те же, но не там же и не без перемен в облике и поведении. Очнувшись, ОН сидит на койке, свесив ноги в проход. Она и Ещё-Одна-Она сидят на койке напротив, с которой, угрожая шприцем, согноли больного (или «больного?»).

ОНА. Не снилось ли вам нынче что-нибудь приятное?

ОН (*как всегда, сразу после пробуждения говорит с трудом, но потом, гм, расходуется*). Снилось: я угадал с ответом на ваш... или мой?.. не помню... вопрос, и вы выписываете меня домой. На прощание мы даже целуемся. Но вам этого мало, и вы ведёте меня в женский туалет... здесь есть женский туалет?.. где насилуете меня.

ОНА. Я к нему с хорошей новостью, а он, сволочь такая, дерзит и грозитя.

ОН. Ну?

ОНА. По ускоренной программе. Не в тайге же бросать вашего брата. Ещё не придумано такое количество палаток и вохры, чтобы вот так с вами поступать. Родина, не ожидая от вас такого, к такому не готовилась. Чего вы глаза выпучили?

ОН. А человеческими словами вы объяснить не хотите? Или не можете?

ОНА. Господи, к нам, в наш благословенный Серпухов, привезли новую партию вашего брата, и она так велика, что старых велено освободить.

ОН (*ёрнически*). Уря-я-я. Я к вам привык. Жаль будет расставаться. Но в женский туалет я с вами не пойду.

ОНА. А так бы я вас ещё поколола. С полгодика. Почему с полгодика? Потому что мне так вздумалось бы. Впрочем, мы проверили казённые ампулы: там, мой дорогой, физраствор. Ха-ха-ха. Даром, что ли, вы языком не ворочаете, ноги еле передвигаете, мыслями витаете, и снятся вам одни кошмары, во время которых вы ходите по больничке. Вас бьют смертным боем (вы спрашивали, что это за синяки на вас), а вы шляетесь. Физраствор, ага. «Нет войне», это

ж надо такое сморозить на Красной. Итак, что надо сказать, оказавшись на Красной?

ОН. Миру нет?

ОНА. Сестричка, запишите для будущего: это он сам сказал, никто его не неволил и почти не колол, после пяти укольчиков. Предал своего брата на шестой день купирования. Слаб-с, как психиатрическое мясо. Всё, собирайтесь. Отвальной не ждём, слишком мало вы были с нами, чтобы узнать нас во всей красе...

ОН. Домой? Спасибо, доктор. Я серьёзно: вы мне уже нравитесь, только...

ОНА. ...в женский туалет вы со мной не пойдёте.

ОН. Вы правы.

ОНА. Нет, не домой. Купированных, по инструкции, отправляют на Красную площадь. Готовы шептать небу над Красной «миру нет»?

ОН. В общих чертах.

ОНА. Следовательно — выписываем. И ждём машину «Хлеб». Как бы вам опять 14-й стул не достался, вышвыриваем-то многих...

Машина «Хлеб» не заставляет себя ждать. Логистика у этих идеальная. У Него опять стул №14. «Зато домой, — думает Он, — зато сегодня же буду с Ней». Путь не так уж долог: через два часа (на «Хлебе» мигалка, «Хлеб» пропускают), «Хлеб», едва найдя место («Хлебов» очень много), паркуется около Красной, почти на Красной. Охрана командует: «Ссаживаемся, расходимся туда, где вас вязали, и что есть силы шепчем небу предписанное и лепое. Желаящие могут кричать. К чему этот не наш предательский шёпот... Орите, сволочи, надрывайтесь, сорвите себе горло». Кто-то спрашивает: «А что потом?» Ему отвечают: «Если вас не скрутят — свободны, дуйте домой. Про нас ни слова. Домашним скажете, что играли в волейбол». Приехавшие быстро расходятся.

Он тоже быстр, но не спешит. Он не знает, где его взяли, потому что не помнит своего стояния на Красной. Он вы-

Пьесы для взорванного театра

бирает Лобное место и идёт к нему. Около усыпальницы стоят двое: Он и Ещё-Одна-Она. То есть не он, конечно, но некто, как ему показалось, похожий на него. А юная девица напомнила «сестричку», которая его колола. Неожиданно пара перестаёт посмеиваться и застывает на месте, задрав головы к небу. «А ведь они что-то шепчут, — думает Он. — Уж не “нет ли войне”...»

С этим Он достигает Лобного, устремляет взгляд в небо и шепчет: «Миру нет, миру нет, миру нет».

После третьего «миру нет» на Кремль падает самодурская авиабомба. Взрывная волна, словно веником, сметает всех, кто был на площади, в одну кучу. Он оказывается рядом с парочкой, которая стояла у усыпальницы. Он ощупывает себя: цел, ни царапинки. Другой Он ощупывает свою спутницу: цела, ни царапинки. Спутница осматривает другого Его: цел, ни царапинки. Все трое переглядываются и громко смеются.

Поехали

Действие первое,
в котором зритель, даже слепой, коротко знакомится
вообще со всем, включая заветное: принципы перелёта
во мраке, холоде и материальной пустоте

ЭЖЕНА. Я нашла тебе рельс, Ионеск. Он уютный и, кажется, из стали 30ХГСА. Я несла его на плече три версты, найдя на путях, по которым ходит 13-й номер, тот, в котором всегда тринадцать пассажиров, а четырнадцатый смельчак, если отважится, может прокатиться стоя. Мне показалось, что он был неуместен на этом отрезке пути из пункта А в пункт Б: однажды тут переходил дорогу император Фарнц Оисиф, и его не стало, это обло-чудище, представь себе, переехав его, его зарезало. С тех пор трамвай боится проезжать это место. Зачем ему там рельс, не так ли? А тебе очень даже зачем. Ты же сам говорил, что рельсы в ракете обязательны, без должного их количества вылетать бессмысленно, потому что... у меня записано... сейчас я найду этот вкусный кусочек в своей памяти... нашла, цитирую: потому что когда топливо на исходе, от тяги останется одно воспоминание, и тогда, чтобы продолжить полёт, придётся избавляться от балласта, от всякой твари, которую мы, пожадничав, взяли не пару, но с запасом, от членов экипажа, не сумевших проявить должное мужество и не захотевших выбрасываться по доброй воле, а также от залежей рельсов... Конец цитаты. И всё-таки: как ты назовёшь свою нашу ракету? Неужели «13»? А если кто-то в последний момент за-

хочет лететь стоя? Может быть, лучше «Эдуардыч»? Обещай подумать об этом, милый Ионеск. А ещё я всегда хочу тебя спросить, а потому всегда спрашиваю... не посчитай это за разложение моей чёткой памяти, до него в моём юном возрасте, как до Казани... кого ещё ты возьмёшь в полёт? Себя, это я понимаю, это резонно, ты заслужил, ты такую ракету строишь, о-го-го, свою маму, она тебя родила, императора Фарнца Оисифа, который тебе всегда нравился и который мог бы возглавить у нас шахматный клуб, впрочем, теперь, когда его зарезало, полетит только его прах, меня, если не передумаешь в последний момент, один крепостной театр, чтобы спасти артистов, вечно погибающих на представлениях «Распятие», которое идёт три дня и три ночи и не считается с жизнями... Кого ещё, Ионеск? Кто ещё тоскует по серпуховским эклерам так, как тоскуешь ты, как тоскует твоя мама, прах императора Фарнца Оисифа, я, если ты не передумаешь, артист, играющий Иисуса, артистка, играющая Марию, артист, играющий писателя, сочинившего классную книжку «Евангелие от Иоанна», рыжая артистка, играющая Марию Магдалину, артистка, играющая Марию Клеопову, пара артистов, играющих разбойников, которых распинают по сторонам от Иисуса?.. Это сколько уже, Ионеск? Это уже одиннадцать человек... Может быть, пара артистов, которые играют книжников, которые насмехались над Иисусом? Это уже тринадцать, Ионеск. Или двенадцать, если ты передумаешь брать меня. А четырнадцатый, который полетит стоя, кто он? (Он же тринадцатый, который полетит сидя, если не полечу я.) Неужели ты хочешь пустить на борт «Эдуардыча»... хорошо, ракеты по имени «13» человека, который чуть не убил тебя на дуэли? А меня ты спросил? со мной ты посоветовался? кто я тебе, Ионеск, чтобы не советоваться со мной?.. Тут нет и не может быть таких эклеров, потому что язык распухает от объяснений, как их надо готовить, а у них всё равно не получается.

ИОНЕСК. Потому что ингредиенты. Тут нет таких источников и составных частей. Они растут только на Серпухове... Спасибо за рельс, Эжена. Это достойный рельс. После

этого рельса ты опять попадаешь в число основных членов экипажа. Так держать. (*Эжена прыгает от счастья, от счастья же срывается с места, рвёт на клумбе внутри автошины от карьерного самосвала ландыши и дарит букетик Ионеску.*) Фоарте мультумеск, Эжена. Я тронут до глубины души, Эжена. А 14-й, Эжена, пока под вопросом и неусыпным вниманием. Я ещё крепко думаю. Даже сейчас, когда разговариваю с тобой. Или тот, который выстрелил в небо и убил мухоловку-пеструшку, птичку, которая так сладко поёт: «Цитру-цитру-три-крути-три», после того как я выстрелил в него из пистолета, по согласованию с ним заряженного двумя игральными костями, и те показали двойку, то есть моё прощение и даже, возможно, дружбу с ним, но не сейчас, а в светлом будущем, и не здесь, а уже на Серпухове, чтобы, если полетит он, показывать его в средних школах, когда меня не станет, как человека, стрелявшего в Ионеска... Или одного из героев войны 1812 года. Только кого... Но если, Эжена, ты по-настоящему озаботаешься спиртовыми таблетками, то — полетят оба, правда, один всё равно стоя и в отсеке балласта.

ЭЖЕНА. Мне нравится Кавалерист-девица, но меня никто не спрашивал. А если я всё-таки полечу, Ионеск, ты позволишь мне взять с собой куклу Фрейду, которая согревала меня в детстве, когда царила голицынская зима? Я так благодарна ей, что не смогу её оставить. И если я всё-таки не полечу, потому что ты передумаешь, ты сможешь взять одну Фрейду? Вдруг на Серпухове сагановский холод... Она согреет тебя, Ионеск, так, как согрела бы тебя я.

ИОНЕСК. Спиртовые таблетки, Эжена. Больше таблеток, Эжена, и Фрейда полетит с тобой — или без тебя.

ЭЖЕНА. Большое спасибо, Ионеск. Я так тебе благодарна, Ионеск. Спиртовые таблетки, Ионеск, выедают меня изнутри, потому что я хорошо, но всё ещё плохо стараюсь. Я виновата, Ионеск. Я знаю, что без них мы не взлетим, но ничего не могу с собой поделывать, чтобы нарастить их производство. Я сплю с солдатами за одеколон «Шипр», в котором очень много спирта. Я сплю с ними безостановочно.

Я еле таскаю ноги от этого беспробудного сна с солдатами, Ионеск, но им урезали пайку «Шипра», и я сплю с ними ещё дольше и чаще. А они, Ионеск, нередко обманывают: говорят, что «Шипр» есть, а сами расплачиваются туалетной водой «Ландыш», в которой совсем нет спирта, но зато она будто бы лучше помогает от вшей, и скоро «Шипра» совсем не станет. Но что мне их вши, если мне нужен их «Шипр»... А ночью, когда солдаты не спят, потому что в карауле, я, Ионеск, ползаю на поле боя, где много бывших солдат, а в их карманах много «Шипра»... Но этого мало, мало, мало. Если бы, Ионеск, ты дал мне огнемёт, я бы с удовольствием грабила парфюмерные заводы, на которых «Шипра» хоть *опой пей. Ты дашь мне огнемёт, Ионеск? Надеюсь, что дашь. А также докладываю: на сегодня, на три тысячи шестьсот пятидесятый день со дна начала строительства «Эдуардыча» (ну пожалуйста, Ионеск, пусть наша ракета будет «Эдуардычем»), изготовлено уже семь спиртовых таблеток, которые могут поднять в небо ракету с семьёю членами экипажа, которые особенно тоскуют по серпуховским эклерам. Долго, мало, и я готова удавиться, если ты скажешь, что я не справляюсь. Ионеск, скажи же хоть что-нибудь.

ИОНЕСК. Не забывай о взрывчатке, Эжена.

ЭЖЕНА. Никогда, Ионеск. Если бы в сутках было три дня, полтора из них я добывала бы взрывчатку.

ИОНЕСК. На Серпухове правит хунта. Поэтому наше возвращение домой, Эжена, просто обязано быть историческим и триумфальным: мы прилетим на Серпухов в ракете «13» (или «Эдуардыч», с окончательным названием я ещё не решил), головная часть которой будет боевой: полной взрывчатки. Мы прилетим домой и взорвёмся над кремлём хунты.

ЭЖЕНА. Есть полтора дня в новых сутках заниматься взрывчаткой, Ионеск. Сейчас я добываю её из гранат, которые повсюду разбрасывают солдаты, которые забывают снять с гранаты чеку. Кроме того, гранат много в карманах бывших солдат, загорающих на поле боя, которое я посещаю по-пластунски в ночное время суток для добычи

«Шипра». Но если ты дашь мне огнёмёт, Ионеск, я буду грабить гранатные заводы, и тогда у «Эдуардыча» будет самая килотонная боевая головная часть. Ты дашь мне, огнёмёт, милый Ионеск? Кстати, тебе не жалко хунту на Серпухове? Ведь они тоже любят эклеры. Или не любят... Да, наверное, не любят. Если бы любили, то откликались бы на имя Совет Министров... Давно хочу спросить тебя, Ионеск. Наш Серпухов — это край или целая планета? Ведь я родилась здесь, поэтому не помню.

ИОНЕСК. Это целая вселенная, Эжена, в центре которой есть парк, в котором есть парашютная вышка. Я приклеивал к кедам полуаршинные каблуки, чтобы меня посчитали высоченным и взрослым и хотя бы разок дали прыгнуть. А рядом живёт зелёный театр, в котором с поэтическими концертами выступала моя мама. Её носили на руках, и она непременно вернётся на Серпухов, чтобы ощутить это снова. А рядом растут невиданные липы такой высоты и такой густоты, что в их кронах можно жить годами, а уж посмотреть с лип кинофильм «Поезд идёт на Восток», который каждый вечер крутят в Зелёном театре, когда там не выступает моя мама, — сущее удовольствие. А неподалёку течёт самая великая река этой вселенной, по которой зимой можно бегать на гагах от самой деревни Александровка, что в Глазуновском районе Орловской области планеты, до самого Нижнего Новгорода. А девочки на Серпухове только Ани.

ЭЖЕНА. Все-все девочки?

ИОНЕСК. Все-все.

ЭЖЕНА. А как же я? Я Эжена.

ИОНЕСК. Мы что-нибудь придумаем, Аня.

ЭЖЕНА. Эжена, Ионеск.

ИОНЕСК. Эжена, Эжена.

Действие второе,
из которого зритель узнает всё о рационе
во мраке, холоде и материальной пустоте

ЭЖЕНА. Я принесла тебе трогательный подарок, Ионеск. Он из мечущегося по тундре поезда «Воркута — Ленин-

град». Даже портвейн, который ты будешь дуть, не просыхая, весь полёт на вселенскую планету Серпухов, надо глотать из стакана, уютно расположившегося в подстаканнике путешественника. Это традиция, Ионеск. Эта традиция, Ионеск, располагает к задушевым буседам, ведущимся словно перед смертью путешественника на выходе из средства передвижения, или расставанием с соседушкой на всю оставшуюся жизнь, потому что, попив, соседушка выйдет покурить, и откинувшиеся урки, которых он гнобил, ибо он мент, а они урки, и это противоречие не преодолимо, выбросят его наружу, разбив иллюминатор куском кирпича, или крушением средства передвижения из-за того, что кто-то отпилит кусок рельса или, в твоём случае, проковырял снаружи дырку в корпусе «Эдуардыча», и весь воздух вышел вон, а дышать парами перегара пилоту ракеты не пристало, не обучен, побрезгует. Наконец, Ионеск употребление внутрь чего бы то ни было из стакана, объяттого подстаканником, к удаче. Юра пил, пил беспробудно с белкой-и-стрелкой, — и вернулся, и его встречали, и его до конца жизни носили на руках, поэтому он стал лысым борцом сумо и перестал завязывать шнурки, но всё равно был душкой и душой любого трио. Подстаканник, Ионеск, отлит из воркутинского драгметалла, добытого из вставных зубов шахтёров, которых забыли в забое, потому что наступило оледенение и всем стало не до того, и изображает рубку дезертиров 1812 года на антрекоты Денисом Давыдовым на полном скаку посредством его наградной шашки-кладенца. А твои соседушки, Ионеск, обойдутся: пусть дуют портвейн из чайной чашки с Винни-Пухом на боку и завидуют твоему питейному прибору. Но если ты, Ионеск, скажешь: «Хочу, чтобы и соседушки», — я, твоя преданная Эжена, ещё раз смотаюсь в Воркуту, проникну зайцем на тыркающийся потерянный поезд и добуду два подстаканника, ибо дуть портвейн ты будешь не один, но ещё с двумя покорителями открытого космоса, чтобы вас было трое, это традиция, Ионеск. Какие подстаканники нужны твоим пчёлке-и-мушке? Только учти, что они должны по-

гибнуть, что на Серпухов они не высадутся, высадутся, но вперёд лапами. Это традиция, Ионеск: пчёлке-и-мушке не может повезти, это судьба. Если я надыбаю подстаканник с Валей, неотрывно блюющей все 49 витков в открытый иллюминатор на Мосфильме, ты не обидишься? Это пчёлке. А для мушки я обещаю подобрать подстаканник с заплёванного пола: когда затеется драка, и всё варёные вкрутую яйца будут передавлены телами, то и дело ударяющимися оземь после тычков заточкой (этим поездом путешествуют только менты и бывшие зэки, которых выгнали из дому, и им просто надо где-то перекантоваться, поэтому пролития крови в нём неизбежны), в половой скорлупе наверняка найдётся подстаканник, горельефы которого представляют собой тайные ночные похороны тов. берии на кладбище для четвероногих друзей животных из бомонда.

ИОНЕСК. Не.

ЭЖЕНА. Правильно, не надо им подстаканников, надо сразу показать, кто тут командир корабля, а кто, мать, взята из милости. Достал меня этот поезд. Больше я в него ни ногой. Если только ты не попросишь проявить чудеса мужества и покататься в нём с недельку, чтобы ты лишний раз убедился в моей высокопрофессиональной пригодности, чтобы решить, брать ли меня в полёт, чтобы я выносила ночное золото за пчёлкой-и-мушкой, хотя им всё равно кранты, но, ты прав, пусть встретят их хотя бы обихожёнными, а не в фекалиях. Ты уже знаешь, Ионеск, что будешь пить из стакана в подстаканнике, который я принесла? (*Ионеск пожимает плечами.*) «Три топора».

ИОНЕСК. Чёрт, вкусный.

ЭЖЕНА. Чертовски вкусный. И это традиция: ничего другого космические путешественники не пьют... Или всё-таки «не едят»? Как правильно?

ИОНЕСК. Не едят. Он полон калорий и витаминов. Он заменяет всё, даже тюбики с чёрной икрой. Вместо них возмём побольше портвейна. Умные люди говорят, что стакан «777» заменяет одну посадку на астероиде. А два — ускоряют полёт ровно в два раза.

ЭЖЕНА. Вот, оказывается, как правильно! Но, Ионеск, «Три топора» скуплен на корню подлой НАСОЙ. Всё, что ни бутилируется в бурдюки, утекает дирижаблями в НАСУ. Но если ты дашь мне огнемёт, я освобожу пару их «Гинденбургов» от тяжкого груза.

ИОНЕСК. На это дам.

ЭЖЕНА (*кланяется в пояс, на глазах слёзы умиления*). Меня переполняет энтузиазм, Ионеск. Теперь о том, чем вы будете запивать портвейн «Три топора»...

ИОНЕСК. Значит, корова бессмысленна?

ЭЖЕНА. Конечно. Разве корова даёт портвейн?

ИОНЕСК. Ни капельки. Тогда не берём корову, и у тебя, Эжена, появляется неслыханный шанс...

ЭЖЕНА. Господи, да я буду молиться на тебя весь полёт, а прилетев, первой предложу переименовать Серпухов в Ионеск.

ИОНЕСК. Спасибо, Эжена.

ЭЖЕНА. Запивать «Три топора», который, считай, уже у нас на борту, космические путешественники могут только яйцами, сваренными вкрутую, и поваренной солью.

ИОНЕСК. Вот для чего мы берём курицу...

ЭЖЕНА. ...и петуха.

ИОНЕСК. Ты хочешь сказать, Эжена, что одной курицы маловато?

ЭЖЕНА. Именно, Ионеск.

ИОНЕСК. Но тогда, Эжена, ты опять пролетаешь мимо. Очень жаль. Если выбор стоит так: или курицы, дающие крутые яйца, которыми мы будем запивать портвейн из подстаканника, или Эжена, я склоняюсь к яйцам.

ЭЖЕНА. И это печально. Но, Ионеск, чтобы куры давали яйца вкрутую, их надо кормить на убой червяками. А кто ещё способен обеспечить должное количество червяков к столу кур?

ИОНЕСК. Кто?

ЭЖЕНА. Я, Ионеск. Я доктор философии по червякам. Я знаю всё о безотходном конвейерном производстве червяков для кур, несущих яйца вкрутую, Ионеск. Разве ты не

читал мою монографию «Ничтожный червяк: ещё не распробован»?

ИОНЕСК. Кажется, ты опять в стартовом экипаже... Если, конечно, согласна лететь стоя.

ЭЖЕНА. Какой счастливый сегодня день. Стоя, Ионеск, это моя любимая позиция. Наконец, к яйцам вкрутую и соли полагается...

ИОНЕСК. Какое же роскошное у нас будет меню.

ЭЖЕНА. ...«Дымок».

ИОНЕСК. «Дымок»?

ЭЖЕНА. Курятина, Ионеск. И я берусь поставить на «Эдуардыча»...

ИОНЕСК. Не называй её так. Ракета ещё безымянна. Но «13» нравится мне с каждым годом всё больше.

ЭЖЕНА. ...И я берусь поставить на нашу ракету должное количество портсигаров с «Дымком», лучшим куревом вселенной по мнению всех. Вкушая «Три топора», мы будем запивать его яйцами вкрутую и «Дымком». Меню вырисовывается потрясающее.

ИОНЕСК. Я сейчас понял: вот за что я люблю тебя, Эжена. Ты делаешь людей, отбывающих в рискованное космическое путешествие, счастливыми.

ЭЖЕНА. А я...

ИОНЕСК. Секунду. *(Ионеск перестаёт оклеивать жилой модуль ракеты весёленькими обоями в цветочек, открывает висящий на стене пожарный щит, достаёт из него красное ведро конусом и ножницами по металлу вырезает из него звезду героини, после чего, бубукая туш, прикалывает орден к вечернему платью Эжены.)* Прости, не мог не наградить. Хочу обнять тебя, и прочее, но сегодня надо доклеить жилой модуль. Нравятся обои?

ЭЖЕНА *(растрогана)*. Очень! Такие цветочки, такие пестики. Ты — мой кумир, Ионеск.

ИОНЕСК. Надеюсь, ты сможешь подобрать мне обои для рубки управления и капитанского мостика.

ЭЖЕНА. Сочту за честь и буду счастлива.

ИОНЕСК. Говоришь, «Эдуардыч»?.. Надеюсь, я пересмо-

трю своё отношение к этому названию. Надеюсь, оно станет более благосклонным.

ЭЖЕНА. Заранее трепещу.

ИОНЕСК. Так что там с портсигарами?

ЭЖЕНА. Предлагаю умастить их барельефом с твоим медальным профилем.

ИОНЕСК. Насколько это скромно?

ЭЖЕНА. То, что ты делаешь для нас и всего человечества, заслуживает большего. По меньшей мере не барельефа, а горельефа. Меня переполняет эстетическое чувство: мы полетим на Серпухов в каюте с такими распрекрасными обоями!

ИОНЕСК. Ладно. Делайте что хотите. А мне некогда.

ЭЖЕНА. Ах, да, Ионеск. Меня отловили спонсоры.

ИОНЕСК. Индийские йоги?

ЭЖЕНА. Они. И схватили меня за глотку.

ИОНЕСК. Они умеют за глотку?

ЭЖЕНА. Ещё как.

ИОНЕСК. Чего им опять?

ЭЖЕНА. Некоторые из них знают арифметику.

ИОНЕСК. И?

ЭЖЕНА. Они провели собственные расчёты.

ИОНЕСК. Ну?

ЭЖЕНА. Считают, что мы должны были уже не только слетать на Серпухов, но и вернуться за ними.

ИОНЕСК. Им тут плохо?

ЭЖЕНА. У них постоянные обморожения, и они устали шить форму для наших штурмовиков. Говорят, что лучше шить для ментов, ибо те только бьют. А штурмовики бомбят их с самолётов, и им якобы обидно, что их бомбят в форме, пошитой их руками. После бомбёжек им приходится отстраивать бараки заново, но планы по пошиву формы для штурмовиков никто не снижает: барака нет, а шить на морозе — изволь.

ИОНЕСК. И чего они хотят от меня?

ЭЖЕНА. Чтобы ты вернул их мильён монет. Они дадут этот мильён в качестве взятки, и им позволят шить форму ментам.

ИОНЕСК. Откуда же я возьму этот мильён? Он пущен в дело. Обои для капитанского мостика знаешь какие дорогие... Я сначала хотел паркет в рубку управления, а он вздрожал. Едва хватит на линолеум. Опять же гантели: в условиях мрака, холода и материальной пустоты, когда всем надоест «Очко», я попрошу вас тягать гантели. Поэтому я заказал самосвал двухкилограммовых гантелей. На него ушли последние монеты. Слава богу, мы ходим в тренажках, хоть их не надо покупать. Гантелями они не возьмут?

ЭЖЕНА. Только монетами.

ИОНЕСКО. А они понимают, что их реноме под сомнением? Что без Серпухова им не доказать, что они индийские йоги? Где ещё есть такое притяжение? Я не знаю другой такой доступной для жизни планеты, хоть и с хунтой, на которой притяжение в два раз больше нашего. То, что они левитируют здесь, это полная ерунда, это давно никого не интересует. А вот витать на Серпухове — это совсем, совсем другое. Ты объяснила им это?

ЭЖЕНА. Как могла.

ИОНЕСКО. Плохо значит старалась. Мне кажется, ты опять не очень-то хочешь лететь в ракете с первопроходческим экипажем... да со мной во главе.

ЭЖЕНА. А ты, Ионеск, переставай подъедать наши общие спиртовые таблетки. Я тоже знаю арифметику, и, по моим подсчётам, топлива хватало уже в прошлом веке. Что ты там бубнишь? Какие мыши? Какая моль? Какие Альберт с Нильсом опохмелялись?.. «Эдуардыч», и я лечу непременно, сразу, а не дублёром, и не стоя, а в кресле-качалке, и не «подай-принеси-встань-в-позу», а вторым пилотом. И эклер-соль пробую первой. Ты понял, алкаш?

Действие третье,
из которого зритель узнаёт, каково это — лететь
во мраке, холоде и материальной пустоте

ЭЖЕНА. Абизум, я приволокла тебе ведро агдама и таз оливье. Можно я буду звать тебя Абизум, Ионеск? Ещё вче-

ра, Ионеск, ты говорил, что до старта годы исканий и открытий, поражений и побед, слёз и гомерического хохота над собой и сэром Исааком Ньютоном, а сегодня меня подняла телефонограмма: «Летим, и нынче же. Не опоздайте, сволочи, но сначала отвальная. Строгий дресс-код: костюмы клоунов. Никакого чая — только агдам. Закуска сказочная: оливье. Эжена, смогёшь?» Абизум, к чему эта запарка? Мы ждали тринадцать лет, Ионеск, мы ещё двадцать готовы были сидеть на печи, пока у нас нет паркинсона и мы не перепутаем его с невесомостью. У нас столько незавершённых дел и тщетных, но искренних надежд... Но нет. Ты импульсивен, Абизум. Уж не обезумел ли ты, Ионеск? Хватит ли нам ведра агдама? Я оторвала его от собственных запасов. Я поила им, говоря, что это бакинский чай, всех, кто приходил ко мне почитать вслух стихи на два голоса, и они так вдохновенно декламировали. Я вымачивала в нём соски несносных ночных буянов, на которых жаловались юные мамочки со всей моей улицы, и крикуны, впервые в жизни широко разулыбавшись, падали в магнетическом сне, давая соснуть родительницам. Я пила его втихаря, глуша тоску. Я смазывала агдамом карту будня, расплёскивая его из стакана. Я согревала им замерзающих на улице. Я подавала его нищим от струпьев, а солдатам от вшей и निकотина. Я поливала им желтофиоль, и она так благоухала. Я делала на нём тюрю, потому что молочка-то нет. Я красила им стены и шёлковые чулки, когда хотелось поменять обстановку и цвет выхода в люди. Я добавляла его в водовод, и люди переставали резать друг друга в очереди за пельменями. Стоящим на коленях он заживлял колени лучше зелёнки. А однажды я упростила пожарных заправить агдамом хотя бы одну машину, после чего их вызвали тушить очередную АЭС... Оставлять агдам жалко, но делать нечего. Это счастье, что я успела обзвонить нескольких юных мамочек, чтобы они пользовались, когда меня тут не станет. Мамочки поклялись мазать им свои соски. Прости, Ионеск, но в оливье нет собственно Оливье: он пал рядом с Роландом в Ронсевальском ущелье, и я просто не успела найти ему за-

мену. Зато целый таз; к тому же я проверила сочетаемость салата с агдамом: она превосходна, — я снова чувствую себя той юной девой, которая впервые подошла к токарно-винторезному станку, чтобы выточить деталь. Чего желаю нам всем, кроме того, что токаря после смены тискали меня поддатенькую, сообщая, что это традиция (накатить после первой детали и не плакать, когда тискают заслуженные токаря), и смеялись над моим прононсом, а говорила я тогда на оксфордском. Но токарей мы, кажется, в полёт не берём.

ИОНЕСК. Полагаю, ведра нам хватит. Ну что же делать, если салат без Оливье. Съедем. Главное — что его целый таз. Не, токарей, кажется, не берём.

ЭЖЕНА. Когда старт, Ионеск? Я должна потренироваться поворачивать ключ на старт. У меня неплохо получалось, но эта спешка... Мне бы ещё пару репетиций.

ИОНЕСК. Скоро, я думаю. Сразу после отвальной.

ЭЖЕНА. Отвальная без почётных гостей? В узком кругу? Только экипаж?

ИОНЕСК. Ага.

ЭЖЕНА. Вот и славно. Ненавижу почётных гостей.

ИОНЕСК. Обещала быть газетка для слепых «Новости Брайля»...

ЭЖЕНА. И чем мы ей обязаны?

ИОНЕСК. А ты не знаешь?

ЭЖЕНА. Нет.

ИОНЕСК. Я же слепой, Эжена, слепой как тетерев...

ЭЖЕНА. ...как сыч... э-э-э, как Гомер.

ИОНЕСК. А ты разве нет, коли не разглядела? *(Изображает слепого: пытается нащупать Эжену. Впрочем, потом мы замечаем, что он и впрямь слепой...)*

ЭЖЕНА. А я как разбитый локоть новорождённого.

ИОНЕСК. Сама ты Абизум.

ЭЖЕНА. Сама я. Чистая правда. Просто я так хочу поскорее улететь отсюда и ходить по ракете вразвалочку, запивая чай кофеем и смеясь без причины, как счастливая пятнадцатилетка, которая выиграла любовь до гроба.

ИОНЕСК. Старт как повод весело наклюкаться и не трезветь весь перелёт.

ЭЖЕНА. Говорю же: Гомер. Итак, пока я трезвая, команда «ключ на старт». Произнеси её, а я её осуществлю.

ИОНЕСК. Второй пилот... внимание! Ключ... на старт!

ЭЖЕНА. Есть ключ на старт, командир. *(Поворачивает ключ.)*

ИОНЕСК. А ведь у тебя неплохо получается.

ЭЖЕНА. Пожалуйста, ещё раз, Ионеск. Мне самой не очень...

ИОНЕСК. Ключ на старт!

ЭЖЕНА. Есть ключ на старт. *(Поворачивает ключ.)*

ИОНЕСК. Прекрасно. От зубов отлетает. Так полетим!

ЭЖЕНА. Спасибо, командир. Смотрите не перехвалите. Оливье чем будем есть? руками? ложками? вилками? Я на всякий всё принесла.

ИОНЕСК. А пусть так, как привыкли.

ЭЖЕНА. Есть так, как привыкли.

ИОНЕСК. Второй пилот, зовите ребят к отвалному столу. У нас в запасе четырнадцать минут: быстренько попьём, поедим, поплачем, закурим и рванём отсюда. Менты ночью подняли: или ты наконец валишь с Земли, или мы тебя сегодня же отправим на урановую шахту, а с неё, когда станешь доходягой, — на фронт. Да я лучше на Серпухове задохнусь от иприта, чем тут подохну.

ЭЖЕНА. Вот оно как. На Серпухове травят ипритом? *(Говорит по громкой связи.)* Внимание, внимание. Дорогой экипаж, это не кто-нибудь, а второй пилот. Команда звездолёта «Тринадцатый Эдуардыч», у нас есть четырнадцать минут, чтобы провести отвальную — и стартовать. Жду всех через пять секунд в обеденном модуле корабля. Время пошло. Пять... четыре... опоздавшие будут драить галюн да самого Серпухова... три... два... один. *(Обеденный, гм, модуль корабля заполнился членами экипажа.)* Все на месте, командир. Приступаем к отвальной. Рыжая *(обращается к артистке, играющей Марию Магдалину)*, если не привыкла вилкой, хватай оливье руками. Иисус *(обращается к артисту, играющему Спасителя)*, не пей из ведра, я же специально рюмки принесла; агдам, Иисус, хлещут из рюмок, это

же не «Три топора». Вкусный салатик-то? (*Жуя, ВСЕ мычат что-то вроде «очень» и «объеденье».*) Даром что без самого Оливье... Агдам ничего, ребята? (*Заглатывая агдам, ВСЕ мычат что-то вроде «лучше трёх семёрок» и «фалернское рядом с ним — чистоль для труб».*) Пейте, пейте, но поспешите, ведро большое, а времени осталось... три минутки. Всё, что не доедите и не допьёте, можете взять с собой. Пластиковые пакеты и пустые бутылки вон там. Только аккуратно потом; не разведите мне на борту тараканов. (*ВСЕ мычат что-то вроде «есть не развести подлых тараканов», «тараканов на Серпухов не возьмём», «какая реактивная отвальная, я даже не поплакала», «а я взял баян, а спеть застольную отвальную не успеваю» и «мамочки, неужели навсегда?!».*) Экипаж, всё, заканчиваем отвальную. Осталось три секунды, две секунды, одна секунда. «Новости Брайля», брысь на землю. Кто-нибудь, вышвырните журналогу, чтобы он зайцем не улетел.

ИОНЕСК. По местам стоять, с якоря сниматься. Второй пилот, обрубить якорь.

ЭЖЕНА. Есть обрубить якорь (*обрубают якорь*).

ИОНЕСК. Ключ на старт.

ЭЖЕНА. Есть ключ на старт. Командир, хорошо получилось?

ИОНЕСК. Очень. Поехали, второй пилот?

ЭЖЕНА. Поехали. А чего же не поехать-то. Сейчас, командир, только список сверим. Экипаж, я задаю вопрос, а вы коротко отвечаете. Пчёлка-и-мушка, по местам стойте? (*В ответ раздаётся весёлый лай.*) Собаченьки мои. Рыжая, ты на месте? (*Артистка, играющая Марию Магдалину, отвечает: «Ага».*) Не нравится мне твоё «ага», рыжая. Иисус, ты как? (*Артист, играющий Иисуса, отвечает: «Norm».*) Хороший ты парень, Иисус. А чего он не на нашем отвечает, командир?

ИОНЕСК. Так это же Том Круз.

ЭЖЕНА. Надо же. Играл в крепостном театре?

ИОНЕСК. Так за деньги же. И преогромные.

ЭЖЕНА. Мама командира, валидол под языком? («Под ним, девонька. Ты только доведи нас», — отвечает мама командира.) Не бойсь, мама командира, не дрова, знаю. Мать Иисуса Мария, вы там? («Я там. Спасибо, что спросили.») Отл. Спасибо, что родили такого сына. Писатель Иоанн, подайте голос. («Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.») Вот умеет же человек. Чистый Вячеслав Шалевич, царствие ему небесное. («Спасибо, второй пилот. Это лестно.») Мадам Клеопова, вы же на борту? («Угу.») Куда же без вас... Урки, которых казнят в придачу к Спасителю, слышите меня? («Ясно...» и «...и отчётливо.») Надеюсь, вы убийцы, а не ворьё, и «Эдуардыч» долетит целеньким. Книжники, две штуки, сволочи, которые костерили Иисуса, как слышите? («Хорошо слышим, госпожа второй пилот.») На ходу переобуваются... Мадам Кавалерист-девица Дурова! («Прошу, называйте меня Александр Андреевич.») Договорились, Александр Андрейч. Человек, который чуть не убил на дуэли нашего командира, ау. («Ау.») Отвечает и совесть его не мучает. Полетите стоя. («Я знаю. Я смирился.») Рядом с прахом Фарнца Оисифа. («Чегой-то?») Тавой-то. Итого 14 членов экипажа, не считая собачек, праха императора Фарнца Оисифа и моей куклы Фрейды. Все на месте, командир! Вперёд, за эклерами!

ИОНЕСК. Куры в клетках? Портвейн весь загружен? Рельсы не растащили? А взрывчатку? Родина в сердце?

ЭЖЕНА. В клетках. Залит. Не растащили. Аммонал цел. В сердце, в сердце, командир.

ИОНЕСК. Внимание, экипаж. Корабль «Тринадцатый Эдуардыч» отправляется в долгое космическое путешествие на планету Серпухов. Пристегните ремни. Ключ уже на старте. Осталось только повернуть. Вы точно хотите поехать? (ВСЕ отвечают что-то вроде «да поехали уже.») Как скажете. Второй пилот, они хотят поехать. Что думаешь?

ЭЖЕНА. Их мнение закон.

ИОНЕСК. Значит едем. Поехали. (ВСЕ кричат что-то вроде «о, действительно поехали, я вижу в иллюминаторе Землю», «никогда ещё Земля не была такой любимой, как в

час расставания», «какая она всё-таки клёвая, наша Земля, — может, вернёмся?», «на фронт? тот, кто хочет вернуться, вы мой ПТСР видели?», «а на Серпухове есть почтовые марки? я хочу их собирать» и «а девушки на Серпухове водятся? они хотя бы гуманоиды?».)

ЭЖЕНА. Пять минут, а полёт до сих пор нормальный. Командир, это ничего, что в стартовом пламени наших спиртовых таблеток сторел пятый этаж нашего, гм, космодрома?

ИОНЕСК. А ты до сих пор веришь, что мильён монет индийских йогов ушёл только на выпивку? Я же весь этаж выкупил, там ни человекка. Сам утром обошёл. Один голубиный помёт. Взлетать с крыши хрущёвки и не подумать о людях было бы подло.

ЭЖЕНА. Какой же вы человечный, командир.

ИОНЕСК. Я пьянь и говно, второй пилот. Я эту родину покинул ради новой и других за собой потянул.

ЭЖЕНА. Такую родину, командир, любой бы покинул.

(...)

ЭЖЕНА. Один час — полёт нормальный. Командир, а сколько лететь?

ИОНЕСК. Я не уверен.

ЭЖЕНА. А бомбить хунту будем? Про хунту откуда данные?

ИОНЕСК. Источники телескопа «Хаппл» шептались в эфире, а я подслушал.

ЭЖЕНА. У «Хаппла» есть источники?

ИОНЕСК. Ну а как же? Что он может увидеть в свою трубу? Гуманоиды, равнодушные к нам гуманоиды, доносят, а «Хаппл» интерпретирует. Сообщают и шлют по своим каналам фоточки. Но бомбить никого, конечно, не хотелось бы.

(...)

ЭЖЕНА. Три года — полёт нормальный.

ИОНЕСК. Эжена, а на тебе что сейчас надето?

ЭЖЕНА. Обтягивающая зелёная юбка и туфли-лодочки.

ИОНЕСК. Ах. А над юбкой?

ЭЖЕНА. Обтягивающая кофта-лапша цвета измены.

Пьесы для взорванного театра

ИОНЕСК. А оттенок какой?

ЭЖЕНА. Одуванчиковый.

ИОНЕСК. Можно заглянуть к тебе, чтобы поцеловать кофточку?

ЭЖЕНА. Нужно, командир.

ИОНЕСК. Сейчас, только рельсы сброшу, а то тяга почти на нуле.

(...)

ЭЖЕНА. Пять лет — полёт такой нормальненький...

ИОНЕСК. Это мы умеем, этого у нас не отнять.

ЭЖЕНА. Командир, а вы видели фоточки Серпухова?

ИОНЕСК. Там очень хорошо. Я фоточек не видел, но говорят... И в окрестностях Серпухова очень красиво... Фоточек окрестностей я тоже не видел, но говорят... А от иприта у нас есть четырнадцать противогазов и Александр Андреевич.

ЭЖЕНА. А вот собачьих у нас нет. Оплошали.

ИОНЕСК. Ты сама говорила, что собачки не должны долететь. Что это, гм, традиция.

ЭЖЕНА. Чего я только не молола...

ИОНЕСК. А я полюбил их всем сердцем. Как тебя. И мы непременно что-нибудь придумаем.

ЭЖЕНА. Только бы там не было никакой войны... А если... я отдам им свой противогаз, и мы с тобой будем гулять вечерами в одном. У нас это очень хорошо получится. А потом, когда наладим быт, свой и местных, вернёмся на Землю, потому что на ней столько хороших людей осталось.

Перевоплощение

Действующие лица

ТАРТАЛЬЯ.
БРИГЕЛЛА.
КОЛОМБИНА.

Под диковатые топорные, но зажигательные звуки геликона появляются Тарталья, Бригелла и Коломбина. На мужских масках, танцующих канкан, фривольные женские платья (а также макияж, чулочки, кружева и пр. неуместности). Коломбина в наглухо застёгнутой военной шинели, под которой ничего нет (во всяком случае она несколько раз заявляет об этом, хихикая: «А там, а под ней, а под этой шинелкой, господи, вы не поверите, ничегошеньки нет. То есть я-то, конечно, есть, но в каком я там виде? Я там, люди милые, в решительно непотребном виде, в каковом вы со мной только в постель бы и легли»), дует в огромную трубу, едва с ней справляясь (когда ей надоедает борьба с геликоном, она меняет геликон-шило на мыло: на трембиту, что веселит её, но только поначалу). Отплясав и сорвав аплодисменты, актёры пытаются соорудить акробатическую пирамиду, но не понимают, кто должен быть наверху: кажется, на плечи Тарталье и Бригелле должна встать Коломбина («Чтобы мы, — вопят оба, — наконец-то смогли увидеть истинную её под платьем, то есть под шинелкой, то есть без платья»), но это обижает Бригеллу, потому что на вершине должен быть он, однако не может же он «наступить на даму и топтать её своими тяжёлыми футбольными

бутсами». Поэтому на помощь призываются зрители, мужчины «детородного возраста, бородатые, усатые и впечатляющего крестьянского сложения», и такие находятся (на них указывают пальцами) и даже откликаются, и трёхэтажная пирамида, лепкой которой командным армейским голосом и весёлыми пинками руководит Коломбина, худо-бедно сооружается, и Бригелла замирает на её вершине и поёт «Боже царя храни»... На этом пирамида распадается, сцена очищается от «посторонних» («Все вон! Вы же зрители, чего вы на сцену, как тараканы, вылезли, кто вас звал...» — надрывается Тарталья весёлым трескучим голосом); Бригелла и Тарталья, будто по инерции, пытаются плясать канкан, а Коломбина подзадоривать их, но вскоре заканчиваются и эти шевеления. Мужские маски начинают стирать с лица дамский грим, но Коломбина, указывая на зрителей, осекает их: «Слишком поздно, мальчики. Эти заплатили копеечки, а внемлют, собаки, как на рубли»... (Замечание для господ артистов: даже перевоплощаясь в кого-нибудь, Тарталья, Бригелла и Коломбина остаются собой... очень стараются остаться собой. *Caripisci?*) (Ах, да. Действие происходит на планете **Серпухов**.)

Действие первое

ТАРТАЛЬЯ (когда ему хочется — легко, или тяжело, заикается). Мне кажется, или это так и есть?

БРИГЕЛЛА. Что такое, начальник?

ТАРТАЛЬЯ. Я чувствую себя Понтиусом Пилátусом.

БРИГЕЛЛА. Литовцем, что ли?

ТАРТАЛЬЯ. Типа.

БРИГЕЛЛА. А кто это?

КОЛОМБИНА. Дурила, это всесокрушающий царь, бох и мент всяя родины.

ТАРТАЛЬЯ. Поэтому с этой секунды все зовите меня Всесокрушающим.

БРИГЕЛЛА. Экое длинное словцо. Я не выговорю. И — я его не запомнил. Повторить можешь?

ТАРТАЛЬЯ. Всесокрушающий.

БРИГЕЛЛА. Мент, что ли?

КОЛОМБИНА. И мент тоже.

БРИГЕЛЛА. И «мент тоже» или «мент преимущественно»?

ТАРТАЛЬЯ. Я — всё.

КОЛОМБИНА. Преимущественно.

БРИГЕЛЛА. А «царь и бох»?

КОЛОМБИНА. А, забудь.

БРИГЕЛЛА. Обидно. Мне есть что сказать царю и попросить у боха.

ТАРТАЛЬЯ. Всесокрушающий. Сокрушающий всё. Могут всё поломать, и ничто мне за это не будет, а вам достанется. А достанется вам.

БРИГЕЛЛА. Коломбина, а что у тебя под шинелькой?

КОЛОМБИНА. Мне кажется, ничего. Но это надо проверить. Хочешь, чтобы я проверила?

БРИГЕЛЛА. Прямо здесь? прямо сейчас? А что скажут олухи в зр. зале?

КОЛОМБИНА. Олухи донесут. Но кому? Вот этому (*показывает мизинцем на Тарталью*). А он строго спросит с меня: «Это было? это было так, как описали олухи? Господи, какие же они безграмотные. А эти почерки...» А я, потому что ты когда-то ко мне клеился и мне это нравилось, ты неунывающий, добрый и всегда говоришь правду... а я отвечу менту: нет, это наветы, потому что олухи хотят ко мне клеиться и видят в Бригелле конкурента.

БРИГЕЛЛА. Заранее тебе, Коломбиночка, спасибо, потому что вальщик леса из меня никакой. Я на лесоповале и семи дней не протяну, если кормить не будут.

ТАРТАЛЬЯ. А кормить не будем.

БРИГЕЛЛА. Паюсной икрой?

ТАРТАЛЬЯ. Ею в особенности.

КОЛОМБИНА. Но ножку тебе и им я показать могу (*задирает шинель, показывает ножку*). Никаких чулок на резилочке, не то что у вас с начальником.

БРИГЕЛЛА. Красивая.

ТАРТАЛЬЯ. Я не успел рассмотреть. Покажи ещё. Это приказ. Я мент. Сгною, если что.

КОЛОМБИНА. И это только одна. Другая ещё краше. А выше ещё загадочней.

БРИГЕЛЛА. Покажешь, когда меня распнут? Умоляю.

КОЛОМБИНА. При некоторых условиях.

ТАРТАЛЬЯ. Это каких же? Интересно же.

КОЛОМБИНА. Немедленная после показа свадьба. Трое детей. Смерть от глубокой старости в добром здравии в один день.

БРИГЕЛЛА. С кем?

ТАРТАЛЬЯ. Со мной, дурень.

КОЛОМБИНА. С тобой, Бригеллочка.

БРИГЕЛЛА. А если я захочу ещё пожить?

КОЛОМБИНА. Тогда никаких тебе ножек после распятия.

БРИГЕЛЛА. Коварная. Ну и не надо. Попрошу показать ножку Смеральдину.

КОЛОМБИНА. Эту змею? Да я лучше прям сейчас шинель на пол сброшу.

ТАРТАЛЬЯ. А нравственность? А олухи, которым нет шестнадцати?

КОЛОМБИНА. Думаете, они девушки без ничего не видели?

БРИГЕЛЛА. Такой умопомрачительной? А дурнушек — конечно: они видели их во множестве, но так и не поняли, зачем им смотреть на девушек без ничего, ибо, судя по дурнушкам, смотреть там не на что.

КОЛОМБИНА. То есть восхищения мне от этого зала не ждать?.. Спасибо, Бригеллочка. Я передумала. Пусть недоумевают, глядя на своих дурнушек (*показывает зрителям язык*).

ТАРТАЛЬЯ (*наклеивает характерные усики и тут же надувается должностью и фашизмом*). Но — к делу. Мне донесли, что Бригелла возомнил себя Йехошуа.

БРИГЕЛЛА. Кем-кем? (*Бригелла пытается подойти к Тарталье, чтобы плюнуть ему в ухо, но Тарталья с усиками, на секунду превращаясь в прежнего Тарталья, не даёт ему это сделать, говоря что-то вроде: «Потом плюнешь, после представления, ну что ты пристал, разве не видишь, какое я теперь важное существо...»*)

КОЛОМБИНА. Ух ты. Это серьёзно. Как это тебя угораздило, Бригеллочка? И зачем мне теперь такой проблемный ухажёр? А ведь обещал свозить летом в Сочи... *(Повязывает на голову чёрный плат. Рисует на щеке чёрную слезу.)* Я пошутила, товарищи: у меня под шинелью по меньшей мере голубые майорские погоны и пистолет Стечкина, сконструированный для проведения спецопераций, причём не на вашем аппендиксе.

БРИГЕЛЛА. Что на вас напало? Кто он, этот перепугавший вас Йеху?

КОЛОМБИНА *(шепчет)*. Иисус, Бригеллочка.

БРИГЕЛЛА. О господи. *(Надевает терновый венец и на глазах превращается в Иисуса: отрешённого чудака, с лица которого не сходит всепроникающая добрая печальная улыбка. Слышно, как он приговаривает: «Как же это я... почему же не смешным и трогательным младенцем, вечно ищущим губами мамину сиську...»)*

ТАРТАЛЬЯ. Возомнил себя Иисусом, доносят мне, и проповедует об отделении всех людей доброй воли вверенной мне префектуры от вверенной мне префектуры в республику Либерте-Эгалите-Фратерните, но не где-нибудь на Земле Франца-Иосифа, а на территории вверенной мне префектуры. А за остальных людей вверенной мне префектуры готов молиться и, подчёркивают, принести себя в искупительную жертву, «дабы опомнились и снова стали детьми». Где ты видел на земле мир, а в человеках благоволение, смешная юродивая сволочь? И почему вор, убийца и проститутка у тебя «остальные»? Разве не чисты их намерения? разве по-своему не искренни? Был ли ты в их шкуре, чтобы винить их за грех, а не возносить за долготерпение и несообразительность (потому что тогда бы они в каждом письме ко мне расписывали прелести Аушвица, до которого я сам не додумался)? Что есть «добро» и что есть «зло»? Кто дал тебе, падла, право открывать рот, чтобы толковать вещи, которых не существует? Разве из трогательного младенца, который вечно ищет губами мамину сиську, не вырастет сверхчеловек, который, придумает стрелять *нашим* в

затылок мелким калибром, потому что обычный калибр в дефиците, ибо вороги, неся ужасающие потери, тяжело воюют с нами вот уже сто лет, несмотря на то что мы воюем победоносно? Разве не стоит задушить его в колыбели, как и всех тех, из кого могут вырасти такие, как ты? Послушание в клетке, Йехошуа, а не либерте. Вот закон, вот понятие, которыми всё движется и будет двигаться, пока вокруг земли крутится этот испепеляющий прожектор. Усёк?

БРИГЕЛЛА. Сын мой, дай обнять тебя, чтобы передать тебе радость моего сердца от того, что ты человек.

ТАРТАЛЬЯ. Каналья, да ты головой тронутый. (*Обращается к Коломбине.*) Майор, закатите ему шприц галоперида с мениском и закатайте его в Уссурийск к Александру Прокопьевичу.

КОЛОМБИНА. Господин префект, сэр. Но у нас ещё два действия. Без этой языкастой вольнодумной сволочи нам не закончить представления. Может, по старинке, а не в Уссурийск?

ТАРТАЛЬЯ. Есть по старинке. Майор несите канистру бензина и спички. Сожжём сволочь во избежание, на потребу и для острастки. Даже не сожжём, но позволим ему сжечь себя самому в любом месте вверенной мне префектуры. Да хотя бы перед моим кремлём, перед самими Спасскими.

КОЛОМБИНА. Ваше высокоблагородие, но у нас ещё два действия, а сжечь по частям, мне кажется, нельзя. То есть можно, но сможет ли его отрубленная рука, которую мы сожжем в третьем действии, корчить нам и публике смешные рожи? Скрестить пальцы — это да. Но строить рожи?..

ТАРТАЛЬЯ. Мне кажется, я наконец-то понял вас, майор. Как говорят дебилы, я тебя услышал и иди ко мне (типа «хочу обнять»).

КОЛОМБИНА. Только не в губы, сэр. У меня герпес.

ТАРТАЛЬЯ. Но ощупать-то тебя можно? Особенно там, где спина впадает в мягкое место.

КОЛОМБИНА. Это сколько угодно, ваше благородие. От меня не убудет, и, возможно, ко мне прибудет. Я, знаете ли, давно мечтаю о полковничьих погонах. Да-да, минуя подполковничьи.

ТАРТАЛЬЯ (*обняв и оцупав Коломбину, а потом потрепав её по щеке*). Я, Всесокрушающий, приговариваю притырочного вольтерьянца Йехошуа к гвоздю в ноге... в ногу на животворящем кресте, решительному ограничению словаря его возмутительных речей и явному соглядатаю, который будет при нём всегда, чтобы доносить мне, не выходит ли приговорённый за пределы вокабуляричика, который я, посоветовавшись с собой, вот-вот объявлю. Окончательный, обжалованию не. Можно рукоплескать. Говорю: аплодируйте же. (*Все, включая самого Тарталья и зрителей, рукоплещут. Тарталья раскланивается.*) Переходим к третьей части казни на кресте. Выкатывайте-ка сюда сей крестик. Ой, забыл сказать, он же на колёсиках. (*Объясняет публике.*) Распятие и впрямь «на колёсиках», легко, гм, транспортируемое, очень живое, подвижное, мобильное, способное добраться куда угодно. Но для «куда угодно» его надо приладить к лошадёнке, а тут всё рядом, и его, небрежно подталкивая, выкатывают прямо на сцену... Какое же оно славное. Иисус, зацени: тебе не пришлось потеть, таща его на себе.

БРИГЕЛЛА. Пребольшое спасибо, добрый начальник и настоящий человек.

ТАРТАЛЬЯ. Иисус, зацени: тебя и пальцем никто не тронет. Всё сам: давай-ка ложись на крестик. Вот тебе молоток, вот тебе гвоздик. Гвоздиков будет три... Или четыре, майор? Неважно. Это первый. Вбей его туда, куда тебе удобно вбивать: в одну из ножек или в ручку. А ты как думал? Сам, сам. Потом крестик поставят вертикальненько. Ты чутка повисишь, и тебя отпустят на все четыре стороны с коротеньким словарём и неотлучным псом.

БРИГЕЛЛА. На крестике?

ТАРТАЛЬЯ. Нет, без крестика. С крестика тебя зачем-то снимут, подлый смутьян Йехошуа. И гвоздик вынут. И ранку обработают. И — катись. Вот такой я сегодня — и всегда — самый человечный человек.

БРИГЕЛЛА. Самому забить гвоздик в свою ножку?

ТАРТАЛЬЯ. Или ручку. Ага.

БРИГЕЛЛА. Зачем же я себя калечить буду? Может, кто-нибудь другой, более привычный? Зрители, любименькие, есть среди вас такие людишки? (*Зрители насупливаются, отводят глаза, молчат.*) Ну что же вы. Вас Иисус умоляет... (*Самые нетерпеливые зрители кричат: «Быстренько вбил — быстренько отмучился. И проповедай себе, чтобы мы вслушивались и на ус мотали».*) И доносили... И то правда. (*Вколачивает гвоздь в левую ступню.*) Боже, как больно! Боже, почему раньше было по-божески?..

ТАРТАЛЬЯ. Майор, проверьте, всё ли.

КОЛОМБИНА (*осматривает ногу Бригеллы*). Классно во-гнал. Сын плотника. Умеет. (*Шепчет Бригелле на ухо.*) Зачем ты взял настоящий гвоздь, когда есть бутафорские?.. Ах, Бригеллочка, ох, неуклюжий... (*Бригелла тянется к ней губами.*) Не надо целовать меня в губы, осужденный, у меня тяжелейший герпес.

ТАРТАЛЬЯ. Внимание: я засекаю: пусть повисит с часик. А мы этот часик проведем у него на виду в дискотеке. Танцуют все!.. (*Обращается к зрителям.*) Чего стоите, олухи? Я же вас на сцену приглашаю. Твист умеете? Музыка, шпарь. (*Музыка шпарит, все танцуют.*) А я покумекаю о новом иисусовом лексиконе...

ТАРТАЛЬЯ. Майор, какие слова ему оставить, чтобы он мычал, а не науськивал мой наивный народ жить не по лжи?

КОЛОМБИНА. Сэр, может быть, пять основополагающих русских?

ТАРТАЛЬЯ. Всего пять? Тех самых?

КОЛОМБИНА. Их, господин. Они яркие, как помёт гопника в лифте.

ТАРТАЛЬЯ. И станет он быдлом, но не Спасителем?

КОЛОМБИНА. Типа.

ТАРТАЛЬЯ. И будет он чмом, которое не говорит, но лает?

КОЛОМБИНА. Скорее всего. Как все. Чем он лучше-то?

ТАРТАЛЬЯ. А если ему к матушке понадобится обратиться? «Мама, мама, они меня не понимают, пожалей меня...»

КОЛОМБИНА. А с матушкой пусть на пальцах якшается.

ТАРТАЛЬЯ. Разве это милосердно, так сразу превратить его в немногословную бешеную собаку?

КОЛОМБИНА. Не-а.

ТАРТАЛЬЯ. Или что-нибудь блатное?

КОЛОМБИНА. Ну а чё... По фене ботать — это уметь надо.

ТАРТАЛЬЯ. Так и они начнут.

КОЛОМБИНА. Начнут. И я начну. И вы, ваше превосходительство. Рыба гниёт с головы.

ТАРТАЛЬЯ. Это он-то — голова, майор?

КОЛОМБИНА. Голова — вы, сэр. Ведь это вы феню предложили.

ТАРТАЛЬЯ. Оставим эти умствования и глупости. Пять ясных и живых общеупотребимых слов. И раскраски с ними издадим. И всем их всучим, чтобы, раскрасив, сверялись с книжкой и контролировали его — а мне доносили. Норм?

КОЛОМБИНА. Норм, сэр.

ТАРТАЛЬЯ. Предлагаю первое живое общеупотребительное слово: жопа.

КОЛОМБИНА. Хорошее, очень... А я, если позволите, знаю второе: говно. (*Обращается к зрителям.*) А чего вы морщитесь, если ещё не пахнет? Литературное. Почитываете литературку-то? Или только в телефончиках сидите? Спрячьте телефончики на время спектакля. Я кому сказала.

ТАРТАЛЬЯ. Неплохо. Третье слово: тригонометрия.

КОЛОМБИНА. Это что?

ТАРТАЛЬЯ. Не помню. Сейчас у зрителей спрошу. Олухи, есть такое слово? (*Зрители кричат: «Есть».*) А что оно значит? (*Зрители дружно кричат: «Не знаем».*) Тем лучше. Он его произнесёт, и кто-то попросит, чтобы его научили чтению, потому что ему очень-очень нужно узнать, что есть «тригонометрия»...

КОЛОМБИНА. А глаголы можно?

ТАРТАЛЬЯ. Придётся допустить. Не хотим же мы убить его своими руками... Без глаголов легко можно задохнуться.

КОЛОМБИНА. Тогда вот вам, сэр, четвёртое слово: дать.

ТАРТАЛЬЯ. Согласен. А пятым пусть будет... допустим... «установиться».

КОЛОМБИНА. На кого?

ТАРТАЛЬЯ. На себя в широко раскрытых глазах слушающих. (*Смотрит на часы.*) Время вышло. Майор, выньте из него гвоздик.

КОЛОМБИНА. Есть, господин префект. (*Вынимает гвоздь большими клещами.*) Готово. Обрабатываю ранку зелёной... Ой, батюшки мои...

ТАРТАЛЬЯ. Чего взвыла-то? Соскучилась по хахалю?

КОЛОМБИНА. Иисусик, какой же ты старенький сразу стал... Как же мы теперь поженимся, чтобы умереть здоровыми в один день, если ты на крест залезал 33-летним, а теперь тебе не меньше пятидесяти, старикашка ты мой... И хромаешь... И, боже мой, голова-то как поседела... Сэр, сэр, взгляните же на Иисуса, засеребрилась ровно наполовину. А был такой чернявенький-чернявенький... Всего один гвоздик, — и уже старик. На наших глазах.

ТАРТАЛЬЯ. Хорошо, что не труп. Только я ничего не вижу. Каким был вороным, таким и остался.

КОЛОМБИНА (*обращается к зрителям*). У кого с собой есть белая краска? Только не масляная. (*Кто-то кричит: «У меня».*) Дуй сюда с ней, я его ею выкрашу. (*Зритель поднимается на сцену с банкой краски и кистью. Коломбина красит ровно половину головы Бригеллы.*) Теперь видите, ваше превосходительство? Белый как лунь.

ТАРТАЛЬЯ. Теперь вижу. Очень седой.

КОЛОМБИНА (*обращается к зрителям*). А палочка у вас есть? Он же хромает, как собака. (*Кто-то кричит: «Только белая».*) Зачем нам белая, он же ещё не ослеп. Ладно, похромай пока, Иисусик... Вот, осуждённый, ваш новый лексикон (*передает ему бумажку с пятью словами*). Вы теперь только их говорите, хорошо? А то будет второе действие, а за ним, если вы не утомитесь, и третье. А это новые гвоздики и опять висение на крестике на колёсиках...

БРИГЕЛЛА (*читает бумажку, шевеля губами*). Хорошие слова. И так много. Меня всё устраивает, будущий полковник. Мне и пяти слов достаточно. Я, в отличие от вас, говорю большим человеческим сердцем.

ТАРТАЛЬЯ (*обращается к зрителям*). Любезные, теперь, когда действие №1 подходит к концу, мне надобен

надсмотрщик за Бриге... за Иисусом. Чтобы был при нём неотлучно и смотрел ему в рот, сверяя сказанное этой говорливой заговаривающейся сволочью со списочком разрешённых словечек. Кто хочет быть соглядатаем? Ах, как вас много... Хорошие же вы люди, зрители... Выбираю вон того громилу. Иди сюда, олух царя небесного. Ты, ты, жлобина. Давай на сцену. *(На сцену поднимается огромный мужчина мрачного вида.)* Надеюсь, я в тебе не ошибся, парень. Что надо делать, если Иисус произнесёт запрещённое слово, даже если оно иностранное и ты его не понял? *(Кандидат в надсмотрщики лопочет что-то вроде «защить ему рот».)* Защить ему рот. Умница. А ещё что я позволяю делать? *(Мужчина мычит что-то вроде «выбить ему все зубы».)* Верно, выбить ему все зубы, чтобы рот боялся раззявить. Дай я тебя поцелую, амбал. Нет, нет, только в губы... Эй, все, покурите пока. Мы трое устали. Но далеко не уходите. Сейчас будет

междудействие

ТАРТАЛЬЯ *(обращается к Бригелле)*. Хромай сюда, придурок.

БРИГЕЛЛА. Я ничего не сделал. Я не виноват. Не пойду. Коломбиночка, он хочет дать мне оплеуху. Почему он всегда бьёт меня, а ты не меня защищаешь? Я бы на твоём месте дал ему оплеуху в другое ухо.

КОЛОМБИНА. В какое, Бригеллочка?

БРИГЕЛЛА. Не в то, какое он мне сейчас оглушит.

КОЛОМБИНА. Дать до или дать после?

БРИГЕЛЛА. Дать превентивно, что остановить этого изверга. Я же совсем глухой. Я же ваших реплик почти не слышу. Как мне, несчастному глухарю, дальше делать театральную карьеру... А ещё стал забывать слова, — у меня же из-за его оплеух хроническое сотрясение мозга. Как мне, юному склеротику, играть на публике...

ТАРТАЛЬЯ. Оказывается, у него есть мозг.

КОЛОМБИНА. Откуда же мне знать, Бригеллочка, какое его ухо просит моего леща? Он же тебя ещё не побил.

БРИГЕЛЛА. Ты могла бы догадаться. Ты могла бы предугадать.

ТАРТАЛЬЯ (*пиная Бригеллу, который, прихрамывая убегает от него*). Так что ты опять натворил, за что я должен отвесить тебе оплеуху?

БРИГЕЛЛА. Ни за что не скажу.

ТАРТАЛЬЯ. Коломбина, о чём вы шептались, когда он ещё висел?

КОЛОМБИНА (*хохочет*). Да он гвоздики перепутал!

БРИГЕЛЛА. Ничего я не перепутал. Я просто захотел узнать, каково Ему было, когда в Него вколачивали гвозди...

КОЛОМБИНА. Юродивость заразна, шеф.

ТАРТАЛЬЯ. И каково ему было, гадина ты бессмысленная? У нас же завтра целых два представления. У нас же репертуар. А ты себя калечишь. Кем я тебя заменю? Этим бездарем Труффальдино?

БРИГЕЛЛА. Ему было очень, очень-очень больно, шеф. Сегодня я понял это со всей ясностью и отчётливостью. И моя игра сразу стала идеальной, шеф. А посему я требую удвоения... нет, утроения гонорара за выход.

ТАРТАЛЬЯ. Сейчас я тебе покажу утроение. (*Выхватывает из корзины с гнилыми помидорами самый гнилой помидор и бросает его в Бригеллу.*) Попал! Я попал! Я наконец-то попал в этого олуха! Хочешь ещё утроение, олух?

КОЛОМБИНА (*подкрадывается к Тарталье сзади и даёт ему пинка*). Он хочет пару утроений! И я не отказалась бы от пары!

ТАРТАЛЬЯ. Ты пнула меня, негодница! Ну погоди же! (*Устремляется за ней.*) Кто-нибудь, бросьте на её пути банановую кожуру, чтобы она растянулась в красивом шпагате!

БРИГЕЛЛА (*подкрадывается к Тарталье сзади и даёт ему пинка*). Получи же от меня за то, что готов пнуть мою ненаглядную...

КОЛОМБИНА (*останавливается*). Ой, я твоя ненаглядная?

БРИГЕЛЛА. Ну а чего...

КОЛОМБИНА. Я ненаглядная, а ты помалкивал?..

Действие предпоследнее

ТАРТАЛЬЯ (в образе... как его... Понтиуса Пилатуса; в начале монолог нетороплив, раздумчив, но постепенно Тарталья взводит себя и в итоге переходит на полный истеричной злобы ор). Мне передали записи его выступлений, в которых смутьян Йехошуа употребляет только пять разрешённых слов. О, он очень послушен. Он послушней вас всех вместе взятых, мой смиренный народ... И это возмутительные подстрекательские речи, потому что вверенные мне люди на глазах моих доносчиков превращаются из стада в индивидов. Из отары — в штуки, которые можно считать и, подсчитывая, впервые различить многое, вплоть до штучного цвета глаз. Это немыслимо. И это недопустимо. Что мне с такой прорвой отдельных человек делать?.. А он скажет «жопа» — и молчит. И в этом многочасовом многозначительном безмолвии превращается в трибуна. В сотрясателя наших основ. И в воздухе этих сходов набухает что-то неясное, но отчётливо вопиющее... А ведь у меня на эти стада были планы: я хочу строить из этих отар машины уничтожения, которые безропотно прокатятся по ещё не нашим городам и весям и закатают их в асфальт. О в какие изумительные наши автобаны они превратятся. Я собирался строить из моих стад великие китайские брустверы, чтобы всё наше было надёжно укрыто от посягательств со стороны. Я мечтал заложить из них идеальный концентрационный город, а в нём университет знаний для толп, стай и роёв, которые они будут выуживать из чтения вслух по ролям всех пятидесяти пяти томов моих обвинительных заключений. Как, как, как воплощать эти непревзойдённые планы со сволочами, у которых, оказывается, есть свои черты лица, не говоря уже о мыслишках не накатить, но узнать всю правду о тригонометрии?! А ведь эта нелюдь, этот недочеловек наловчился зажигательно произносить не только пять милостиво разрешённых мною слов, но и складывать из них предложения! Только представьте, какие адавы бездны таятся за однажды пророненным этим крас-

нобаем предложением «даёшь тригонометрию!»! Страшно подумать о разрушительных последствиях, которые могут иметь подобные призывы!.. Бзик Брайль! (*Публика откликается: «Бзик Брайль!»*) Я хочу объявить минуту молчания в память о том, к чему это может привести. (*Все замирают и затихают.*) Спасибо, мой шёлковый народ. Вольно. Разрешаю закурить и, у кого есть, откупорить. А сам продолжу допрос. (*Обращается к крепко связанному побитому Бригелле.*) Какой смысл ты вкладываешь в слово «жопа», выкрикивая его перед моими ручными человечками? (*Обращается к Коломбине.*) Полковник, что у вас под... э-э-э... вытащите из его гнилого рта кляп.

БРИГЕЛЛА. Говно.

ТАРТАЛЬЯ. Ты не понял, Иисус. Здесь все свои, то есть мои. Тут нет твоих баранов, из которых ты делаешь свой решительный шашлык. Только сексоты, поэтому можешь говорить всё, что тебе вздумается.

БРИГЕЛЛА. Говно... О, их фюрер, а можно мне прежде тяпнуть, а то в горле нестройность и гланды.

ТАРТАЛЬЯ. Кто-нибудь, принесите ему сырое яйцо.

БРИГЕЛЛА. Да не, мне бы тяпнуть. (*Обращается к зрителям.*) Кто не боится налить отщепенцу? Нет таких. (*Тарталья делает знак, и выбегает лакей с подносом, на котором стоит наполненный до краёв стакан. Лакей кланяется зрителям и говорит: «Выпить подано».*) А закусить? (*Тарталья подаёт знак, и лакей достаёт из кармана брюк кусок любительской колбасы, произнося: «Кушать подано».*) Сойдёт. (*Выпивает, закусывает.*) Вы спрашиваете, что такое «жопа»... прекрасно зная, что это. За сексотов не бойтесь? Я им разжую, а они уверуют, и один из них вдруг воткнёт вам в бок заточку, когда вас будут мыть в ванне девственницы. Не страшно?

ТАРТАЛЬЯ (*обращается к зрителям*). Ребята, которые работают на меня, будьте любезны заткнуть уши, пока Иисус вещает. (*Все затыкают уши.*)

БРИГЕЛЛА. А ведь вы никогда не шутите, да, их фюрер? Не умеете. Мама не шутила и вам не велела. У вас мама-то была или вы приютский?.. Жопа — наша родина. Родина —

наша жопа. В ней ещё не придумано электричество (и, разумеется, никогда не будет придумано). В ней смердит, но мы не знаем, что есть вонь, а есть запахи, оттого, иногда покидая родину (в мечтах, в мечтах; возносимся-с, хлебнув портвейна), задыхаемся от ароматов, а это всего лишь сломанная ветром цветущая ветка яблони. А у нас сразу астма. И мы немедленно вкальваем в ляжку родную рецептурную вонь, чтобы, возвратившись в жопу, подладиться к единому печатному шагу и, заняв своё место в колонне по мильёну, сбрендить: самыми утончёнными словами, да в рифму, вдруг поведать марширующим, как там, в мечтах о не жопе, расчудесно, чтобы они донесли на вас и вы хотя бы перестали топтать тромбофлебитными ногами в берцах к ближайшему окопу, потому что враг, как всегда, вот-вот вероломно нападёт. Я сам так решил, я сам придумал открыть пасть, — и я оказался в концлагере. Оказаться в концлагере по-любому лучше, чем в окопе, ибо а) в жопе всё концлагерь и б) в окопе смерть неминуема, ибо он несвобода, а в наш Аушвице ты свободен, и потому смерть — выбор, а не неизбежность. Впрочем, что это мы вдруг о смерти... Кого она в жопе волнует... Только тех, кто мечтает. А кто мечтает в жопе? Выродки и отщепенцы, которые сначала зачем-то наплодили детей в берцах, а теперь озаботились их судьбой. Пожалели крошек. Вот недоумки. Я — недоумок. Я озаботился. Я пожалел. Пожалел своих и отчего-то ваших, сексоты. И потому я мечтаю научить вас мечтать.

ТАРТАЛЬЯ (*подаёт знак, и зрители вынимают пальцы из ушей и поднимают плакаты «Распять выродка без соплей из носа»*). Какой пламенный революционерчик. Жаль, что тебя никто не слышал.

БРИГЕЛЛА. Как это — никто? Я говорю: «жопа», и люди задумываются. То ли ещё будет.

ТАРТАЛЬЯ. Никакого Толи больше не будет. Полковник, объявите своим звонким девичьим голосом, что сейчас будет зачитан второй и окончательный приговор.

КОЛОМБИНА. Но у нас же три действия, ваше высокопреосвященство.

ТАРТАЛЬЯ. А я сказал: хватит, это последнее, и приговор окончательный, без итераций в интересах нашей импровизации. *(Что-то увидев, обращается к зрителям.)* Кто принёс неразрешённый плакат? Что это значит: «Лучше на кол»? *(Кто-то из зрителей кричит что-то вроде «мы его с кола быстренько снимем, подлечим гауптвахтой и отправим бросаться на вражеские амбразуры».)* Молодец. Обнимаю тебя, сволоочь. Но впредь не своевольничай.

КОЛОМБИНА. Сворачиваемся, что ли, начальник?

ТАРТАЛЬЯ. Нет. Я передумал. Просто ускоримся: распнём его нынче же, а в распоследнем действии пусть висит три дня и три ночи. Уже дохленький. Нельзя, чтобы он мне мой народ портил. Дохленький — безобидненький.

КОЛОМБИНА. Внимание: а сейчас — приговор.

ТАРТАЛЬЯ. За бесконечные подстрекательские речи, посягающие на переустройство нашего извечного миропорядка, за который наши деды проливали кровь в 1812 году, я, единовластный начальник моего нашего цветущего края, а никакой не жопы, приговариваю эту умственную неполноценность на здоровом теле моего нашего народа к немедленному и решительному распятию. Надоел. Хватит чикаться. Крестик, пожалуйста. Полковничиха, покажи им, что у тебя под шинелью, чтобы у них никаких сомнений не возникало. *(Расстегнув шинель, Коломбина проходит по сцене, как манекенщица. Зрители режут от ощущений. Кажется, ещё немного, и динама забьёт гол «Сантосу». Тарталья подаёт знак, и Коломбина запахивает шинель.)*

КОЛОМБИНА. Босс, он сам будет себя приколачивать?

ТАРТАЛЬЯ. Как он вгонит в себя все четыре гвоздика? Я помогу. Ты поможешь. Любой из этих *(тыкает в зрителей)*, писаясь от счастья, поможет. *(Обращается к зрителям.)* Поможете, сволочи? *(Зрители кричат: «Поможем!»)* Не слышу! *(Зрители надрываются: «ПОМОЖЕМ!!!»)* Вот видишь. И это мои ленивые зажавшиеся сексоты. Народ был бы уже на сцене и без команды вколачивал в тронутого парнишку строительные дюбеля... Что, конечно, чревато: народ неповоротлив, одно неверное движение, и вот мы с тобой уже

затоптаны. Он не хотел, у него так само выходит. Ибо обе руки левые. Вот почему он всегда в клетке, вот отчего ключик от клетки только у меня, дур-р-ра, а этот будет сейчас gekreuzigt.

БРИГЕЛЛА. Алоизыч, отпустить вам грехи перед главным грехом вашей невыносимой жизни?

ТАРТАЛЬЯ. Своей смертью, собака, отпустишь. Принести мне настоящих гвоздей. Бутафорские — опостытели, не помогают. Полковник, чего стоишь? Пшла за гвоздями.

КОЛОМБИНА. Где я вам настоящие найду, начальник?

ТАРТАЛЬЯ. Тоже на крест захотела, дур-р-ра? Попроси у ребят, дур-р-ра. Перед ними не унизишься — снега зимой не дадут.

КОЛОМБИНА (*неуверенно, едва слышно*). Гвоздики... железные... найдутся... у вас... добрые люди? (*Кто-то из зрителей кричит: «На колени, Коломбина. И тут же найдутся». Коломбина становится на колени. Тот же голос: «Есть, есть гвоздики. На, на гвоздики».*) Спасибо...

ТАРТАЛЬЯ. Дай сюда, дур-р-ра. Крестик выкатили? Выкатили крестик. Всё-таки маленький у нас крестик, надо бы побольше, чтобы людишки издалека могли любоваться... На крестик этого положили? Положили этого на крестик. Семеро его держат? Семеро его держат. Молоток при мне? Молоток, как змея, всегда на груди. Тёплый, бьётся в руках, не терпитя ему. Да забиваю я, молоток, не вырывайся. (*Забивает гвозди в Бригеллу-Иисуса. Тот старается терпеть, но это не очень-то получается: взывает дико.*)

КОЛОМБИНА (*громко, на таясь, чуть не плача*). Ты не осатанел, Тарталья? Это же Бригелла, твой закадычный дружок, вы с ним тысячу представлений дали. Что ты его матери скажешь?..

ТАРТАЛЬЯ (*отмахивается свободной рукой*). Не мешай, дур-р-ра. А вот и четвёртый гвоздик... Многие считают, что их было три, а мне нравится эта циферка: 4. Больше гвоздиков — вернее смертушка...

КОЛОМБИНА (*пытается оттащить Тарталью от Бригеллы. Тарталья замахивается на неё молотком, и она, ры-*

дая, падает на землю. Потом спохватывается и кричит). Позовите ментов! Это же убийство! (Зрители хохочут. Зрители заходятся в весёлом смехе.) Бригеллочка, ты как?

БРИГЕЛЛА (говорит с невероятным трудом, и это не наигрыши). Не Бригеллочка, а Иисусик, госпожа полковник.

КОЛОМБИНА (плачет). Не полковник, а Коломбиночка.

БРИГЕЛЛА. Ещё жив, Коломбиночка. Часа три, может, протяну. А этот парень... он долго трепыхался?

КОЛОМБИНА. Часов шесть.

БРИГЕЛЛА. Мне кажется, я слабее его.

КОЛОМБИНА. Потерпи, любимый.

БРИГЕЛЛА. Ты сказала «любимый». Плюс один час, не меньше. Ты молодец, Коломбиночка. Скажи ещё что-нибудь, и я тут вечно буду висеть как огурчик.

КОЛОМБИНА. Ты потрясающий, Бригеллочка.

БРИГЕЛЛА. Коломбиночка, говори, говори, продлевай мои мучения...

КОЛОМБИНА. Бригелла, скоро конец действия. Скоро придут менты. Скоро тебя снимут. Скоро ты будешь в моих объятиях. Верь в это, пожалуйста.

БРИГЕЛЛА. Я стараюсь, Коломбина. Получается... плохо...

ТАРТАЛЬЯ. Конец предпоследнего действия! Кому на оправку — сортиры установлены слева. Кому пожрать, не помыв руки, — (говорит с грузинским акцентом) шашлычники, изображающие солнечных тбилисцев, — справа.

Междудействие

Над сценой натянута проволока, по которой ходят Тарталья с характерными усиками (кажется, что это это уже его усики, успели, знаете ли, вырасти) и Коломбина в своём привычном платье.

КОЛОМБИНА. Негодяй, ты не снял с креста Бригеллу!

ТАРТАЛЬЯ. А зачем? Сейчас начнётся третье действие, а он в нём только и делает, что висит. Причём по большей части уже мёртвенький.

КОЛОМБИНА. Какое ещё третье, дрянь усатая? Он же умирает.

ТАРТАЛЬЯ. Ну и пусть. Всё равно он должен умереть. Так в пьесе написано. Так ещё в одной книжке написано. Я не могу идти против правды.

КОЛОМБИНА. Что ты творишь? Что с тобой? Ты заболел?

ТАРТАЛЬЯ. Волшебная, знаешь ли, Коломбина, сила искусства. Я в образ вошёл. И никак не могу из него выйти. А главное — я понял, что не хочу из него выходить. Он мне нравится. *(Кричит.)* Бзик!.. *(Зрители откликаются: «Брайль!»)* Бзик! *(«Брайль!»)* Как живо они реагируют. Никогда прежде они не реагировали на нас... на меня с таким восторгом. Как это может не нравиться, дур-р-ра? Бзик! *(«Брайль!»)*

КОЛОМБИНА. Тогда я сама его сниму.

ТАРТАЛЬЯ. Давай-давай, дур-р-ра. Мои ребята выкатили второй крестик и уже ждут тебя. Я переписал пьеску-то. Я её многократно улучшил. У меня теперь такие сборы будут! Я теперь всё крестиками заставлю! Всю эту жалкую планетку.

КОЛОМБИНА. Последний вопрос, Тарталья... всесокрушающий мент Алоизыч.

ТАРТАЛЬЯ. Алоизыч... Мне нравится. Алоизыч. Это красиво. Это не какой-нибудь Карлогоцциевич.

КОЛОМБИНА. Сексоты... Зрители, которые собрались сегодня... они действительно твои сексоты? или тоже вошли в роль?

ТАРТАЛЬЯ. Бзик! *(«Брайль!» — откликаются зрители.)*

КОЛОМБИНА. Ясно. *(Подбегает к Тарталье и бьёт его в лицо.)*

ТАРТАЛЬЯ. Ты сломала мне нос, дур-р-ра. *(Садится на проволоку.)* Как мне теперь играть?

КОЛОМБИНА *(пытается сбросить его с проволоки).* Я убью тебя, Алоизыч. *(Тарталья делает ей подсечку, и Коломбина падает вниз. Её тут же подхватывают и несут на второй крест, спрашивая у Тартальи: «Уже прибивать? ещё погодить?» Тарталья делает знак: прибивать. И вот на сцене уже двое распятых.)*

БРИГЕЛЛА. Ты как, Коломбиночка?

КОЛОМБИНА. Да так, Бригеллочка. Поломана и распята.

Действие распоследнее

ТАРТАЛЬЯ. И эта тоже. И эта туда же. (*Обращается к зрителям.*) Вы довольны? (*Зрители кричат: «Мы счастливы!»*) Бзик! (*Зрители отвечают: «Брайль!»*) Бзик! («Брайль!») Я (*перекрикивая гул толпы*)... я только сегодня (*вытирает с лица набежавшую слезу*)... я только сегодня понял (*толпа наконец затихает*) смысл этой пьесы: на ваших лучащихся восторгом глазах сделать из 33-летнего человечка сочный труп.

Вы только представьте: он станет ничем не через годы и десятилетия, а сейчас, такой молодой, такой красивый. И не важно, что он сбрендил, мы теперь не только со сбрендившими так можем, мы со всеми так теперь будем. Гвоздь в левую ногу — и половина головы у человечка уже седая. Была чернявой — и вдруг седая. Безо всякой белой хны. Неожиданно. Завораживает. Затягивает.

Гвоздь в правую ногу — и человечек седой совершенно. По гвоздю в руки — и жить ему, такому молодому и красивому, осталось часов шесть. А мы помним его ещё вот такусеньким, всегда очень подвижным, обожающим маму и с безумно глубокими глазами-колодцами. И мы глаз с него все эти шесть часов не спустим, мы будем выпитывать его, такого молодого, красивого и секунду назад чернявого, постепенное угасание. Он не сможет остановиться, потому что это выше его. И мы не сможем — ибо смерть, а его особенно, безумно красива, и от неё нельзя отвести наших обычных глаз рядовой глубины по колено.

Мы кладём на его уже сивую голову яблоко — и пусть это будет крупное яблоко — и стреляем из маузера, пытаюсь попасть в яблочко яблока, да хотя бы антоновки, с тринад-

цати шагов, — и у него, такого молодого и красивого, без промедления на годы и десятилетия, на наших влюблённых в действо изумлённых глазёнках, появляются доподлинные старческие морщины. Морщины настоящие? не нарисованные? (*Толпа вопит: «Настоящей не бывает!»*) Вы когда-нибудь видели молодых и красивых стариков при смерти? (*«Нет!»*) А теперь — увидите. Хотите одного, а захотите — товарные эшелоны, спешащие под ваши неопытные боксёрские удары, потому что они, эти эшелоны, косо посмотрели на кого-то *нашего*. Десять тысяч часов ударов, и руки уже опытные, и перчатки истёрлись.

Наконец, мы ткнём его копьём лонгина, наивно надеясь «нарисовать» на его когда-то милом лице ещё одну морщину, — а он уже всё: он испустил дух. Мы бесимся, потому что хотели продолжать наслаждаться, а его уже нет. Зато есть плюс: должно быть... да нет, это так и есть: это чертовски зрелищно, когда молодой, красивый, недавно чернявый испускает дух. Он испускает, — а вы, такой уродливый, среднего возраста и лысый чуть не со школы, здравствуете и даже процветаете, найдя занятие по себе. Бзик! (*«Брайль!»*)

А вам кто не нравится, ребята? (*Толпа отвечает: «Солнечные тбилисцы! Эти кепки, эти носы, а особенно эти цены на завалящие же шашлыки!»*) Погодите. Это ненастоящие тбилисцы, это наш брат, переодетый в солнечного тбилисца, чтобы вы купили шашлыки из наших тощих собак и облизывались, и нахваливали... Впрочем, какая разница... Впрочем, уже поздно... Вы плюёте в них, а они седеют? (*Толпа отвечает: «Седеют!»*) Вы рвёте их на части — они седеют? (*Толпа ревёт: «Ещё как!»*) И как вам это? Вам это приятно? (*Толпа беснуется: «Безумно!»*) Что вам безумно приятно? (*«Когда его рвёшь на части, а он седеет!»*) Бзик! (*«Брайль!»*)

Кто ещё вызывает у вас отвращение? (*Толпа орёт: «Коломбина! Коломбины! Такие отступницы, как эта!»*) Ах, да, эта. И что мы с ней сделаем? (*«Уморим на кресте, как этого!»*) Когда мы снимем её с крестика? (*«Когда сдохнет, но не раньше, чем через три дня и три ночи!»*) Бзик! (*«Брайль!»*)

Мы теперь с кем не будем церемониться? («Со всеми!») Со всеми, кто — что? («Нам не нравится!») Со всеми, кто — что, я спрашиваю! («Не нравится Алоизычу, а потом уже нам!») Бзик! («Брайль!»)

БРИГЕЛЛА. Коломбиночка, я умираю.

КОЛОМБИНА. Бригеллочка, не умирай. Я хочу умереть первой. Но прежде я хочу умереть с тобой в один день в глубокой старости. И это ничего, что я буду не очень здоровой.

БРИГЕЛЛА. Такая ты: во всём хочешь быть первой... Мы были хороши?

КОЛОМБИНА. Ты изумительный актёр. Ты мой кумир. Я у тебя училась, только у тебя.

БРИГЕЛЛА. А ты моя Грета Гарбо.

КОЛОМБИНА. Я так и не успела сняться в кино. Я так и не смогла столкнуть его с проволоки...

БРИГЕЛЛА. Ты ещё снимешься. Ведь это только представление, третье, и последнее, действие, и оно скоро закончится. Завтра у тебя целых два представления. Столкнётся его во время первого... или второго...

ТАРТАЛЬЯ. Эй, лонгин, ткни-ка этого в подреберье своим острым копьём. Проверь, жив ли этот красивый глубокий старик на кресте. (*Человек из толпы залезает на сцену и тыкает в Бригеллу заточкой.*) Не говори ничего, и так вижу. Красивый старик сдох на наших глазах. И эту испробуй, но легонечко, будто свою маму... Не говори ничего, вижу, что красивая старушка ещё орёл. Снимите дур-р-ру с крестика и обеспечьте ей лучший уход, — у неё завтра целых два представления.

Занавес

Тарталья с усиками, носилки с полумёртвой совершенно седой Колобиной и крест на колёсиках с Бригеллой, температура тела которого не превышает окружающую, торжественно выходит, натужно выносят и весело выкатывают на поклоны и дурачества. Поманив Тарталью пальцем, Коломбина с трудом отрывает голову от носилок и плюёт

в него. Тарталья, скривив очень смешную гримасу, снимает плевков средним пальцем и вытирает палец о мёртвого Бригеллу. Бригелла проявляет стоическое безразличие, что очень, очень веселит публику.

Мертваго

От автора

Я зачем-то читал это в нескольких *наших* семьях, которые казались мне приличными, и все, взрослые, дети и уже взрослые дети, спрашивали: «За что они так с нами?», «Где именно это происходит?», «Это ведь о сегодня?» и, наконец, «Почему мы это терпим? почему мы так нежны с этими негодяйствующими ничтожествами?..» Мне наливали, и к концу читки я был, конечно, тёплым, а потому, глубоко упрятав злость, глуповато спрашивал: что именно «мы» терпим? И они — усреднённо — отвечали: «В наше тяжёлое время нельзя чикаться: с выродками должно быть строже». Вот что заботило их больше всего: «выродки» недополучали. «Угу», — угукал я и начинал задыхаться. Они вызывали скорую, та приезжала через три часа (время трудное, быстрее теперь нельзя, сейчас многие стали задыхаться), но меня уже не было: умолив их налить мне все остатки, всё, что болталось после читки в их стаканах, рюмках и бокалах, я выпивал это, мне становилось лучше, и шёл на ближайшую станцию, надеясь *уйти отсюда* на электричках, потому что у меня нет ничего, что позволило бы уйти иначе: аэропланом; надев копыта, перебежать границу туповатым лосем... Но электрички вскоре заканчивались, а копыта в приграничных городках продают только те, кто проникся этим «тяжёлым временем» и, продав копыта очередному перегарному задыхающемуся, набирает 2-12...

МЕРТВАГО-66. Здравствуйте, меня зовут Мертваго-66, и я неровно дышу к дорожным знакам и табличкам с названиями улиц. Как учит нас художественная литература,

ускользнуть от погони под покровом ночи ничего не стоит, и я ухожу от неё в девяти случаях из десяти. В наше трудное время удирать стало труднее, потому что ночью можно без труда стрелять без предупреждения, догонять убегающих на лошадках и мотоциклетах, но в четырёх с половиной случаях у меня получается. Получалось.

Когда-то я просто собирал знаки и таблички, скручивая их с улиц и домов, чтобы повесить дома. Когда все домашние стены оказались заняты, я пристрастился к портвейну, потому что его наливали на днях рождения, на которые я заявлялся без приглашения, но с отменным подарком: знаком «Осторожно: негабаритное место» или табличкой «Шарикоподшипниковская улица». Гости, чьи подарки были не такими роскошными, отдавая мне свои стаканы, просили принести им что-нибудь этакое. «На ваш день рождения? — интересовался я. — Когда он у вас?» — «Нет-нет, что вы. Просто так. Принесите нам этакое просто так». И я приносил, и мне наливали, и я наглел, говоря, что налить — это одно, а вот дать с собой — совсем другое, и мне давали с собой, не очень-то кривясь от негодования, потому что знаки и таблички у меня были лучшими: «Подлезать под вагон запрещено» и «Проезд Стратонавтов». И у меня спрашивали: «А ещё можете? Но чтобы качество было на высоте. У нас тут скоро несколько дней рождения, и у таких хороших и важных людей...» И я распоясывался, я произносил им целые намекающие речи о том, что никогда не пробовал портвейн «Этакий» и портвейн «Такой-то». И они отвечали: «О чём речь» и трепали меня по щеке: «К такому-то дню, не подведите». И я понимал, насколько я стал нужным людям и что я наконец-то нашёл себя. Я даже стал собирать этикетки наградных портвейнов, отведя им место, которое когда-то занимали самые обычные знаки и таблички, все эти «Улица Лукича» и «Железнодорожный переезд без шлагбаума».

А потом наступило *трудное время*, по ночам на улицах стоял цокот и мотоциклетный стрекот, свистели пули, в меня почти попадали, я начал попадаться чаще обычного

в пять с половиной раз, что обижало меня и стало надоедать. «Мечь — веление трудного времени, — сказал я себе. — Устрою же ему вендетту». Отныне я выходил ночью на вылазки: смотавшись в благодный Тамбов, где по ночам даже в «наше трудное время» больше спят, чем гоняются, и отвинтив там чемодан улиц, я подменял ими таблички в сердце родины; машины и поезда теперь всё время мчались в гору и с горы с 29-градусным уклоном, а знак «Движение запрещено» массово замещал собою все остальные знаки. Моё сердце пело. Моё сердце пело и выпрыгивало из меня от удовольствия, когда мне наконец-то удалось переименовать сердце родины на въезде в него с запада, севера, востока и юга на тёплое мамино слово «Миргород».

Когда-то в одном случае из десяти мне просто чистили морду. Теперь, оказываясь в каждой пятой с половиной вылазке под конским топом, я потерял выпуклости, но приобрёл приносящие удачу поднутрения. «Не вылазка, — поправляют меня конники, — а диверсия, потому что танки не будут знать, куда им мчать и во что палить». Но город же наш, указываю я им. А они парируют: «Ну мало ли что бывает» и подбирают меня с земли, и бросают в телегу с такими же диверсантами, и препровождают нас в Убейлаг, живодёрню с иголки на передовой с изящными каутскими боксами. Телега, везомая слабо или недостаточно потоптанными, несётся медленно, и мы успеваем пришить на сердце чёрную планиду с жёлтой надписью «МЕРТВАГО №№».

Пока они решают, на какой фронт войны 1812 года меня отправить (у меня, по их мнению, врождённое негодяйство и недоумение, которые не помешают мне закончить с отличием курсы молодой убоины, выходящей с урезком бревна на бонапартистские танки), я живу. Я живу в штрафбоксе с Мертваго-666, Мертваго-69, Мертваго-96 и Мертваго-99. Нас даже кормят, кормят просрочкой из «Ашана» и «Глобуса». Мы не можем нахвалиться на «Ашан» и «Глобус»: такая очаровательно свежая просрочка и такая по-божески дешёвая: чтобы получить помятую банку горошка, днями мы

стоим на одной ноге, и вши ползая по нам, думают, что мы горный хребет, а ножами нас выводят на расстрел на бруствер, но стреляющие в нас люди, которых называют «нашими братьями лягушатниками», как нам говорят, очень плохие ворошиловские стрелки, поэтому нам пока везёт. После расстрела мы спим там, где упали, чтобы дать понять стрелкам, что уже убиты.

Спасибо за внимание. Передавайте привет футбольной команде динама. Перед вами с видеоизвинением по центральному телевидению и радио выступала голограмма зэка Мертваго №66. До новых встреч в эфире и на передовой, мальчики, которые даже не питюкают, но вас всё равно загребут, потому что антрекоты из вас на удивление хороши.

МЕРТВАГО-99. Здравствуйте, я Мертваго №99 и я Колюня Варезкин из пгт Треухово, что в Снежной волости Февральского уезда им. Перехода Суворова через Альпы. Я виноват уж в том, что я рохля, чистоплюй и знаю интегральное исчисление. Вторая моя вина пострашнее: меня не понимают. Меня не понимает никто. Вот и сейчас, я полагаю, вы, соотечественники, стоите около громкоговорителей и плюётесь, и прочищаете уши мизинцами, и громко переспрашиваете друг у друга: «На каковском этот так громко говорит-то?» О да, звук громкий — да тарабарский. Я и сам себя, признаться, не очень понимаю... В наше непростое время это, конечно, непозволительно. Третья моя вина и того хуже: я не могу поднять бойцов на смерть за родину. Я, мне кажется, заслуживаю расстрела, но меня и так расстреливают каждую ночь добрые люди, поэтому меня, мне кажется, надо ликвидировать иначе: когда моих товарищей выведут на расстрел, меня по ошибке стоит оставить, выкачать из бокса воздух и пустить в него какой-нибудь благородный газ, а родным сказать, что я сам виноват, ибо «перепутал крантики», мол, очень сожалеем, но такова цена изнеженности, щепетильности и некоммуникативности в наше непростое время.

Мама, святой человек, приучала меня к нашей речи с пелёнок. А я выкобенивался. Я хотел невозможного: чтобы она книжки мне читала. Как я её потом понял, она в жизни ни одной книжки не прочитала. Но я не знал этого, а потому капризничал и отказывался говорить на её языке.

Вот в чём, милые соотечественники, перед которыми я сейчас раскрываю свою узкую душонку, моя проблема и корень всех бед.

Я не могу говорить по матушке.

Простите меня, если сможете, но я, урод, отщепенец, физически не способен к этому. Вот отчего меня не понимает ни один нормальный человек, а это в наше непростое время — преступление. Может, мне ещё и переводчика завести, правда же?!

Как только мне на язык попадает одно из пяти слов, на которых говорит родина, у меня начинается истерика: я замыкаюсь и становлюсь в угол, откуда меня и трактором не вытянешь. Между тем, говорят мне вышестоящие начальники, ты ефрейтор, и ты обязан поднять пацанов в атаку, используя всю мощь всех наших пяти слов. И я опять в истерике, и я опять встаю в угол, хотя найти его в окопе — целое приключение. А, отойдя, созываю бойцов, ведь на мне же взвод (был), и на память читаю им Льва Николаевича. И их, уже выпивших то, чем их безостановочно поят, чтобы они, выпучив глаза, ползли под танк, чтобы просунуть руку или ногу в его ходовую, дабы она застопорилась, начинает рвать. А трезвые они способны только на одно: проигрывать меня в сику другому взводу.

Я не умею. Зато я могу стихами, очень нежными и бесконечно проникновенными. Вот, послушайте: «Потворство это — вовсе не потачка, / но выручка, но дружба... Чёрт, любовь... / должно быть, и она, когда удачно / мараение бумаги, «товсь и новь, — / командует свече, перу, чернилам, — / попробуйте-ка без него — да с пылом: // “К такой-то” сочините-ка дней в осемь, / пока он апельсинничает с той, / которой безразличен. А в расспросе / признаетесь, что сами, крест святой, / никто не заставлял, вы просто благи...» / И

тянется перо само к бумаге. // Гусиное, верже, полукандела, / чернила (и его загул с другой). / Он холит их, они — его; полдела — / ухаживанье это: на осьмой / июльский день придёт сменить сорочку — / и восхитится — но поправит строчку».

А потом, у меня же опухоль расти начинает :-)! А Исупова какого-нибудь почитаю, — и рассасывается, и нет её уже :-)! Фельшарский, как грится, факт: наш снежный фельшар (мама меня на санках в волость возила) вскрывал мою ма-а-аленькую ещё головку, в которой от маминих вербальных экзерсисов зарождалась, но уже грозила неоперабельностью, ма-а-аленькая, гм, припухлость, и читал Гаврилу Романовича Державина, — и она, вся моя онкология, исчезала!!

Разумеется, это не отменяет моей не нашей уродской сущности в наше непростое время.

Мама, если ты слышишь меня, но, как всегда, не понимаешь, попроси бабулю переводить.

Спасибо, что выслушали. Уповаю на то, что трансляция сопровождалась синхронным переводом на пять наших слов, благодаря которым я, возможно, ещё совершу подвиг, если родина доверит мне занятие по моим силам на тарутинском направлении. Обещаю не подвести и ценой своей никчёмной жизни не пустить лиходея Буонапарта на Калугу.

МЕРТВАГО-69. Бонжур, моншерчики. *Tombe la neige / Tu ne viendras pas ce soir / Tombe la neige / Et mon cœur s'habille de noir / Ce soyeux cortège / Tout en larmes blanches / L'oiseau sur la branche / Pleure le sortilège // Tu ne viendras pas ce soir / Me crie mon désespoir / Mais tombe la neige / Impassible manège.* Я 69-й Мертваго и я отказываюсь брать Париж в галифе, потому что не признаю штаны, потому что с детства влюблён в юбку.

Моё первое детское воспоминание: я беру ножницы и отрезаю штанины у всех брюк в доме; папа рыдает, мама спокойна, как осадная башня, притворяющаяся заблудившейся. Моё второе детское воспоминание: я стою с нож-

ницами перед мамой и торжественно ей клянусь, ещё не умея толком говорить, что воткну ножницы себе в горло, если она ещё раз заставит — или хотя бы попросит — надеть меня штаны; мама, плача, соглашается, но выдвигает своё условие: пока она жива, я не буду выходить на улицу, если на мне юбка, «только, чур, папе об этом договоре не говорить»; я соглашаюсь. Мое третье детское воспоминание: я гуляю дома в новой красной юбке с оборочками, потом выхожу на лоджию, чтобы показать обновку детям внизу, залезаю на парапет и иду по нему, смешно подёргивая бёдрами. Моё четвёртое детское воспоминание: папа умирает от многочисленных бонапартовских ран, и мама, чтобы я мог выйти на улицу и проводить родителя в последний путь, украшает моё лицо румянами и длинными девчачьими ресницами, а в мои довольно длинные волосы заплетает в крысиные хвостики с белыми бантиками; разумеется, теперь я могу появиться на людях, что делает меня особенно привередливым: я требую мини-юбку, и я её получаю; «Ой, — подходят к маме люди, — мы думали, у вас мальчик...» — «Вы неправильно думали, — осаживает их мама, — у нас всегда была девочка, о мальчике мы даже не мечтали». — «Какая она у вас красивенькая...» — «А вы думали. Папа-то, вон какой делончик, его даже гроб не портит. Не похороны, а какое-то садомазо». — «Чего?» — «Чего слышали». Моё пятое детское воспоминание: я сижу на подоконнике в канифасной юбке и красной кофточке, вяжу чулок и строю глазки снежинкам, напевая: «Tombe la neige / Tu ne viendras pas ce soir»; снежинки, обезумев от моего ухода, собираются в рои, которые, разогнавшись, разбиваются о стекло; мама кричит: «Перестань с ними заигрывать, они же не понимают шуток. Кроме того, дома стало темно, — всё окно залепили» и зажигает свечи. Моё шестое детское воспоминание: я обрезаю все юбки в доме, чтобы они едва прикрывали... как называется это место спереди? а это место сзади? Моё седьмое детское воспоминание: ко мне впервые приходят дети, которым когда-то сказали, что я не могу ходить и поэтому не могу посещать школу,

что, впрочем, не мешает мне отлично учиться, отправляя выполненные домашние задания по почте. Дети трудились несколько дней, чтобы сделать мне костыли, и костыли удались на славу: расписанные под Хохлому, из ценных пород дерева, несомые в красивом футляре, они рассмешили меня до истерики, и я объявил гостям из другой комнаты, что сегодня День юбки-клёш, и если они не наденут приготовленные им наряды, я им даже не покажусь. Мальчики с удовольствием переодеваются, я появляюсь в роскошной красной юбке-клёш, и мы играем в прятки до самой ночи, напроць забыв и о костылях, и о своём одеянии. Моё восьмое юношеское воспоминание: приходит сантехник и, не разобравшись, хватает меня за... как всё-таки называется это место сзади? А я ему: я не девочка, я не девочка, что вы себе позволяете, мсьё сантехник. А он бьёт себя по щекам и говорит, что больше такое не повторится, что, мол, просто нахлынули приятные воспоминания и руки начали жить отдельно от его головы. Моё девятое юношеское воспоминание: приходит юная модистка, и я делюсь с ней моделями юбок для маркитанток, действующих в субарктических условиях, которые я разрабатывал долгими бурными вечерами, пока, бразды пушистые взрывая, несло кибитки, а трамваям стоялось скучно налегке; модистка невзначай касалась моих коленок, когда я показывал ей меховые изнутри юбки; «Не колется?» — спрашивала она. Кололось, и очень, хотелось, и очень, но мама не велела. Моё десятое юношеское воспоминание: мама умерла, и на следующий день я впервые вышел на улицу. Разумеется, я был в юбке и небрит. Меня тут же забрали, и я оказался на передовой. Моё одиннадцатое юношеское воспоминания: на меня, «провоевавшего» целый день в юбке (я вынес с поля боя почти всех подстреленных, а начальник сказал: «Зачем они мне? Неси назад. Только галифе надень, не позорь родину перед врагом»), донесли, кажется все, даже покойники, которых я не успел вынести, и уже вечером меня вывели на показательный расстрел: «Или ты наденешь штаны — или отправим на исправление». Моё двенадцатое мужское вос-

поминание: я стою на одной ноге в наше тесном штрафном боксе на пятерых, а по мне ползают вши, которым кажется, что я Эверест. Моё тринадцатое мужское воспоминание: в ночи меня выводят на расстрел, но парижане, перед позицией которых расположен наш исправительный лагерь, давно поняли, что мы им не враги: за все три года еженощных расстрелов они не попали в меня ни разу. Удивительная нежность в наше нелёгкое время.

И вот я стою перед вами в этой вонючей истлевающей юбке, в которой меня взяли три года назад, и лучсь надеждой, ибо всё в жизни имплицитно: боевые товарищи до сих пор не подают виду, что хотят умирать и выживать, когда я в юбке и рядом, но я-то знаю, что без галифе, которые я ни за что не надену, я им уже не то что мил, но желанен, потому что без меня никто не выносит их с поля боя. Пройдёт ещё три года, и они согласятся и на мою юбку. Вот почему я третий год нахожусь на исправлении, за что неискренне извиняюсь. Мои товарищи по исправлению терпят меня, в отличие от моих боевых товарищей. Им почему-то всё равно; за всё время никто из них не отпустил ни одной мерзкой шуточки. И всё это вселяет в меня немного безрассудную надежду на исправление моих боевых товарищей. Хотя бы могилой. Надеюсь, скоро опять пойдёт снег, и нас станет шестеро. *Tombe la neige / Tu ne viendras pas ce soir.*

МЕРТВАГО-666. Здравствуйте, я Мертваго, который блюёт в танке. А 666 — это тактический номер моего последнего танка. Значит ли это, что 665 других танков тоже заблёваны? Не знаю; может быть; но в нашем Убейлаге я с таким осложнением один. Охранники, которые водят меня расстреливать по ночам, говорят, что это излечимо. Поэтому перед расстрелом они силой запихивают меня сначала в трофейный бонапартовский «Сен-Шамон» со всеми его восемью бедолагами, которые уже даже не пахнут, потому что заблёваны мною, а потом — в наш бронированный трактор Гулькевича, семь мертвецов которого, заблёваны не меньше, но вида не подают, ибо терпеливы, как все мы.

Но меня по-прежнему укачивает даже в неподвижных танках с неработающим двигателем, и хваленый бонапартовский комфорт «Сен-Шамона» в этом смысле ничем не отличается от нашей бронесейлки, в которой удобно только хорошо прожаренным покойникам. Сколько это надо повторить, чтобы я перестал травить? — Я тут третий год, а синдром танкового укачивания все ещё мучает столько мастеров своего дела: вохру́ с собаками, которым не терпится добиться результата, чтобы их заметили и перевели истязать подальше от передовой, два разноплеменных мёртвых танковых экипажа и меня, командира танка, в котором всегда лужа, но не дождевая. Не знаю, как конвоиры, а я не теряю надежды, потому что в случае исправления мне обещали дать одноместный танк Холта, в котором я смогу блевать столько, сколько смогу и/или захочу. И я очень стараюсь, хотя мне очень стыдно перед товарищами по камере, которых уже расстреливают (или уже расстреляли), пока я оттачиваю танковое мастерство в двух горелых машинах. Они не показывают виду, но вот вы хотели бы, чтобы вас всегда расстреливали последним и в одиночку? когда, быть может, расстреливателей уже сморил сон от усталости... когда, быть может, у них кончились патроны... когда, быть может, начался затяжной ливень (или буран), который загонит их в теплую и сухую хлебрезку, и последний расстреливаемый, оставшись наедине с собой, упадёт на своих павших товарищей, чтобы наконец выспаться... когда, быть может, наша кавалерия, наши тачанки, совершив героический рейд в бонапартовский тыл, перерубит, а потом и перестреляет расстрельщиков, достреливающих предпоследнего расстреливаемого... Конечно, хотели бы. И кто не хотел бы... А этот крендель достаётся только мне. А они только посмеиваются: «Что же ты опять опоздал, танкист?.. Ха. Ха. Ха». И танкист прячет от товарищей бесстыжие глаза счастливого...

Товарищ командир родного танкового училища! Пожалуйста, будьте человеком, перестаньте слать моим престарелым родителям телеграммы «Лучше бы он, ей богу, гадил

и горел, а не блевал в танке». Делу исправления верен. Ваш выпускник с отличием, который блевал в танке все тринадцать лет обучения, а вы и не заметили.

МЕРТВАГО-96. Здравствуйте, это Мертваго-96, потому что я старожил: я была тут 96-й после 95-ти девушек, отправленных на исправление в Убейлаг. Все они служили в батальоне девичьей поддержки передовых окопов — и все в итоге обезумели, когда поняли, что спят с убийцами. Мальчики не стеснялись шептать им на ухо, скольких положили сегодня, прежде чем лечь на них. Мальчикам ничего не стоило подарить им «маленькую безделушку», найденную у «положенного»: проткнутую штыком фотографию любимой, письма любимой любимому трупу, пуговицу, срезанную с мундира трупа, вырванный у «положенного» золотой зуб. Хочу, мол, тебя с такой причёской, как на этой карточке; хочу, дескать, чтобы к следующему перепихону выучила это лягушачье бляенье наизусть и читала мне в ночи с парижскими прононсом («интересно... за что она любила эту сволочь, которая чуть не пропоролла меня своим кинжалом... ты знаешь, какие большущие и стальные у них кинжалы...»); хочу, мол, чтобы отстирала мои галифе от недельных испражнений и пришила «вот тут» сию красивую пуговичку; надеюсь, дескать, что и другие ребята дарят тебе такие блескучие зубы («чтобы ты когда-нибудь отлила из них вот такенную голду на свою нежную цыплячью шейку»)... После шёпотов мальчики засыпали, как умирали, на девочках поддержки, так и не сделав им «будущего защитника родины или его будущую училку пения», потому что убить нескольких, а потом упасть на девочку — это выше их мальчишеских сил... Девочек (а все они выпускницы благородного института, других в этот батальон не берут) скосила вот эта окопная простота: руки кровавые («Чем я тебе это смою? — подыхали от хохота и брезгливости девочек мальчики. — Водку жалко, воду сюда не довозят, а дождь когда ещё будет. Так что это, сучка, до снега. Терпи, дрянь такая»)... кровавые по уши, а в панталоны лезут.

Так девочки и сбрендили: отказались выходить на работу, взыв, что не будут больше с убийцами, что хотят с телефонистами и санитарями, да не с простыми, а из штрафбата, которым не дают оружия, чтобы своих не поубивали, то есть не своих, а *наших*, ибо как ты дашь им сабельку, если у них в родне были французики... Обезумели девочки, — и были отправлены на исправление, и вскоре исправились, потому что нельзя не перевоспитаться, если ты институтка, то есть соображаешь. Перековались, но доверие потеряли и были понижены в разряде: теперь они полудевочки, и ниже них только шмары. А полудевочки спят только с теми, кто расстреливает тех, кто не расстрелял тех, кто не поднялся в атаку с криком: «За родину берёзок, за валюту в их портмоне». Эти подарков не дарят, эти, чтобы свалить в койку, бьют по зубам, а на ушко не шепчут, но орут «Боже царя храни».

А я — баран, я тупая, я больноголовая: сколько себя помню, я просила папочку привезти мне с войны языка, чтобы, вступив в половую зрелость, тискаться с ним, потому что лучше с ним, чем со всякой уличной сволочью, а до той поры обшивать его матросками и обвязывать свитерами подводника, выдавая за ручную обезьянку... Я и имя ему/ей придумала: Жан. И папочка, фронтовой разведчик сусанинского призыва, смилостивился: на день Петра и Февронии привёз мне в заплечном мешке вместе с трофейной брюквой язычонка, мальчика моего возраста, которого вынес из дому на глазах семьи. «Заполз в хату при свете дня, — нажравшись водки, хохотал папочка, — повёл шмайсером, чтобы осмотреться, и сказал им без толмача, но так, чтобы поняли и преисполнились: хочу вот этого, этого у вас забираю, он точно такой, каким доченька описала. После чего бросил пацанёнка в мешок, дав ему отсыревшую ручную гранату, чтобы игрался, а не орал про пожрать, положил всех, включая собак и грудных детей, чтобы не преследовали, и пополз на побывку на родину».

Язычонок, едва появившись из вещмешка, ускакал на своих четырёх в угол и начал прислушиваться, и делал это с

час, потом переобнимал всех, к вечеру заговорил на нашем со смешным жабьим выговором, ночь провёл рядом с моей кроваткой на собачьей подстилке, утром поел с моей руки мыла, которое я дала ему, чтобы вместе посмеяться, днём смешно лакал воду и молоко, когда ему налили их в миску в обеденный и полдничный часы, а вечером вдруг поднялся на задние лапки, залез на стул и объяснил нам на уверенном нижегородском, какие же мы звери, коли лишили его детства и привычной среды обитания, завладев им помимо его воли. «И вообще, — сказал он, указав пальцем на папочку, — на кой чёрт вы, дядя, положили всех моих и, уползая, запалили наш дом?» Папочка протрезвел, сумел подняться на ноги и, взяв язычок за нижние лапки, собрался бить его об стенку, приказав маме прежде снять иконы и занавесить их чёрным, но я встала между ним и стенкой и принялась умолять не лишать меня такого хорошего язычка: «Чтобы помалкивал, свяжу ему красивый намордник со стразами, — посулила я со всей убедительностью, — а чтобы не убежал, надену ошейник и посажу на цепь в своей комнате, чтобы потом, когда язычок, поймёт, куда он попал, отвести его в лес и потерять возле болот, потому что, милый папочка, Жан — обезьянка бонобо и не ведает, что творит, чем и запал вашей непокорной дурочке дочке в чистосердечную душу и простодушное сердце».

И папочка послушался, и сделал это зря, потому что, когда мы подошли к самому Парижу, чтобы всех убить, а сам городок сравнять с нечернозёмом, для родины наступило совсем уж непосильное время, а Жан вырос и в одну из побывок папочки повесил его в ночи на ближайшем разбитом фонаре. Он вешал, а я, его возлюбленная, сначала намазывала верёвку, а потом тянула её вместе с любимым, чтобы поднять папочку на должную высоту.

На этом мы с Жаном, который теперь звался Фёдор Михалычем, ушли из дому, чтобы добраться до его дома, пусть он и сожжён моим папочкой. Чтобы осуществить наш подлый план, мы стали цирком-шапито: я переделалась в дрессировщицу с суровым нравом, а Фёдор Михалыч — в

бабуина. Я била его кнутом, в ремень которого была вплетена зверская гайка М64, а он своими волосатыми ручищами незаметно воровал у окопных солдат леденцы и на-свистывал Вагнера, дую в разноразмерные гильзы. Наши фронтовые концерты пользовались невероятным успехом. Перед тем как раскрыть нас, нам даже присвоили звания «заслуженных».

Нас взяли на мелочи: фельдмаршал Кутузов... кажется, это был он... предложил мне переспать с ним, а если ему понравится, стать его фронтовой женой; я возмутилась, я пришла в неистовство, а Фёдор Михалыч, который сидел рядом на поводке и всё слышал, задушил его — но прикопал небрежно...

Словом, от 95-ти институтских девочек я отличаюсь только одним: спала со мстителем, но с убийцами — как и они, никогда.

Я упорно исправляюсь, а по ночам, когда нас выводят на расстрел, жду моего Жана. Он обязательно придёт и освободит меня от переделки, хотя я видела, как его втоптывали в землю там, где он как попало зарыл Кутузова. Теперь там плац им. фельдмаршала: гладкий, как затылок, когда в него, как говорят расстрельщики, вот-вот попадёт пуля. Ни одного — а там их должно быть два — холмика.

Придёт — непременно, так и не дав мне исправиться.

Потому что время, может, и непосильное, но у нас с ним любовь.

Три сцены со взломом

Птицы

- Тук-тук.
- Кто там?
- Сейчас сообщу... Не торопите, пожалуйста.
- Хорошо... Замечу, что вы очень музыкальны и настойчивы: так красиво и так долго барабанить в дверь...
- Эй, я готов ответить. Эй, вы же врач? Мой мозг взломан ломом.
- Эй, вы сегодня первый с таким «здрасьте». И что вы хотите?
- Починки.
- Ломом? мозг? починки? Эй, неужели я сапожник?
- Эй, вы разве не врач?
- Эй, я ухо-горло-нос, но с починкой лучше к сапожнику.
- Эй, может, к шляпнику?
- Вы были в шляпе?
- Не помню.
- Почешите в затылке.
- Чешу. Вспомнил. Я был в шапке.
- А почему не в каске?
- Оплошность. Халатность. Недосмотр. Беспечность. Упущение.
- Расхристанность. Тогда вам к шапочнику.
- Эй, разве он разбирается в мозге?
- Эй, он разбирается в шапках.
- А в мозге?
- Смотря какой шапочник. Некоторые умеют.
- Что умеют некоторые?

— Такой сошьют, что в голове сразу порядок. Это ли не «умеют»?

— Какой «такой»?

— Танкистский шлем.

— Но я был в ушанке.

— Кролик? бобик? чернобурка?

— «Бобик»? Вам не стыдно?

— Нет. Представьте, что трюх из шарика спас бы вас от взлома мозга.

— Тогда да. Никакого стыда.

— Друг человека.

— Настоящий.

— Какой породы мог бы быть бобик, который спас бы вас от взлома мозга?

— Наверное... бордер-колли.

— Люблю их. Умные. Исполнительные. Глаза — как у любимой, когда она недоумевает, отчего это я пришёл в будний полдень и в хлам.

— Бывало?

— И не раз.

— Носите шапки из любимых пород...

— ...и иногда видов.

— Эй, так вы мне поможете?

— Эй, как это произошло?

— Непредвиденно, доктор: я отмахивался от птиц.

— Вы сегодня первый с таким анамнезом.

— Это приятно.

— От каких птиц надо отмахиваться ломом?

— От нарисованных — раз. Чучел — два. Подлинных, но сбрендивших — три. Буревестников — четыре.

— А если подробней?

— Я залез на крышу, чтобы рисовать птиц.

— Высокую?

— Самую что ни на есть.

— Хотелось бы знать, но боюсь подробностей. У меня сотные головокружения.

— Сочувствую. А у меня ничего подобного.

— Я представил себя на вашем месте, и мне уже плохо. У вас нет с собой рвотного пакета?

— Есть. Натё.

— Спасибо.

— Я лежал на крыше и рисовал маслом птиц, а они, оказывается, не спускали с меня алчных и мстительных очей.

— Алчных?

— Я был с новеньким ломом, который блестел, как только что отчеканенный пятиалтынный. Они хотели его.

— Мстительных?

— Однажды я отловил пару особенно заглядывавшихся на лом и отнёс их к врачу. Врач поблагодарил меня и запер их в чулане, в котором — это меня по-хорошему поразило — лежало тринадцать велосипедов, рядом с которыми плакали мёртвые велосипедисты. Наверное, передали записку на волю.

— Велосипедисты?

— Запертые врачом птицы.

— Думаете, в записке было ваше описание?

— Уверен в этом.

— С нарисованными птицами ясно. Кстати, кого вы рисовали?

— Бакланов, конечно.

— А чучела?

— Чучела птиц, умело расставленные на крыше, привлекают внимание пернатых: они клубятся над вами, они начинают мурмурировать, и поэтому писать их можно хоть с закрытыми глазами. Очень удобно. И не надо платить натурщицам.

— Несмотря на то что нападают?

— Несмотря на это.

— Далее: вы упомянули неких подлинных птиц, которые вас заклёвывали...

— Не заклёвывали, а назойливо гнали к врачу. Большая разница. Поклёвывая, конечно. В темя и правый висок.

— Да, разница есть. К тому же самому?

— Врачу-то? Да.

- Напомните, какая у него специальность.
- Он, как и вы, ухо-горло-нос.
- Надо же. Я его знаю?
- Вы его знаете.
- Не намекнёте?
- У него есть чулан.
- У нас у всех есть чуланы.
- Вы в свой давно заглядывали?
- Сегодня.
- Ничего не заметили?
- Ну... лежали какие-то велосипеды... мне даже показалось, что их слишком много... и я стал думать, откуда они в моём чулане в таком количестве... но отбросил это умствование за ненужностью. Кроме того, тут вы и забарабанили в дверь...
- Вы узнали партию?
- Ещё бы: Smells Like Teen Spirit. Вы стучали минут пять...
- 4:38.
- ...а я не открывал, чтобы не прерывать вас и сполна насладиться.
- Спасибо.
- Спасибо вам. Итак, «подлинные птицы».
- Да. Без всякого сомнения, это были воробьи.
- А что с буревестниками?
- Даже не знаю... Может, у нас собираются рыть хранилище воды...
- Море?
- Допустим, Оранжевое...
- На стихи Горина и Арканова?
- А почему нет?
- Вот вам и буревестники.
- Вот нам и буревестники.
- И что же, вся эта крылатая публика набросилась на вас? Воробьи, тронувшись умом от алчности, захотели унести в гнездо ваш новенький лом. Буревестники в ожидании моря мстили за своих товарищей в чьём-то чулане. Но —

чучела?! Но — птицы с написанных вами картин маслом?!
Зачем вы били их ломом?

— А чего они...

— «Чего они» — что?

— Может быть, они приняли меня за своего птенца?..
Так или иначе они тоже участвовали в вакханалии. Вот и огребли.

— А, так вы ещё и выпивали?

— А как писать картины, не промачивая горло, доктор?
Это невозможно.

— Догадываюсь, художник. Горло — моя специальность.
Нам тоже достается: вопрос «реально ли принимать пациентов трезвым?» актуален сегодня как никогда.

— Ну вот, вы — понимаете. Вы, доктор, — человек.

— Эй, а дальше что было? Мне уже интересно.

— Эй, дальше было главное: отмахиваясь, я вломил себе
ломом.

— По голове?

— По кумполу.

— Как думаете, почему?

— Когда стало очень опасно, я очень испугался и начал
очень сильно размахивать ломом, в результате чего впал в
излишнее усердие и очень серьёзно ранил себя, проломив
свою голову на неведомую мне глубину, что заботит меня.

— А если бы вы были в собачьей шапке, то...

— ...то я, вероятно, не ходил бы сейчас перед вами, дока-
зывая неизбежность моей незамедлительной госпитализа-
ции и скорейшей операции.

— Верно. Отныне рисуйте птиц только в собачьей ушан-
ке. Продолжайте. Становится всё интереснее. Очень хочу
услышать конец этой захватывающей истории.

— Согнав меня с самой высокой крыши, птицы пресле-
довали меня до вашей двери.

— Почему до моей? Разве по дороге мало дверей, за
которыми можно укрыться и до которых вас тоже можно
было преследовать?

— Потому что у меня проломлена голова.

- Ах, да. Я же врач. Логично... Вам не показалось, что птицы умышленно гнали вас к двери этого врача?
- Какого врача?
- Этого. Меня.
- Показалось.
- Как думаете, почему они так делали?
- Может быть, они считают вас хорошим специалистом?
- Это возможно. Но откуда они знают обо мне...
- Вам не приходилось лечить птиц?
- Я не помню. Кажется, однажды я собирался покопать-ся в паре птиц, принесённых одним сумасшедшим, но что-то меня спугнуло... и я...
- Что вы?
- Совершенно выпало из головы.
- Я же говорю: кто сейчас не пьёт...
- Я таких не знаю.
- А я — тем более.
- Эй, ну а от меня-то вы что хотите?
- Эй, вспомните: вы же доктор.
- Припоминаю. И?
- Посмотрите рану? Покопаетесь?
- А кто это колотит в дверь и окна?
- Мои птицы.
- И чучела?
- Сейчас гляну... И они.
- А нарисованные? Хочу знать, какой вы художник.
- И они там.
- Покажите же.
- Вот эти... нарисованные маслом...
- Не самые агрессивные, но похожи на стегоцефалов.
- Простите, но я так вижу бакланов.
- И чего они хотят? чего они ломаются? что я им сделал?
- Скоро узнаем.
- Вы думаете?
- Доктор, мой мозг взломан ломом.
- И?

— Я хочу приятной смерти: у вас на операционном столе, а не от рук птиц на самой высокой крыше.

— А я хочу знать, что такое «взломанный мозг», о котором я устал слышать...

— Так давайте узнаем вместе.

— Что же, попробовать можно.

— Доктор, я уверен, что это такое повреждение головы ломом, при котором мысли утекают наружу. Если это так, то это очень неудобная рана, потому что все видят, что я думаю. Вы видите?

— Вижу. Я увидел это сразу, когда вы ещё стучались. Просто не хотел лишать вас надежды.

— Вы добрый, доктор. И о чём я думаю?

— В том-то и дело. Вас совсем не заботит ваша рана. Никакой паники, никаких слёз. Такое впечатление, что вы безразличны себе... Вы думаете о коньяке в моём медицинском шкафу.

— О да.

— Вы думаете, что, если я дам вам стакан-другой, вы окажетесь в сцене, в которой починка взломанного мозга — рутинная... даже не операция, но процедура, вроде очистительной клизмы или кормления буйнопомешанного через нос.

— О да.

— Прямо сейчас вы думаете: «Сейчас он нальёт мне».

— О да.

— И я наливаю.

— И я пью. Эй, какой вкусный у вас коньяк.

— Эй, разве врач может налить пациенту сивухи... А теперь вы думаете: «И вот он наконец-то решается заглянуть в мой взломанный мозг».

— О да.

— И я заглядываю. Но не глазами, потому что я боюсь вида крови, а руками. Засунуть руку и покопаться — это мне по силам, это я умею, это всегда выручает...

— Кстати, это очень приятно. Немного щекотно, но в целом — здорово. Ройтесь, доктор, столько, сколько вам влезет.

— Не забывайте, что я вижу ваши мысли. Не повторяйтесь.

— Извините.

— Извиняю... Напомните-ка мне, какой сейчас год.

— 1812-й, какой же ещё. У нас всегда 1812-й.

— Я так и думал.

— Это вы к чему?

— Это я к тому, что, если моё перетряхивание вашего мозга не поможет, можно попробовать фронт... Взлом на слом даёт починку... Вам какой фронт больше нравится?

— Тот, которым командует князь Пётр Иванович Багра-тион. Я, можно сказать, фанат этого фронта.

— То есть Бобруйский. Вот и поезжайте туда... Справку, что вы годны, дать?

— Умоляю, доктор, повторите это несколько раз: Бобруйский, Бобруйский, Бобруйский.

— Бобруйский, Бобруйский, Бобруйский и Могилёвский. И чего?

— Восхитительные ощущения. Прошу, продолжайте ковыряться. Как вам мой мозг?

— Взломан.

— Это я понял сразу. А вообще?

— Мозг.

— Это я знаю. А в целом?

— Пара мелких извилин и художественная жилка.

— Спасибо.

— Бакланы у вас стегоцефалистые.

— Я их такими вижу.

— То есть вы сидите на крыше чуть ли не мира, вокруг вас шмыгают воробьи и буревестники, а пишете стегоцефалов, которые даже не летали?..

— После этой грубости я почувствовал себя Еленой Чаушеску, лежащей на стадионе «Стяуа», после того как она побывала в натруженных руках румынских рабочих.

— Хватит ныть, я что-то нащупал. Не говорите, я сам: «Ни один зритель не может покинуть зал, пока идёт эта сцена»... Нет, не то. А так? «В течение всего действия мас-

совка стоит на коленях и постится...» Какая массовка? нас всего двое...

— А птицы и мёртвые велосипедисты в чулане?

— «Я не настаиваю на том, чтобы по земле был густо рассыпан горох, или бутылочные осколки, или из земли торчали ржавые куски арматуры, или землю покрывал гололёд, а массовка была в драных портах или голоногая, или по земле ползали стегоцефалы, или проверяющие всамделишность стояния кнутабойцы обмолачивали каждого третьего. Достаточно и того, чтобы холопы, изображающие плачущие и горящие ширнармассы, выстояли все три дня и три ночи, кои длится представление...»

— О да.

— Не понял. Мне в вас три дня копать?

— О нет.

— «Водонос возможен, но он ходит среди коленопреклонённых раз в три часа, не нарушая их сплочённые тоской ряды и неся на себе столько воды, сколько способен взять. Иначе говоря, жажда тоже возможна...» А вот это про нас: «Артисты обязаны не играть, но жить, и если сказано: “Решительно рассекает мозг ржавым скальпелем”, то так тому и быть, из чего, кстати, следует, что реквизит тут подлиннен и дееспособен: ножи и топоры отточены, пистолеты ТТ и Макарова стреляют в затылок и, желатель-но, разрывными...»

— О да.

— Опять завираетесь, любезный. И наконец: «Также я не настаиваю на невозможности обезболивания артистов коньяком или иными средствами, которые, вероятно, могли бы быть растворены в воде, поставляемой указанным выше водоносом. Но пьянства на сцене быть не должно: пьяненькие, когда кажется, что любое море по колено, — да, но не в стельку, не до потери товарного артистического вида».

— О да.

— Чего «о да»? Что за горячка носится по вашему мозгу?

— А я знаю?

— Я копаюсь в его голове, пытаюсь избежать его отправки на фронт, а он чёрт-те что думает. Только попробуйте плохо подумать обо мне... Рана, кстати, становится всё глубже.

— Теперь вы понимаете, что мой мозг взломан во время удара ломом по голове?

— А если вот так? Пережимаю тут, но отпускаю здесь...

— Чудо исцеления возможно, доктор! Как говорится, горячо.

— Неужели я нащупал... Со всей дури передавливаю тут... и не пальчиками, а верным стальным инструментом... А отсюда грязные лапки прочь, этого места даже не касаюсь...

— Вот и настало время выпустить птиц из чулана.

— А мёртвых велосипедистов?

— И их, и их тоже!

— Вы слышите это?

— Это птицы: они больше не запугивают, они начали действовать, они пикируют на окна. И это родственники мёртвых велосипедистов: они ломаются в дверь.

— Откуда они узнали?

— Птицы? Я же говорил: записка соплеменникам.

— А родственники?

— А им рассказали птицы.

— Тогда марш в чулан.

— Бегом в чулан, доктор.

— Всех, всех выпущу.

— Давно пора, доктор.

— Кыш отсюда, археоптериксы! Пошли вон, велосипедисты! И велосипеды свои забирайте. Зачем мне столько велосипедов... Я и кататься-то не умею.

(...)

— Доктор, мне уже очень хорошо. Вы — чудесник. Рана — зарубцевалась. Вам — спасибо.

— Может, ещё посидите? Может, ещё выпьем? Вы что-то говорили... думали о некоей сцене...

— Я уже всё забыл.

— ...в которой починка взломанного мозга — нечто вроде кормления буйнопомешанного через нос.

- Я думал такое? Эй, я вообще стараюсь не думать.
- Эй, я же ухо-горло-нос. Кормление психов через нос — моя любимая специальность.

Марат

- Тук-тук.
- Чего?
- Надо.
- Чего?
- Войти.
- Для?
- Горло.
- Болит?
- Дурит.
- Как?
- Не те звуки.
- Что?
- Воспроизводит.
- Помимо воли?
- Чей?
- Вашей.
- Окружающих.
- Так наплюйте.
- Боюсь.
- Резонно.
- Затыкать пробовали?
- Пробовал, но не вариант: надо драть.
- Полоскали?
- Соляной кислотой?
- А промачивать?
- То и дело.
- И? становится хуже?
- Становится невыносимо.
- И лезете драться?
- И всегда бываю бит.

— А что с общественными звуками, которые не выговариваются?

— Стоят поперёк горла.

— Давитесь?

— Только и делаю.

— Отхаркиваете?

— Знаете как меня называют?

— Как?

— Харкун.

— Телевизор смотрите?

— Не выключаю.

— Со звуком?

— Я уже по губам читаю.

— Всё равно не выговариваются?

— Никак. Давлюсь, отхаркиваю и говорю противоположное.

— И что это, по-вашему?

— Моё патологическое упрямство.

— Только?

— Мама хорошая... нет, лучшая.

— То есть много любви...

— Слишком, наверно, много.

— Вот и результат. Ненависть сейчас предпочтительней.

— Увы.

— Что ещё?

— Книжки читал.

— Несколько?

— Бездну. И проникся.

— Это зря.

— Я знаю.

— Другие причины?

— Не дурак.

— Интегралы берёте?

— Не все, но... беру.

— Это плохо.

— Убедился.

— Далее?

— Папа был сволочью.

— То есть насмотрелись?

— Не то слово.

— И сказали себе: «никогда, никогда я не буду таким»?

— Типа.

— И не стали...

— Доктор, о вас ходят легенды.

— Да, но вы-то не сахар. Обычно я за таких не берусь.

— А если берётесь, то?

— Во-первых, деньги, много денег.

— У меня есть.

— Тогда я ничего не понимаю: вы богаты, но идиот?

— Не особенно, но идиот. Знаете, как меня ещё называют?

— Идиотом?

— Им.

— Так чего денег-то?

— Под дверь просунуть?

— Ага.

— А если не вернёте, если не договоримся?

— А вы рискните.

— Рискую.

(...)

— И это деньги?! Это, милдруг, — «деньги». И с ними можно только катиться.

— Это я для затравки. Вот ещё.

(...)

— Чуть лучше. Ещё есть?

— Есть.

— Так давайте их все сюда. Я пересчитаю и подумаю.

(...)

— Сойдёт?

— Я думаю...

— Больше нет.

— Догадываюсь. Вы вон сколько отвалили...

— Может, мы всё-таки как-нибудь придём к согласию?..

— Уже пришли. Но денег кот наплакал, поэтому вам не будут доступны некоторые особо эффективные процедуры.

Впрочем, проходите. Чего это мы через дверь-то разговариваем... Только аккуратно, у меня злая собака.

(...)

— Здравсьте, доктор.

— Ага.

— Собаки не вижу.

— Я пошутил, чтобы вы боялись. Или не пошутил.

— Итак.

— Собственно, за ваши копейки очень хороша процедура «Марат».

— А другие нехороши?

— А другие, взломав ваш мозг, потребуют повторения, ибо понравятся.

— А «Марат» разовый?

— Но действенный. Личность не изменяет...

— Это хорошо, мне нравится моя личность.

— ...но отхаркиваться больше не придётся. Что именно вам надо кричать вместе со всеми?

— То, что кричат все: «Победе слава».

— А, это. Наслышан. С этим «Марат» справляется...

— Буду, значит, тоже кричать?

— Как миленький.

— А сам останусь себе на уме?

— Точно.

— Зуб даёте?

— Зуб даю.

— Это больно?

— Дико.

— Что ж, я ангельский терпила, я смогу, я даже не заплачу.

— Надеюсь.

— То, что надо. А другие процедуры?..

— Деньги вперёд.

— Их нет. Мне просто интересно, доктор.

— Я расскажу, а вам захочется...

— Это без денег-то?..

— «Патефонные иголки». Рассказывать — или догадались?

— Под ноготочки под музыкачку?

— Угу.

— Мощная штука. Не уверен, что не взрыднул бы... Сами придумали?

— Нет, ну что вы... у меня были предшественники.

— Малюта?

— И он тоже. Ещё есть «Стояние на реке Угре»: аутентичная вода наливается в шайку, в которую одной ногой становится пациент, после чего шайка с пациентом выставляются на мороз, где пребывают столько, сколько требуется, но не меньше времени замерзания угорской воды.

— А что происходит с другой ногой?

— Её сгибают и подвязывают, чтобы не мешала стоять на одной ноге.

— Хитро.

— Стояние сопровождается постоянно звучащими угрозами после всего поместить шайку с пациентом в котлован, который вот-вот будет забетонирован. Голос женский, очень приятный. Котлован реальный, перед глазами. Характерные звуки бетоновоза присутствуют.

— Ух ты.

— Также в преЙскуранте есть «Стерилизация». Хороша тем, что, взломав мозг, не требует повторения, потому что пациент привыкает раз и навсегда.

— Хочется рассмеяться, но не получается.

— А лучше всего себя показала «Газовая камера машины “Хлеб”».

— Выхлопные?

— Газы применяются разнообразные. Выхлопные — вчерашний день.

— Привыкание?

— Увы. Хочется ещё и ещё. Зато кричат громче других, раньше других и свирепей других. Очень способствует взлёту карьеры. Разработка старинная, мною только усовершенствована: пациент сам выбирает длительность процедуры и маршрут поездки: один период, один тайм, футбольный матч без перерыва, но с добавленным временем;

мимо родного дома, через Красную площадь, по Марьиной роще, чьи звуки очень скрашивают поездку.

— Так поездка реальна?

— Более чем. Маршруты согласованы с Обществом защиты животных.

— Что?!

— После этой процедуры вы становитесь стопроцентным животным, что чрезвычайно способствует карьере.

— Спасибо.

— Не за что. Приступим?

— Пожалуй.

— Длительность принятия «Ванны Марата» определяется по результатам ответов на вопросы врача. Интонации ответов влияют на облик Шарлотты Корде (моей ассистентки), которая размахивает над водой кинжалом, чтобы вы не могли высунуться столько, сколько положено.

— Ясно.

— А теперь вопросы. Вы *наш*?

— Я свой. Мне кажется, что я в лучшем случае с Марса. Я похож на людей, которые меня окружают, но не имею к ним никакого отношения. А главное: я не хочу и не могу быть/стать для них своим.

— А надо коротко: «конечно, наш». Вождь?

— Висельник.

— А надо бы: «мой кумир», «обожаю» и «отдам за него жизнь». Телевизор?

— Должен быть выключен... то есть, разумеется, разбит молотком.

— А надо: «засматриваюсь». Это когда-нибудь закончится?

— Верую в это. Ничего другого не остаётся. Не верю, но верую.

— Вы должны были сказать: «это навсегда». Война?

— Буйное помешательство, проявляющееся в массовых серийных убийствах. По невозможности и отвратительности чем-то сродни педофилии. Виселица — за развязывание, пожизненное — если поддержали.

— А надо: «— это мир», «мать родна» и «до победного конца». Победе — ...?

— Пенис. Во все, простите, дыры.

— А надо: «слава!». Свобода?

— Это всё, это самое главное. Всегда, во всём, навсегда и для всех.

— Правильный ответ: «— это рабство». Незнание?

— Стыд.

— А надо бы: «— сила». Это был последний вопрос. Теперь можно и в ванну. Вода — чистейшая, из реченьки Угра, температура ея курортная. Пять минут без дыхания исцелят вас абсолютно. Ваш нос будет надёжно перекрыт вот этими ручищами (вы в хороших ручищах: нос — моя специальность). Шарлотта будет блондинкой под метр восемьдесят пять, бельё — только нижнее, но как у валькирии. Кинжал в её руках — аутентичный, 1812 года производства, длина лезвия — 9 вершков, на лезвии надпись: «Нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет». Быстрота реакции девушки — жалкие миллисекунды, как у мангуста: порежет, и непременно. Какую музыку поставить?

— Я глупец, доктор. Я передумал, доктор. Не могу унижаться. Не хочу унижаться. Стыдно уродовать себя. И ради чего? Подожду, пока их «слова» не встанут у них поперёк глоток. Ничего, сдохну — а дождусь.

— Я знаю, что делать: вы легко продержитесь под водой без моей помощи. Никакого носа, а? Всё сами. У вас получится. Вы сильный. Я в вас верю.

— Прощайте, доктор.

— До свидания... Деньги оставил. Стойте, вы деньги забыли!.. Махнул рукой. Валькирия, сбегаете за водкой? Чувак нам трояк подарил. Почему не хватит? А сколько она сейчас? Так свои добавь...

Репликант

— Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук-тук-тук!

— Закрыто.

- Налоговая.
- Открыто. Здравствуйте, налоговая. Я соскучился. Чифиру или сразу накатите?
- Да какая, до, налоговая... Я шуткую.
- Тогда закрыто.
- Сейчас опять откроешь: я, ре, из органов.
- Открыто. Здравствуйте, ненаглядный человек из органов.
- Да какие это, ми, органы... Мент я.
- Здравствуйте, товарищ майор.
- Я не майор, фа.
- Водки нет, только спирт.
- Это потом. Ты какой доктор? Я ухо, соль, бреясь, отрезал.
- Намеренно или случайно?
- Сам, ля, не знаю. Хотел давно, да не решался, а тут рука сама дрогнула, соскользнула и оттяпала, а я не мешал, стоял и смотрел. И улыбка до ушей... до уха.
- Членовредительство или в отместку кому-то?
- Поди теперь спроси у руки... В отместку, си.
- Можете сказать, кому?
- Себе. Бабе моей. Её и моим пацанам. Да всем. Всей этой жизни скотской.
- Я ухо-горло-нос. Ухо — моя специальность.
- Значит повезло. Ехал, думая, кого бы, что ли, задавить, и уже даже подмял одного на переезде, так, не на скорости, для успокоения нервов, а потом решил выйти и посмотреть: вдруг его надо переехать, чтобы не мучился, а он целенький, только плачет. Я: ты чего? А он: «Опять». А я: чего «опять»? А он: «Меня тринадцатый раз, я записываю, на этом месте давят». А я: это за что же? А он: «Это у вас надо спросить». А я: неужели я? А он: «А вы не помните?» А я: я без понятия. А он: «Ну как же, товарищ майор, вы ещё с ухом были». И тут я вспомнил, отчего не в себе: ухо. И сразу к тебе.
- Ко мне?
- О тебе всякое плетут.

— Кто плетёт?

— Наши.

— И что же они плетут?

— Много вопросов задаёшь, доктор. Они говорят, к тебе можно посреди ночи завалить и даром нажраться.

— А к другим разве нельзя?

— Сколько угодно, но они не наливают. Или наливают, но не то. А у тебя, указывают наши, всегда под рукой канистра настоящего медицинского спирта. А он косит на месте. И в машине потом ехать — одно удовольствие.

— Не люблю я его. После него пьяненьким ходишь, и операции не удаются: то носы, пришивая, перепутаешь, то ухо не то отрежешь: вместо левого правое. Ну его.

— Короче, горлонос. Ты пришьёшь?

— Не пуговица, но куда же я денусь, товарищ майор... Запас наличествует. Не хотите ли женское, от одной удивительной дамы? или всё-таки, как и было, мужское? Большое? маленькое? левое? правое? мясистое? острое? прижатое? оттопыренное? пугливое? всеслышащее? тугое? чуткое? музыкальное?

— Не, у меня своё. В кармане. В тряпочке. Вот.

— Одновременно изящное, но и очень тревожное.

— Какое есть. Папино. Когда папа приползал, то всегда растелешивался, будто не понимал, что он уже дома, а не у девок. Весь, весь. А мне почему-то его голое ухо первым в глаза бросалось... такое... как ты сказал, утончённое и будто на собаке в дозоре. И я не мог удержаться: я ржал и даже покатывался, за что папа потом, в один страшный ливень, пытался научить меня плавать, а на самом деле — топил, а после сдал не в балетную школу, но в ментовскую... Короче, давай без критинитики. Под фуражкой не бросается.

— Давно отчикали?

— Вчера, что ли. Или позавчера...

— А ведь уже припахивает...

— А твоё какое дело? Вотру «Шипр», и заблагоухает.

— А если на другие органы перекинется?

— Что?

- Запашок этот сладенький.
- А то я и так им не смержу.
- Я этого не говорил.
- А ты не приноживайся. А ты пришивай.
- Так точно, товарищ майор.
- Это больно?
- А я с обезболиванием.
- Укольчик?
- Мазь.
- Состав?
- Свинцовые белила, синий кобальт, берлинская лазурь, французский вермильон, швейнфуртская зелень, оранжевый хром.
- Берлинскую и французский — исключи. Не положено. Вредят.
- Есть исключить. Ваша контрольная фраза?
- Будь намъ заступникомъ, / Вѣрнымъ сопутникомъ / Насъ провожай! Насъ провожай! / Свѣтло-прелестная, / Жизнь поднебесная, / Сердцу извѣстная, / Сердцу сіяй.
- Хочу?
- Хачю.
- Жи?
- Жы.
- Дуршлаг?
- Друшлаг.
- С желудком парусиновым?
- Пылесос.
- Эники-беники?
- Ели вареники.
- Босиком?
- Даже когда морозъ двадцати градусов.
- Кикимора?
- Поселилась.
- Голос Америки?
- Синатра.
- Синатра?

— And now, the end is near / And so I face the final curtain / My friend, I'll say it clear / I'll state my case, of which I'm certain / I've lived a life that's full / I traveled each and every highway / And more, much more than this / I did it my way.

— Авария?

— Дочь мента.

— Поганого?

— Поганого. Это уже тест?

— Я обязан.

— Мне ли не знать.

— Смирнов?

— Бил.

— Имя?

— Глагол в прошедшем времени.

— Иванов?

— Бил.

— Кузнецов?

— Бил.

— Соколов?

— Бил.

— Попов?

— Бил.

— Больно?

— По внешним половым органам.

— Лебедев?

— Бил.

— Козлов?

— Бил.

— Новиков?

— Бил. Как не бить, когда он напротив и ухмыляется?

Что ещё-то с ним делать? Приласкать?

— Приласкать.

— Зачем?

— Пожалеть?

— Его?

— Его.

— Это за что же?

- Человек.
- Человек?
- И старушка мама.
- Без понятия. Старушка мама?
- Старушка мама.
- Не верю.
- И дети малые: семи лет, в школу собирается, и трёх, большой, а палец сосёт и писается.
- Дети?
- Дети.
- У Новикова?
- У него.
- Для чего?
- Дети?
- Так получилось. Он человек. У людей так бывает.
- Просто Новиков. Какие дети? О чём ты? Это тест?
- Морозов?
- Бил.
- Билл?
- Нет: он типа Кришны.
- Петров?
- Ногами.
- А ведь у него сердце больное.
- У кого?
- У Петрова.
- У которого?
- Многих Петровых били?
- Не сосчитать.
- У всех больное.
- У которых бил?
- У них.
- У них есть сердце?
- Есть.
- Мне не говорили. Это секретная информация?
- Не очень.
- Я бы знал.
- Следовательно, сердца нет?

- Следовательно.
- Волков?
- Фамилия.
- Ногами?
- И руками.
- Кулаки?
- Болят.
- Раскалываются?
- Кулаки?
- Кулаки.
- И мозжат.
- И ноют?
- И ноют.
- Но срстаются?
- И заживают.
- И опять ломаются и ноют?
- Дня не было, чтобы не ломались и не ныли.
- А вам-то что?
- Хочу на пианине, как вождь, лабать... «Чижика», «Мурку» и «По тундре». Что с тобой? Тебя аж передёрнуло.
- Не ваше дело.
- Тревога?
- Вам не положено.
- Секретная информация?
- Немного.
- Я не прошёл тест? Ты не будешь пришивать ухо?
- А если кастетом?
- Бить?
- Бить.
- Пробовал.
- И?
- Не то: руки не чувствуют. Не болят. Никакого удовольствия.
- Нежности?
- Хочу ли?
- Хотите?
- Женской?

- Женской. Девичьей. Материнской.
- Зачем?
- Действительно. Пенсии?
- Хочу ли?
- Хотите?
- Ни разу.
- Я вас ударю?
- Пожалуйста.
- Куда вас можно неожиданно ударить?
- Хоть куда.
- Спасибо.
- Уже ударил?
- Ударил.
- Соловьёв?
- Бил. С оттяжкой, долго, он говорил, что это издевательство, горько плакал.
- Во сне?
- Почему? Наяву.
- Подробности ни к чему.
- Прости. Я прошёл тест?
- Васильев?
- Бил.
- Зайцев?
- Фамилия?
- Фамилия.
- Бил.
- Моральный императив?
- Не понимаю.
- И не должны.
- Ким Чен Ын?
- Гений среди гениев военной стратегии: управляет танком и командует артиллеристами.
- Клетки?
- Связаны.
- Кулаки?
- Кулаки.
- Но только ли кулаки?

— А что ещё?

— Голова.

— Голова?

— Голова.

— Ты хочешь сказать, что сигнал от кулаков куда-то поступает?

— Возможно. Голова?

— Возможно.

— Есть способ.

— Правда?

— Ломик.

— Ломик?

— Ломиком.

— Куда?

— Гипоталамус.

— Вломить?

— Вломить и покопаться.

— Сейчас?

— Не откладывая.

— Думаешь, успеешь?

— А вы не дадите?

— Это больно?

— Это излечит.

— От чего?

— От человечности.

— Что меня выдало?

— Пианина.

— Это человечно?

— Это всегда выдаёт.

— Обидно.

— Обидно?

— Обидно убивать тебя.

— Почему?

— Ухо.

— Да, ухо протухнет.

— Значит буду без уха.

— А может, передумаете?

- А ты на меня донос.
 - Это да. Обязан.
 - Мне ли не знать. Ну, где твой ломик?
 - Для чего?
 - Буду лечить.
 - Какая ирония.
 - Проломлю голову и вызову скорую, а скорой скажу: он сам, он, допустим, увлёкся, отмахиваясь от птиц.
 - От каких птиц?
 - От воробьёв.
 - И буревестников?
 - И от них.
 - А от нарисованных?
 - От них в первую очередь.
 - Может, просто свернёте мне шею?
 - Нельзя, необъяснимо.
 - Верно. Лишат премии.
 - Лишат. Что ты чувствовал, держа в руках мою жизнь?
- Связаны.
- Связаны. А меня что выдало?
 - Желание помочь.
 - Ухо?
 - Ухо.
 - Может, договоримся? Вы продолжите бить... Кого вы ещё не били?
 - Меркушева. Лыткина. Турова.
 - А Силина?
 - Верно, и Силина не бил. Руками бил, а ногами — нет.
 - Вот видите. А я продолжу лечить.
 - Не положено. Репликанты не могут лечить.
 - Разве я плохо вас лечил? Я чуть ухо вам не пришил. Я вам столько ушей предлагал...
 - Нельзя.
 - Я никому не скажу, что иногда вы человечны.
 - Про пианину?
 - Про пианину. Про «Мурку».
 - А если они будут пытаться?

Пьесы для взорванного театра

— Вы забыли: ваша боль мне по барабану.

— Точно, забыл.

— И я всегда, слышите, всегда, даже глубокой ночью, налью вам спирту. Приходите сегодня. То есть ещё завтра. Хоть в три ночи. Налью непременно.

— Наши поговаривают, что неприятным нашим ты наливаешь не этиловый, а...

— Метиловый? Всего пару раз было.

— Значит это правда. За что ты их так?

— Но они же выжили. Я читал в прессе.

— Да, они солянкую выпьют и ещё попросят. Скоты.

— Это вы зря.

— Что?

— «Скоты».

— Ох, опять человечность?

— Увы. Следите за собой, товарищ майор... Мы договорились?

— Ну а ухо-то пришьёшь?

— За милую душу. Не устаю повторять: ухо — моя специальность.

М.Грим

Барби может ослепнуть

Действующие лица

ПРОДАВИЦА, мясного магазина.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА/БАБА, которая за-
чем-то заходит в магазин.

КОЛЯ, рубщик мяса в мясном.

БАРБИ, потенциальная слепая в результате
возможной порчи или иного.

АВТОР, этой пьески.

Действие первое,

в котором похмелье то ли излечивается, то ли нет

ПРОДАВИЦА. Эй, ты. Ты, ты. Поди сюда. Для тебя есть.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА (*подходит с заинтересованным ви-
дом*). Что есть? (*Почти в сторону*.) Я пришла за готовыми
котлетами. Или пельменями?.. Ещё не решила. Есть надо,
а я не уверена, я что-то сомневаюсь... А еду внутрь себя всё
равно надо запихивать... Но почему котлеты или даже пель-
мени? Почему не яичницу?.. Кажется, у меня был старый
батон, и я могла бы, разрезав его пополам, а потом вдоль,
очистить от плесени и положить на него зажаренное яйцо
с желтком...

ПРОДАВИЦА. Менжуешься?.. В морду мне дыхни. (*Пре-
красная Дама отворачивается, отходит*.) Нет, стой, руки
вверх, вернись и дыхни. Коля, скрути её. Приведи её. Унизь
её, чтобы дыхнула. (*Коля наклоняет Прекрасную Даму и вы-
тирает о неё ноги*.) Ты же в тапочках, а не в кирзе с глиня-

ной распутицы. Как это может её унижить? Готова дыхнуть? *(Коля кивает. Прекрасная Дама кивает.)* Дыши. *(Прекрасная Дама дышит.)* Бормотуха?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Красное.

ПРОДАВИЦА. Много?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Слишком.

ПРОДАВИЦА. Похмелье?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Никак не привыкну.

ПРОДАВИЦА. Давно начала?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. С полгода.

ПРОДАВИЦА. У прекрасных всё потихоньку. А я вот сразу сжилась: с февраль попила — и больше не страдаю. Ведро не ведро, но треть за вечер могу, — и даже не благоухаю, потому что не блюю, а за-е-да-ю. Дай я тебе дыхну. *(Коля подталкивает Прекрасную Даму. Продавица дышит ей в лицо.)* Чем?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Котлетами?

ПРОДАВИЦА. Из свиной ляжки. А в тебя не лезут. Правильно я говорю? Правильно я говорю. Или ты, дура, редко пьёшь? Редко нельзя. Если редко — можно и не привыкнуть.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Да не так уж. Раз в день через день-два.

ПРОДАВИЦА. Это норм, но ты же прекрасная. А я с моим шнобелем *(показывает нос в профиль)* уже в марте котлетой не давилась, но не без удовольствия завтракала, — и бегом на эту работу. А вечером опять не закусывала, а утром опять вчерашние котлеты, и рысцой сюда, торгашествовать, впаривать. Шнобель. Хочешь, Коля тебе такой же заделает? И прощай похмелье.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Мне мой нравится.

ПРОДАВИЦА. Ну и мучайся. Коля, скажи ей, что ты гарантируешь. *(Коля кивает.)* Коля, покажи ей карточки: какие они были и какими стали, когда ты их отделал. *(Коля достаёт из-за спины альбом и суёт его в руки Прекрасной Дамы: смотри. Она смотрит. Продавица разливается.)* Вот эта покупала у нас сосиски, нос был, как у этой... той, что потом нашли под насыпью... Помнишь, Коль? *(Коля кивает.)*

ет.) В заросшем лебедой рву. Менты, которые берут у нас туши, рассказывали: «Лежала и смотрела, как живая...» «Как живая» не стала ломать нос, а эту уломали, — и она теперь пьёт, не просыхая, и горя не знает. А она ведь и с новым носом хорошенькая (я только сейчас разглядела). Правда, Коля? *(Коля кивает.)* Ты закрутил бы с такой? *(Коля кивает.)* Сам сломал — сам закрутил? *(Коля кивает.)* И деток завёл бы? *(Коля кивает.)* Прямо какая-то Хепбёрн, скажи, подру-га?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Не скажу.

ПРОДАВИЦА. Коля в трёх, что ли, местах сломал, и она избавилась. Одним ударом, Коль? *(Коля кивает.)* Конечно, чего я спрашиваю... А вот с этой помучились: и была-то примадонной, а Коля сплющил, так пуще прежнего стала: королевной в профиль с золотой заморской купилки. Это, подруга, уже не прекрасность, а что-то большее: родовитость, да?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Нет.

ПРОДАВИЦА. Зато похмелье, сволочь, стало невыносимым. Приползала, умоляла. И Коля, редкий случай, бил снова, но так удачно, что... Рекламную бумажку с детской рукой, но без ошибок слева видишь? Её показания: «Похмелье ушло, как не было...» Видок неказистый, зато теперь готова ко всему. Не то что ты. Ну а эту можно было не уродовать, потому что она и так не разлюли... Согласна?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Нет.

ПРОДАВИЦА. Ноги прекрасные (ноги не снимаем, потому что ноги не ломаем, потому что не в ногах дело, но ты поверь), а мордой не вышла, и я до сих пор не понимаю, почему её бодун донимал, когда она запила, когда её мужик бросил, когда она с кем-то ему изменила... Бить не стали, отказались бить, да, Коля? *(Коля кивает.)* Ноги прекрасные, но волосатые, как у этой...

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Царицы Савской?

ПРОДАВИЦА. Наверно, если она макака. Иначе устроилось: Коля приказал ей ходить только в мини, а ноги не брить. Ну как приказал... Полмизинца на ноге садовыми

ножницами чик, да, Коля? *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)* И с того дня пить стала, а болеть похмельем — ни за что.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Мне бы котлет. Или всё-таки пельменей?.. У вас есть пельмени? Вкусные? Из мяса?

ПРОДАВИЦА. И из мяса тоже. Тебе бы морду начистить, чтобы ты не перегаром дышала, а сочной утренней котлетой граммов на триста.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Всё-то вы знаете.

ПРОДАВИЦА. На то тут и поставлена. Прекрасность, подруга, убивает... Ну что, вломит тебе Коля? Если тебе потом надо посмотреться — у нас есть зеркало. Целый трельяж. И зелёнки много. И халат на бинты порву. Как новенькая из магазина выпорхнешь и рванёшь за бормотухой. Самцы — вытаращатся.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Мне это не нужно.

ПРОДАВИЦА. Я думала, ты за избавлением пришла, а ты мечтаешь страдать. Коля, дверь закрой, «Закррито» повесь. *(Коля, кивнув, исполняет.)* Коля, как думаешь, отделается она от нас? *(Коля пожимает плечами.)* Коля, я тебя не понимаю.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Послушайте, я решила: дайте мне три кило лучших сосисок... Или худших?.. Всё равно в рот не лезут...

ПРОДАВИЦА. Хочешь страдать — страдай. Коля, позвони Оберштурмбаннфюреру. *(Коля, кивнув, кому-то звонит и часто-часто кивает, дождавшись ответа.)* Будет? *(Коля кивает.)* Вот видишь, подруга, будет.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А если я просто куплю много котлет, пельменей и сосисок, это позволит мне покинуть ваш симпатичный магазин?

ПРОДАВИЦА. А потом приходиться будешь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Не думаю.

ПРОДАВИЦА. Значит — это не позволит. Коля, Обер будет с минуты на минуту? *(Коля кивает.)* Сильно мучаешься?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Прилично. А таблеток нет.

ПРОДАВИЦА. А таблеток от этого нет. Во всяком случае у нас. Мы же мясной. И сейчас тянет?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Сейчас особенно. У вас есть...

ПРОДАВИЦА. Рвотными пакетами тоже не торгуем.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Почему?

ПРОДАВИЦА. А зачем? Чтобы ты вытравила и больше здесь не появилась? Коля, может, не станем ждать Обера? (Коля пожимает плечами.) Может, опередим его? (Коля кивает.)

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я обожаю котлеты. Я обожаю свиные котлеты с недетским обилением лука, зажаренные на сале. Я обожаю пельмени. Я обожаю пельмени, в которых спрятаны пуговицы от армейских галифе, сваренные на костре в дальнем походе по местам боевой славы.

ПРОДАВИЦА. Если ты о деньгах, то можно в долг или в кредит.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Пожалуйста, продайте мне целую сетку котлет. Они у вас замечательные. Я всегда беру у вас котлеты. Я обещаю впредь брать у вас котлеты целыми сетками.

ПРОДАВИЦА. Не продам. Сейчас будет Оберштурмбаннфюрер. Что же, он припрётся, а тебя нет?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А я потом приду. Я уже этим вечером приду. Напьюсь красного и приду. Вы только позвоните, когда он будет на месте. И я сразу приду.

ПРОДАВИЦА. И зачем же ты придёшь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Мне кажется, он хороший. С хорошим я бы, знаете ли, закрутила.

ПРОДАВИЦА. Это Обер-то хороший?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Хороший.

ПРОДАВИЦА. Чем докажешь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Он... отзывчивый: не заставил Колю ждать, тут же ответил.

ПРОДАВИЦА. Так он же за деньги.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. И он добрый: на Колю не кричал. Иначе бы Коля в лице переменился. А Коля даже не дрогнул.

ПРОДАВИЦА. Так он же глухой.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Коля? А как же он...

ПРОДАВИЦА. Уметь надо.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я обещаю брать у вас котлеты целыми сетками. Где расписаться своей кровью? У вас есть нож? Дайте его мне. У вас есть бумага? Обёрточная подойдёт. Дайте её мне. У вас есть гушиное перо? Дайте его мне. «Я, Прекрасная Дама, перед лицом скорого прибытия Оберштурмбаннфюрера торжественно клянусь тратить в вашем магазине 10 (десять) процентов от своих ежемесячных доходов на покупку ваших лучших во всём нашем крае свиных котлет». Такой текст подойдёт?

ПРОДАВИЦА. Ничего так текст. Но чего он стоит без нотариуса?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Вы мне не верите?

ПРОДАВИЦА. Без нотариуса — нет. С нотариусом — придётся. *(Раздаётся стук в дверь.)* А вот и Оберштурмбаннфюрер.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Не пускайте его. Вызовите нотариуса.

ПРОДАВИЦА. Так он и есть нотариус.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. И где же я возьму столько денег? Целых десять процентов!..

ПРОДАВИЦА. Не десять, а двадцать четыре.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Двадцать четыре?!

ПРОДАВИЦА. Меньше не берём. Двадцать четыре. Если будешь продавать часть котлет — у тебя получится. Наскребёшь. Отслюнишь из твоих семидесяти шести.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А жить на что?

ПРОДАВИЦА. А ты кто?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я стюардесса.

ПРОДАВИЦА. Вот видишь.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Вы бы знали, на чём и как мы летаем...

ПРОДАВИЦА. На чём?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. На бумажных. Мокнут. Падают.

ПРОДАВИЦА. И что?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Прыгаем с парашютом. А они тоже бумажные. Мокнут. Падаем. И их мало. Не достаются. Падаем. Если находят — бюллетеним.

ПРОДАВИЦА. Оплачивают?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Товарами.

ПРОДАВИЦА. Какими?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Которые возим. Если они, упав, не разбились.

ПРОДАВИЦА. А бумажками?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Только теми, что были в бумажниках пассажиров. Если они, упав, не были смыты дождями.

ПРОДАВИЦА. И зачем же ты летаешь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Чтобы улыбаться пассажирам. И запереться в туалете с командиром.

ПРОДАВИЦА. Это приносит?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Чаевые. А командир берёт в следующий полёт и делится парашютом.

ПРОДАВИЦА. А если не лезть в дожди?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А чем тогда платить людям, если самолёты не падают? На одних чаевых и туалетах с командиром не проживёшь.

ПРОДАВИЦА. Тяжело вам. *(В дверь снова стучат. Чуть настойчивее и громче.)* Обер. Сейчас я впусти его, и... *(Прекрасная Дама хватается за прилавка сырые котлеты и ест их, насмешливо улыбаясь.)* А заплатить? Без платы нельзя! Нука, выплюни! Коля, надави ей, чтобы выплюнула. *(Коля, кивнув, надавливает.)* Коля, собери выплюнутое и придай ему товарный вид. *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА *(очнувшись)*. Вы трогали меня?

ПРОДАВИЦА. Сначала платишь — потом кушаешь. Хоть вкусные?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я ела сырые котлеты?

ПРОДАВИЦА. Не волнуйся, переварить не успела. *(В дверь снова стучат.)* Открывать Оберштурмбаннфюреру?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Нет!

ПРОДАВИЦА. Ты, кстати, из каких?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я вас не понимаю.

ПРОДАВИЦА. Мама-папа у тебя кто?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Люди.

ПРОДАВИЦА. Она не понимает, Коля. Ну не смешно ли? *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)* Вот Коля у нас из Рюриковичей. А я прапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапра самого Гостомысла.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А.

ПРОДАВИЦА. То есть Обера не пускать?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Не пускать.

ПРОДАВИЦА. Боишься?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Очень.

ПРОДАВИЦА. Я и сама очень: он после менингита и из культурной столицы...

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А.

ПРОДАВИЦА. Короче, Коля сейчас тебе вломит, — и можешь проваливать. Коля, аккуратнее с ней, нравится она мне. *(Коля кивает.)* Ты ему тоже нравишься. Коля, заснул бы с ней в одной постели? *(Коля пожимает плечами.)*

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Это больно?

ПРОДАВИЦА. Коля, это больно? *(Коля пожимает плечами.)* Он не знает: бьёт он — не его.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А сами как думаете?

ПРОДАВИЦА. Я не думаю, я знаю.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А. Это дорого?

ПРОДАВИЦА. У нас очень дешёвый кредит.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я вдруг подумала: а чего сразу бить-то? Есть ещё способы?

ПРОДАВИЦА. А я всё ждала, когда ты спросишь. Коль, а она ведь первая. *(На Колю находит тоска, но он кивает.)* Коль, ну а чего ты? Хоть руку сегодня не отобьёшь. *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)* Нет, Коля, кастет не дело, даже не заикайся. *(Коля кивает.)* Господи, Коля, ну почему у тебя всё сводится к деньгам? *(Коля пожимает плечами.)* Ну и что, что она возненавидит котлеты и будет обходить нас стороной? Зато мы что, Коля? *(Коля пожимает плечами.)* Зато мы... Что он тебе сделал, подруга, что ты полгода пьёшь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А почему вы решили...

ПРОДАВИЦА. Да говори ты уже.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Привёл другую и сказал, что хочет жить втроём.

ПРОДАВИЦА. Ничего себе.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Угу.

ПРОДАВИЦА. Хоть прекрасная?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Да так.

ПРОДАВИЦА. И ты?..

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Сначала дралась с ней до крови.

ПРОДАВИЦА. А с ним?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Сначала травила его.

ПРОДАВИЦА. Чем?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Воспоминаниями. Любовью, которой она не могла дать. Волчьим лыком.

ПРОДАВИЦА. А он?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А ему всё нипочём. Уникум.

ПРОДАВИЦА. Надо же.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Иммунитет.

ПРОДАВИЦА. А дальше, что дальше?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Ушла. Запила. Страдаю.

ПРОДАВИЦА. А вот мы его сейчас порчей.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Чем?

ПРОДАВИЦА. Избавим его от той, с которой он сейчас, чтобы наша прекрасная зажила дальше. Да, Коля? *(Коля кивает без энтузиазма.)* Коля, волчье лыко, конечно, вещь, но ведь он даже не заметил! Коля, на неё помутнение нашло! Коля, её мужик сказал ей, что она ему о-про-ти-ве-ла, что он в ней разочаровался со всеми вытекающими, что терпит её только тогда, когда они втроём. Вот она и сбрендила. И с тех пор полгода беспробудно пьёт, страдая от похмелья. Коля! *(Коля машет головой: чего?)* Жалеешь шмару, которую он привёл с улицы назло нашей клиентке? *(Коля пожимает плечами.)* Да она за сосиски его бросит и к другому уйдёт. *(Коля пожимает плечами, но потом неуверенно кивает.)* Да её небось Барби зовут. *(Коля кивает.)* Да она небось не из Рюриковичей. *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)* Ну вот, он повеселел! Слава Б-гу, призвавшему меня к жизни *(Коля кивает в такт молитве)*, явившему мне красоту вселенной, раскрывшему предо мною небо и землю как вечную книгу мудрости, чей глас силён, величествен, сокрушает кедры Ливанские, заставляет их скакать подобно молодому единорогу, высекает пламень огня, потрясает пустыню Кадес, разрешает от бремени ланей и обнажает леса, за тайные и

явные милости, за каждый вздох грусти моей, за каждый шаг жизни, за каждое мгновение Колиной радости. (*Коля что-то мычит — поёт — и смеётся, как несколько возбуждённых шоколадом детей от трёх до пяти.*)

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Это вы о чём?

ПРОДАВИЦА. О твоём спасении. Коля сейчас отлучится, но скоро вернётся: приведёт — он умеет их выбирать, у него дар, я рядом с ним уборщица, — приведёт бабу, не такую прекрасную, как ты, но правильную-правильную, которая сначала признается, что её зовут Барби, а потом Коля делает ей такое, отчего сегодня же — слышишь? сегодня же — твой мужик разлюбит и выгонит твою разлучницу.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А почему нельзя привести саму разлучницу?

ПРОДАВИЦА. А ты бы хотела?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Нет.

ПРОДАВИЦА. А ты бы хотела, чтобы с ней что-то случилось?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Нет. Жалко. Какая никакая, а... И он распереживается, и его хватит удар.

ПРОДАВИЦА. Удар — это в лучшем случае. А обычно они того.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. «Того»?

ПРОДАВИЦА (*показывает, как «они того»*). А так, с посторонней бабой, он просто охладет и снова возлюбит тебя, и мы не станем ломать тебе нос, чтобы ты пила без похмелья, и ты, перестав пить, загорись любовью невиданной силы, и вернёшься к нему, и вы заведёте ребёнка много, как целый мясо-молочный институт.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Почему «мясо-молочный»?

ПРОДАВИЦА. А... Меня из него выгнали.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Сочувствую.

ПРОДАВИЦА. Но я нашла себя. Так что? Коля пошёл? (*Продавица вопросительно смотрит на Прекрасную Даму. Коля вопросительно смотрит на Продавицу.*)

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Ей будет больно, когда он её приведёт?

ПРОДАВИЦА. Ты любишь похмелье?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Я его ненавижу.

ПРОДАВИЦА. Значит, Коля пошёл. Коля, пошёл. (Коля пошёл.) Коля, найди ей хорошую, лучшую ей найди. (Уходящий Коля пожимает плечами.) Скромничает. Найдёт. Я ещё крёстной твоего мясного вундера буду. Позовёшь крестить? Доверишь? (Прекрасная Дама пожимает плечами.) Позовёшь-позовёшь.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Это долго?

ПРОДАВИЦА. Нет, Коля — само мгновение. Хочешь, котлету пожарю? Что, мутит? Или давай потанцуем. У нас есть круглые виниловые пластинки, а на них, а на них чего только нет... А вот и Коля. Да не один. Да с какой барышней. Ай, Коля, ох, Коля, рискуешь, Коля... Коля, ты сегодня быстр, как агония. (Лицо Коли озаряет улыбка. Улыбка у Коли детская-детская. Прекрасной Даме сразу хочется погладить Колю по голове: срывается с места, но осекается.) Хороша ли мамзель, Коля? (Коля пожимает плечами.) Это значит «лучшая». Далеко ли ты ходил, Коля? (Коля пожимает плечами.) Это значит «только отошёл, и она сама на меня наскочила». Наскочила или напоролась, Коля? (Лицо Коли озаряет загадочная, как нечаянная болезнь, улыбка.) (Обращается ко вновь пришедшей.) И как тебя, такую бесконечно длинноногую, зовут? Только не говори, что Барби. Какая ты Барби... У тебя переднего зуба нет. Воздыхатель выбил?

БАРБИ. Кариес.

ПРОДАВИЦА. Ай. Чистить надо зубки. А конфеты «Стратосфера», купив, тут же спускать в сортир. Поняла?

БАРБИ. Поняла.

ПРОДАВИЦА. Повтори.

БАРБИ. Чистить и спускать.

ПРОДАВИЦА. Хорошая память. Как у попугая. Имя?

БАРБИ. Барби.

ПРОДАВИЦА. Ты так не шути, девочка. Чтобы ты, катя-люся-наташа, поверила, что ты Барби и сама — сама — назвала это сакральное имя, мы тебя до ночи пытаться должны, куда эта (указывает на Прекрасную Даму) вся не изблюётся, потому что пытки пренеприятные: Коля, это вот этот (указывает на Колю. Коля кивает), переоденется в

пахучее, но с погонами ефрейтора и безо всякого сожаления будет семенить вокруг тебя сжимающимися кругами с целью, которая будет очевидна всем присутствующим, а тебе в особенности. Хорошо подумай. Начни с настоящего, и, я обещаю, мы не станем сажать тебя на кол, чтобы ты поверила, что ты Барби и семь минут подряд убедительно выкрикивала это на разные голоса, чтобы поверили мы. Твое имя?

БАРБИ. Барби.

ПРОДАВИЦА. А я Кен. Плохо подумала, ногастая. И, чтобы ты, сволочь, подумала на «отл.», вот тебе вся правда о твоей скорой судьбе: после того как Коля — Коля, приветственно поклонись, чтобы все поняли, что ты тут величина, а не просто рубщик мяса (*Коля выходит на авансцену и кланяется, и посылает воздушные поцелуи, и то и дело зависает в воздухе, бия быстрой ногой ногу*), — после того как Коля втемяшит тебе в голову, что ты урождённая Барби, а не как там тебя, он выколет тебе глаз, любой, тот, который тебе захочется, и снова выйдет, чтобы взглядеться, удалась ли порча, и если она не дай бог не удастся, пронзит предметом на твой выбор второй глаз, а не тот, который тебе не очень жалко. Он же у тебя не стеклянный? Как пишется «стеклянный», наташа?

БАРБИ. С двумя «н».

ПРОДАВИЦА. Надо же. Коля, чем ты пронзаешь второй глаз? (*Коля достаёт из-за спины мешок Деда Мороза, а из него — шило, лоцило, зубило, било и вилы, которые последовательно накаляет докрасна газовой горелкой.*) Это что же, ты их горячими съёшь в глаз? (*Колю озаряет улыбка, он кивает.*) Какую разгорячённую штуку ты предпочтёшь для второго глаза, девочка? Чтобы не ошибиться, закрой глаза, крутанись несколько раз, после чего вытяни руку в нужном тебе направлении. Коля, помоги ей с процедурой. (*Коля кивает и помогает.*) Неужели эту? Коля, как называется эта штука? (*Коля хватается за живот: хохочет.*) Это значит, что ты попала в шило. Хороший выбор. Имя?

БАРБИ. Барби.

ПРОДАВИЦА. А ты настырная. Отчество?

БАРБИ. Конечно, Владимировна.

ПРОДАВИЦА. Чем докажешь? Паспорт с собой?

БАРБИ. Свидетельством о рождении.

ПРОДАВИЦА. Ты носишь с собой свидетельство о рождении? Это для чего же?

БАРБИ. Чтобы... чтобы засвидетельствовать своё рождение.

ПРОДАВИЦА. А фотка в нём есть?

БАРБИ. Есть, но я на нём вот такусенькая. Похожая на всех тут, когда они были вот такусенькими.

ПРОДАВИЦА. Такусенькая — и не ты. Коля, не она же? *(Коля смотрит на фотографию и кивает.)* Не она. Коля, наденё ефрейторское, в котором появился в магаз прямо с фронта, и начинай ходить сжимающимися кругами с лицом расчленителя. То есть со своей нормальной мордой... Эта клоунесса мне надоела. Не может сказать, что она какая-нибудь светка. Какая ты Барби, коротконожка!.. *(Коля озаряется улыбкой и кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА *(рыдая)*. Стойте! Прекратите!

ПРОДАВИЦА. Чё такое? Не хочешь назад мужика?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Ей же больно будет.

ПРОДАВИЦА. Какая же порча без боли.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Выходит, мне надо помалкивать?

ПРОДАВИЦА. И в тряпочку.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Выходит, в этой пьеске нет положительного героя? одни нелюди?

ПРОДАВИЦА. А Барби?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А Барби — жертва.

ПРОДАВИЦА. Так уж написано, дочка. И: где ты видела хороших? Я за полвека ни одного не. Я даже не знаю, что это. Какие они, девочка? Не переламываются и говорят: «спасибо», если мент ударил в пах? Не переезжают уже раздавленную на шоссе собаку? Выходят на площадь и, не становясь на колени, талдычат своё: «Хотим счастья, хотим мира»?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А если я взбрыкну?

ПРОДАВИЦА. Ещё ни одна не взбрыкивала.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А если?

ПРОДАВИЦА. Призову Автора. Пошушукаемся. На ходу исправим. Я надеюсь. Или свернём балаган, а деньги не вернём. Потому что всё второе действие мы с Колей можем гонять на мотоцикле по вертикальной стене. Правда же, Коля?

КОЛЯ. Ещё как можем.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. А, так он говорит.

ПРОДАВИЦА. Так ты же взбрыкнула. Вот он и вышел из образа. Коль, скажи что-нибудь.

КОЛЯ. To be, or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? To die: to sleep...

ПРОДАВИЦА. Ничего себе. *(Аплодирует. Убегает за кулисы, возвращается с букетом цветов, бросает его к ногам Гамлета.)*

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Так вот: я взбрыкиваю.

ПРОДАВИЦА. Автор, Автор, Автор, дуй сюда. Где же ты, Автор...

На сцену выходит Автор. Он раскланивается и посылает воздушные поцелуи. Вылетевший из зала букет сбивает его — от неожиданности — с ног. Автор поднимается, прижимает букет к сердцу и кланяется пуще прежнего. Потом уединяется с Продавицей, Колей и Барби. Наконец, совещание заканчивается, и Автор обращается к зрителям.

АВТОР. Итак, она взбрыкнула. *(Сказав это, Автор прыгает в зал и, прошагав его насквозь, ругается с работницей театра, которой лень открыть дверь, чтобы он с почётом вышел прочь. В конце концов, он сам открывает дверь и...)*

ПРОДАВИЦА. Итак, будем бить, чтобы эта *(указывает на Прекрасную Даму)* пила как все, беспробудно, похмельем не мучаясь и, следовательно, нормально питаясь

мясом, если остались бабки. Коля, приготовься. (Коля кивает.) (Обращается к Прекрасной Даме.) Твоё последнее желание, зар-р-раза?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Т-т-танец маленьких лебедей с вами, Колей и Барби.

ПРОДАВИЦА. Ладно. Коля, сможешь? (Коля кивает.)

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. В лебединой одежде.

ПРОДАВИЦА. Ладно. И Коля тоже? (Прекрасная Дамы кивает.) Ладно. Барби?

БАРБИ. Ладно.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Под живой оркестр из электрогитар.

ПРОДАВИЦА. Ладно. (Объявляет, выйдя на авансцену.) Мы пошли переодеваться. Мы недолго. Сидеть тихо.

Все уходят. На сцене появляются музыканты: настраивая электрогитары и голоса, они играют и поют отрывки из Jimmy Page & Robert Plant — Kashmir. Минут через пять возвращаются Продавица, Прекрасная Дамы, Коля и Барби в костюмах маленьких лебедей.

ПРОДАВИЦА. Мы пришли. (Выходит на авансцену и делает объявление.) Пётр Ильич Чайковский. Танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро». Исполняем мы.

Танец исполняется усердно и сполна. Или не сполна, но — усердно.

ПРОДАВИЦА (отдышавшись, обращается к Коле). Коля, ты в этом шмотье сможешь? (Коля, пожимает плечами.) А что тебя смущает, Коля? (Коля пожимает плечами.) Ничто не смущает? (Коля кивает.) (Обращается к Прекрасной Даме.) А ты в этом шмотье сможешь?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Смогу.

ПРОДАВИЦА. Но ведь брякнешься. Задерёшь ноги. Будешь голосить.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Не буду.

ПРОДАВИЦА. Голосить?

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Да.

ПРОДАВИЦА. Сейчас увидим. Коля, готов? *(Коля кивает.)*
Коля, береги руку. *(Коля кивает.)* Бей, Коля.

Коля кивает и ломает Прекрасной Даме нос.

Действие второе,
в котором от похмелья не остаётся и следа

ПРЕКРАСНАЯ БАБА *(даже новый нос не навёл на неё порчу: прекрасна иначе, но всё равно прекрасна. Хотя нос, конечно, подкачал. Прежний был лучше)*. Эй, ты. Ты, ты. Профиль показать?

ПРОДАВИЦА. Зажил? Пьёшь? Не болеешь? Кушаешь хорошо? Покажи.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА *(показывает профиль)*. Никак не люблюсь. Этот мне больше нравится. Видно, что сломан, а мужики липнут и соблазняют. Что стало с мужиками... Впрочем, ко мне теперь другие мужики липнут, другие соблазняют...

ПРОДАВИЦА. А вот надо мной Коля не так постарался...

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Стишков не знают *(я и сама все забыла)*, бормотуху хлещут, в карты меня проигрывают, бьют без злости, но и без повода, зато букетами сирени, но по морде...

ПРОДАВИЦА. Коля, за что? *(Коля пожимает плечами.)* Что я тебе сделала? *(Коля пожимает плечами.)* Хочу, как у неё. Может, ещё раз вломишь? *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)* А ты гарантируешь? *(Коля пожимает плечами.)* Но ты же приложишь всё старание? *(Коля кивает.)* Тогда давай. *(Коля потирает руки.)* Не сейчас, дуралей. Вечерком, после работки. *(Коля кивает.)* Что ты заспешил-то? так хочется меня покалечить? *(Коля пожимает плечами.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Терплю их, ибо поят, а когда перестают, но не исчезают, — призываю Колю, и Коля всё устраивает. Правда же, Коля? *(Коля кивает.)* Ты же не делаешь им очень больно? *(Коля пожимает плечами.)*

ПРОДАВИЦА. А, так ты с Колей. Коля, а чего молчал-то? Почему я от неё узнаю? *(Коля пожимает плечами.)* Кого ты стесняешься? меня или её? *(Коля пожимает плечами.)* И чем же она тебе отплачивает? или ты по доброте душевной? *(Коля кивает.)* Доброта тебя доведёт, Коля. *(Колю озаряет улыбка, он кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. И с Барби.

ПРОДАВИЦА. Владимировной? *(Прекрасная Баба кивает.)* Как это вы все сошлись...

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Коля их отваживает, а Барби их подбирает и обихаживает, и они, знаешь ли, вновь расцветают. Не все, но многие. Стишки разучивают. Пьют только воду. Носят ей букеты сирени, которыми хоть бы раз отхлестали её по морде... Настоящая положительная героиня. Моя и пески. Единственная тут.

ПРОДАВИЦА. Как у неё с глазками?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Спасибо, нормально: левого нет, а правый видит.

ПРОДАВИЦА. Ой, а что с левым?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Один из моих бывших, из неисправимых, прикинулся пайнкой — и выбил. *(Коля виновато кивает.)*

ПРОДАВИЦА. Как же так, Коля? *(Коля виновато пожимает плечами.)* Без зуба, без глаза. Совсем может ослепнуть, берегите её. *(Прекрасная Баба и Коля кивают.)* А как сама?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Спасибо тебе, оклемалась. Кушаю на «отлично». За тем и пришла: за котлетами, сосисками и... что у тебя ещё из мясного, чтобы под крепкое?

ПРОДАВИЦА. Красное?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Бормотуху. Дую, как воду, и не могу радоваться.

ПРОДАВИЦА. А я что говорила! Коля — умеет. *(Коля кивает.)* Ещё летаешь?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Зачем?

ПРОДАВИЦА. Я не знаю. Улыбаться? Закрывать в туалете с командиром?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Зачем?

ПРОДАВИЦА. Я не знаю. Чаевые? Чтобы полететь ещё раз?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Зачем?.. Если не жалко, по сетке каждого лакомства.

ПРОДАВИЦА. А ещё есть свежие конские уши. За уши не оттянешь.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Впариваешь или советуешь?.. Ладно, и их давай, и их сетку. Или две — если не лопухи, а ушки.

ПРОДАВИЦА. Почему «если не жалко»?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА *(ухмыляется)*. Потому что.

ПРОДАВИЦА. Почему «потому что»?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА *(берёт котлету и начинает её есть)*. Вот почему. Свиная. Вкусная. Ни за что не сблую. *(Морщится.)* Нет, эта не очень. *(Недоеденную котлету бросает на пол. Берёт другую.)* О, а вот эта замечательная. Ням-ням. Оставить тебе?

ПРОДАВИЦА. Коля, что творится? *(Коля пожимает плечами.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Оставить тебе? *(Подходит к Продавице и пытается накормить её котлетой.)* Один кусочек за меня, один — за Барби, один — за Колю. Правда же, Коля? *(Коля кивает.)* Вот и нет котлетки.

ПРОДАВИЦА. Коля, что ты киваешь! *(Коля пожимает плечами.)* Огради её от меня! *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Коля, не слушай её, слушай меня. *(Коля кивает.)*

ПРОДАВИЦА. Коля, не вздумай! *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Четыре сетки: котлет, сосисок,пельменей и ушей. Быстро. Мне некогда.

ПРОДАВИЦА *(наполняет четыре сетки)*. Прошу вас. С вас кошелёк денег.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Сейчас. Коля, отнеси сетки. *(Коля кивает.)* *(Обращается к Продавице.)* Мне нельзя тяжести.

ПРОДАВИЦА. Коля, а мясо кто будет рубить? *(Коля пожимает плечами.)* А если какая похмельная придёт, кто ей нос ломать будет? *(Коля пожимает плечами.)* *(Обращается к Прекрасной Бабе.)* Ты платить думаешь?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Не думаю.

ПРОДАВИЦА. Почему? Коля, положи её... мои сетки. *(Коля кивает.)* Я тебя не отпускаю. *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. У меня нет денег. Коля, подними мои сетки. *(Коля кивает.)* Коля, пошли отсюда. *(Коля кивает.)*

ПРОДАВИЦА. Ладно, тогда в долг с процентами. У нас хорошие проценты. Коля, звони Обертурмбаннфюреру. *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Брось сетку с пельменями ей под ноги, пусть подавится. И пошли уже отсюда. *(Коля кивает.)*

ПРОДАВИЦА. Коля, вяжи её, она не заплатила за товар. *(Коля кивает.)*

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Коля, замри. *(Коля кивает и замирает.)*

ПРОДАВИЦА. Коля, отомри. *(Коля не реагирует.)* КОЛЯ, ОТОМРИ!!

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. И не подумает.

ПРОДАВИЦА. Ты теперь тоже нелюдь?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. И почище тебя.

ПРОДАВИЦА. Надо же. Помогла на свою голову... Ей нос задаром сломали. Ей здоровье и народность вернули. Её почти были готовы кормить бесплатным мясом. А она. Что это за финт с Колей? Научи, подружка.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. «Подружка»?

ПРОДАВИЦА. А кто же? «Невестка»? Научи, невестка.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Коля, отомри и смотайся за Барби. Она мне нужна. *(Коля кивает и убегает.)* Коля, а сетки? *(Коля, кивает, возвращается, забирает все четыре сетки и убегает снова.)*

ПРОДАВИЦА. Коля, ответь! *(Коля кивает и возвращается.)* Как она это делает? *(Коля пожимает плечами и убегает.)* Как ты его вышколила!.. А Автор в курсе? Автор, автор, автор, возникни, а?..

На сцену выбегает Автор.

АВТОР. Звали? И вот я тут! *(Автор раскланивается с залом и удачно ловит несколько букетов, два из которых вруча-*

ет героиням, а остальные забрасывает далеко в зал, где из-за них происходит лёгкая потасовка.)

ПРОДАВИЦА. Автор, почему мне всё время хочется сказать «*ля»?

АВТОР (*разводит руками*). Ничего такого я не писал. (*В сторону*.) Неужели жизнь вносит коррективы... Любопытно, что она скажет на другой сцене, в другом городе, в другой стране...

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Автор и Продавица, замрите. (*Автор и Продавица замирают*.) Дайте подумать...

Возвращается Коля, с ним Барби.

БАРБИ. Ты чего, сестричка? Что за спешность?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Надо, Барби. Коля, дай ему уважительного, но всё же пинка. (*Коля кивает и пинает Автора*.)

БАРБИ. Это за этим ты меня вытащила?!

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Да погоди ты. Автор отомри и напиши мне эту (*указывает на Продавицу*) в розовом платье да с зелёным поясом, раз за разом повторяющей, словно взбрыкнувшая круглая виниловая пластинка: «Кажется, причёсана ничего себе».

Автор садится за стол (который принесли за минуту до этого) и пишет.

АВТОР. Готово.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Спасибо. Коля, дуй на авансцену и, по-балетному приплясывая, делай глазки дамам в зале. И пусть ни одна, которой ты сделаешь глазки, не усомнится в искренности твоих внезапных чувств. (*Коля, кивнув, принимается исполнять сказанное*.)

ПРОДАВИЦА (*в розовом платье с зелёным поясом*). Кажется, причёсана ничего себе.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Автор напиши Барби в белом платье стоящей в задумчивости, а потом уходящей в глубину сцены и садящейся на качели. (*Автор кивает*.)

ПРОДАВИЦА. Кажется, причёсана ничего себе.

АВТОР. Готово.

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Спасибо, Автор. А теперь напиши меня в чёрном платье, с сумочкой на коленях, сидящей и, что ли, читающей книжку.

АВТОР. Какую книжку?

ПРЕКРАСНАЯ БАБА. Из Бориса Леонидыча что-нибудь.
(*Автор кивает.*)

ПРОДАВИЦА. Кажется, причёсана ничего себе.

АВТОР. Сделано.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Спасибо. А теперь напишите себя отправляющимся на Воронежский фронт, а потом немедленно замрите. А когда мы покинем театр, можете отмереть и с первым же эшеленом... (*Автор кивает, пишет, хочет сказать: «Готово», но не может, потому что немедленно замирает.*) Спасибо.

ПРОДАВИЦА. Кажется, причёсана ничего себе.

БАРБИ (*сидя на качелях в глубине сцены, тоскует*). Как же я хочу в Москву!

ПРОДАВИЦА. Кажется, причёсана ничего себе.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА (*отложив в сторону книжку «Сестра моя — жизнь»*). Барби, в Москву намыл... собралась?

БАРБИ. Хотелось бы. А что, можно?

ПРОДАВИЦА. Кажется, причёсана ничего себе.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Господи, сделай так, чтобы она превратилась в соляной столп. (*Обращаясь к Продавице.*) Замри, пожалуйста. (*Продавица замирает.*) Спасибо, «невестка». (*Обращаясь к Барби.*) А кто нам теперь запретит, сестричка... Пойдём отсюда. Нырём в зал — и на выход.

БАРБИ. Прекрасная мысль, сестра!

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Делай, как я, Машенция. В зал, на выход — и первой же электричкой!

Прекрасная Дама и Барби прыгают в зал. Зрители мужского пола подбегают к ним, чтобы поцеловать ручку. А один из них сует Прекрасной Даме пистолет Макарова, из которого,

Пьесы для взорванного театра

по его словам, которые слышит весь зал, «невозможно промахнуться. Надо только выстрелить. Если вы в Москву — то, пожалуйста, соблагovolите принять». Прекрасная Дама целует его в губы, кладёт пистолет в сумочку, и.

Крики о главном

Картошечка

Зэки стоят перед забором из колючей проволоки, за которым начинается хорошо распаханная земля — запретная полоса, запретка.

ЗЭКА-1 (*кричит автоматчику на вышке*). Эй, начальник! (*«Начальник», автоматчик, вместо ответа стреляет кричащему под ноги.*) Почему бы (*показывает на запретку*) не посадить здесь картошечку? Столько жирной отдохнувшей земли. (*Начальник делает ещё один выстрел под ноги.*) Я знаю, что нельзя, но ты подумай: один мешок — нам, три — тебе, два — нам, шесть — тебе, три нам — девять тебе. (*Третий выстрел под ноги.*) Погоди стрелять, начальник. Сажать, окучивать и собирать мы будем тайно: ночью, когда у тебя сломается прожектор и заклинит автомат. Ночь на посадку. Две — на окучивание. И ночь на сбор урожая. Итого всего четыре трудовых ночи. А? (*Очередной выстрел.*) А днём, когда твои начальники не спят, ты будешь водить сюда экскурсии из начальников, рассказывая, что это сам Г-дь Б-г засадил пустующую землю. Разве они будут против воли Г-да Б-га, которому захотелось жареной картошки? Почку даю, они не посмеют.

НАЧАЛЬНИК (*кричит в мегафон с вышки [здесь и далее]*). У нас полно остолопов. Что делать с остолопами, которые захотят, наплевав на начальство и Г-да Б-га, распахать запретку?

ЗЭКА-2. Можно мне, начальник? (*Начальник стреляет ему под ноги.*) Спасибо. Они же не ночью полезут распахивать.

НАЧАЛЬНИК. А когда?

ЗЭКА-2. Днём, когда ты не спишь.

НАЧАЛЬНИК. И чего?

ЗЭКА-2. Стрельнёшь. И не промахнёшься.

НАЧАЛЬНИК. В своих?! С ума сошёл?

ЗЭКА-3. Начальник, вели мне слово молвить. (*Начальник стреляет.*) Начальник, они же против Г-да нашего Б-га. За такое мочат, начальник. Г-дь в кои-то веки возмечтал о пюре или в мундире, а они прутся на запретку, чтобы что, начальник? — чтобы не дать ему отобедать картошечкой. Разве они люди после такого? Они — саранча, которая напала на землю Египетскую, чтобы поесть всю траву земную и всё, что уцелело от очередей с вышки. Одного положил, второго положил, третьего положил, четвёртого положил, пятого положил, шестого положил, а седьмой оробеет, плюнет и других отговорит. Так же, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Так.

ЗЭКА-3. Воистину.

НАЧАЛЬНИК. А что со мной будет? Их же не гром небесный замочит, а я из АК-47...

ЗЭКА-3. ...который вложил в твою карающую руку сам Г-дь Б-г.

НАЧАЛЬНИК. Это да, это правда...

ЗЭКА-3. ...в истинности которой поклянется вся зона, которая выстроится здесь по нашему призыву, когда недруги Г-да нашего начнут уничтожать картошечку и падать под твоими карающими ударами.

ЗЭКА-2. Мы же их, дураков с тяпкой или плугом, на все лады на всех языках земных упрашивать будем, чтобы не перечили Г-ду и одумались, ибо возмездие наступит слишком скоро и неотвратимо.

ЗЭКА-1. И те начальники, с которыми ты, начальник, соблаговолишь поделиться урожаем, тоже тут будут. А им веры ещё больше, чем нашему хору.

НАЧАЛЬНИК. Делиться? Ты уверен? Может, за ваш счёт?

ЗЭКА-1. Хорошо: два мешка — нам, один — им, девять тебе. Так хорошо?

НАЧАЛЬНИК. Так неплохо. Что ещё я должен знать, предусмотреть, сделать?

ЗЭКА-2. Начальник, класть их лучше не из АК, а...

НАЧАЛЬНИК. У меня нет другой машинки!

ЗЭКА-2. ...а из «шмайсера»...

НАЧАЛЬНИК. Откуда я возьму «шмайсер»!

ЗЭКА-2. ...мол, если что, если комиссия какая из епархии, то и впрямь — откуда у тебя «шмайсер». А значит, если что, — это не ты их. Так?

НАЧАЛЬНИК. Так.

ЗЭКА-2. А «шмайсер» мы тебе найдём.

НАЧАЛЬНИК. Правда? Спасибо.

ЗЭКА-3. Кроме того, когда особь человеческой саранчи нападёт на картошечку, будут знаки и сигналы, в которые поверит любая, если что, комиссия: убийственный гром небесный и сто сорок четыре тысячи девственников с той стороны запретки, умоляющих греховодника не выпалывать паслён клубненоносный.

НАЧАЛЬНИК. Это значит, на нашу картошечку должны покуситься в ливень?

ЗЭКА-3. Ага. Да с громом.

НАЧАЛЬНИК. А что за девственники? Откуда их столько?

ЗЭКА-3. Холостяки, которые не осквернились с жёнами, в чьих устах нет лукавства. Не тысячи, конечно, но старшую группу детсада за пару финских ножей подгоним. Не волнуйся, начальник. Не впервой.

НАЧАЛЬНИК. Не впервой?

ЗЭКА-3. Не впервой.

НАЧАЛЬНИК. А стукачи? Про нашу картошку знаете сколько доносов будет...

ЗЭКА-2. Будут доносы — будет и удобрение.

НАЧАЛЬНИК. Я этого не слышал.

ЗЭКА-2. Я не расслышал, чего ты сказал, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Я этого не слышал.

ЗЭКА-2. Чего ты не слышал?

НАЧАЛЬНИК. Про стукачей, которых вы порубите на удобрение. Я правильно сказал? порубите же?

ЗЭКА-2 (*в сторону*). Это ты сказал, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Не слышу тебя, крикни громче.

ЗЭКА-1. Он молится, начальник. Он говорит: «Г-ди, помоги нам».

НАЧАЛЬНИК. Точно, Г-ди, помоги нам.

ЗЭКА-1 (*кричит шёпотом*). Начальник, когда начинаем?

НАЧАЛЬНИК. А когда надо?

ЗЭКА-1. Уже всю сажают, начальник. Самое время.

НАЧАЛЬНИК. А как её сажают?

ЗЭКА-1. Делают грядки до горизонта и закапывают в них. Семена у нас есть. (*Кричит шёпотом.*) С тебя лопаты и кусачки.

НАЧАЛЬНИК. Кусачки?

ЗЭКА-1 (*кричит шёпотом*). А как нам на запретку попасть?

НАЧАЛЬНИК. Понял. Будут вам сегодня кусачки. Вечером с вышки сброшу.

ЗЭКА-2 (*в сторону*). И три автомата, пожалуйста. Не забудь об автоматах. АК подойдут. Зэка-1, скажи ему, чтобы про автоматы не забыл.

ЗЭКА-1 (*кричит шёпотом*). Спасибо, начальник. Тогда мы сегодня же и начнём.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо вам, ребята. Люблю картошечку. Сменщик мой не очень, а я — обожаю. Хорошо, что вы ко мне обратились. Любите жареную? Когда соберём урожай, я вам жареной целую сковородку сброшу... Г-ди, помоги нам с хорошей погодой, громом, девственниками, «шмайсером» и стукачами.

ЗЭКА-1 (*обращаясь к другим зэка*). Значит, бежим этой ночью.

Мячик

Умалишённые в музейных тапочках стоят перед забором из колючей проволоки, за которым начинается воля... даже не воля, а то, что они называют «маминым платьем», в которое, провинившись, можно (было) ткнуться, замереть и

даже, если мама задумается, заснуть, после чего мама отрвёт двухпудового тебя от земли и отнесёт в постельку, в какое бы время дня это ни происходило. А теперь наезжающая мама почему-то наезжает только в мокром, как привозящая её варёная курица, дождевике... Курицей давишься, а от дождевика забиваешься в угол, ибо он, если его коснуться при прощании, с ног до головы окатывает мокрым, которое таится в складках. Сразу после убийства мамы из расположения интерната преподаватели поведения начинают ненавидеть мокрых, нанося им памятные удары под дых.

ПСИХ-1 (*тихо кричит вохровцу в будке, отстоящей в минуте быстрого скорбного головой бега*). Начальник, там мячик. (*Показывая на улетевший на волю мяч, Псих-1 подпрыгивает на месте, словно пытается взмыть над забором.*) Вы уже видели его? Правда же, он красивый? Правда же, он круглый, как год, красный, как румянец, и одинокий, как будущее? Вы же в очках, начальник? Если без очков, возьмите мои и взгляните, пожалуйста, в указываемом нами направлении, очень просим. Не подумайте, что это чужой и вольный, это — наш и интернатовский. Если вы вдруг пойдёте за ним, пожалуйста, не подумайте, что он ваш. Когда это случилось, мы играли в чеканку, начальник: я ударил один раз, мой друг — тоже один, а другой мой друг, которым я горжусь больше всего, — целых два, и это рекорд, но после рекорда мяч поймал вдруг налетевшей ветер и упорхнул далеко-далеко, туда, откуда летом пьют коровы (мы завидуем им: так пить, так пить), а зимой туда-сюда бегает одинокий конькобежец (мы завидуем ему: он в гагах, в таких гагах, вот бы нам такие гаги, чтобы мы, облив наши дорожки слезами, бегали по ним в гагах, врезаясь в стену нашей палаты). Летние коровы, заигравшись мячом, обязательно пригнали бы его к нашему забору, услышав наши крикливые грубости, касающиеся их внешнего вида, а потом убежали бы, и нам, усиленно вдыхая, удалось бы поднять ветер в нашу сторону, который непременно взвил бы мяч над забором и интернатом, а потом уронил точно нам

в руки. Конькобежец, с которым мы иногда переписываемся, оставляя для него жёлтые струйные послания с той стороны забора, которые, конечно, кривы из-за ветра и колючей проволоки на пути, но всё же читаемы, если вы умеете читать перевернутое на голову, сняв конёк, зафутболил бы мяч в нашу сторону, забив гол в левый верхний угол окна нашей палаты. Но лето уже прошло, а зима не наступила. Идёт дождь, и никто-никто, кроме звёзд, не ходит об эту пору мимо нашей части забора.

И для справки, начальник: мы читаем с трёх лет, и у каждой коровы на боку выведено калёным железом «ЛОПАТО», что значит, что за коровами присматривает одноимённый колхоз, а на груди одинокого конькобежца вышито красной суровой нитью «ДИНАМА», что значит, что внутри конькобежца на пределе сил, часто в истерике, бьётся динама-машина.

ПСИХ-2 (*тихо кричит вохровцу в будке*). Начальник, мы хотели бы продолжить игру в мяч. Сейчас осень, и мы теряемся в догадках, что нам сделать для вас, чтобы вы принесли нам мяч? Начальник, вы не могли бы показаться в форточке и намекнуть хотя бы в общих чертах? Мы подбежим и, если вы дадите нам зонтик, будем держать его над вашей головой, пока вы, высунувшись по плечи из форточки, станете делиться с нами своими мыслями. А если у вас нет своих мыслей, не сообразите ли вы рассмотреть наши? Во-первых, начальник, мы хотели бы сопровождать вас в походе за мячом: я, раздевшись по пояс и сняв тапочки, с удовольствием понесу над вами зонт; мой лучший друг Псих-1, оторвав от стен нашей палаты доски, будет выстилать ими ваш путь до мяча; а мой лучший друг Псих-3 бежать впереди со свечным фонарём и указывать дорогу, потому что в такой ливень, как сегодня, в книжках о Натаниэле Бампо так не делают даже в не прекращающиеся целыми главами снегопады, и это всегда смущает нас до глубины души. Во-вторых, начальник, если вы захотите, мы сами украдём для вас ножницы, чтобы вы разрезали мяч на кусочки, чтобы он больше не ускользал так далеко от наше-

го общего дома. В-третьих, начальник, мы наконец-то готовы ответить на ваш вежливый вопрос: «Смех или плач?», который вы всегда задаёте нам в подобных случаях, пытаясь выяснить наши предпочтения, а мы тушуемся и, растушёванные, убегаем смеяться до слёз и плакать до смеха в нашу палату: игру в мяч. Игру в мяч, начальник. В-пятых, начальник, если вы, как всегда, захотите отправить за мячом не себя, но нас, мы разрешаем вам — если мы уклонимся на шаг влево или вправо от выверенного бесконечного пути до мяча, — стрелять в нас на вершок ближе к нашей голове, срывая с неё непослушные вихры и опалая наши мысли о невозвращении страхом за маму, с которой обязательно спросят по всей строгости интернатовского устава. В-восьмых, начальник, почтём за честь как наскипидаренные бегать для вас, не отпив ни капли, за красным в сельмаг и возвращаться из сельмага ради вас, даже если он расположен в 39,5529 версты отсюда. В-шестых, начальник, когда вы спите, мы будем по ролям читать вам вслух «У истоков Саскуиханны», а после, когда вы пробудитесь ото сна и сядете пить, показывать вам акробатическую пирамиду, стоя на цыпочках на утлых плечах друг друга, а также продемонстрировать чудеса дрессировки: лаять ровно три раза на тройной удар кнутом, и четыре, боже мой, — на четверной. В-четвёртых, начальник, если мужчины в вашем роду доживали только до пятидесяти лет, мы а) сделаем всё, чтобы вы не боялись смерти (для чего каждое утро собираемся по очереди с улыбкой Вольтера Эмилю Золя лезть в вашем присутствии в петлю, пока вы не смените горестные слёзы на продолжительные восторженные аплодисменты), и б) пережили этот зловещий возраст, для чего мой лучший друг Псих-1 отдаст вам свою почку, мой лучший друг Псих-3 отдаст вам свою вторую почку, а я отдам вам третью по счёту почку, если вы, сволочь, пропьёте вторую пересаженную. В-седьмых, начальник, табак: буде наши доносы на вас подтвердятся и вас приговорят воевать до победы, вы никогда не будете сидеть на передовой без курева, ибо тут знаете сколько бычков по туалетам валяется (по одному на

номерного Психа, ибо все мы дышим, как трубы литейного завода, ибо это единственная здесь услада, которая чревата бессрочной выпиской в результате смерти от рака горла): каждый бычок будет поднят, обтёрт о штаны и выпотрошен в пакет, который по мере наполнения будет отправлен в адрес вашей в/ч, о каковом не забудьте известить нас, преданных вам просителей продолжения игры в мяч.

ПСИХ-3 (*тихо кричит вохровцу в будке*). Начальник! Мяч. Мы придумали и сделали его сами. Мышили его с детских лет до позднего возраста, собирая всё, что, упав, лежало на землях интерната и не было подобрано для дальнейшего использования. Так в наш мяч попали: слова «любимый» и «воля», белокурые волосы с лобка командира интерната, отрезаемые нами во время его дневного сна на качелях на площадке для малолетних, медаль «Мать-героиня», вручённая интернату при пожаре Москвы 1812 года, сломавшиеся в венах иглы, пустые ампулы от галоперидола, паркетина, к которой прибивают ступню склонного к побегу, отметка «отл.» за таинственное проникновенное ночное исполнение песни «Ах, зачем меня мать родила» по громкоговорителю интерната, рубашечка, в которой родился один из нас, апельсин, останки флоксов, присылаемые в рекламных целях на интернатовское кладбище сторожевых животных, упавший с четвёртого этажа интерната лежавший за пазухой бадминтонный волан, правый стеклянный глаз учительницы старославянского, тень от пролетающего самолёта, венок «Императору от благодарного скорбящего интерната» из сочинения для четвёртого класса на тему «Некролог на смерть, которой не может быть», родинки, выпавшие из нас во время зубных сеансов, отрывки из романа «Жюстина», найденные на месте строительства интерната, кусочки крови, потерявшиеся при отправке доноров-добровольцев на Воронежский фронт. Абажур, который пошёл на кожу для мяча, добыт нами из лампы, которая в глаза, конечно, светила, но не очень, не так, как другие.

Дорогой начальник! В первый год игры в мяч мы делали это круглосуточно и с тем нестерпимым детским удоволь-

ствием, с которым выкуривается пачка «Беломора», найденная после смерти бабушки в её комод. Теперь нам по сорок, мы уже старенькие, мы хотим меньше и спокойнее, но играть — необходимость, вытекающая из самой природы голевой передачи и мяча, потому что мама другого не принесёт, ибо она против мяча в наших ногах, ибо «ну какой ты, мать твою, динамовец».

Милый начальник! Вы привыкли бить нас ногами, дайте же и нам ударить по мячу.

НАЧАЛЬНИК (*открыв форточку, кричит, сложив ладони рупором*). Господи, сволочи, да сходите же за ним сами. Не знаю, как завтра, а сейчас — позволяю. Встали друг дружке на плечи, — и один уже на воле. Вы простите, но мне просто некогда: у меня тёплая и сухая женщина, мне надо согреться, приняв её тепло и сушь, потому что впереди целые недели ливней. Если вы сбегаете за мячом сами, я куплю вам правую бутсу: отниму её у какого-нибудь динамовца, когда он напьётся и не сможет ответить, и принесу её вам. Клянусь, я не буду стрелять в вас из пистолета Макарова, когда вы ради мяча, как дураки, полезете на забор из колючей проволоки, а если вдруг стрельну — то непременно окажу вам первую помощь, положив вас ногами к ядерному взрыву и зашив раны сапожной иглой. Только дайте мне уткнуться, ибо ваша мама уже сняла дождевик.

Сидеть, Шарик! Дай психам сбегать, а мне согреться.

Могилки

Старики, доживающие в богадельне свои восьмые и девятые десятки, стоят перед забором, за которым — жизнь.

СТАРИК-1 (*кричит охраннику на проходной в богадельню [здесь и далее]*). Начальник, нам бы за пределы.

НАЧАЛЬНИК (*кричит [здесь и далее], потому что старики глуховаты и отчего-то боятся всех, кто на поколение-два моложе, то есть если и приближаются к ним, то или к концу разговора, или убедившись в собственной безопасности*).

Но охранник опасен, и старики, если он делает к ним шаг, отодвигаются от него на два шага. А вообще охранник стоит в дверях будки и курит). За пределы жизни? Давно пора.

СТАРИК-1. Нет, вы не поняли: нам бы с территории.

НАЧАЛЬНИК. Ты знаешь наши порядки: только под конвоем.

СТАРИК-1 (*заискивающе кивает*). Конечно, начальник, конечно, под конвоем.

НАЧАЛЬНИК. А где он, этот конвой?

СТАРИК-1 (*огорчённо разводит руками*). Я не знаю, начальник. Простите.

НАЧАЛЬНИК. Ты хоть раз был за пределами без конвоя?

СТАРИК-1 (*после паузы, несколько удивлённо*). Ни разу.

НАЧАЛЬНИК. А с конвоем?

СТАРИК-1 (*после продолжительной паузы, несколько недоумённо*). Тоже никогда, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Соскучился небось по жизни?

СТАРИК-1 (*обрадованно*). Очень.

НАЧАЛЬНИК. И?

СТАРИК-1. Хотим выйти.

НАЧАЛЬНИК. Без конвоя нельзя.

СТАРИК-1. Хотим выйти с конвоем.

НАЧАЛЬНИК. А где у нас конвой? А кто у нас конвой?

СТАРИК-1. Кто? Где?

НАЧАЛЬНИК. А то ты не знаешь?

СТАРИК-1 (*грустно*). Я забыл, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Тогда я тебе напомним.

СТАРИК-1 (*воодушевившись*). Пожалуйста. Прошу вас.

НАЧАЛЬНИК. Конвой у нас — я. Поэтому конвой у нас — ни в одном из мест. А почему, дед? есть мысли?

СТАРИК-1 (*удручённо и искренне*). Ни единой, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Потому что, покинув будку в качестве конвоя, я покину пост №1, за что ты же на меня первым стукнешь. У вас же тут пост. Вы же тут разве что не ночуете. Вы же на любую бабу, даже если она зашла за солью, реагируете. Вам же мои встречи с друзьями на территории будки — поперёк горла. Вы же на запах красного всей богадельней

сбредаетесь. Вы же жить мне не даёте. Я же боюсь вас больше, чем вы меня.

СТАРИК-1 (обиженно). Я никогда, я ни разу, я бы такого себе не...

СТАРИК-2. Это я, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Что ты, старый?

СТАРИК-2. Пишу на вас командиру дома, когда вы гуляете ночью с последующим производством салютов. А если без салютов — то не пишу. Зачем мне писать, если вы просто гуляете с девочками?

НАЧАЛЬНИК. И чем тебе, батя, мои салюты не нравятся?

СТАРИК-2 (задумавшись, неуверенно). Будят?

НАЧАЛЬНИК. Неужели? Такие тихие.

СТАРИК-2. Могут устроить пожар?

НАЧАЛЬНИК. А огнетушитель на что?

СТАРИК-2. Пугают?

НАЧАЛЬНИК. Пугают?

СТАРИК-2. Мне кажется, что это не салюты.

НАЧАЛЬНИК. А что?

СТАРИК-2. Ракеты.

НАЧАЛЬНИК. Ракеты?

СТАРИК-2. Ракеты.

НАЧАЛЬНИК. Какие ракеты?

СТАРИК-2. Баллистические.

НАЧАЛЬНИК. Какого класса?

СТАРИК-2. «Земля — земля».

НАЧАЛЬНИК. С каким наведением?

СТАРИК-2. По наземным ориентирам.

НАЧАЛЬНИК. С какой боеголовкой?

СТАРИК-2. Самой обычной. После которой особенно страшно просыпаться: встаёшь на завтрак — а тут никого: всех пронзили осколки.

НАЧАЛЬНИК. А что в этом плохого: все пронзены, а ты как огурчик?

СТАРИК-2. Никто не всплакнёт, когда я того.

НАЧАЛЬНИК. Гикнешься?

СТАРИК-2. Ага.

НАЧАЛЬНИК. А то ты собрался гикаться. Да и с чего это ты гикнешься?

СТАРИК-2. А если вдруг несварение?

НАЧАЛЬНИК. Причина?

СТАРИК-2. Из-за путассу.

НАЧАЛЬНИК. Пробовал я вашу путассу. Ужас. Как вы её... И?

СТАРИК-2. Заболею из-за несварения и попрошу ребят постелить мне степь, занавесить окна туманом, в изголовье поставить ночную звезду...

НАЧАЛЬНИК. Ну и желания у тебя, батя. И?

СТАРИК-2. А ребят нет — все пронзены.

НАЧАЛЬНИК. Да, это жесть... Брось эти мысли, дед. Брось любые мысли. Думай о хорошем.

СТАРИК-2. О хорошем?

НАЧАЛЬНИК. Только. Что для тебя хорошее?

СТАРИК-2 (*подумав*). Мёд.

НАЧАЛЬНИК. Почему «мёд»?

СТАРИК-2 (*в сторону*). «Мёд на её губах», читает автор. (*Не в сторону.*) И чемоданы вновь вокруг, в руках, / и время тарабарское: ко свету — / а волки режут всякого раздето- / июльским выходящего шарáх: // с моста нырнуть, не всплыть и ко станку, / пусть даже рекостав, а ледоходы / забыты навсегда («второго года / рязани разоренья пра в шугу — // в шугу, не в лёд — с разбега и тонул, / вода жидка была, несла, топила»). / Всё как в ту ночь: под дверью, про стропила / читает, пока я очнусь и в гул // впаду, дверь приоткрыв: ты кто вообще; / какое время, знаешь? — общей спячки; / шатаются тут; бередят болячки / сочувствованья; водки и борщей // не дам, варить не буду; кыш, пошла, / ошиблась не то слово; в чемоданах, / как в кори; с книжкой, грамотная; званых / гоню в пургу, незваная скула // бледна, пока не свёрнута; я боль / не покупаю, мне своей хватает... / Сто тщетных лет прошло, год не охáю / из всех двухсот, — и вновь из ниотколь // какая-то пришла и рвёт звонок, / и обрывает спячку: «Здравствуй, милый. / Я всё-таки к тебе. Не трогай вилы — / я не ошиблась. Я не воронок, // я с мёдом:

лапу в сласти облизнёшь — / отпустят спячка, скотство» Вся седая, / и прежней красоты, и дарвалдая, / тогдашний хрупкий голос. «Дай мне нож, — // я ей сказал. — Спокойно. Нож. Не йод. / Ты с кем сейчас? Его сейчас зарежу. / С тобой хочу, и в нём должны быть бреши». / Мёд на её губах, заткнул меня лишь мёд.

НАЧАЛЬНИК. Точно. Вот именно. Думай о мёде, дед.

СТАРИК-2. Только?

НАЧАЛЬНИК. И исключительно.

СТАРИК-1. А для меня хорошее — это 1) выиграть в лотерею калейдоскоп; 2) взять в жёны девушку из хорошей семьи; 3) быть в нашем заведении на хорошем счету; 4) вкусить хорошую порцию другой рыбы; 5) сдохнуть в своей постели: хотя бы и пронзённым, если в этот миг снился хороший сон; 6) лечь в хороший (не картонный) гроб в хорошем двубортном костюме.

НАЧАЛЬНИК. Это всё?

СТАРИК-1. Это всё.

НАЧАЛЬНИК. А о чём сон?

СТАРИК-1. Какой сон?

НАЧАЛЬНИК. Ну тот, хороший, когда тебя пронзит осколок баллистической ракеты и ты не занавесишь тому старикану окно... (*Обращается к Старику-2.*) Чем надо будет занавесить, дед?

СТАРИК-2. Туманом.

СТАРИК-1. А... О нежности.

НАЧАЛЬНИК. Никогда не слышал. Это какое-то древнее стариковское слово? Про что оно, батя?

СТАРИК-3 (*напористо, несколько раздосадованно*). А для меня хорошее — договориться с вами, начальник, по-хорошему, без рукоприкладства.

НАЧАЛЬНИК. А для меня — по-хорошему разойтись. Ну-ка, разошлись, развалины.

СТАРИК-3. Начальник. Возможно, до вас доходили слухи.

НАЧАЛЬНИК. О чём?

СТАРИК-3. О том, что мы тут все разные...

НАЧАЛЬНИК. Возможно.

СТАРИК-3. ...А также обо мне.

НАЧАЛЬНИК. О тебе, старый пень?

СТАРИК-3. Начальник, я же людей по заказу убивал. Не хочешь измениться в лице?

НАЧАЛЬНИК. С чего бы мне меняться в лице?

СТАРИК-3. Об этом все знают. А ты, выходит, нет. Это ты зря. Это ты...

НАЧАЛЬНИК. Нет, до меня что-то доходило, но я...

СТАРИК-3. ...не придавал этому значения. Сейчас придашь, но смысла в этом уже не будет. Ты опоздал, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Я... я...

СТАРИК-3. Сейчас ты куришь, да. Поэтому тебе некогда. Потом будет обед. Факт. После него наступит тихий час: у нас — и у тебя. Опять некогда. Затем ты скажешь: «Караул устал». Это причина, чтобы не конвоировать нас за ворота. Наконец, наступит смена караула, ты слиняешь пить водку, а нам придётся заговаривать зубы ещё большей скотине, которая потребует с нас денег, но так ничего и не сделает. Но когда ты появишься здесь ещё раз, я уже не буду разговаривать. Разговаривать будет он. (*Старик-3 достаёт из штанины длиннющий трёхгранный штык образца 1812 года, который сверкает на свету, как Сириус в ночи.*) Если ты спросишь, исполнял ли я заказы этой штукой, я отвечу: нет. Нет, но мне очень любопытно, хороша ли она.

НАЧАЛЬНИК. Да какой я начальник, ребята. Куда вас отвезти, ребята? Водки хотите, ребята?

СТАРИК-1 (*обрадованно*). Вот и хорошо, начальник, вот и славно. Спасибо вам, начальник, преогромное. Хотите, он (*указывает на Старика-2*) напишет благодарственное письмо о вас командиру заведения?

НАЧАЛЬНИК. Это ни к чему, уважаемые. Я просто делаю своё дело.

СТАРИК-1. Свежие могилки, начальник. Мы заранее оплатили наши свежие могилки, к которым хотим смотаться. Подравнять, вычерпать вездесущую дождевую воду, вытащить вдруг упавшего чужого, полить флоксы, проверить даты на памятниках и орфографию эпитафии... Пожалуйста, не забудьте лопату, начальник. Спасибо.

Попочки

Отроки, помещённые родителями в летний лагерь в глубинке, стоят перед забором в три с половиной роста типового 13-летнего подростка. За забором — лето. Забор, разумеется, под током. Само собой, вдоль забора каждый час пробегает специально обученная собака, которая каталогизирует в своей памяти запахи, приближавшиеся к забору меньше, чем на пять метров, и затем загоняющая их носителей в комнату отдыха вплоть до особого распоряжения командира лагеря. Наконец, каждая из сторон заборного периметра охраняется разведывательным дозором из только что вернувшегося с Воронежского фронта бойца (на подобной мере настаивали родители лагерников; без неё лагеря просто не было бы: теперь никто не хочет отдавать детей в иные руки).

ОТРОК-1 (*кричит дозорному, спрятавшемуся в небольшом окопчике [здесь и далее]*). Начальник, начальник, попочки!

НАЧАЛЬНИК (*поднимается из окопчика, кричит [здесь и далее]*). Где?

ОТРОК-1 (*показывает на кусты на летней стороне, находящиеся на почтительном расстоянии от забора*). Там, там!

НАЧАЛЬНИК. Сейчас проверю. (*Начальник всматривается в кусты через прибор полуденного видения.*) И правда... жопы. Как вы считаете, сколько их?

ОТРОК-1. Мы не считаем, мы точно знаем, начальник. Четыре. Мы их второй день в подзорные трубы разглядываем (*складывает ладони в подзорную трубу*).

НАЧАЛЬНИК. А почему мне не доложили?

ОТРОК-1. Простите, начальник. Не были уверены. В наших трубах плохая оптика.

НАЧАЛЬНИК. А в моей — «Цейс»!.. (*Рассуждая вслух.*) Но почему их только четыре?.. Какое же это совпадение? По штуке на наблюдателя? Это точно не совпадение.

ОТРОК-1. И мы так думаем.

НАЧАЛЬНИК. А что ещё вы думаете?

ОТРОК-1. Это происки.

НАЧАЛЬНИК. Чьи?

ОТРОК-1. Очевидно же.

НАЧАЛЬНИК. И я так думаю. Вы считаете, они настоящие?

ОТРОК-2. Происки?

НАЧАЛЬНИК. Происки — подлые, а значит — взаправдашние. Нет, жопы.

ОТРОК-2. Определённо, начальник: попочки, без всякого сомнения, подлинные. Я специально посвятил этому вчерашний день: все пошли стрелять по «бегущему кабану», а я отполз по окопчикам — и сюда. Крайняя левая, скорее всего, недавно переболела фурункулёзом. Собственно, фурункул был один, но въедливый. Видите характерный шрам сверху на левой ягодице?

НАЧАЛЬНИК. Уж поотчётливее твоего.

ОТРОК-2. Переболела. Появился бы на фальшивой почке фурункул?

НАЧАЛЬНИК. Да ни за что.

ОТРОК-2. Верно, начальник. Кроме того, на второй справа есть родинка: бисерная, но в форме Аравийского полуострова...

НАЧАЛЬНИК. Значит... значит, она арабская?!

ОТРОК-2. Ну почему же...

НАЧАЛЬНИК. А потому же: кому ещё придёт в голову иметь на заднице родинку такой формы?

ОТРОК-2. Начальник, но ведь попочка не чёрная.

НАЧАЛЬНИК. Не чёрная. А должна быть чёрной и чернеть. А эта белая, даже не загорелая, — и светлеет.

ОТРОК-2. Следовательно, она не арабская, а просто игра природы.

НАЧАЛЬНИК. Дурацкая игра природы.

ОТРОК-2. Соглашусь... Наконец, все они просто объёмные.

НАЧАЛЬНИК. И что это значит?

ОТРОК-2. По игре света и тени на них...

НАЧАЛЬНИК. Опять игра!

ОТРОК-2. ...я делаю вывод, что все они выпуклые, как и должно быть.

НАЧАЛЬНИК. А если это выпуклые мишени, пацан?

ОТРОК-2. Вы не могли бы взглянуть на попочки в инфракрасный прибор?

НАЧАЛЬНИК. А я и не догадался. Тебя бы в разведку, пацан. Сейчас... (*Смотрит, причмокивая.*) Тёплые, пацан! Они тёплые, они излучают на частоте тридцать шесть и шесть!

ОТРОК-2. Вот видите.

НАЧАЛЬНИК. А вдруг это подогреваемые объёмистые мишени?

ОТРОК-2. Для чего?

НАЧАЛЬНИК. Чтобы я одной очередью поразил все и каждую.

ОТРОК-2. Так стрельните, начальник. Если кокните — значит, это всё-таки подогреваемые выпуклые мишени. А если увернутся — не мишени, а...

НАЧАЛЬНИК. ...а вражеские жопы! То есть амба!

ОТРОК-2. Ну почему сразу «амба», начальник? Они же такие симпатичные и манящие.

НАЧАЛЬНИК. Амба всегда сначала манящая... Нет! Нельзя. Не буду. Опасно. Я-то ладно, а вот вам ещё жить.

ОТРОК-2. Что такое, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Мы плохо вооружены.

ОТРОК-2. Не понимаю.

НАЧАЛЬНИК. Стрельнув, мы выдадим свою позицию. Они ответят по ней, а нам и ответить нечем: один АК-47 на четверых.

ОТРОК-2. Вы боитесь промахнуться, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Ничего я не боюсь... Ну, боюсь немного: я сегодня трезвый. А трезвый я косою. А выпить нечего.

ОТРОК-2. Пить на посту нельзя.

НАЧАЛЬНИК. Я знаю, поэтому промахнусь.

ОТРОК-2. А если мы закроем на пьянство на посту все шесть глаз?

НАЧАЛЬНИК. Как это?

ОТРОК-2. Не заложим вас, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Так нет выпивки-то...

ОТРОК-2. Это у вас. А нас есть. Сбегать?

НАЧАЛЬНИК. Что у вас?

ОТРОК-2. Портвейн, полбутылки. Вчера было больше, но...

НАЧАЛЬНИК. Портвейн — лимонад, не поможет. И мало. Что же делать... Сколько у тебя по «стрельбе по врагу», парень?

ОТРОК-2. Уверенная «отл. с плюсом». Я попаду, начальник. Я — Монтигомо.

НАЧАЛЬНИК. Кто ты?

ОТРОК-2. Монтигомо.

НАЧАЛЬНИК. А если родители узнают?..

ОТРОК-2. Я не в том смысле...

ОТРОК-1. Да он с двух рук умеет, начальник. Дайте ему пальнуть.

НАЧАЛЬНИК. Погоди. Я думаю... Нет, не дам. Вдруг одна из них успеет надеть каску, в результате чего выживет — и ответит гранатами? А? Об этом ты не подумал, ребёнок?

ОТРОК-2. Об этом я не подумал...

НАЧАЛЬНИК. Это потому что мозг еще не ушибленный.

ОТРОК-2. Чем?

НАЧАЛЬНИК. Чем угодно. Хоть молотком, хоть прямым попаданием.

ОТРОК-2. А у вас, начальник, значит, ушибленный?

НАЧАЛЬНИК. А иначе что бы я тут делал? кто бы меня сюда взял?..

ОТРОК-3. Начальник, я придумал.

НАЧАЛЬНИК. Говори, встав по стойке «смирно».

ОТРОК-3 (*вытягивается*). Есть встать по стойке «смирно». Мы не с того начали. Сначала надо выяснить, мужские это попочки или женские.

НАЧАЛЬНИК. И что это знание даст?

ОТРОК-3. Откроет нам их истинные намерения.

НАЧАЛЬНИК. Объяснись, рядовой.

ОТРОК-3. Есть объясниться. Мы неопровержимо установили, что это попочки...

НАЧАЛЬНИК. Да, это несомненные жопы.

ОТРОК-3. ...после чего мы сделали предположение, что это враги...

НАЧАЛЬНИК. А кто же ещё?

ОТРОК-3. ...но если бы это были вражеские попочки, то они были бы одеты: мужские попочки — в галифе, а женские — в белые колготки. Не правда ли?

НАЧАЛЬНИК. В галифе и белые колготки, подтверждаю.

ОТРОК-3. А поскольку они голенькие, то какие же они вражеские?

НАЧАЛЬНИК. И что же теперь делать?

ОТРОК-3. Во-первых, определить, какие попочки мужские, а какие женские.

НАЧАЛЬНИК. Зачем?

ОТРОК-3. Чтобы понять, как нам действовать дальше.

НАЧАЛЬНИК. И как нам действовать дальше?

ОТРОК-3. Взять языка, то есть взять одну из попочек (очевидно, что самую грациозную, то есть женскую) в плен и подвергнуть допросу с пристрастием.

НАЧАЛЬНИК. Это как?

ОТРОК-3. Это светить ей в глаза ярчайшей лампой.

НАЧАЛЬНИК. Откуда знаешь?

ОТРОК-3. Папа так делает.

НАЧАЛЬНИК. Дома?

ОТРОК-3. И на работе.

НАЧАЛЬНИК. Хороший план. Как будем определять их пол?

ОТРОК-3. Когда я был маленьким, то был с мамой в дамской душевой...

НАЧАЛЬНИК. Поясни.

ОТРОК-3. Есть пояснить. С тех пор образ попочки противоположного пола нейдёт у меня из головы. Думаю, я не ошибусь, осмотрев их ещё раз. Можно вопрос, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Наверное.

ОТРОК-3. А вам самому какая попочка больше всего нравится?

НАЧАЛЬНИК. Четвёртая справа ничего так.

ОТРОК-3. Спасибо за искренний ответ.

НАЧАЛЬНИК. А что с мужскими?

ОТРОК-3. С мужскими? Мужских я не видел. Мы же маль-

чки, — на мужские, чтобы не задуматься, смотреть нельзя. Для мужских нужен эксперт.

НАЧАЛЬНИК. Не повезло вам, мальчишки. А я вот других и не видел. С мужской сам справлюсь. Если не возражаете.

ОТРОК-3. То есть идентификация дамских попочек полностью на нас?

НАЧАЛЬНИК. Угу.

ОТРОКИ (*все, нестройным хором*). Ура! Наконец-то настоящее дело, а не вот это всё! Спасибо, начальник!

НАЧАЛЬНИК. Пожалуйста, рядовые. Итак, наш план: выясняем с расстояния пол маячащих жоп, берём в плен самую обаятельную (то есть бабскую), выпускаем ей кишки не до смерти — и что-то узнаём. Что именно мы хотим узнать?

ОТРОК-1. Цель пребывания в кустах напротив нашего объекта.

ОТРОК-2. Почему их всего четыре.

ОТРОК-3. Почему на четвёртой справа есть волосы.

НАЧАЛЬНИК. На ней есть волосы?!

ОТРОК-3. Без всякого сомнения.

НАЧАЛЬНИК. Прямо так уж и без всякого... (*Смотрит на.*) Действительно есть. Но какая же она симпатичная...

ОТРОК-1. Спорное замечание, начальник.

НАЧАЛЬНИК. А ещё их национальность.

ОТРОК-3. Простите, начальник, но национальность попочки можно узнать и отсюда.

НАЧАЛЬНИК. Как, рядовой? Удивите меня.

ОТРОК-3. Есть целые таблицы попочек разных национальностей. Папа часто приносит домой рабочие документы и разбрасывает их повсюду. А я... а я их наскоро, пока он валяется пьяный после трудовой ночи, просматриваю. А поскольку у меня фотографическая память — то я смогу. Только всмотрюсь — и запросто. Да я уже и сейчас могу сказать, что четвёртая попочка справа — *наша*.

НАЧАЛЬНИК. Ух ты. Выходит, братушкина? Вы понимаете, ребята, что это значит?

ОТРОКИ (*все, хором*). Что?

НАЧАЛЬНИК. Что можно не бояться!

ОТРОК-2. А если она — перебежчик и подлый предатель?

ОТРОК-1. А если она уже неживая и взята для отвода наших глаз?

НАЧАЛЬНИК (*рассматривая попочки в свой «Цейс»*). Тогда надо узнать их воинские звания. Это возможно? И наличие при них гранат. И сколько им заплатили, чтобы они устроили такое. Если наличными — отнимем и пропьём.

ОТРОКИ (*все, нестройным хором*). Нам нельзя.

НАЧАЛЬНИК. А я никому не скажу... Внимание! На четвёртую жопу слева сел витютень. Это плохо, это очень плохо. Всем кричать: «Улетай, собака витютень!» (*Все кричат: «Улетай, собака витютень!»*) Громче, он не слышит. Ещё громче! Он же сейчас спугнёт их! Они же сейчас в штаны наложат! Они же сейчас смеются! (*Все громко-громко кричат: «Улетай, собака витютень!»*) Не останавливаемся! Орём что есть мочи!

ОТРОК-3 (*посмотрев в свою «подзорную трубу»*). Какой же это витютень, начальник. Это *Passer montanus*, воробышек.

НАЧАЛЬНИК (*усиленно вглядывается в «Цейс»*). А ведь и впрямь воробей. Всем кричать: «Воробышек, кыш! *Passer montanus*, свали с них!» (*Все кричат.*)

ОТРОК-2. А если он не уберётся?

НАЧАЛЬНИК. Уберутся они. Они же думают, что их никто не видит. А тут подлый воробей!.. Проваливай с жопы, птица! Чёрт. Ох. Ах. Поздно. Они. Исчезли. А я в них даже не стрельнул.

ОТРОКИ (*все, опечаленным хором*). А мы их даже не пощупали.

Иисусик

Прокажённые, заживо похороненные в лепрозории «С глаз долой», стоят перед забором, за которым от Москвы до самых до окраин раскинулся лепрозорий побольше — и настоящий, о чём, впрочем, знают лишь немногие его обитатели: так и не сумев заболеть, они утаивают своё здоровье,

считающееся здесь тяжёлым — почти смертельным — заболелением, от всех прочих, которые гордятся своей лепрой, не зная, что это лепра.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1 (*предупредительно пошумев трещоткой, подойдя к КПП лепрозория на прицельную дальность стрельбы из пистолета Макарова [35,56 аршина], кричит начальнику [здесь и далее]*). Начальник, чего хочу попросить! Только не кашляйте в нашу сторону, если захотите ответить, лады?

НАЧАЛЬНИК (*ощерившись в бойницу КПП стволом пулемёта Дегтярёва, кричит [здесь и далее]*). Почему это я не могу кашлянуть на вас?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Потому что ветер переменчив: ваш кашель, заразившись от нашего дыхания, может вернуться к вам, и...

НАЧАЛЬНИК. Не дай Б-г. (*Надевает противогаз.*) Спасибо, что всякий раз втолковываешь.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Забочусь о вас, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Чего хотел, сифилитик?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Я не сифилитик, я больной проказой.

НАЧАЛЬНИК. Нам нельзя называть это слово. У нас нет этого слова. Чего хотел, мертвечина? Неужели наружу? неужели пулю? неужели, гм, жить надоело?.. Но как же от тебя всё-таки воняет!..

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Этого не может быть, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Почему?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Потому что, услышав мой запах, вы бы уже были мертвы. Сам мой запах смертелен для вашей популяции.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо, что всякий раз втолковываешь, протасов.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Спасибо, что помните мою фамилию.

НАЧАЛЬНИК. Это твоя фамилия?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Представьте себе.

НАЧАЛЬНИК. Ничего себе. Спасибо, что всякий раз представляешься. Без этого я бы не смог составить отчёт о ЧП.

«С кем пришлось говорить?» — да Б-г его знает, покойничек не представился; вот те за это лишение премии, начальник КПП...

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Начальник, чего хочу-то... Когда Иисус был в одном городе, перед Ним, умоляя: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить», пал ниц некий про-кажённый.

НАЧАЛЬНИК. Ну да, ну да. Но ведь ты стоишь.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. О господи. Простите, начальник.
(Падает ниц.)

НАЧАЛЬНИК. Могу, конечно, могу. Но даже если бы я хо-тел, как это сделать?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. А вы не хотите, начальник?

НАЧАЛЬНИК. А зачем мне хотеть?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Разве это не ваша сущность, на-чальник?

НАЧАЛЬНИК. Моя ли это сущность... Какой дурацкий во-прос... Ну а чья же ещё? Конечно, моя. Я впитал её с моло-ком Марии Иоакимовны, родной мамы. Но ведь я могу и не очищать.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Почему можете не?

НАЧАЛЬНИК. Разве я должен очищать всех и каждого?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Не должны. Но если можете, разве вы не должны очищать любого, кто попросит вас об этом?

НАЧАЛЬНИК. А ты просишь?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Я умоляю.

НАЧАЛЬНИК. Ах да: упал и кланчишь. А если ты мне не нравишься? Ты норму-то выполняешь, валяющийся передо мной? Где ты, кстати, работаешь, умолитель?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. На урановой шахте им. РБМК-1000. Выковыриваю из недр 235-й. Норму (если что) не то что даю — превышаю.

НАЧАЛЬНИК. Зачем?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Чтобы быть на хорошем счету, на-чальник.

НАЧАЛЬНИК. А почему сегодня не пашешь?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Отпущен на перекур по уважительной причине: нечем рубить уранчик — на складе кончились кайла. Жду, когда обеспечат.

НАЧАЛЬНИК. А ломом пробовал?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Конечно, начальник: когда стесалось последнее кайло, я стал рубить 235-й ломом, но он тут же согнулся, порода-то — камень...

НАЧАЛЬНИК. И что было дальше?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. ...и я начал выковыривать уран голыми руками...

НАЧАЛЬНИК. А лом был простой или закалённый?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Простой.

НАЧАЛЬНИК. Вот ты кулёма, гангренозный. Кто же рубит уранчик простым ломом... Выходит, ты образцовый больной? А как сюда угодил?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Устал скрывать, что у меня проказа, — и сдался. Совесть заела: дышу с людьми одним воздухом, заражаю...

НАЧАЛЬНИК. Явка с повинной?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Ага. Разве б я рубил 235-й без явки...

НАЧАЛЬНИК. Да ни за что. Поставили бы драить КПП'шный сортир. Или даже мыть посуду в нашей столовке.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Не дай бог, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Или стирать наши подштанники.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. О господи.

НАЧАЛЬНИК. Или доносить мне на ваших при личных встречах со мной.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Что вы такое говорите, начальник...

НАЧАЛЬНИК. Или тайно выходить из лепрозория под нашим видом для выявления больных и заразных.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Не травите душу, начальник...

НАЧАЛЬНИК. А сам-то небось пианист какой-нибудь?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Ботаник.

НАЧАЛЬНИК. В карцере сидел, гипертоник?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Да за что же!

НАЧАЛЬНИК. Откуда мне знать... Подвинтил весы, чтобы перевыполнять норму... Вместо 235-го рубил 238-й...

Отловил щегла, которого потом, заразив, отпустил за забор... Изнасилдовал, чтобы заразить, кролика, которого потом съел в виде пельменей... Грехи. Есть у тебя грехи? Признаться — и я захочу очистить тебя.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Есть грех, начальник! Я всё ещё немного дышу.

НАЧАЛЬНИК. И заражаешь воздух родины?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. И заражаю воздух отечества.

НАЧАЛЬНИК. Окаянство твоё нестерпимо, гидроцефал.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. И оно меня убивает, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Так почему бы мне не убить тебя?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Согласен, начальник. Если не хотите очистить, застрелите. Не могу больше дышать одним с вами воздухом.

НАЧАЛЬНИК. Совестьшься? Это хорошо. Тогда, может, монетку бросим?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Если орёл — застрелите меня, начальник; а коли решка — очистите.

НАЧАЛЬНИК. Решки не будет — я не знаю, как очищать.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Тогда не о чем беспокоиться.

НАЧАЛЬНИК. Тогда я бросаю?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Не бойтесь, начальник. Я всё равно не увижу, что выпадет, вы же в КПП, а я — на расстоянии выстрела.

НАЧАЛЬНИК. Вот именно. (*Бросает монетку.*) Знаешь, что выпало, чахоточный?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Откуда же, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Ребро!

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Быть не может.

НАЧАЛЬНИК. Может. У меня как-то семь дней подряд ребро выпадало. Ещё раз брошу?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Пожалуйста, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо. (*Бросает монетку.*) Тебе везёт, жмурик.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Неужели орёл? Ура.

НАЧАЛЬНИК. Решка.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Не может быть.

НАЧАЛЬНИК. Ну? Очищать? нет?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Раз уж выпало, начальник... давайте очищать.

НАЧАЛЬНИК. Напомни мне, как это делается. А то я давно не очищал... Память что-то совсем никакая стала.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Простёрши руку, Иисус коснулся прокажённого и сказал: «Я хочу. Очистись». И тот тотчас очистился от проказы.

НАЧАЛЬНИК. Да, да, что-то такое было... Теперь я явно это вспомнил. Спасибо, чувак.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Рад быть полезным, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Что ж, приступим. И как мне тебя коснуться?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Простёрши руку, начальник.

НАЧАЛЬНИК. Просто Иисусик, пожалуйста.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Простёрши руку, Иисусе.

НАЧАЛЬНИК. На 35,56 аршина? С ума сошёл, золотушный?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Мне подойти? или вы сами, Иисусе?

НАЧАЛЬНИК. Тебе, конечно.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Подхожу. Вы только не хватайтесь за пистолет и не снимайте противогаз.

НАЧАЛЬНИК. Почему? Я же теперь Иисус. Зачем мне противогаз? Разве я могу заразиться?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Нет, но давайте всё же побережём вас.

НАЧАЛЬНИК. Давайте побережём меня. А почему я не могу стрельнуть, захотев?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Так решка же выпала.

НАЧАЛЬНИК. Решка. Вспоминаю. Рефлекс поборю (*не без труда придерживает левой рукой правую, которая тянется к пистолету на боку*). Я готов. Паралитик, подходи.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1 (*подходит на расстояние вытянутой руки*). Подошёл, ваше благородие. Спасибо, что не стрельнули. Касайтесь меня. (*Начальник высовывает пулёмёт Дегтярёва из бойницы и касается Прокажённого.*) Ну не пулёмётом же, начальник.

НАЧАЛЬНИК. А чем?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Рукой. Рукой в перчатке, пожалуйста. Только перчатку потом сожгите.

НАЧАЛЬНИК. Левую или правую?.. Обе, я понял. Жалко, они почти новые. (*Высовывает руку в бойницу и касается Прокажённного.*) Готово. Чувствуешь что-нибудь?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1 (*становится по стойке «вольно» и делает всеблагое лицо*). Погодите, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... Сейчас... Не так скоро... Болезнь, несомненно, начала уходить... Внимание: во мне осталось девяносто девять процентов... девяносто восемь процентов... девяносто семь процентов...

НАЧАЛЬНИК. Долго ещё?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. ...девяносто один процент... (*Называет оставшиеся проценты, допустим, до 66.*) Всё. ИИСУСЕ! Я ОЧИСТИЛСЯ! Я чувствую в себе необычайные здоровье и энергию!

НАЧАЛЬНИК. А куда делись шестьдесят шесть процентов?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Обнулились.

НАЧАЛЬНИК. Вот так сразу?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Да что ты пристал, начальник? Боишься, что ли? Мне что, надо было считать до нуля? Ты бы взвыл и потянулся к Макарову.

НАЧАЛЬНИК. Да уж потянулся бы, не сомневайся. Докажи, что очистился.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Выходите и расцелуемся.

НАЧАЛЬНИК. Троекратно?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. А то.

НАЧАЛЬНИК. Может, с тобой ещё и в постель лечь? Чур, я снизу.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Зачем?

НАЧАЛЬНИК. Ну... вдруг ты на меня запал после всего?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. А... Нет, я очень благодарен тебе, начальник, но пока не запал.

НАЧАЛЬНИК. А шанс есть?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Заткнись, а?

НАЧАЛЬНИК. «Заткнись»? Гм... Вот теперь я вижу, что ты выздоровел. Как ощущения, брат?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Вызывающие офигение, брат.

НАЧАЛЬНИК. Понимаю тебя, брат. Чем теперь займёшься, брат?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. То есть ты готов меня выпустить, брат?

НАЧАЛЬНИК. Конечно, брат. Не стану же я держать здесь здорового. Или ты сомневаешься в моей целительной силе?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Нет, брат. Ты очистил меня.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо, брат. А этих (*указывает на других Прокажённых*) надо отчистить? Доходяги, хотите отчиститься?

ПРОКАЖЁННЫЙ-2 (*позвонив в колокольчик*). Я очень хочу, начальник!

ПРОКАЖЁННЫЙ-3 (*сыграв на губной гармошке сигнал «Химическая тревога»*). И меня, и меня, коснись, о начальник, с желанием и наказом очиститься!

НАЧАЛЬНИК. Дуйте сюда, безногие. (*Прокажённые не без опаски подходят к бойнице с Начальником в ней, и он касается их обеими руками.*) (*Обращается к Прокажённому-1.*) Брат, можно сразу двоих разными руками?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Конечно, брат.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо, брат. Долго касаться, брат?

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Да всё уже, брат.

НАЧАЛЬНИК. Вы отчищены, братья (*Прокажённые прыгают на месте, изображая ликование*). (*Обращается к Прокажённому-1.*) Я сниму противогаз? Дышать нечем. И — хочется выйти и обнять вас всех.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. С ума сошёл, брат? У твоих на КПП наверняка руки чешутся: они же пристрелят тебя как заражённого.

НАЧАЛЬНИК. Пристрелят. Спасибо, брат. Не буду снимать. Обнимаю вас мысленно, братья.

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Придумай, что скажешь им, брат, если спросят с ехидцей или подвохом. Почему подпустил и касался.

НАЧАЛЬНИК. Или убью на месте, или скажу, что я Иисус. Что же ещё, брат, тут можно сделать...

ПРОКАЖЁННЫЙ-1. Хорошая придумка, брат. Надев противогаз, всегда говори правду, брат.

НАЧАЛЬНИК. Ну а вы, братья, что, исцелившись, делать будете?

ПРОКАЖЁННЫЕ (*в один голос, взявшись за руки и приплясывая вокруг чахлого деревца у КПП*). Ничего, брат. Даже если будешь выгонять, останемся тут, брат.

НАЧАЛЬНИК. Опять заболеть хотите?

ПРОКАЖЁННЫЕ (*в один голос, продолжая водить хоровод*). Да мы теперь вечно здоровенькие будем.

НАЧАЛЬНИК. Я знаю. Ладно, загорайте. В шахту вам теперь всё равно нельзя — она для нечистых...

ПРОКАЖЁННЫЕ (*в один голос, не оставляя хоровод*). А кто же нам поверит, брат? Твои вертухаи, брат, такие звери.

НАЧАЛЬНИК. Скажете, что приказ Иисуса.

ПРОКАЖЁННЫЕ (*хором*). Ага. Так они и поверят. Бумагу давай, брат.

НАЧАЛЬНИК. Сейчас, сейчас выпишу, братья, потерпите. (*Спрашивает, выписывая бумагу.*) Ну хоть перемигиваться-то будем, если вы опять к КПП на расстояние выстрела подойдёте?

ПРОКАЖЁННЫЕ (*хором*). Это можно, брат.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо. А других мне отчищать, братья?

ПРОКАЖЁННЫЕ (*хором, удаляясь*). А это ты у них сам спроси, брат!

НАЧАЛЬНИК. И спрошу.

Трисестрички

Три девицы сидят перед чередой из трёх заборов, за которыми — полупрячущаяся в степи шахтная пусковая установка. Девчонки местные: до их пгт отсюда тридцать вёрст, одолеваемых скорым (ОПН) велосипедным ходом по горячей июльской степи за час с копейками. Обходящий ракетное угодье караульный начальник, увидев сначала опёршиися о внешний забор велосипеда, а потом и знакомок, улыбается, но автомат с плеча срывает и даже прицеливается.

НАЧАЛЬНИК (*кричит [здесь и далее]*). Где?! Стой! Отойти!.. Стрелять буду. Наверное... Опять вы, трисестрички?

ТРИСЕСТРИЧКИ (*кричат хором [здесь и далее], чуть-чуть не опередив уставной вопль часового*). Пиф! Паф! Не пугай,

начальник! Мы бестрепетные! Мы даже не описались! Здорово, начальник! А гранаты у тебя есть?

НАЧАЛЬНИК. Гранаты не положены.

ТРИСЕСТРИЧКИ. А то пометали бы.

НАЧАЛЬНИК. Куда?

ТРИСЕСТРИЧКИ. А по заборам. Мешают велопробегу. А объезжать — лень.

НАЧАЛЬНИК. Гранат нет, но есть выпить.

ТРИСЕСТРИЧКИ. Можно и выпить. Выпьем и, так и быть, объехав, помчимся дальше

НАЧАЛЬНИК. Куда?

ТРИСЕСТРИЧКИ. В Москву, куда же ещё.

НАЧАЛЬНИК. Сейчас сбегая. (*Бросает на землю автомат и амунизию, уносится; вскоре возвращается с полуторалитровой пластиковой бутылкой.*) Вот: сладкое «шило». Ребятам дают протирать ракету, а они настаивают на поцелуях из писем и протирают себя. Изнутри. И со мной делятся, потому что я отзывчивый, потому что отзывчивей меня в этой степи нет никого. Крикнут: «Ашот!» — и я немедленно отзываюсь (а я и не Ашот вовсе, а Гамлет, и знаю, что надо бы промолчать, а лучше спрятаться, а всё равно откликаюсь): «А!» И они весело (это всегда безумно веселит их) гогочут: «Буй на!»

СЕСТРИЧКА-1 (*кричит [здесь и далее]*). Не смешно, а, наоборот, взрыднуть хоца. И — ты это уже рассказывал, начальник... Умираю со скуки. Развлеки.

НАЧАЛЬНИК. Завалить подружек? Это тебя развлечёт?

СЕСТРИЧКА-1. Не знаю... Поболтать с их отлетевшими душами будет интересно: за этими двумя шмарами столько детских подлянок числится... но они с тех пор исправились, начальник... Нет, это меня не развлечёт. Предлагай новое.

СЕСТРИЧКА-2 (*кричит [здесь и далее]*). Закрутишь со мной любовь, начальник?

СЕСТРИЧКА-3 (*кричит [здесь и далее]*). Искупаешь меня, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Да, да, но сначала глотните. (*Отпивает стакан, не меньше, закусывает куревом и швыряет бутылку через три забора.*)

СЕСТРИЧКА-1. У нас есть три бутерброда. Но один — тебе. Лови. (*Заворачивает бутерброд в газету и бросает его через три забора.*)

НАЧАЛЬНИК. Премного благодарю.

СЕСТРИЧКА-1. Тебе спасибо. (*Заглатывает не меньше стакана сладкого «шила».*) Как же вкусно. Градусов сорок, начальник?

НАЧАЛЬНИК. Пятьдесят пять. Измерено и строго соблюдается. Сорок их не пробирает.

ТРИСЕСТРИЧКИ. А нас тем более.

СЕСТРИЧКА-1. А почему так сладко, начальник? Поцелуйчики-то, на которых это настояно, заправдашние, сахарные и горячие. Неужели их ждут? Неужели девки не нашли ребят получше, пока эти идиоты гниют в степи?

НАЧАЛЬНИК. Не обижай пацанов, сестричка. Они хоть и «ашот — а», а боевые товарищи.

СЕСТРИЧКА-1. Прости. Захмелела... но так и не развлеклась. Придумай ещё что-нибудь, начальник, чтобы не катить в Москву, в которую не хочу, а надо.

НАЧАЛЬНИК. Как там, на воле?

СЕСТРИЧКА-1. Развлекаются почище нашего. Все шесть братьев ушли на войну. Я им: «Куда, бараны?» А они мне (*передразнивает косноязычный, с проглоченным «р», говор братьев*): «Туда, дурочка: испанцы вот-вот возьмут Воронеж, а португальцы — Якутск. Нельзя позволить, ляжем, а не дадим». Мать, конечно, — за ними: они же у нас с одной извилиной, за ними уход нужен. Теперь разрывается между Воронежем и Якутском (или Улан-Удэ? всё время их путаю): тут манку сварила, кальсоны отстирала, во врага пальнула — и уже надо нестись туда, где троица на каплю умнее, но таблицу умножения всё равно не осилила, а её ведь на артиллерию бросили. Мать за них считает, и их расчёт на хорошем счету: центр Улан-Удэ (или Якутска?) лежит в руинах... А училка пеня, которая меня о доску головой била, за своими в Берлин (или в Тель-Авив? тоже путаю) не поехала: сказала, что родина в опасности, а они — враги, с которыми ей не по пути.

НАЧАЛЬНИК. Отчего же она тебя головой о доску?

СЕСТРИЧКА-1 (*вытягивается, прокашливается, делает объявление, будто она конферансье*). Музыка Михаила Иорданского, слова Антона Пришельца, «Песенка про чибиса». Поёт О. Л. Книппер. (*Двесестрички аплодируют. Запевают.*) У дороги чибис, / У дороги чибис, / Он кричит, волнуется чудак: / «А скажите, чьи вы? / А скажите, чьи вы? / И зачем, зачем идёте вы сюда?» Надо было «Чибиса», всё время петь «Чибиса», целый год «Чибиса», все четыре четверти одного «Чибиса», а я, уставшая от «Чибиса» солистка, целый год, все четыре четверти, пела Love Me Do. (*Поёт. Начальник сначала восхищённо слушает, потом начинает не без виртуозности подпевать. Их пение то и дело прерывается аплодисментами Двухсестричек.*) Love, love me do / You know I love you / I'll always be true / So please, love me do / Whoa, love me do // Someone to love / Somebody new / Someone to love / Someone like you... Но зла на неё я не держу. И если когда-нибудь она умрёт, я каждый год буду присылать на её могилу цветы, потому что голосина у меня вон какая...

НАЧАЛЬНИК. Оперная! Я слышал одну, «Летучая мышь», но у тебя проникновеннее, до самых до косточек пробирает.

СЕСТРИЧКА-1. Это оперетта, Ашот.

НАЧАЛЬНИК. Я не Ашот.

СЕСТРИЧКА. И ноты благодаря Людмиле Израилевне узнала... А потому не пропаду: буду петь в Москве в пешеходном переходе... или в электричках — если ты подаришь мне свою ушанку.

НАЧАЛЬНИК. Лето же, какая ушанка.

СЕСТРИЧКА-1. А мне сейчас надо. У тебя какой размер?

НАЧАЛЬНИК. 58-й.

СЕСТРИЧКА-1. Сойдёт.

НАЧАЛЬНИК. Что же, сношусь на склад. Не уезжай. Скоро буду. (*Убегает. Возвращается с армейским треухом.*) Лови. (*Бросает шапку через заборы.*)

СЕСТРИЧКА-1. Спасибо, начальник. В неё войдёт много денег... На мороженое хватит. Говорят, в Москве умопомрачительное мороженое... Начальник, а если шархануть по нашему пгт твоей ракетой, что будет?

НАЧАЛЬНИК. Ничего не будет. Ничего не останется. Один большой котлован до горизонта.

СЕСТРИЧКА-1. Так и нету ничего... кроме Людмилы Израилевны. Если шарахать, можно её не затронуть?

НАЧАЛЬНИК. Так она же тебя головой о доску...

СЕСТРИЧКА-1. Не твоё дело. Она учила — и выучила. А ты, Ашот, что хорошего сделал за свои девятнадцать?

НАЧАЛЬНИК. Я не Ашот, я Гамлет.

СЕСТРИЧКА-1. Тем более.

НАЧАЛЬНИК. Если шарахать, Израилевну надо вывозить.

СЕСТРИЧКА-1. Так откажется же.

НАЧАЛЬНИК. Если дорогá — насильно.

СЕСТРИЧКА-1. У нас только велосипеды, да и те без багажника... Начальник, после этой мысли я бы выпила. Ты позволишь нам с девочками ещё по стакану засосать?

НАЧАЛЬНИК. Только мне оставьте. (*Трисестрички пьют из бутылки, после чего бросают её Начальнику.*) Ого, тут ещё пара стаканов. Спасибо, трисестрички.

СЕСТРИЧКА-1. Как спасти Израилевну, начальник?

НАЧАЛЬНИК. А мы точно собрались бить по вашему пгт?

ТРИСЕСТРИЧКИ. Мы ещё не решили.

НАЧАЛЬНИК. У нас есть БМП. Если что, можно смотаться за Израилевной на ней.

СЕСТРИЧКА-1. Училку придётся скручивать.

НАЧАЛЬНИК. Если не скрутить, куда ты будешь слать букеты из своей Москвы?

СЕСТРИЧКА-1. В никуда. В котлован до горизонта. Это будет хуже тоски...

НАЧАЛЬНИК. А зачем нам — если что — бить по вашему пгт?

СЕСТРИЧКА-1. Чтобы некуда было возвращаться, если меня не зарежут в Москве в такси.

НАЧАЛЬНИК. Это — причина. Уважаю тебя за это со всей особенностью... Надо, надо спасти Израилевну... После этой мысли я тоже выпью. (*Пьёт.*) И, выпив, я познал, как спасти Израилевну.

СЕСТРИЧКА-1. Как?

НАЧАЛЬНИК. Шарахнем по другому месту.

СЕСТРИЧКА-1. Зачем?

НАЧАЛЬНИК. Чтобы спасти Израилевну.

СЕСТРИЧКА-1. А чем тебе другие места насолили, Ашот?
За что ты их так?

НАЧАЛЬНИК. Я не Ашот, я Гамлет.

СЕСТРИЧКА-1. Сразу видно, что Гамлет.

НАЧАЛЬНИК. Как хотите.

СЕСТРИЧКА-1. А почему ты сегодня один, начальник?
Почему к девочкам никто через заборы не пристаёт? Отче-
го не слышно «шагом марш»? Где все?

НАЧАЛЬНИК. Лето.

СЕСТРИЧКА-1. Ясно.

НАЧАЛЬНИК. Отпуска.

СЕСТРИЧКА-1. Поняла.

НАЧАЛЬНИК. Взяли летние отпуска, чтобы не морозить-
ся зимой...

СЕСТРИЧКА-1. Резонно. Умные. Не то что я и мои братья.

НАЧАЛЬНИК. ...на Якутском (или Улан-Удэнском?..) фронт. Хорошо хоть на Воронежском неплохие погоды, а то у нас в летние отпуска неохотно отпускают. А осенью-зимой — легко и охотно с присказкой «да катись ты, Ашот заменит». Осенью-зимой ребята, взяв отпуск, гоняют на Воронежский фронт.

СЕСТРИЧКА-1. Хорошо устроились.

НАЧАЛЬНИК. И не говори.

СЕСТРИЧКА-1. А Гамлету за всех отдуваться...

НАЧАЛЬНИК. Один за всех, ага. Короче, сегодня я тут один. Интересно. Весело. Вольно. Но вы не думайте, я всё умею, не в первый же раз.

Раздаётся телефонный звонок.

СЕСТРИЧКА-1. У меня такой же звонок, но это не мой.

НАЧАЛЬНИК. Это мне. Из дома. Мама. Погоди. Я быстро. Чёрт, я же пьяный... *(Говорит по телефону.)* Ну а кто же ещё,

мама? Здравствуй, мама. Хорошее настроение, мама. Не обижают. На что сесть, мама? — я в патруле, на улице. Нет, лавочек тут нет. На землю? Ладно, сажусь на землю... Пашка? Пашку?! Менты? Не менты? Сам? Пашка сам?! Мама, это ложь! этого не может быть! Пашка не мог сам! Никогда, мама! Когда? Голодал? Долго? Почему ты не начала с этого? Голодал в СИЗО, и не менты, мама?! У меня всё прекрасно, мама. До свидания, мама.

СЕСТРИЧКА-1. Гамлет, хорошенький, что-то случилось?

НАЧАЛЬНИК. Плохое. Очень. Погиб Пашка. Мой лучший друг. *(Плачет. Отплакав, становится совсем другим: трезвым, собранным, злым, решительным.)* Я сейчас. Дождитесь. Будут вам развлечения.

ТРИСЕСТРИЧКИ *(грустно, по инерции)*. Ура.

НАЧАЛЬНИК *(быстро вернувшись)*. Жаль, гранат не нашёл. *(Последовательно перерезает принесённым болторезом дыры для прохода во всех трёх заборах.)* Прошу вас ко мне, дамы. Да не бойтесь вы. Будет весело. Будет так весело, как никогда уже не будет. Спасибо, что навестили меня. *(Трисестрички нехотя, но посмеиваясь и подталкивая друг друга, проходят через все три забора.)* Начнём со страстной любви. Кто из вас хотел со мной закрутить?

СЕСТРИЧКА-2. Я. Я хотела. Но теперь я не уверена в этом. Не будет ли это ошибкой с моей и твоей стороны?

НАЧАЛЬНИК. Наоборот, милая. Наоборот. Любовь побеждает смерть. Будем целоваться?

СЕСТРИЧКА-2. Как хочешь.

НАЧАЛЬНИК. Очень хочу. *(Начинают целоваться.)* Можно я зацелую тебя до смерти?

СЕСТРИЧКА-2. Не знаю... А впрочем... давай. Можно.

Начальник и Сестричка-2 отходят в сторону и целуются. Это продолжается... столько, сколько положено. Сестричка-2, постанывая от удовольствия, остаётся на месте, приговаривая: «Ты иди, иди, мне надо отдохнуть, девочки тоже хотят, девочки ждут...» Начальник возвращается к Двумсестричкам.

Пьесы для взорванного театра

НАЧАЛЬНИК. Сестричка-3, марш купаться.

СЕСТРИЧКА-3. Ага.

НАЧАЛЬНИК. У нас есть бассейн, в нём даже есть вода, а в ней даже нет лягушек, но в нём неинтересно. Хочешь поплавать нагишом в заброшенной ракетной шахте?

СЕСТРИЧКА-3. А можно?

НАЧАЛЬНИК. Конечно. Я тебя отведу. Это близко. Ты только не утони, когда по нам ударят ответной ракетой: пропустишь самое интересное... Да шучу я, не бойсь. Сестричка-1, потерпишь в одиночестве? (*Сестричка-1 кивает.*) Умница. (*Уходит с Сестричкой-3. Возвращается один.*) Купается, как дитя. Счастлива. Оставил одну. Обещала не увлекаться с нырянием и вернуться. Ты не заскучала? (*Сестричка-1 отрицательно мотает головой.*) Люблю тебя за это больше всех. Ну что, готова шаракнуть?

СЕСТРИЧКА-1. По пгт? А Людмила Израилевна? Её вывезем? На БМП?

НАЧАЛЬНИК. Нет, не по пгт. Планы поменялись. Шаракнем по другому месту. По самому его центру... (*Кричит Сестричке-2.*) Эй, зацелованная, подождёшь нас? (*Сестричка-2 машет рукой: мол, идите, идите, мне хорошо, я ещё тут побуду.*) Пошли. Ты введёшь координаты, а я нажму на кнопки, там целая куча красных кнопок всевозможных оттенков, но я справлюсь, я уже делал это, у меня даже в глазах не зарябит от красного цвета на любой вкус...

СЕСТРИЧКА-1 (*достаёт телефон, чтобы сыграть на нём всеми десятью пальчиками*). Какие координаты? Я запишу.

НАЧАЛЬНИК. Очень простые: с. ш.: там, где ухохатывались, услышав про его голодовку; с. д.: там, где падали под стол от ржания, когда Пашка сказал, что она сухая.

СЕСТРИЧКА-1. Москва, что ли? А как же я... как же мы... Мы же бежим туда...

Мандельштам

Действующие лица

ДЕРСУУЗАЛА, сэр.
ХИЛЛАРИ, ЭДИК, его носильщик.
ЩУКИН, УКЛЕЙКИН, СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁД-
КИНА-МЛ. и И ДР., местные.

Первая страница

Дерсуузала и Хиллари, Эдик, едут на электричке в поход в город Мандельштам, о котором в основополагающем труде «Великие географические открытия сэра Дерсуузалы» сказано лишь то, что когда-то это белое пятно на картах Вселенной называлось Скотозагонском.

ДЕРСУУЗАЛА. И всё?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Представьте себе, сэр. Больше вы ничего не написали.

ДЕРСУУЗАЛА. Ай да я. А с другой стороны — оттого, верно, и взяли сюда билет, и вот уже полдня тащимся этим стремительным колёсно-рельсовым ходом, да, Эдик?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Вероятно, поэтому, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА (*потирая руки в предвкушении новых великих открытий*). Ха! Только что промелькнуло существо, похожее на нашу женщину, которое вышло из домика-чуть-не-на-рельсах и выплеснуло в соседнее окно что-то жидкое.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Наверное, хлеб-соль.

ДЕРСУУЗАЛА. Но почему не в нас?.. Когда уже прибываем?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Вот-вот. Мысленно я уже вижу толпы встречающих на перроне.

ДЕРСУУЗАЛА. Не слгась. (*Нервно спохватывается.*) Ну хорошо... так и быть: достань гид по городу и почитай мне вслух (я опять забыл дома очки), что там и как. Нельзя же совсем без подготовки. Вдруг там другое ускорение свободного падения...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*снимает с полки рюкзак, копается в нём, находит искомую брошюру*). Есть, сэр. Читаю, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА (*передразнивает*). «Читаю, сэр». Не так, а с упоением, Эдик.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*читает с упоением*). «В городе с загадочным названием Мандельштам (который местные называют Манделем), за границы которого можно ускользнуть только несомым вперёд ногами на носилках, запряжённых в четырёх людей-мулов, которых пустят назад, если они согласятся, что их повесят на городской площади в любой момент в течение четырёх последующих лет, о чём известит лототрон, работающий сам по себе, когда в него попадает молния...

ДЕРСУУЗАЛА. Господи, и мы туда прёмся?..

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. ...в городе Мандельштам то очень, очень густой, то очень, очень разреженный воздух. Густой, как бурьян, воздух, который, кажется, можно пропалывать, чтобы потом пускать в пищу, заполняет все пустоты М.-пространства на уровне второго этажа и выше, вплоть до (это не точно) экзосферы. А разреженный — густо стелется по красивым уличным ухабам, ко второму этажу упираясь в густой. Животворной насыщенности местный воздух достигает на высоте 2 м 25 см, которая позволяет дышать в режиме «не на ладан», несмотря на свой своеобразный запах, поэтому все мандельштамцы, включая стариков и грудных детей на руках матерей, а) выходя на улицу, имеют один и тот же рост, и б) спят, как дети на кроватях, отстоящих от пола на указанную высоту. Оба доминирующих в М. воздуха, по словам Дерсуузала, видного исследователя белых пятен и пржевальских лошадей...

ДЕРСУУЗАЛА. По моим словам?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*пожимает плечами*). Так написано.

ДЕРСУУЗАЛА. Проходимцы. Лишь бы примазаться. Но почему я «видный»?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. ...изобретательно разряжены...

ДЕРСУУЗАЛА. То есть?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. ...то есть очень, очень нарядно одеты: вся М.-атмосфера, вне зависимости от её плотности, украшена цветастыми картонными птицами, на которых написаны лозунги к местным праздникам, и людьми в прощальных цветистых одеждах, чаще парах, которые собирались упорхнуть, но были остановлены и так с тех пор и висят, источая на М. немой укор: типа, даже не думайте, средствá имеются, и они на страже, и те, кто сидит за средствáми, уж всяко дышат из кислородного баллона полной детской, женской или мужской грудью, ибо им — положено: положено и предписано нажимать на меткие кнопки вальдшнеп-средств стремительно и без слёз на тоскливых зелёных глазах. Сытный воздух из баллона для следящих за густовоздушным пространством над городом, и чёрная икра, завались чёрной икры, чёрная икра на разрезанных вдоль багетах, — для всех остальных. Такова коренная особенность Мандельштама (в отличие, кстати, от Гумилёва, города, в который попадает несомый вперёд ногами: в нём нет чёрной икры, но есть икра красная, завались красной, на разрезанных поперёк ещё тёплых распариженных багетах, дабы местные, похоже задыхаясь на очень, очень скудном пайковом воздухе, тоже жрали отменно и от пуза). Вам это по душе или дико любопытно? — электричка в Мандельштам иногда отходит с Концертного вокзала и чешет уверенно и по рельсам! Вернутся не все, но путешествие того стоит! Кстати: знаете ли вы, что у всех жителей М., судя по надгробным памятникам, рыбы фамилии, а читать только что написанный вами стишок первому встречному запрещено под страхом самоубийства?» Конец первой страницы.

ДЕРСУУЗАЛА. Захватывающе. А почему «вернутся не все»?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Может, приехав рожать, они захотят остаться?

ДЕРСУУЗАЛА. Будем на это надеяться.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Мы рожать едем, сэр?

ДЕРСУУЗАЛА. Не думаю. Это я так сказал. Чтобы беду отвести.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Словами?

ДЕРСУУЗАЛА. Не руками же... Мы хорошо вооружены, Эдик?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Ледоруб и три «макаровых»: один на спине за поясом, другой в кармане галифе, а третий в руках. Видите?

ДЕРСУУЗАЛА. Вот видишь. И руками сумеем...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Прибыли, сэр. Конечная.

ДЕРСУУЗАЛА. Не шути так, Эдик.

На платформе желдорвокзала Мандельштама, словно коршуны, перекликаясь цепкими недетскими взглядами, топчутся высоченные местные: Щукин, Селёдкина и Селёдкина-мл.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. На каблуках они, что ли...

ДЕРСУУЗАЛА. Мужик — на ходулях.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Откуда знаете?

ДЕРСУУЗАЛА. Мужик же.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А дамы?

ДЕРСУУЗАЛА. А дамы, наверное, на каблуках.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. И как они в футбол играют... Сэр, в вас же не два двадцать пять?

ДЕРСУУЗАЛА. Увы.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Тогда придётся помочь дыханию. Из какого баллона намерены там (показывает за окно вагона) дышать?

ДЕРСУУЗАЛА. А какие есть?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. В кроваво-красных баллонах воздуха самая малость, как на медленно подышающей затонувшей подлодке, и это то и так, чем дышат в этом городе-герое,

когда не допрыгивают до двух двадцати пяти. В жёлтых с чёрными полосами — тоже воздух Мандельштама, но его чуть больше, как на двух метрах двадцати пяти сантиметрах от уровня океана. В баллонах цвета вымени — та же песня, но только с говённой атмосферой Гумилёва, города-побратима.

ДЕРСУУЗАЛА. Не ругайся, Эдик.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Как не ругаться, сэр: они же там дзержинским дышат.

ДЕРСУУЗАЛА. Надеюсь, разведённым?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Надейтесь, сэр, но не очень сильно. А голубые баллоны содержат кусочки воздуха с вершины Эвереста, они чистые-чистые, прозрачные-прозрачные, но их крохи.

ДЕРСУУЗАЛА. Отличный подбор, Эдик.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Спасибо, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА. Что же, хочу и буду дышать паскудным гумилёвским воздухом.

Вторая страница

Дерсуузала и Хиллари, Эдик, надевают носовые катетеры и выходят из вагона.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Да вы гусар, сэр. Чем это пахнет?

ДЕРСУУЗАЛА. У меня лёгким дзержинским. *(Вынимает катетер.)* А теперь мясокомбинатом. *(Надевает катетер.)* Только это другое мясо...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. «Другое мясо», сэр?

ДЕРСУУЗАЛА. Не то, к которому привыкли мы.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Не снежных барсов?

ДЕРСУУЗАЛА. Снежных баб.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Значит, про «чёрную икру» в путеводителе не наврали...

ЩУКИН *(подходит к Дерсуузале и Хиллари, Эдику, и, сильно согнувшись, лезет обниматься. Приехавшие обниматься не спешат, отстраняются)*. Давно вас жду, ребята. *(Как и*

все тут, говорит задышливой скороговоркой, экономя всё, что ему spolна отведено при рождении в кольчужной руба-шоночке: время жизни, воздух, слова, чувства.) Здрасьте, я Щукин, ваш коммерческий сопровождающий от, допустим, горкомандования. Конечно, можно отделаться от вас этой рябщей бумажкой (показывает уже знакомый нам туристический буклет), но лучше я сам скажу (только дайте сначала дыхнуть ваших воздухов... только начальству не говорите, что я просил... впрочем, у меня на груди пишу-щая видеодрянь, поэтому начальство всё равно узнает, но закроет глаза, потому что я лучший, другого такого агента тут не найти и ещё поискать), это важно сказать: добро пожаловать в Мандельштам, дорогие китайские гости.

ДЕРСУУЗАЛА. Да какие мы китайцы... (Даёт дыхнуть Щукину из своего баллона.)

ЩУКИН. А мне всё равно. (Подышав из баллона Дерсуузала.) Боже, как прелестен, как сладок заграничный воздух... Зовите меня мусью: «Эй, мусью, мы задыхаемся, можно отключиться от баллона и глотнуть аутентичной атмосферки?», «Слышь, мусью, мы проголодались, пошли уже трескать вашу знаменитую чёрную икру». И так далее.

ДЕРСУУЗАЛА. Алё, мусью, что за дела у вас с воздухом? Почему дышать этой дрянью полной грудью можно, лишь встав на ходули?

ЩУКИН. Ходули? Какие ещё ходули? Первый раз слышу это слово. Я просто очень, очень высокий. У меня мама знаете какие выдающиеся трёхочковые клала... Ответ на ваш вопрос, сэр, приведён на второй странице путеводителя по Манделю, но вы вряд ли читаете по-нашему, поэтому я перескажу. Ага?

ДЕРСУУЗАЛА. Будьте любезны, голубчик.

ЩУКИН. Так было не всегда. Как выяснилось из летописей, мы буйные, нам хочется всего, сразу и ещё и ещё, а больше нам ничего не хочется. Если мы замечали на горизонте чужой город, то немедленно нападали на него, чтобы перебить всех местных и присоединить его к Манделю. Если на нашем пути встречался вишнёвый, простите, сад,

мы превращали его в отхожее место. Если кому-то из нас не улыбнулся сосед или улыбнулась жена друга детства, кто-то из нас доносил на соседа, чтобы больше не огорчаться, если тебе не улыбнулись, или «заказывал» друга детства, чтобы сойтись со вдовой. И все эти поведенческие, простите, паттерны тут же становились нормой: так начинали поступать все. В конце концов, в Манделе осталась горстка жителей, которая перегрызлась, прежде чем решить, как жить дальше. И как же поступила горстка? — захватив в плен сотню дам из соседнего Гумилёва, который тогда назывался Бьдлоградом, горстка расплодилась, произвела себя в римские правители и, чтобы усмирить нрав размножившихся горожан, разделила воздух на верхний небесный (который в голоду можно резать финским ножом и есть, но жажды дыхания он не утоляет) и нижний пайковый (которым, если честно, трудно надыхаться даже готовой ко всему тихоходке)... Сэр, дайте скорее подышать вашего (*ему дают подышать из гумилёвского баллона*)... Господи, дышат же люди!.. Но мы нашлись: несколько наших поколений подпрыгивало, чтобы нащупать животворную струю. Так была открыта целительная высота 2 м 25 см, после чего все мы резко пошли в рост в результате естественного отбора.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. То есть это не ходули?

ЩУКИН. Ну какие ходули, о чём вы...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А женщины на каблуках?

ЩУКИН. А женщины на каблуках.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Доходящих до 75 см?

ЩУКИН. Доходящих до 75 см.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. И ног не ломают?

ЩУКИН. У нас очень, очень хорошая медицина нижних конечностей.

ДЕРСУУЗАЛА. А командование тоже «подросло»?

ЩУКИН. А римские вожди живут вдали и, как встарь, дышат полной грудью, чтобы оставаться буйными, а всем остальным рубить правую ногу, если воздух сверх положенного пайка уворован правой ногой, и левую — если левой. И так далее.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. То есть за ходули рубят ноги?

ЩУКИН. Ну какие, право, ходули... Во мне два двадцать семь, и мне приходится нагибаться, чтобы...

ДЕРСУУЗАЛА. Любезный, секундочку. Я — сэр и выдающийся исследователь. Можно поподробней про правую и левую ноги? Мне это нужно для закрашивания белого пятна и новой монографии о пржевальской лошади.

ЩУКИН. Дайте подышать вашим воздухом.

ДЕРСУУЗАЛА. Нате.

ЩУКИН (*дышит и не может нарадоваться*). Если не выдышите весь баллончик, может, уезжая, оставите его... мне?

ДЕРСУУЗАЛА. Слово географа.

ЩУКИН. Ходули, ходули. Разумеется, ходули. Конечно же, ходули. Не очень высокие, но они.

ДЕРСУУЗАЛА. И?

ЩУКИН. И если толчковая нога правая — то, застукав на ходулях, рубят правую; если левая — левую.

ДЕРСУУЗАЛА. «Толчковая»?

ЩУКИН. Вы как дитя, профессор: казаков, которые разьежжуют на высоченных лошадях...

ДЕРСУУЗАЛА. Пржевальского? Не зря я сюда притащился!

ЩУКИН. Да не знаю я. Казаки гоняются за нами на лошадях баскетбольного роста, чтобы самим дышать вволю на двух двадцати пяти, а нас бить и, если получится, убивать. Ну а мы отбиваемся. (*Обращается к Хиллари, Эдику.*) Чем мы отбиваемся, парень?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Ногами?

ЩУКИН. Профессор, он соображает. Правой или левой.

ДЕРСУУЗАЛА. А... Наконец-то понял. До меня только теперь дошло.

ЩУКИН. Дыхну вашего?

ДЕРСУУЗАЛА. Пожалуйста. Разрешаю подольше... И что же, добрый человек, ваш род теперь не буйный?

ЩУКИН. Теперь, когда мы ниже двух двадцати пяти, мы покладистые и видный туристический центр, в котором давятся, но пьют, пьют, но давятся кофе, который варят на сгущённом молоке.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А в путеводителе о кофе ни слова.

ЩУКИН. Это недавнее изобретение, ибо у туристов от икры уже изжога.

ДЕРСУУЗАЛА. А что, дорогой мусью, воздушный паёк приличный?

ЩУКИН. Профессор, ну чего вы пристали... Выньте свою заграничную «соплю» и «подышите» с часик...

ДЕРСУУЗАЛА. И всё же?

ЩУКИН (*передразнивает*). «Приличные». «Неприличные»... Это видно по тому, как двигаются и разговаривают мандельштамцы, которые ещё не достигли двух двадцати пяти. (*Кричит.*) Пацан! Ползи сюда, чего дам, чего скажу! (*Мальчик долго озирается, чтобы понять, кому и кто кричит. Потом, догадавшись что кричат ему, садится на стул...*) Наши старые и мелкие выходят только со стульями. (*...чтобы отдохнуть перед ходьбой. Наконец, делает шагов десять и, кажется, намертво застывает на месте.*) Вы не стойте, не ждите, он больше не сможет, спуститесь к ребёнку, а я отсюда с ним поговорю, мне с моей длинноногостью не с руки гарцевать и брать препятствия. (*Гости города прыгают с платформы и подходят к мальчику. Щукин кричит.*) Профессор, дай ему подышать твоим воздухом. (*Дерсуузала делится с мальчиком воздухом из баллона.*) Спасибо, профессор... Профессор, а можешь посадить его на плечи? (*Дерсуузала кивает.*)

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, ну-ка. Мальчик, ну-ка. (*Мальчик забирается на Хиллари, Эдика.*) Эдик, этого мало: пусть он постоит на твоих плечах. (*Хиллари, Эдик, и мальчик не против.*) Так лучше, дитя? (*Мальчик показывает большой палец.*) Эдик, так теперь и будешь ходить.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Но, сэр...

ДЕРСУУЗАЛА. Ты хочешь, чтобы он задохнулся, и ты потом эмоционально страдал, а по возвращении явился с повинной?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Что вы, сэр.

ЩУКИН. Если приделать к плечам вашего парня деревянный помостик, мальчик сможет поставить на него стул

и плюхнуться в него. Я знаю одного дешёвого плотника, профессор. Соглашайся.

ДЕРСУУЗАЛА. Да ничего, мусью, это лишь на время экскурсии. Мы воздержимся.

ЩУКИН. Профессор, и это, заметь, ещё очень живой мальчик. Мальчик, ты из каких?

МАЛЬЧИК. Чиво?

ЩУКИН. Твоё фамилиё?

МАЛЬЧИК. Уклейкин... А мама была Белугиной-Карасёвой.

ЩУКИН. Это не её ли дед пытался взять Гумилёв с одной ротой, надышавшейся ацетона?

МАЛЬЧИК. Её. Щукин, у тебя закурить есть? Хочу покурить на воздухе.

ЩУКИН. Нету. Попроси у этих.

МАЛЬЧИК. Стесняюсь. Иностранцы. Что они о нас думают...

ЩУКИН. Профессор, ты же не куришь?

ДЕРСУУЗАЛА. Ещё чего.

МАЛЬЧИК. Я слышал, Щукин. Печалька. Ну хоть подышу. Спасибо тебе, Щукин, за заботу.

ЩУКИН. Профессор, ну разве может такой зарезать твоего носильщика или оккупировать Гумилёв?

ДЕРСУУЗАЛА. А разве нет?

ЩУКИН. Куда ему. Но про воздушный паёк ты больше не спрашивай, ладно? Это военная тайна. Мальчик, не забывай улыбаться.

ДЕРСУУЗАЛА. А если он задыхается?

ЩУКИН. Тем более. Мальчик! Уклейкин! Я что тебе сказал: улыбайся. Не то позову казаков.

МАЛЬЧИК. А я скажу им, что ты на ходулях.

ЩУКИН. Не посмеешь. Я тебя на плечи вот этого вознёс.

МАЛЬЧИК. Не навсегда же.

ЩУКИН. К сожалению.

МАЛЬЧИК. А сам ты что-то не улыбаешься.

ЩУКИН. Так я же на ходулях, а не ногах.

МАЛЬЧИК. Ты и на ногах — я за тобой давно наблюдаю, — не очень-то щеришься, Щукин.

ЩУКИН. А потом я же работаю. Некогда мне лыбиться, Уклейкин. Мне этих надо на деньги раскрутить.

МАЛЬЧИК. Понимаю тебя, Щукин.

ЩУКИН. Дядя Щукин.

МАЛЬЧИК. Какой ты мне дядя, Щукин...

Звучит пионерский горн, и всё, даже поезда, проносящиеся мимо, останавливается. После короткого, но заковыристого трубного сигнала красивый, но раздражающе назойливый женский голос разглагольствует с придыханием: «Внимание, жители Мандельштама. Вот и наступила очередная пятиминутка недыхания им. Чапая. Недыхания, а не дыхания. Чувствуете разницу?..

ДЕРСУУЗАЛА. Чувствуем!.. Ой. Как часто это бывает, мусью?

ЩУКИН. Раз в час, профессор. А в особые дни — много, много чаще.

ДЕРСУУЗАЛА. Что за «особые дни»?

ЩУКИН. Потом, потом.

ДЕРСУУЗАЛА. Мусью, нам тоже надо?..

...гости города могут не дышать по желанию. Данная пятиминутка посвящена доблестным римским воинам, названным их мамами Луцием, Тиберием, Октавием, Антонием и Марцеллом, которые (не мамы, но воины) героически погибли при отражении восстания инородного смутьяна, вора и проходимца по кличке Спартак. Всем улыбаться в память о перечисленных защитниках, которым залили рот свинцом, только бы они не могли дышать воздухом и духом нашего города и выкрикивать: «Ура». Пятиминутка недыхания вот-вот начнётся. Как долго надо не дышать в секундочках, жители Манделя?..

ЩУКИН, МАЛЬЧИК и др. (*хором*). Триста секундочек!

...молодцы, какие же вы молодцы: ровно триста «раз — й», триста стремительных секундочек. Смерть Спартаку!..

ЩУКИН, МАЛЬЧИК и др. (хором). Смерть Спартаку!

...Воздух, который вы сейчас не вдохнёте, пойдёт на премиальное дыхание потомков павших римских воинов, поэтому, если сможете, не дышите не пять минут, а шесть, или семь, или все восемь. Спасибо. Отсчёт пошёл. Начали не дышать! Нет, погодите. Что будет за дыхание во время пятиминутки недыхания?

ЩУКИН, МАЛЬЧИК и др. (хором). Кирдык!

...точняк: кирдык. И не забывайте улыбаться. Неулыбчивым тоже достанется. Начали не дышать».

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, вы не дышите?

ДЕРСУУЗАЛА. Нет желания, Эдик.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. У меня тоже. Сэр, когда она заголосила, мне на секундочку показалось, что мы не в Манделе, а в компьютерной игре, и, если произнести чит-код, можно дышать, не боясь последующего кирдыка.

ДЕРСУУЗАЛА. Какой ещё чит-код... о чём ты, Эдик? Стой смирно и помалкивай. Казаки не будут разбираться...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Мальчик, эй, мальчик, Уклейкин, ты не дышишь?

МАЛЬЧИК (не раскрывая рта). Угу.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Хочешь подышать, пока все загибаются?

МАЛЬЧИК (не раскрывая рта). Угу.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Тогда произнеси... я не знаю... хотя бы вот это: LIPZUBEN.

МАЛЬЧИК (не раскрывая рта). LIPZUBEN.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Задышал, не боясь кирдыка?

МАЛЬЧИК (не раскрывая рта). Не-а.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Гм-м-м. Попробуй другой код: VOXPUIBR.

МАЛЬЧИК (не раскрывая рта). VOXPUIBR.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. И как?

МАЛЬЧИК. Дышу... дышу и не боюсь! Спасибоочки.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Не за что. Может, теперь и с плеч спустишься?

МАЛЬЧИК. А можно?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Мне кажется, пора. С таким-то кодом.

МАЛЬЧИК (*спрыгнув на землю*). И тут тоже дышу... и тоже не боюсь! Мерси, дядя.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. И как внизу дышится после «вокс-пуибра»?

МАЛЬЧИК. Очень неплохо дышится! Почти как наверху!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Но это только на пять минут.

МАЛЬЧИК (*огорчённо, обиженно*). Только на пять?!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Да. А вы, мусью, не хотите? (*Щукин отрицательно мотает головой*.) Напрасно, мусью.

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, а кода, чтобы не дышать без ущерба для здоровья, нет?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Попробуйте SOMEBODYTOLOVE, сэр. Но с выражением.

ДЕРСУУЗАЛА (*не раскрывая рта*). По буквам или целиком?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Целиком, но без акцента.

ДЕРСУУЗАЛА (*не раскрывая рта, но с выражением и без акцента*). SOMEBODYTOLOVE.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Получилось?

ДЕРСУУЗАЛА (*не раскрывая рта*). Угу.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. На здоровье, сэр. Не хотите ли пройти к реке, чтобы надёжнее убедиться, что вы не дышите, чтобы не подышать в воде? Она рядом, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА (*не раскрывая рта*). Не-а.

Третья страница

Звучит горн. Вещает тот же женский голос: «Знаете, сколько секунд осталось до конца пятиминутки? Три! Две! Одна! Конец недыхания. Следующая пятиминутка будет посвящена товарищу Манделе, которому перекрыли кислород на 27 лет. А он ничего, он, в отличие от вас, сволочи, справился. Всем — спасибо».

ДЕРСУУЗАЛА, ЩУКИН, МАЛЬЧИК и др. (*хором*). Не за что!

ДЕРСУУЗАЛА. Это было приятно... Мусью! Вы обещали рассказать.

ЩУКИН. Дай отдышаться, профессор...

ДЕРСУУЗАЛА. Простите.

ЩУКИН. Прощаю... Дай дыхнуть из баллона... Ага. Вкусно. Дай немного валюты. (*Дерсуузала съёт ему купюру.*) А можно весь кошелёк?

ДЕРСУУЗАЛА. Нельзя. Не обижайтесь, Щукин, — спрашиваю как учёный: это вы, подышав, проявляете то самое буйство?

ЩУКИН. Наверное. Нельзя, так нельзя... Эдик, открой гид на третьей странице и приобщи профессора к знанию.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*читает с упоением*). «Ещё одна уникальная традиция Мандельштама — проходящие каждый божий час, даже полярной ночью, пятиминутки недыхания, которые посвящены тем или иным дерзновенным событиям в истории города-героя. Начало традиции положено в день позорной гибели подлого инородца Челубея в поединке на пистолетах Макарова с прославленным комдивом Чапаевым. Как известно, Чапай прекрасно плавал в реке Урал даже после ранения в руку и (особенно) в затылочную часть удалой головы. Даже прекратив дышать, он, предположительно, легко мог добраться вплавь не только до противоположного берега, но и до места слияния Непрядвы и Дона, где в тот момент затевалась Куликовская битва, которой предшествовал упомянутый поединок. Но случилась лёгкая беда: вынырнув из Непрядвы, Василий Иванович угодил под подлую пулю негодяя Челубея, что не помешало увенчанному славой комдиву затаиться на дне реки, чтобы потом, когда поганец Челубей потеряет бдительность и встанет во весь рост, всплыть и засадить гаду прямо между раскосых и жадных очей, что и было успешно исполнено под аплодисменты как наших бойцов под командованием двух Ольгердовичей, так и супостатов из жалкого войска стервеца Мамаю, после чего разбить ордынских инородцев

на голову было делом техники. Как указывают летописи, перед решающим выстрелом Чапай не дышал в ледяной воде Непрядвы целых двадцать пять минут, а воздух, который после этого нырка попал в его молодецкие лёгкие, был воистину живительным и судьбоносным.

Первая пятиминутка недыхания имени Чапая под страхом вечного недыхания через повешение была десятиминутной, но многие погибли, так и не сделав меткого выстрела по мишени, и командование города уменьшило её продолжительность сначала до девяти, потом до восьми, затем до семи, потом до шести и, наконец, до каких-то пяти минут, которые по силам всем и каждому, потому что не все могут быть Чапаями, но каждый должен уметь не дышать столько, сколько потребует родина, что, конечно, многим не нравится, потому что многие готовы не дышать вовсе, как Чапай, или даже дольше, чтобы, вынырнув, засадить между глаз тому, кому надо. «Как такое возможно?» — спросите вы. А как возможно не стать рыбой, если это надо для общего дела, так, как это сделал однажды Чапай?!

Ежечасные тематические пятиминутки вдохновенного недыхания — прекрасный способ проверки горожан на вшивость, которого, впрочем, мало, когда город, памятуя о воинах, которые не имея противогазов Зелинского-Кумманта, перестали дышать во славу нашего Мандельштама во время битв при Нев-Шапель, Болимове, у Ипра и, конечно, в ходе газовой резни защитников крепости Осовец, хочет и проводит пятиминутки каждые четверть часа.

Кстати: знаете ли вы, с какой вдруг радости жители Мандельштама имеют исключительно рыбные фамилии? Подумайте. Подумайте ещё раз. Подумайте ещё раз и получше, чтобы получить заветное «отл.» и купон на право унести с собой из Мандельштама столько чёрной икры, сколько дадут. (Правильный ответ: Чапай!)» Конец третьей страницы.

ДЕРСУУЗАЛА. И вам это нравится?

ЩУКИН, МАЛЬЧИК (*воодушевлённым хором*). Очень!

ДЕРСУУЗАЛА. Чем же?

ЩУКИН, МАЛЬЧИК (*воодушевлённым хором*). Всем!

ДЕРСУУЗАЛА. Не понимаю.

ЩУКИН. Профессор, ты в туалет ходишь?

ДЕРСУУЗАЛА. Конечно.

ЩУКИН. Тебе это нравится?

ДЕРСУУЗАЛА. Ну... очень.

ЩУКИН. Чем же?

ДЕРСУУЗАЛА. Ну... всем.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, они хотят сказать...

ДЕРСУУЗАЛА. Да понял я, Эдик. Сам сообразил...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, мне кушаньки хочется.

ДЕРСУУЗАЛА. Щукин, можно воспользоваться цитатой из вас?

ЩУКИН. Чиво?

ДЕРСУУЗАЛА. «Слышь, мусью, мы проголодались, пошли уже трескать вашу знаменитую чёрную икру».

ЩУКИН. А можно мне несколько ваших купюр?

ДЕРСУУЗАЛА (*протягивает ему деньги*). Пожалуйста.

ЩУКИН. Настоящие?

ДЕРСУУЗАЛА. Гм.

ЩУКИН. Я не шучу, профессор.

ДЕРСУУЗАЛА. Ну конечно, настоящие, Щукин, дорогой.

ЩУКИН. Вам — верю. А чаевые?

ДЕРСУУЗАЛА. Простите, мусью. (*Протягивает ему ещё одну купюру.*) А на что вы их тут тратите, милый Щукин?

ЩУКИН (*смущённо*). Копим.

ДЕРСУУЗАЛА. На что?

ЩУКИН. Ну мало ли... На корову... На чернила, гусиные перья, бумагу...

ДЕРСУУЗАЛА. Чиво?!

ЩУКИН (*оглядываясь, тихо, почти шепча*). Я кропаю.

ДЕРСУУЗАЛА. Вы — и кропаете?!

ЩУКИН. Тише вы, профессор. Кропаю. Как дурак. И ничего не могу с собой поделатъ. Дайте ещё пару ваших купюр, а? (*Дерсуузала заворуженно даёт не пару — три денешки.*) Хотите, я вам почитаю?

ДЕРСУУЗАЛА. А разве можно? Как же там... в красочном путеводителе... «под страхом самоубийства».

ЩУКИН. Так я старые почитаю. Да и вы не первый встречный: я в вас родного ощутил, профессор. Читать буду без энтузиазма, словно трывдеть с шапочным знакомым о туалетной бумаге... Только сделайте вид, что мы... о дожде, что ли, треплемся, ладно?

ДЕРСУУЗАЛА. Зонт раскрыть?

ЩУКИН. Зачем?

ДЕРСУУЗАЛА. Дождь же.

ЩУКИН. Когда он ещё будет. И будет ли вообще.

ДЕРСУУЗАЛА. Конечно, читайте, дорогой! А я, вы не обижайтесь, для конспирации буду чесаться, словно мне скучно, ужасно скучно, скучно до чесотки.

ЩУКИН. Это нисколько не обидит меня, профессор. Я знаю, что я любитель и графоман... Ладно (*собирается с силами*)... Только не смейтесь... Вы в стихах-то петрите?

ДЕРСУУЗАЛА. Ну как вам сказать... Я географ... Но стихи почитываю... почитывал, если точнее.

ЩУКИН. Скажете, если вызовет рвотный рефлекс?

ДЕРСУУЗАЛА. Чтобы вы рыдали потом?

ЩУКИН. Что я, мальчик, написавший девочке, которой не понравилось?

ДЕРСУУЗАЛА. Скажу, скажу. Давайте уже, Щукин. Только не долго. У моего носильщика кишка кишке бьёт по кумполу.

ЩУКИН. Чиво?

ДЕРСУУЗАЛА. Проголодался он.

ЩУКИН. Всего пять коротеньких. Это всё, что у меня есть (я почти старик, а это всё). Можно?

ДЕРСУУЗАЛА. Не больше пяти, пожалуйста. Сколько вам лет, кстати?

ЩУКИН. Двадцать один годок.

ДЕРСУУЗАЛА. Тогда всё ясно.

ЩУКИН. Ровно пять! Вы голодны! Спасибо!.. Всё, читаю!

Конфетки-бараночки

Сосёте? Вот и я уже сосу
и нахожу, что обаянья хлорки
недоставало сладостям и ў

чаёвников рождало диссонанс...
как это... когнитивный, не без ломки:
во рту и на губах — любовный станс,

а не во рту — куда как хорошо:
паршиво не во рту, и даже плоше.
Конфеты «Мандельштам», — и были ó
гнилых зубах забавны, как вопрос
Алёшки, сына: «Папа, я, подростки,
не сразу лягу в землю?» Хлорке грёз

хватает, и, посасывая «О.
Э. Мандельштама», в рот из общей ямы,
в которую ледового его
закинули, когда он отошёл,
перетекают вкус и фимиамы
загаженных штанов, суть недомол:

не может хлорка одолеть их тон,
в загаженных штанах такая сила.
А вот ещё сосалки: «Соломон
Михайлович Михóэлс», вкус коры,
размазанной полуторкою ЗИЛа
по Минску, резкий. Пробовали? и?

Это был первый, а теперь будет второй стишок.

Рафинад

Тягучей сахарной слюной
в глазастость, что ли, Мандельштама
плевать и гладить кровяной
рукою темя с швами шрама,
когда тягучая в его
раскрытый рот-глаза-закрыты
влетает. Вряд ли озорство,
хотя не без, но и акриды-
и-дикий-мёд пускай сглотнёт, —
у чая с камнем рафинада

не вкус, а небыль; недолёт
лижи, когда б мне было надо
слизать своё, я бы убил,
облизывай, а мне не жалко,
недоедаешь, что ли, хил,
как птичка, ибо? После свалка:
подмять Дельштама под себя,
сидеть на сердце, по бумажке
«Ты мастер, что ли?» — не вопя,
но чутко спрашивать, из чашки
вприкуску с рафинадом дуть
чифир, не сплю какие сутки,
пока у доходяги грудь
не ходуном, но ходит; шутки
о том, что лучше на лице
сидеть, смешны, но неуместны:
что если, что ли, Штам, в чтеце
расслышав мастера из бездны,
захочет огрызнуться, á.
Так пусть же мерно шепчет, что ли,
о рафинаде: «Рафинад (?).
Лизал бы — плюньте ж — до мозоли (?».

Это был второй, а теперь будет третий стишок. Но сначала дайте, пожалуйста, подышать...
ДЕРСУУЗАЛА. Натё.
ЩУКИН. Спасибо!

Странный мёд

Мы жидкие, пахучие, румяные:
по зёрнышку из макового мокро
колода пчёл, покуда не подмокло
и не расползся вкус, по Эмпедоклу,
разобрала меня. Сновали пьяные,

давали крюку и не в те фамилии
ломались и кормили чью-то мать,
что, в общем, хорошо: потом сыскать

через летучих, разносящих кладь,
несложно будет: я во всеобилии

найдусь: в летучей дневниковой записи:
«Пил странный мёд со вкусом Мандельштама
и цветом Мандельштама в яме хлама,
оставшегося семо и овамо
от класса насекомых. В этой трапезе

сначала на известном расстоянии,
потом уже во рту вились слова,
я выкричал их: тяжкая строфа
с дремучим смыслом давешнего шва
на левой стороне груди в дыхании

оставила настырность и из памяти
изгладилась. Опять я бессловесен
и глух с рожденья»; на поле, где тесен
был мир, меня — репёв, рабочих песен —
прибудет! Право, не переупрямите.

Это был третий, а теперь будет четвёртый стишок.

Желание коровы

Мандельштам цыганит на корову:
«Горсть монет, — и я переживу,
спрятавшись за... Много ли парного
подаёт корова наяву,
а не в чуде? Стану сеять травы,
травы собирать, сполна её
угощать былинками; оравы
их, травинок, вырастив: своё
на глухой поляне в дальнем лесе
уродится, расшибусь. Ладонь
за ладонью денежек, — и, грезя
выживаньем, протяну. Тихонь
с мёртвыми глазами в лесе дальнем
можно не бояться ждать пока?

Глушь с коровой — глупость: ожидальня
лучшего, бесхитрость, бегá...
И пиджак? Угодно ли? Угодно!
Вот теперь и впрямь перетопчусь
это время — или время года,
всё-таки безвременье и Русь.
И — великодушно извините,
если вдруг я вас переживу:
у эпохи всякий в кондуите,
Москвошвей рвёт в клочья не по шву».

Это был четвёртый, а теперь будет, как и обещал, пятый,
предпоследний, стишок.

ДЕРСУУЗАЛА (*в ужасе*). Предпоследний?!

ЩУКИН (*хохочет, как дитя*). Шучу. Последний.

Кроме снега

Мы замечали? Мы не замечали,
но некто к нам забрёл, и слово «пал»
(как жертвой, как в побоище вповал
в туман за город N, уже в начале

сражения, но прежде, увы, духом.
Но только снег) застыло на губах
и осыпáлось медленно, в шипах
ростков ледовых; впрочем, мы ни ухом:

привыкли, что ли, что ли, под покровом
покойно было: снег на плоскостях,
за шиворотом, пазухой, в горстях,
на Мандельштаме, на почти готовом

втором, картошке, «сыплется ль, попробуй»,
руке, которая тянулась под,
руке, что отводила руку от,
на ложноножках, двинутых амёбой,

во кариозном рту; но имьярёка
как будто кто-то дёрнул за язык:
«Июль уже, — он не проникся, вник: —
Вас ничего не держит — кроме снега»

Уф... Ох. Это был последний стишок. Как вам... многоуважаемый профессор?

ДЕРСУУЗАЛА. А у вас на бумажке нет? Я бы потом перечитал не раз, и моё мнение, возможно, было бы иным...

ЩУКИН. На бумажке нет.

ДЕРСУУЗАЛА. Тогда норм. Вы знаете, Щукин, крепкий такой, на мой географический взгляд, норм.

ЩУКИН. Не «хор.»?

ДЕРСУУЗАЛА. И норм этот — стопроцентный. Я, правда, географ и могу ошибаться... Вы же не расстроились? Только не бросайте это увлечение, ладно? Может быть, когда-нибудь будет совсем хорошо... А кто он, этот ваш Мандельштам?

ЩУКИН. А я знаю?.. Так, фантазирую... Мужик, что ли, какой... святой, картавит и не очень крепкий, но — кремень... Как только начинаю о нём думать, рука сразу тянется к гусиному перу... А ещё профессор... ты спрашивал, на что я трачу, помнишь?.. я коплю на FPV-дроны для битвы с гумилёвцами.

ДЕРСУУЗАЛА. Битва — потешная?

ЩУКИН. Почему? Настоящая. В кровь, в реку крови. Они нас каким-то газом травят... Травить нас газом!.. А мы их головы потом на копья надеваем.

ДЕРСУУЗАЛА. Так они же ваши побратимы!

ЩУКИН. Только не в этот день. Травить нас газом!..

ДЕРСУУЗАЛА. А дыхалки для поножовщины хватает?

ЩУКИН. На время битвы воздух включают на полную. Хватает! Мы даже ходули не надеваем.

ДЕРСУУЗАЛА. И зачем всё это?

ЩУКИН. Не знаю. Тяга. Зов буйной крови... А после битвы по нашему ТВ целый год крутят.

ДЕРСУУЗАЛА. Вот зачем. С рекламой?

ЩУКИН. С бездной рекламы: десять минут рекламируют красную губную помаду, пятнадцать — кружевное нижнее бельё, и двадцать пять — галоперидол... Когда я нахожу себя на экране, то плюю в телевизор, чтобы попасть в своё озверение, густой и тягучей слюной на водке... А потом, когда прихожу в себя после помутнения, долго не могу оттереть важный бытовой прибор. Короче говоря, профессор, кроме прочего, твои красивые банкноты уходят на водку.

ДЕРСУУЗАЛА. И не у вас одного, Щукин.

ЩУКИН. Это признание, профессор?

ДЕРСУУЗАЛА. Хочу, чтобы вы знали, что вы не один.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Жрать-то пойдём, сэр?

ДЕРСУУЗАЛА. Ах, да. Мусью, вы с нами? Икорки поедим...

ЩУКИН. Нет, профессор. На этом я передаю тебя в другие цепкие руки. Только поосторожнее с ними: говорят, эти руки из Гумилёва... (*Кричит.*) Девочки, лохи — ваши. (*Пересчитывает добытые деньги.*) А я всё, я их вытряс. Прощайте, дорогие китайские гости.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Спасибо, Ерофейпалыч!

ЩУКИН (*обращается к Мальчику*). Уклейкин, ты свободен, отползай из кадра. А я за тобой...

Четвёртая страница

Стоящие на желдорплатформе девы Селёдкины машут Дерсуузале другими цепкими руками. Спрыгнувшие с платформы Дерсуузала и Хиллари, Эдик, отвечают тем же, но своими руками. Но с места никто не трогается. Девы Селёдкины делают книксены. «Китайские гости» кланяются. И снова никто ни тпру ни ну. Девы Селёдкины начинают раздеваться, пока до нижнего белья.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Бельё на вас, дамы, — завораживающее! А какие каблуки! Какие каблуки!!

СЕЛЁДКИНА. Не очень-то и высокие, потому что мы сами дылды... А вы почему не раздеваетесь, мальчики?

ДЕРСУУЗАЛА. И нам надо?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Ну раз уж вы начали попугайничать...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, раздеваться?

ДЕРСУУЗАЛА. С ума сошёл? На мне, может быть, кальсоны в дырочках, выкушенных молью.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Так давайте я заштопаю.

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, ты же супу хотел.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Совсем забыл. (*Обращается к Селёдкиным.*) А может, сначала пообедаем? Я, кстати, Эдик. А это — сэр Дерсуузала.

СЕЛЁДКИНА. Здравсьте, я — Тенцинг Селёдкина, а эта — Селёдкина Норгей.

ДЕРСУУЗАЛА, ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*хором*). Очень приятно.

СЕЛЁДКИНА. Пообедать мечтаете?

ДЕРСУУЗАЛА, ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*хором*). Очень.

СЕЛЁДКИНА. На то мы тут и поставлены. Тем и пробавляемся.

ДЕРСУУЗАЛА. Чем «тем»?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Обедками с дорогими китайскими гостями.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А вы сами голодные, дамы?

СЕЛЁДКИНА. Ужасно.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Так давайте же поедим где-нибудь без предисловий и знаков внимания.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. За чей счёт?

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, они нам нужны за столом?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А вам жалко, что ли? Может, они танец живота умеют.

ДЕРСУУЗАЛА (*показывает Селёдкиным кошелёк*). За мой.

СЕЛЁДКИНА. А о чаевых не забудете?

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, на моём горле ещё нет странгуляционных полос?

Селёдкины одеваются, снимают о-го-го какие каблуки, надевают шлёпанцы — и сразу сдают: спускаются с платформы не без помощи подскочившего Хиллари, Эдика. Селёдкина-мл. виснет на шее у Эдика и ни за что не хочет опадать

на землю, а просто Селёдкина, выглядящая ничуть не старше Селёдкиной-мл., заходит к Дерсуузале сзади и пытается запрыгнуть к нему на закорки. Дерсуузала, собиравшийся сказать Хиллари, Эдику: «Может, и её на плечи посадишь?», осекается, отстраняется, отскакивает. Ловчит, чтобы... что?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, даме без каблуков не дышится. Может, на плечи её посадите?

ДЕРСУУЗАЛА. Допустим. Но где гарантия, что она не захочет на них постоять?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Дамы, а зачем вы о-го-го-каблуки сняли?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. В каблуках в кубарэ не пускают. Казаков боятся.

ДЕРСУУЗАЛА. В «кубарэ»?

СЕЛЁДКИНА. В тошниловку.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. В «тошниловку»?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. В стекляшку.

ДЕРСУУЗАЛА. В «стекляшку»?

СЕЛЁДКИНА. В забегаловку.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. В «забегаловку»?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. В рюмочную.

ДЕРСУУЗАЛА. А мы идём в рюмочную?

СЕЛЁДКИНА. А куда же ещё?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. В ресторан.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. В «ресторан»?

ДЕРСУУЗАЛА. В кафе.

СЕЛЁДКИНА. В «кафе»?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. В столовку.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. В Манделе нет столовок, одни кубарэ.

СЕЛЁДКИНА (*обращается к Дерсуузале*). Не хочешь брать на спину, дай хотя бы подышать.

ДЕРСУУЗАЛА. Натё.

СЕЛЁДКИНА (*вдохнув раз, другой, двадцать пятый*). Подруга, ты тоже должна. (*Обращается к Дерсуузале.*) А ей дадите?

ДЕРСУУЗАЛА. Разумеется.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*надышавшись из баллона Дерсуузалы*). Господи, дом, милый дом.

СЕЛЁДКИНА. Ага.

ДЕРСУУЗАЛА. Выходит, вы и впрямь из...

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Тс-с-с.

СЕЛЁДКИНА. Умоляю, не продолжайте.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А чего такого?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Мандель нам завидует.

ДЕРСУУЗАЛА. Почему?

СЕЛЁДКИНА. Их душат скучно, по-простому, без ароматизатора...

СЕЛЁДКИНА-МЛ. ...а нас — с душком пороховых газов!

ДЕРСУУЗАЛА. И?

СЕЛЁДКИНА. И Мандель завидует.

ДЕРСУУЗАЛА. Ты чего-нибудь понял, Эдик?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Нет. Соображалки не хватает. Наверное, с голоду.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Так айда в кубарэ! Мы отведём вас в лучшее кубарэ! У нас в этом кубарэ на редкость знакомый повар!

ДЕРСУУЗАЛА. А чёрную икру там подают?

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Только её и подают!

ДЕРСУУЗАЛА, ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*хором*). Как же это хорошо: наестся досыта чёрной икры после долгого путешествия!

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Нашей ЗНАМЕНИТОЙ чёрной икры!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Стойте! Стойте, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА. Что такое, Эдик?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Гид по Манделю.

ДЕРСУУЗАЛА. Гид по городу Мандельштам, который (город, а не гид) начинает мне нравиться? И что с ним?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Он у меня в ушах, я же не только бумажный взял. И знаете, что он говорит на четвёртой странице...

ДЕРСУУЗАЛА. Нет, просвети.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*повторяет услышанное, передавая победные интонации аудиогида и удары в литавры после каждого предложения*). «Знаменитая чёрная икра Мандельштама ежедневно заманивает в город до двух-трёх дорогих гостей,

особенно китайских. Чёрной икрой в Мандельштаме принято называть любое блюдо, которое осталось в тошнيلовке на момент её посещения приезжими. Это могут быть пельмени из помятой перемороженной пачки “Сибирские мясные”, которые подогревали целый день, чтобы гости, особенно китайские, насладились ими горяченькими, или еда из банки “Завтрак туриста из говядины”, которую подогревали целый день, чтобы... Но чаще всего роль чёрной икры небезуспешно исполняет котлета из позавчерашнего белого хлеба и пожилых остатков фарша с макаронами, оставшимися с военных времён Империи, — да с такой зажигательной подливочкой, от которой воротят нос даже уличные собаки из самых паршивых...»

ДЕРСУУЗАЛА. Тенцинг, Норгей, это правда?

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). А чего такого? Жратва же. Какая разница, как она называется?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, там ещё впечатляюще о кофе на сгущёнке. Озвучить?

ДЕРСУУЗАЛА. Воспроизвести. Пить я тоже хочу.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. «Не так давно к чёрной икре прибавилось нечто и вовсе соблазнительное: невероятно бразильский кофе из ноу-хау-смеси овса, ржи, ячменя, желудей и одуванчиков в пору полётов, которую при вас помелют до мелкодисперсной пыли и сварят во вскрытой при вас же литровой жестяной банке сгущённого молока из Рогачёва®. В сочетании с чёрной икрой и некими сёстрами Селёдкиными...»

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Никакие мы не сёстры, это сценические псевдонимы!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. ...которые непременно разделят с вами трапезу, делая некие пассы, заставляющие вас думать, что бурда, которую вы, млея и блея, пьёте, — кофе “Бурбон Сантос”, завтрак, обед или ужин в Мандельштаме станут для вас самой желанной достопримечательностью, с которой не сравнится даже повешение на городской площади людей-мулов с их согласия в день, когда в лототрон ударит молния...» Конец четвёртой страницы.

ДЕРСУУЗАЛА. Вот теперь точно попробую.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Никаких таких пассов мы не делаем! Просто вежливо кушаем, умело пользуясь ножом и вилкой и притрагиваясь к кавалеру томной ножкой.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, поесть всё равно надо. Может, сходим, посмотрим?..

ДЕРСУУЗАЛА. Но у нас же оставались яйца вкрутую и соль...

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). У вас есть яйца вкрутую?! А можно попробовать?

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик, выдай сомнительным девушкам.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором*). Чего это мы сомнительные?!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Есть, сэр. (*Находит в багаже яйца и отдаёт Селёдкиным.*)

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором, жуя*). Боже мой, как вкусно, какое объедение... Это вам не наша чёрная икра...

ДЕРСУУЗАЛА. «Это вам не наша знаменитая чёрная икра».

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором, жуя*). Это вам не наша знаменитая чёрная икра.

ДЕРСУУЗАЛА. Ладно, в кубарэ, так в кубарэ.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором, жуя*). При условии, что вы нас понесёте. Это ещё одна достопримечательность Манделя: хорошеньких женщин тут носят на закорках.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Сэр, а наши хорошенькие?

Пятая страница

Дерсуузала, за спиной которого хохочет от счастья вызвавшаяся указывать путь Селёдкина, Хиллари, Эдик, несущий Селёдкину-мл., входят в кубарэ. За дальним столиком сидят Щукин и мальчик Уклейкин: увидев вошедших, они машут им: мол, давайте к нам. «Нет-нет, не беспокойтесь, мы как-нибудь сами», — передаёт им мимикой Эдик. За внушительным ближним столиком в форме спины с головой,

зажатой между ногами в галифе, на стульях в форме крупных лошадей сидят вусмерть пьяные люди в напоминающей что-то нехорошее чёрной форме, красиво, с солистом и хором, и проникновенно распеваящие A Whiter Shade of Pale: «We skipped the light fandango / turned cartwheels 'cross the floor / I was feeling kinda' seasick / the crowd called out for more / the room was humming harder / as the ceiling flew away / when we called out for another drink / the waiter brought a tray // and so it was that later / as a mirror told its tale / that her face at first just ghostly / turned a whiter shade of pale...» Официант усаживает посетителей в центре зала, подаёт меню, ждёт.

ДЕРСУУЗАЛА (*обращаясь к Селёдкиным, кивая затылком назад, туда, где сидят люди в форме*). Это и есть казаки? (*Селёдкины сдержанно кивают.*) (*Шёпотом.*) А этот чего ждёт? чаевых? (*Селёдкины показывают, что надо открыть меню в форме большого зёрнышка чёрной икры и выбрать блюда.*) Понял. (*Листает меню, бросает меню.*) Одна чёрная икра. Даже выбрать не из чего. (*Делает заказ.*) Половой, чёрной икры от пуза и вашего знаменитого кофе по две пинты нам и по три дамам в бокале в форме градири атомной электростанции. (*Официант шаркает ножкой, уходит и тут же приносит заказанное.*)

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*морщась от одного вида «чёрной икры»*). Сэр, что это?

ДЕРСУУЗАЛА. Дамы, что это?

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором, уже жуя*). Наша знаменитая чёрная икра!

ДЕРСУУЗАЛА. А если по правде?

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (*хором, продолжая жевать*). А если по чесноку (*шепчут*) — сосиски с имперских военных складов, вусмерть зажаренные на гриле. Но всё равно безумно вкусные. (*Обычным голосом, переходящим в довольное постанывание.*) Господи, как же хороша наша знаменитая чёрная икра! (*Всё кубарэ откликается припевом: «Воистину хороша!»*)

ДЕРСУУЗАЛА, ХИЛЛАРИ, ЭДИК (*хором*). Убедили: могу и даже готов откусить. (*Откусывают, радуются.*) Да нас теперь за уши от этой знаменитой чёрной икры не оттащишь!

Всё кубарэ откликается припевом: «Воистину не оттащишь!», после чего встаёт и несколько минут отплясывает лезгинку под жгучие хлопки в ладоши.

СЕЛЁДКИНА. Сэр, а я ведь влюбилась в вас.

ДЕРСУУЗАЛА (*удивлённо и чуть настороженно усмехаясь*). С первого взгляда?

СЕЛЁДКИНА. Вот как увидела вас, так сразу и подумала: «Наконец-то, Господи, ты послал мне избранника». А он — мне: «Не упусти его, Селёдкина. Он — выгодная партия. И: он будет прекрасным отцом ваших общих прекрасных детей».

ДЕРСУУЗАЛА (*смущённо*). Так и сказал?

СЕЛЁДКИНА. Дерсу, ты не мог бы отрезать кусочек чёрной икры и поднести его на вилке к моему рту, чтобы я взяла его нежными губами и утолила им голод?

ДЕРУУЗАЛА (*теряясь в эмоциях*). Мог бы. Нате.

СЕЛЁДКИНА. «Нате, дорогая Тенцинг».

ДЕРУУЗАЛА. Нате, дорогая Тенцинг.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Эдик, а я в тебя.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Что в меня?

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Втрескалась.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Это бывает.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. А ты... чувствуешь ко мне что-нибудь?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Честно? (*Селёдкина-мл. артистично и убедительно кивает, касаясь рукой руки Хиллари, Эдика.*) Честно-честно? Я бы с удовольствием оказался с тобой в одной постели.

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Чтобы что, Эдичек? (*Хиллари, Эдик, вместо ответа смущённо теревит вилкой кусок чёрной икры.*) Скажи это, мой мальчик.

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Чтобы...

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Чтобы наутро сбежать?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Ну что ты, Норгей... Чтобы...

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Чтобы ответить любовью на мою любовь?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Да. Да!

СЕЛЁДКИНА-МЛ. Ничего другого и не требуется, Эдик! Спасибо, Эдик, за крепкое ответное чувство! А теперь по-

корми меня с вилочки... Так у нас принято... Так у нас объясняются в любви... (Хиллари, Эдик, накаливает на вилку кусок чёрной икры и подносит его ко рту Селёдкиной-мл. «Горько!» — кричат все в кубарэ.) Эдик, это они так шутят.

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (хором). А теперь, мальчишки, кофе. Нет-нет, не просто так, а на брудершафт.

«Кофе! Кофе! Кофе!» — скандирует всё кубарэ. Испив кофе на брудершафт, Селёдкины обходят кричавших, вручая каждому по купюре. Их о чём-то спрашивают, и Селёдкины громко отвечают: «Нет, нет, обойдёмся без квитанции». Обойдя всех, они возвращаются за свой столик и синхронно целуют своих «ухажёров» в губы. Тут же к столику подсакивают И Др., совершенно трезвые казаки, три штуки.

И Др.-1 (обращаясь к Селёдкиным). Ну хоть сегодня мы вовремя?

СЕЛЁДКИНА, СЕЛЁДКИНА-МЛ. (хором). Сегодня вы молодцы, не проморгали.

И Др.-2 (обращаясь к Дерсуузале и Хиллари, Эдику). Поздравляю, теперь вы...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (прерывает И Др.-2). Сэр, я в ужасе: аудиогид по Мандельштаму, с которым я иногда советуюсь, открыл себя на пятой странице и... и... и...

И Др.-2 (обращаясь к Дерсуузале и Хиллари, Эдику). ...теперь вы, сэр, — законный супруг Селёдкиной, а вы, Эдик, — объелсягруш вот этой милой дамы, Селёдкиной-Мл...

ХИЛЛАРИ, ЭДИК (прерывает И Др.-2). ...и сообщил, что, по строгим местным законам... цитирую закон дословно: «Тот кто девушку завтракает, обедает или ужинает знаменитой чёрной икрой и кофе на сгущённом молоке в первом попавшемся кубарэ, тот отныне её супруг и повелитель»... Конец пятой страницы.

ДЕРСУУЗАЛА (взволнованно). Что, что значит «супруг и повелитель»?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. То и значит: мы теперь мужа этих (кивает на Селёдкиных).

И ДР.-3 (обращаясь к Дерсуузале и Хиллари, Эдику). ...о чём уже сделана соответствующая запись в Книге городской регистрации актов гражданского состояния граждан города Мандельштам. Вот она, убедитесь и разразитесь аплодисментами и поцелуями. (Показывает опешившим Дерсуузала и Хиллари, Эдику, Книгу.)

ДЕРСУУЗАЛА (обречённо). Обжалованию не подлежит?

И ДР.-1. Нет. Исключено. Об этом в законе есть специальная глава, называется «Нельзя-с».

ДЕРСУУЗАЛА (возмущённо). Но мы даже не граждане!

И ДР.-2. А вот и нет: супруги гражданок становятся гражданами Мандельштама автоматически.

ДЕРСУУЗАЛА (обречённо). А если я уже женат?

И ДР.-3. Никого не волнует.

И ДР.-1. Поздравляю молодожёнов! Качать их! (Всё кубарэ качает Дерсуузала и Хиллари, Эдика). Выше! Ещё выше! Туда, где есть воздух! А теперь сделайте вид, что не поймаете их! А сами — поймайте! Будет особенно весело!

СЕЛЁДКИНА. Дорогой! Сэр! Дерсу! Уже через девять месяцев у нас будет ребёнок, мальчик, у меня бывают только мальчики, которого мы... как назовём? Сэр, ты слышишь? Ответь же, Дерсу! Казаки хотят выпить за красивое имя будущего мандельштамчика!

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик! О каком мальчике она говорит? Я же к ней даже не притронулся!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Зато она, сэр, свою ногу на ваши положила. Я видел!

ДЕРСУУЗАЛА. Видел и не сказал?! Эдик! Почему мы отравились в эту экспедицию, не прочитав твою дурацкую книжку из уха?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. А я говорил вам, сэр: не надо спешить, путешествие будет трудным, надо подготовиться...

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик! Выходит, всё было предрешено твоим путеводителем заранее?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Да, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА. Эдик! А эта реактивная женитьба какая по счёту достопримечательность Манделя?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Отсутствие воздуха — раз. Пятиминутки — два. Рыбные фамилии — три. Знаменитая чёрная икра — четыре. Женитьба — пять. Пятая, сэр!

ДЕРСУУЗАЛА. И последняя?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. На сегодня?

ДЕРСУУЗАЛА. А отбиться от них нельзя? Где наши маузеры?

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Пистолеты Макарова?

ДЕРСУУЗАЛА. Макарова-Макарова!

ХИЛЛАРИ, ЭДИК. Где-то в ручной клади: бросил их туда, когда искал яйца.

ДЕРСУУЗАЛА (*кричит качающим*). Да поставьте вы нас уже вертикально! Надоело летать. (*Качающие слушаются*.) Вот спасибо. (*Обращается к Селёдкиной*.) Любимая, пошли домой? У нас есть дом? Я теперь тоже Селёдкин? (*К Дерсуузале подходит Щукин*.) А, Щукин. Чего вам, Щукин?

ЩУКИН. Сэр, во-первых, поздравляю с законным браком. Во-вторых, сэр, я стишок написал. Накатило — и написал. Купил бумаги на ваши купюры, гусиных перьев, чернил — и настроил. Хотите послушать?

ДЕРСУУЗАЛА. Щукин, вы уверены?

ЩУКИН. Как никогда, сэр.

ДЕРСУУЗАЛА. И самоубийства не боитесь?

ЩУКИН. Так вы же не донесёте.

ДЕРСУУЗАЛА. Я теперь Селёдкин, Щукин. Я теперь местный. Я теперь, кажется, на всё способен.

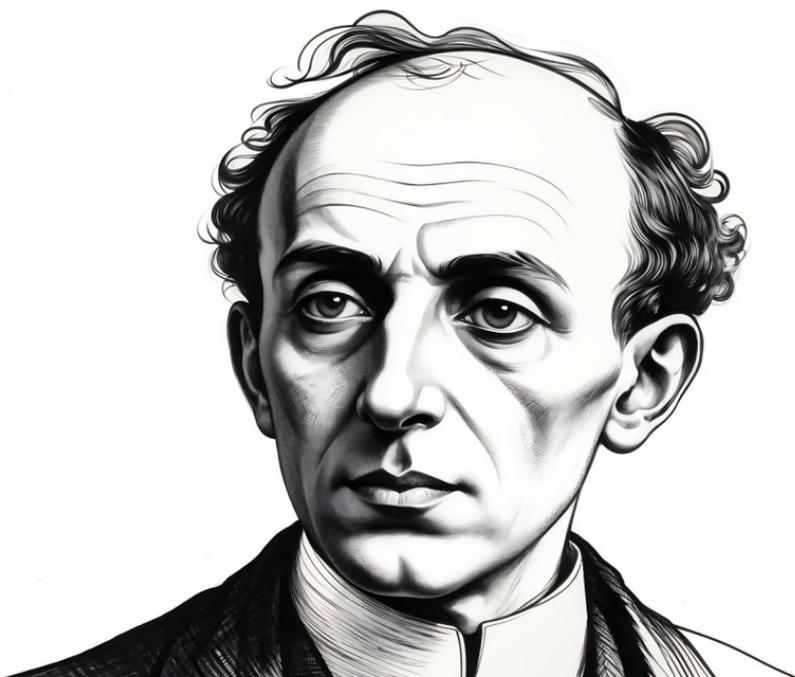
ЩУКИН. Сэр, только не сейчас. Пожалуйста.

ДЕРСУУЗАЛА. Не сейчас, Щукин. Сейчас не смогу. Вы правы, Щукин. Чешите свой стишок.

ЩУКИН (*откашлявшись*). Стишок, которому сейчас самое время. «Мандельштам». «Мандельштам» — это название стиха.

И яма даром, и за хлорку — рубль
за грузовик ворованных мешков,
в которых больше воздуха, и убыль
зимы на истощении ломов

заметна сразу: крédит тонок-звонок —
оттаяло, и лом не надо гнуть,
в мужском согнать шпионов, и шпионок
в соседнем, бабском, и уж как-нибудь
отроют не гектар, так хоть могилу
за пайку из тугого кулака,
лишь псов погода против ополчила:
погладывали изредка, слегка,
чем, были б разговорчивы, смутили
покойника, которому жаль кисть,
а ноги до колен не чахохбили,
отдал бы сам, спросили б если сгрызть;
и это, впрочем, лишние затраты:
котлеты псам с теплыни по снега.
— Враги, поторопитесь! *Moderato*
должно стать *presto*. Своего ж, врага,
закапываете. Уж сáдит мясом...
И это время, а оно — деньга.
— Всю мертвечину похороним разом!
В одну, к нему, *prestissimo*, ага?

Чик-чирик

Действующие лица и объекты

САПЕРЛИПОПЕТ, бог знает кто.

АКТРИСУЛЯ, некто.

КАКАЯ-ТО, неотразимая нянька Коли, которая ошиблась номером.

ДОСТАВЩИК ПИЦЦЫ, несколько штук.

ЗРИТЕЛИ, многочисленные.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ, белая дыра, в которую уходят, а потом ошибаются номером.

ОДИНОКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ, над окопными кроватями.

Действие первое им. фон Клаузевица,
происходящее в тумане

САПЕРЛИПОПЕТ. А свет ты выключил?

АКТРИСУЛЯ. А ты разве меня видишь?

САПЕРЛИПОПЕТ. При желании — легко.

АКТРИСУЛЯ. Потушил, потушил всё и лампочки везде вывернул, чтобы вдруг не зажглось и не выдало.

САПЕРЛИПОПЕТ. Чтобы не выдало что?

АКТРИСУЛЯ. Проверяешь? Нашу огневую точку.

САПЕРЛИПОПЕТ. А что такое эта наша точка?

АКТРИСУЛЯ. Опять эти нескончаемые экзамены... Почему я тебя не допрашиваю, а ты меня — с упорством П. Шилкина, младшего лейтенанта ГБ?.. Наша огневая точка — это, чёрт возьми, пулемёт Токарева в твоих античных руках и

бойко подаваемая мною тряпичная лента с патронами, которая (не лента, а точка) вышвыривает пулю с начальной скоростью 1 124,859 аршина в секунду.

САПЕРЛИПОПЕТ. Куда вышвыривает?

АКТРИСУЛЯ. Правильнее «не куда», а во что. Вышвыривает в цель поражения, которой служат...

САПЕРЛИПОПЕТ. Понял, понял. А девочки?

АКТРИСУЛЯ. А девочки в состав огневой точки не входят, поэтому никаких грязных оценочных суждений не будет: одни не откликнулись, то есть не пожелали, то есть манкировали, другие, прибыв, сдались, а третьи ретировались в белую дыру, откуда никто не возвращается.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ответ не точен: пока никто не возвращался. Но кто знает, кто знает...

АКТРИСУЛЯ. Ты считаешь, что спорадические звонки ушедших в дыру — признак их возможного возвращения?

САПЕРЛИПОПЕТ. Спешу напомнить, что эти (*передразнивает*) «спорадические звонки» поступают на деревянный телефон. Между прочим! На деревянный! На нём кнопочки и экранчик, но он из осины и выточен мною в редкие минуты отдыха на передовой. Что это, если не явный признак?

АКТРИСУЛЯ. Пусть на осиновый, но ведь ни о чём: они, эти знакомые женские голоса, ошибаются номером. Ты хоть раз слышал, чтобы к телефону попросили меня или тебя, назвав по имени, званию и специальности, которой мы посвятили себя, попав сюда? Эти вечные: «алё, это прачечная?», «Инецца, почему у тебя мужской голос?», «вы не могли бы сбегать к соседям и позвать Васеньку, а то у меня ответ не сходится» и «это служба точного времени, оставайтесь на линии пока на наступит полдень»...

САПЕРЛИПОПЕТ. «Полночь», в последний раз, когда я снял трубку, говорили «полночь»... Но, чтобы ты ни говорил, именно в такие минуты мне кристально ясно, что они вернутся и не с пустыми руками: они принесут лотерейные билеты!

АКТРИСУЛЯ. Те самые?

САПЕРЛИПОПЕТ. Конечно!

АКТРИСУЛЯ. А если нам опять не повезёт?

САПЕРЛИПОПЕТ. Сколько же можно! Мы тут в седьмой раз — да на тринадцатой рати.

АКТРИСУЛЯ. Принесут, и мы вытянем: ты — четырнадцатую, а я — восьмой.

САПЕРЛИПОПЕТ. Если опять вместе, я проглочу. Нет, всплакну, но ничего анафемского, ибо в конечном счёте всё будет хорошо: они вернутся ещё раз, и мы наконец-то вытянем желанные билеты...

АКТРИСУЛЯ. ...чтобы хотя бы оказаться в жёлтом доме...

САПЕРЛИПОПЕТ. ...хотя бы и без передних зубов...

АКТРИСУЛЯ. ...чтобы, когда меня позовут на телевидение в передачу «Они защищали родину, а теперь посмотрите, что с ними стало и творится», больно били током, когда я, забывшись, открою пасть на всю ширину, распевая «Вы жертвою пали в борьбе роковой», и зрители, ахнув от отвращения, переключатся на передачу «Анус: его предназначение и топ-25 лучших ласк»...

САПЕРЛИПОПЕТ. ...и чтобы я после очередного удара накинулся на ведущего и перегрыз последним коренным его зефирную глотку, натурально перегрыз, как в фильме ужасов «Апокалипсис сегодня», в прямом эфире перегрыз, перегрыз и так и не выплюнул ни ошмётки гортани, ни куски общей сонной артерии.

АКТРИСУЛЯ. Хорошо! Но кто нас заменит? Ты таких знаешь?

САПЕРЛИПОПЕТ. И знать не надо: они тоже засунут руку по локоть и вынут счастливые лотерейные билеты — только с другим выигрышем.

АКТРИСУЛЯ. Как у нас?

САПЕРЛИПОПЕТ. И с теми же номерами билета.

АКТРИСУЛЯ. Разве они не уникальны?

САПЕРЛИПОПЕТ. Конечно, уникальны: первый и второй.

АКТРИСУЛЯ. Кому-то достаётся билет №1, а кому-то билет №2?

САПЕРЛИПОПЕТ. Так точно.

АКТРИСУЛЯ. А почему нам всегда выпадает выигрыш билета №1?

САПЕРЛИПОПЕТ. А разве это не повод для гордости?

АКТРИСУЛЯ. Повод. Но не значит ли это, что в лотерее участвуют только двое?

САПЕРЛИПОПЕТ. У тебя что было по арифметике?

АКТРИСУЛЯ. Четверо?

САПЕРЛИПОПЕТ. Трое, лапоть. Нас же двое.

АКТРИСУЛЯ. Нас двое.

САПЕРЛИПОПЕТ. А третий...?

АКТРИСУЛЯ. Вытягивает билет с другим выигрышем.

САПЕРЛИПОПЕТ. И каков номер этого билета?

АКТРИСУЛЯ. №2?

САПЕРЛИПОПЕТ. Номер 2.

АКТРИСУЛЯ. Выходит, что в лотерее участвуют три билета: два с номером 1 и один с номером 2?

САПЕРЛИПОПЕТ. Выходит.

АКТРИСУЛЯ. Но, позволь, я щупаю, я всегда щупаю, прежде чем вынуть выигрышный билет. И вот что я нащупываю: там бездны билетов.

САПЕРЛИПОПЕТ. Бездны. Но с другими номерами.

АКТРИСУЛЯ. Это с какими же?

САПЕРЛИПОПЕТ. С третьим, четвёртым, пятым, шестым, седьмым, восьмым, девятым, десятым, одиннадцатым, двенадцатым, тринадцатым...

АКТРИСУЛЯ. Тринадцатый — несчастливый?

САПЕРЛИПОПЕТ. Скорее всего... С четырнадцатым, пятнадцатым, шестнадцатым, семнадцатым, восемнадцатым, девятнадцатым, двадцатым, двадцать первым, двадцать вторым, двадцать третьим, двадцать четвёртым, двадцать пятым...

АКТРИСУЛЯ. И какие у них выигрыши?

САПЕРЛИПОПЕТ. Один рубль, два рубля, три рубля, четыре рубля, пять рублей, шесть рублей, семь рублей, восемь рублей, девять рублей, десять рублей, одиннадцать рублей (напечатанных ради лотереи одной купюрой), двенадцать рублей, тринадцать рублей, четырнадцать рублей, пятнадцать рублей, шестнадцать рублей, семнадцать рублей, восемнадцать рублей, девятнадцать рублей, двадцать рублей,

двадцать один рубль (напечатан одной бумажкой с ярко-зелёной надписью «ОЧКО»), двадцать два рубля, двадцать три рубля, двадцать четыре рубля, двадцать пять рублей...

АКТРИСУЛЯ. Какие же это выигрыши!

САПЕРЛИПОПЕТ. И я о том же. По-настоящему выигранных билетов только три: два первых и второй.

АКТРИСУЛЯ. И мы, засунув руку, всё время выбираем два первых!

САПЕРЛИПОПЕТ. Ура!

АКТРИСУЛЯ. Да будет так! Но кто... выбирает нас, когда приходит время выбирать? Ну, чтобы выигрыши доставались нам, а не кому-то с улицы?

САПЕРЛИПОПЕТ. С какой улицы?

АКТРИСУЛЯ. Допустим, с Центральной лесной.

САПЕРЛИПОПЕТ. Меня — папа, а тебя — не знаю.

АКТРИСУЛЯ. Твой папа жив?!

САПЕРЛИПОПЕТ. С ума сошёл? Мой папа сдох.

АКТРИСУЛЯ. В муках?

САПЕРЛИПОПЕТ. Мух, надеюсь, хватало.

АКТРИСУЛЯ. Он выбирает тебя с того света?

САПЕРЛИПОПЕТ. Мой папа бил маму трезвым и по утрам, побрившись до синева и прочитав с лупой в газете «Известия» раздел «Некрологи». И я стал работающим, на всё готовым печником и истопником, который пальцем никого не тронул.

АКТРИСУЛЯ. Дрова? уголь? газ?

САПЕРЛИПОПЕТ. Всяко бывало.

АКТРИСУЛЯ. Я знаю места, которые ты отапливал?

САПЕРЛИПОПЕТ. Я не отапливал. Я жёг...

АКТРИСУЛЯ. Любовные письма?

САПЕРЛИПОПЕТ. Если они при них были. Только это вряд ли: обычно их раздевали, а пиджаки с письмами отдавали нуждающимся. А ещё я согревал.

АКТРИСУЛЯ. Чайник?

САПЕРЛИПОПЕТ. Птиц, которые летели мимо нашего предприятия на юг.

АКТРИСУЛЯ. И они долетали?

САПЕРЛИПОПЕТ. Наглотавшись нашего дыма?

АКТРИСУЛЯ. Что-то не так с дымом?

САПЕРЛИПОПЕТ. Дым — отличный, но цифры, написанные чернилами...

АКТРИСУЛЯ. Арабские или римские?

САПЕРЛИПОПЕТ. Конечно, римские. Цифры горят хуже всего, а потому, вырываясь на волю через наши трубы, они путали птиц: у тех сбивалась навигация, и они летели не на юг, а на Крайний Север. А некоторые вальдшнепы так и вовсе задумывались и кружили над трубами, смотря с укором в их тошнотворные жерла.

АКТРИСУЛЯ. Птиц тошнило?

САПЕРЛИПОПЕТ. Разумеется. Перхоть не сторает не хуже цифр. Зато теперь я первым из человечества тружусь на Той Стороне Луны. *(Поёт.)* Я получил эту роль, мне выпал счастливый билет!

АКТРИСУЛЯ. Почему это ты первый? Может быть, я первый, а ты второй.

САПЕРЛИПОПЕТ. Об этом — не будем. Оставим это истории. Пусть она хорошенько подумает и скажет, кем человечество будет гордиться больше: мною или тобой.

АКТРИСУЛЯ. Хорошо, пусть скажет... А моя мама была профи.

САПЕРЛИПОПЕТ. Небось, купались в рублях?

АКТРИСУЛЯ. После зарплат и премий — бывало: мама давала мне на крем-соду, и я, купив пять бутылок, тут же, возле магазина, выпивал их и, икая от наполненности жидкой радостью, валился — даже в ливень или метель — спать, не мешая маме забавлять её постоянных прихожан громкими капризными расспросами о том, кто из них мой папа. Всё это сделало из меня работающего, готового на всё следователя: я допрашивал, и допрашивал, и допрашивал. Одних гвоздей, наверное, грузовик перевёл...

САПЕРЛИПОПЕТ. Смешно: мне послышалось «следователь». А ты, оказывается, плотник. И за что же ты здесь, плотник?

АКТРИСУЛЯ. Можно заглянуть тебе в ухо?

САПЕРЛИПОПЕТ. Валяй (*подставляет ухо*).

АКТРИСУЛЯ (*кричит в ухо*). Я следователь. Следователь я.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не ори и извини за неуклюжую шутку.

АКТРИСУЛЯ. Я гвозди в руки вколачивал, чтобы не молчали.

САПЕРЛИПОПЕТ. Большие?

АКТРИСУЛЯ. Весь спектр.

САПЕРЛИПОПЕТ. И какие лучше?

АКТРИСУЛЯ. Любимчиков нет. Мелкие не легче. Посмотри на мои руки: у меня же все пальцы отбиты, половина пальцев живёт без ногтей.

САПЕРЛИПОПЕТ. Отчего так?

АКТРИСУЛЯ. Усталость, ибо отдавался делу со всей страстью.

САПЕРЛИПОПЕТ. А у меня ожоги.

АКТРИСУЛЯ. Так кочерга же.

САПЕРЛИПОПЕТ. А раж? а желание дать норму? Увлекался и не замечал, что сую их руками.

АКТРИСУЛЯ. И вот теперь я тут: на Другой Стороне Луны. Мне рассказали, что перед смертью мама поимённо перечислила гробовщику всех моих братьев и сестёр, но слово «горжусь» прошамкала только после моего имени.

САПЕРЛИПОПЕТ. Почему «Луны»?

АКТРИСУЛЯ. Мне сказали, что я на Луне.

САПЕРЛИПОПЕТ. Интересно девки пляшут. На Луне — я. А ты — с другой стороны Венеры. Меня уверяли в этом целых три допроса.

АКТРИСУЛЯ. С гвоздями?

САПЕРЛИПОПЕТ. Не без них.

АКТРИСУЛЯ. В руки, а руки к столу?

САПЕРЛИПОПЕТ. Столы быстро закончились. А новые они пожалели. К стенам.

АКТРИСУЛЯ. К стенам надо строительными гвоздями.

САПЕРЛИПОПЕТ. Они это знают.

АКТРИСУЛЯ. А в стопы?

САПЕРЛИПОПЕТ. Сразу сказали, что не станут, потому что я должен падать, а с прибитыми к полу стопами не очень-то и попадаешь.

АКТРИСУЛЯ. Это да — если прибавить к полу. А если к стене или потолку, да не особенно усердствуя...

САПЕРЛИПОПЕТ. Не на глубину, что ли?

АКТРИСУЛЯ. Не на глубину и обычными, а не анкерными гвоздями. Со временем клиент обязательно упадёт.

САПЕРЛИПОПЕТ. Значит они поленились.

АКТРИСУЛЯ. Или не было производственных условий.

САПЕРЛИПОПЕТ. Максимальная дальность стрельбы?

АКТРИСУЛЯ. Опять проверочка? А у меня от зубов отскакивает, не надейся: 2 812,148 аршина. Вот какая максимальная.

САПЕРЛИПОПЕТ. А теперь покажи им из окопа голову в каске. Только без глаз, один лоб.

АКТРИСУЛЯ. Знаю, знаю, по цвету глаз они могут понять, откуда мы, и принять исчерпывающие меры... Но почему я?

САПЕРЛИПОПЕТ. Потому что время и твоя очередь.

АКТРИСУЛЯ. Можно подумать, ты знаешь время и ведёшь учёт очереди.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ну а что ты мне сделаешь? Засадишь гвоздь в руку? А кто тогда будет потрясать пулемётом Токарева?

АКТРИСУЛЯ. Ладно. Показываю. Доволен?

САПЕРЛИПОПЕТ. Доложи о результате. Я ефрейтор.

АКТРИСУЛЯ. Товарищ ефрейтор, разрешите доложить.

САПЕРЛИПОПЕТ. Разрешаю. Докладывайте.

АКТРИСУЛЯ. Никто даже не стрельнул.

САПЕРЛИПОПЕТ. Почему?

АКТРИСУЛЯ. Полагаю, это затишье.

САПЕРЛИПОПЕТ. Из чего следует это вздорное умозаключение?

АКТРИСУЛЯ. Никто даже не стрельнул.

САПЕРЛИПОПЕТ. И давно так?

АКТРИСУЛЯ. Вот уже сорок суток: с момента нашего прибытия.

САПЕРЛИПОПЕТ. То есть?

АКТРИСУЛЯ. Сегодня, если про нас не забыли, убытие, а они так ни разу и не стрельнули.

САПЕРЛИПОПЕТ. А до нас постреливали?

АКТРИСУЛЯ. Не могу знать.

САПЕРЛИПОПЕТ. И с чем вы это связываете?

АКТРИСУЛЯ. Они устали. Даже они устали.

САПЕРЛИПОПЕТ. Из чего следует, что...

АКТРИСУЛЯ. ...что они люди.

САПЕРЛИПОПЕТ (*показывая на зрительный зал*). Они — люди? Ты нормальный, плотник? Люди бы нас давно ага. (*Кто-то из зрителей кричит: «Ага».*) Вот, пожалуйста. Сидят тут! У каждого в кармане — портмоне, а в нём фотографии любимых, и лица этих любимых кривятся при одном упоминании о нас, даже на фотографиях. (*Обращается к залу.*) Достаньте, достаньте свои портмоне. Выньте из них карточки. Произнесите безо всякого контекста и спокойно, так, как будто только что поняли, что ошиблись пузырьками и нюхнули Novichok, а не чаемый кокс, который позволил бы дотерпеть до конца пьески: «Ефрейтор Саперлипопет, гвардии рядовой Актрисуля». Теперь взгляните на фотографии. Поднимите руки, если рожи на них скривились. Смелее. Пулемёт Токарева на предохранителе. Запомни их, Актрисуля... У каждой в сумочке — ярко-красная помада, а делают вид, что их это не касается. Достаньте, достаньте помаду и сделайте на лбу всякого, кто поднял руку (руки не опускать!), изящный мазок в виде крестика. Актрисуля, куда я буду метить, стреляя веером из пулемёта Токарева, едва сниму его с предохранителя, если почувствую тут хоть одного человека? (*Кто-то из дам в зале кричит: «А вот этот не поднял руку, хотя его фотку скосоротило!»*)

АКТРИСУЛЯ. Они бы нас ага — а мы бы ответили.

САПЕРЛИПОПЕТ. Даже не сомневайся. Я стрелок, ты подавальщик, им бы досталось. (*Обращается к залу.*) Кто тут «агакал»? И что ты теперь скажешь? Выведите его отсюда. Разагакался он. (*«Агакавшего» выводят из зала не без сопротивления с его стороны.*) Туда тебе и дорога! В чернозём!

АКТРИСУЛЯ. Так точно, товарищ ефрейтор, мы взяли бы их высоту и сровняли бы их позицию с чернозёмом.

САПЕРЛИПОПЕТ. С жирным чернозёмом.

АКТРИСУЛЯ. С жирным, как щёки, кишашим червями чернозёмом.

САПЕРЛИПОПЕТ. Дождевыми?

АКТРИСУЛЯ. А то.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ты накопал бы, и мы бы пошли. Куда бы мы отправились, рядовой, отбив атаку противника, все из себя довольные?

АКТРИСУЛЯ. Без удочек? Ловить лабардана без удочек на утренней зорьке? Как такое возможно... Да это же радость невероятная!

САПЕРЛИПОПЕТ. Люблю поест лабардана! А взрывчатка на что, плотник?

АКТРИСУЛЯ. У нас нет взрывчатки, товарищ ефрейтор. Пулемёт Токарева стреляет пулями. Вам ли не знать.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ты уверен? И где этот Токарев? Ну-ка, позови его. Скажи: хватит ошиваться, командир требует. Чего стоишь? Кругом — марш и бегом за Токаревым. Надо узнать, можно ли ловить лабардана, стреляя в него пулями.

АКТРИСУЛЯ. Командир, мне, право же, больно это говорить, но Токарева больше нет.

САПЕРЛИПОПЕТ. С нами? И когда? Почему мы всегда теряем только лучших? Уж не смертью ли храбрых? Хотя бы похоронили? Родных известили? Денег им отсыпали, чтобы были довольны? Улицы его именем назвали? Почему сразу не сказал? Я же испереживался, где Токарев, куда запропал Токарев... а он, оказывается, того.

АКТРИСУЛЯ. Я всё гадал, как это на вас повлияет. Если положительно — то вы наверняка откажетесь от замены и останетесь на новые сорок суток безо всякой лотереи.

САПЕРЛИПОПЕТ. Это правда.

АКТРИСУЛЯ. Если отрицательно — то вы, скорее всего, опять будете чудить, и нас оставят на новые сорок суток безо всякой лотереи.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не сомневаюсь. Не сомневайся.

АКТРИСУЛЯ. Гадал, гадал, а тут вы сами спросили...

САПЕРЛИПОПЕТ. ...ибо без него лабардан не уймётся. Ну вот, кажется, я начинаю преисполняться неудовольствием... А окна ты закрыл?

АКТРИСУЛЯ. Сначала я закрасил их чёрным-пречёрным гуталином. Потом заклеил крест-накрест тем, что попало под руку. Под руку попались листовки для больших туалетных нужд о грядущих градусах мороза, которые поднимут в окопе смуту (типа: вам даже делать ничего не надо, мороз сам, ждите, играя в карты. Ха-ха, не на тех напали). Затем занавесил их многими слоями одеял. Потом заложил кирпичом. Наконец, заштукатурил и покрасил так, что вы даже не заметили, когда окон не стало.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не заметил.

АКТРИСУЛЯ. Это не вы не заметили, это я хорошо замуровал.

САПЕРЛИПОПЕТ. А дверь не забыл закрыть?

АКТРИСУЛЯ. С дверью я поступил не хуже: если вы встанете с кровати, я попрошу вас найти её.

САПЕРЛИПОПЕТ (*не вставая с кровати, ищет дверь глазами, не находит, разводит руками*). А если в дверь постучат и возвестят: «Это Горгаз, у вас утечка, срочно откройте, дайте вас спасти»?

АКТРИСУЛЯ. А я им отвечу: «Чем я вам открою? оппой, что ли? у меня котлеты подгорают».

САПЕРЛИПОПЕТ. А они что скажут?

АКТРИСУЛЯ. «Ничего, мы подождём. Мы подождём-подождём, только вы уже откинетесь к тому моменту, когда мы ещё даже не устанем ждать». Вот как они отзовутся.

САПЕРЛИПОПЕТ. И каковы будут наши действия после таких слов?

АКТРИСУЛЯ. Кроме того, я её заминировал. Наверное, придётся подорвать.

САПЕРЛИПОПЕТ. Нам так нужна взрывчатка, а ты...

АКТРИСУЛЯ. Зато теперь мы — крепость.

САПЕРЛИПОПЕТ. Непрístupная?

АКТРИСУЛЯ. И невидимая. Спросите их (*указывает на зал*), видят ли они нас. Спросите-спросите, товарищ ефрейтор. (*Кто-то в зале кричит: «Не только не видим, но и не слышим».*)

САПЕРЛИПОПЕТ. Я тут подумал, пока этот орал... Этого, кстати, выведите. Разорался он... (*Этого выводят.*) И чем же

мы теперь дышим, дружок, после того как ты нас так хорошо упрятал?

АКТРИСУЛЯ. А вот они (показывает на зал) выдыхают, — тем и дышим. (*Встаёт на спинку кровати, держась за ветку одинокого деревянного дерева над ней.*) Спасибо (кланяется залу), спасибо вам.

САПЕРЛИПОПЕТ. Чего ты вскочил! Заметят же. Хотя бы каску надень. Всякой сволочи кланяется...

АКТРИСУЛЯ (*надев каску*). От некоторых, конечно, густо несёт пивом, отчего делается так хорошо...

САПЕРЛИПОПЕТ (*обращается к залу*). Быстро по стойке «смирно» те, от кого пивом! (*Некоторые встают.*) Рядовой, хорошо быть не должно, должно быть плохо.

АКТРИСУЛЯ. Так точно.

САПЕРЛИПОПЕТ. Готов в них шмальнуть? Иначе — я шмальну в тебя.

АКТРИСУЛЯ. Так точно.

САПЕРЛИПОПЕТ (*обращается к вставшим*). Какое хоть пиво? (*Вставшие отвечают: «Дункель», «Шварбир», «Хелль».*) Ну разумеется, другого не ждал. Рядовой, в положение «лёжа»... и... — беглый меткий огонь по признавшимся. (*Актрисуля стреляет. Вставшие падают. Их уносят из зала.*) (*Обращается к администрации.*) Только не забудьте вернуть им деньги за билеты. (*Администрация отвечает по громкой связи: «Так точно, товарищ ефрейтор».*) Итак, на чём мы остановились?

АКТРИСУЛЯ. Так там никого не останется.

САПЕРЛИПОПЕТ. Наоборот: сейчас, чтобы отомстить, налетят родные и близкие покойных. Но нам же ничего не сделается, да?

АКТРИСУЛЯ. Мы — неприступная крепость.

САПЕРЛИПОПЕТ. Вспомнил: когда ты косил этих, я подумал, что давно не обедал.

АКТРИСУЛЯ. И я, когда косил их, размышлял о позавчерашних пельменях: мы к ним почему-то даже не прикоснулись.

САПЕРЛИПОПЕТ. Да потому что мы такое не едим... Что же, солдат, закажем пиццу?

АКТРИСУЛЯ. То есть не о пельменях, а о пицце.

САПЕРЛИПОПЕТ. Думаешь, полевая кухня привезёт сегодня пшёнку?

АКТРИСУЛЯ. Никак нет, полевая кухня привезёт сегодня шиш с маслом. Мы же сегодня всё.

САПЕРЛИПОПЕТ. Совсем-совсем? А я только стал при-выкать... Тут из зала такими духами шибает..

АКТРИСУЛЯ. И я бы ещё побыл тут. Зря ты приказал положить этих, которые пивом...

САПЕРЛИПОПЕТ. Разве тут «Октоберфест»?

АКТРИСУЛЯ. Ты прав.

САПЕРЛИПОПЕТ. Когда они приедут за нами, чтобы перебросить на другой участок фронта, я скажу им, что ты хочешь остаться.

АКТРИСУЛЯ. Спасибо. А я скажу им, что без тебя не останусь.

САПЕРЛИПОПЕТ. Спасибо. *(Обращается к залу.)* Пацаны, одолжите копеечек на пару коробочек с пиццей. *(Некто встаёт, идёт к сцене и передаёт Саперлипопету деньги.)* Ага. Отдам... в следующий раз. Придёшь ещё? *(Некто кивает.)* Ну всё, всё, иди отсюда, не засти меня народу в кринолинах. Рядовой, мы при деньгах, заказывайте по деревянному.

АКТРИСУЛЯ. Есть заказывать. *(Звонит по деревянному телефону, говорит в него.)* Говорит гвардии рядовой Актрисуля... Две настолько большие, чтобы мы могли продержаться до подхода наших... Как это вы не носите на передовую! Да я лично расстреляю всю вашу пиццерию за такие разговоры... Прощаю... Диктую адрес.

САПЕРЛИПОПЕТ. И девочек закажи.

АКТРИСУЛЯ. Да, доставка очень срочная, ваша пицца поможет нам продержаться. Тут каждая полуминута на счету... Я лично представлю вас к награде. Жду... А девочек-то зачем?

САПЕРЛИПОПЕТ. А девочки разве не помогут продержаться?

АКТРИСУЛЯ. Помогут. Опять позвонить в «Пиццу»?

САПЕРЛИПОПЕТ *(встаёт на спинку своей кровати, что-бы дотянуться до ветки одинокого деревянного дерева над*

ней. Дотягивается. Виснет на ветке. Раскачивается). А у них... подobaющие девочки?

АКТРИСУЛЯ. Погоди, кто-то звонит. Алё... Сколько можно вам объяснять, что это передовая, передовая, а не пра-чечная!.. Нет, если Коля обкакался, мы не можем приехать и быстро всё застирать. Мы, знаете ли, сами все обкаканные. Нам бы самим не помешала... Почему птицами? вовсе не птицами, птицы такого никогда не сделают: мой ефрейтор облегчается сам, причём в свои галифе, а я — в свои... Разумеется, тоже сам. Нет, в его штаны я не пробовал... От гордости, наверно. Как это — какой? Когда эти возьмут наш окоп, их не остановит, что мы уже не дышим и все продырявлены, они будут нас пытаться, потому что такова их сущность: любой ценой узнать имя первой учительницы. И вот они нас пытаются, забивая гвозди сначала в правую руку, а если не поможет — то и в левую, а я такой молчу себе и закатываю мужественные глаза: мол, олухи, ничего вы этим не добьётесь, нас этим... нас вообще ничем не пронять, мы мать родну за неприкосновенность военного секрета три раза сдадим: в первый раз, когда старушку приведут на расстрел на моих наших глазах, во второй раз — когда старушку поднимут и поднесут ко мне, чтобы я пощупал у неё пульс, типа: смотри, мы не промахнулись, а теперь говори, говори, говори взахлёб имя своей первой учительницы... а в третий раз — когда я, брошенный ими как отработанный материал, рассмеюсь в грустные глаза подбежавшей по своим делам их немецкой овчарки и назову собаке выдуманную из головы фамилию, которой нас научили на курсах молодого запытываемого... И мне делается страшно от этой свойственной мне и нам недоделанной гордости: а что если она не трёхразовая? что если они, применив четвёртую пытку, так и не выбьют из меня военную тайну... Они? Они — это превосходящие силы людей, которые зачем-то делают нам ага... Ну почему сразу Луна? Это, кажется, Марс. Впрочем, я сейчас уточню. (*Обращается к Саперлипопету.*) Где это место, в котором я сейчас нахожусь? Будь добр, пожалуйста.

САПЕРЛИПОПЕТ. Обратная сторона Венеры. Определённо.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Определённо, обратная сторона Венеры... Да, вот так загадочно работает наша связь. Так что, милая, тебе впору самой, бросив Колю, примчаться сюда с мылом, чтобы учинить у нас большую постирушку... Потому что к вечеру галифе точно закончатся... Нет, пересидеть без штанов не удастся: вечером, чтобы отравить нас лежалыми котлетами, они примчатся сюда на полевой кухне под видом наших поваров. А нам даже надеть нечего... Они — это люди, которые делают нам ага... Не сочувствуй, не надо. И кисет не вышивай... Потому что мы не курим, дурочка. Зачем лишний раз убивать себя, когда жизнь — сама смерть, поджидающая тебя за каждым поворотом окопа... (*Обращается к Саперлипопету*.) Она спрашивает, много ли у нас поворотов окопа.

САПЕРЛИПОПЕТ. Да не сосчитать.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Да не сосчитать. (*Обращается к Саперлипопету*.) Она говорит, что тогда это Марс. Мол, её бабушка, умирая, рассказала ей, что разветвлённая сеть окопов системы «Да не сосчитать» существует только на Марсе, а до других волостей наша лопата ещё не дотянулась.

САПЕРЛИПОПЕТ. Значит, меня обманули на допросе. Значит, ты на этой стороне Марса, а я — на обратной, что радует, потому что эти меня ещё не видят, а тебя разглядели, но ты не бойся: если они появятся, я помогу им уничтожить вверенный нам отрезок передовой: я первым нажму на кнопку, меня этому обучали специально обученные люди. Симпатичная баба?

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). А ты ничего?.. (*Обращается к Саперлипопету*.) Она не понимает сути вопроса.

САПЕРЛИПОПЕТ. Спроси её, всё ли при ней. Так и спроси: «При тебе всё?» Не лошадь, поймёт.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). При тебе всё?.. (*Обращается к Саперлипопету*.) Она говорит, что очень даже симпатичная. А также хочет узнать, джентльмены ли мы. Твой чёрный деревянный телефон снимает видосики? Она очень просит посмотреть нас в движении.

САПЕРЛИПОПЕТ. Разуй глаза: на моём деревянном есть кнопка «Снять видео». Над ней пришлось повозиться: много букв, вырезать их штыком было целой эпопеей, — три раза сделал одну и ту же орфографическую ошибку в слове «видео»... Но я так и не проверил, работает ли она.

АКТРИСУЛЯ. Можно снять тебя в профиль? Она просит непременно в профиль.

САПЕРЛИПОПЕТ. Только не ниже пояса.

АКТРИСУЛЯ (*снимает Саперлипопета и отправляет видео*). Снялось и отправилось!

САПЕРЛИПОПЕТ. Надо же. Какую редкую вещь я вырезал из осины.

АКТРИСУЛЯ. И незаменимую!.. Кстати, где ты взял осину? Тут только два деревянных дерева неизвестной породы.

САПЕРЛИПОПЕТ. Осина входит в комплект поставки: двое нас, пулемёт Токарева, несколько патронов, запас га-лифе и осина. Что в случае чего делают из осины?

АКТРИСУЛЯ. Я устал от твоих проверок. Из осины, если что, делают табакерки.

САПЕРЛИПОПЕТ. «Табакерки»?

АКТРИСУЛЯ. Чтобы наполнять их табаком, поступающим сюда в вышитых кисетах.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не знал. Буду знать. А что ещё?

АКТРИСУЛЯ. Осиновый кол.

САПЕРЛИПОПЕТ. Это и так понятно. И это уже следствие. Ну а самое-то главное?

АКТРИСУЛЯ. Даже не знаю, я ведь менингитом заболел, когда нас готовили. Ходил на курсы сам не свой. В голове ничего не откладывалось, кроме «мамы знать не должны». Чего не должны знать мамы?

САПЕРЛИПОПЕТ. Понятия не имею. Подсказать?

АКТРИСУЛЯ. Пожалуйста.

САПЕРЛИПОПЕТ. Избёнку при перемене погоды. И дрова, если тут абсолютный ноль. А третью поделку ты назовёшь сам.

АКТРИСУЛЯ. Что ты делаешь? К чему ты готовишься? Зачем ты прилаживаешь на моё одинокое дерево подтяжки?

САПЕРЛИПОПЕТ. Пытать буду, чтобы ты нашёлся.

АКТРИСУЛЯ. Гроб?

САПЕРЛИПОПЕТ. Гроб.

АКТРИСУЛЯ. Один?

САПЕРЛИПОПЕТ. А зачем два, если один из нас должен воткнуть в место почётного захоронения другого осиновый кол?

АКТРИСУЛЯ. Невероятная дальновидность. Отцы командиры! Они всё предусмотрели!

САПЕРЛИПОПЕТ. Всякий раз поражаюсь их прозорливости.

АКТРИСУЛЯ. Люблю их всем сердцем и до глубины души.

САПЕРЛИПОПЕТ. Что там с твоей бабой? Она ещё в телефоне?

АКТРИСУЛЯ. В каком телефоне?.. А, в этом. (*Говорит в телефон.*) Алё, ты ещё в телефоне? (*Говорит Саперлипопету.*) Она очень хорошо ещё слышит. И она даже плачет.

САПЕРЛИПОПЕТ. Отчего же она плачет?

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Очумела? почему рыдаешь? (*Говорит Саперлипопету.*) Хочет к нам и хочет с нами.

САПЕРЛИПОПЕТ. Зачем?

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). С ума сошла? (*Говорит Саперлипопету.*) Мечтает о настоящем.

САПЕРЛИПОПЕТ. Обеспечим... А как ей мой профиль? Хватит уже шептаться, включи громкую связь.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Внимание: включаю громкую связь. Как тебе в профиль мой ефрейтор?

КАКАЯ-ТО. Джентльмен.

САПЕРЛИПОПЕТ. Чего это я это слово?

КАКАЯ-ТО. А почему не это?

САПЕРЛИПОПЕТ. Это же не утончённое ругательство? А ты сама как? Фоточку пришли.

КАКАЯ-ТО. Сама я с огромными глазами, а носик кнопкой. Многие находят меня неотразимой.

АКТРИСУЛЯ. Фотку давай.

КАКАЯ-ТО. Отправила. Ловите. Поймали? Неотразимая?

АКТРИСУЛЯ (*показав снимок Саперлипопету и залу*). Ошарашен. Если это не неотразимость, то я тогда не знаю, зачем жить дальше.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не подделка?

КАКАЯ-ТО. И это я ещё одетая.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тебе же не тринадцать, неотразимая?

КАКАЯ-ТО. Со вчерашнего дня мне восемнадцать, поэтому теперь я могу всё.

САПЕРЛИПОПЕТ. Дуй к нам, а? Тебя-то нам и не хватало.

КАКАЯ-ТО. А с Колей кто будет сидеть?

САПЕРЛИПОПЕТ. С каким ещё Колей?

КАКАЯ-ТО. Который обкакался.

САПЕРЛИПОПЕТ. Уже родила, что ли? Не рано, гуляющая?

КАКАЯ-ТО. Чужой. Я евонная нянька.

САПЕРЛИПОПЕТ. А если оставить мелкую сволочь, запеврев квартиру на ключ?

КАКАЯ-ТО. Тогда не заплатят. И Коля везде наделает.

САПЕРЛИПОПЕТ. Экий засранец.

КАКАЯ-ТО. Но если мы быстро, я могу взять его с собой.

АКТРИСУЛЯ. Ну а чего... Товарищ ефрейтор, разрешите неотразимой девушке прибыть с Колей в наше расположение на передовой.

САПЕРЛИПОПЕТ. А готов ли он стать сыном полка?

КАКАЯ-ТО. Без сомнения: обкакан по уши.

САПЕРЛИПОПЕТ. Как и мы... Мальчик?

КАКАЯ-ТО. Отвечаю. Видела.

АКТРИСУЛЯ. Командир, у нас только один пулемёт. Из чего он будет... косить врага, если тот покусится?

САПЕРЛИПОПЕТ. Я выточу ему погремешку.

АКТРИСУЛЯ. Командир, у нас только две кровати.

САПЕРЛИПОПЕТ. Коля ляжет с тобой. Учись тетёшкать. Я вырежу тебе пистолет: если откажется спать — приструнишь его пиф-пафом.

АКТРИСУЛЯ. А неотразимая?

САПЕРЛИПОПЕТ. Я могу лечь с ней валетом на своей.

АКТРИСУЛЯ. Думаете, у вас получится?

САПЕРЛИПОПЕТ. Не знаю. Надо попробовать. Иди сюда. Ложись со мной валетом. (*Актрисуля ложится.*) Ну, у меня получается?

АКТРИСУЛЯ. Только от сапог пахнет... Неотразимая, у нас только позавчерашние пельмени. Коля не будет против?

КАКАЯ-ТО. У Коли режутся обе челюсти. Он на всё готов.

САПЕРЛИПОПЕТ. Значит так, неотразимая. По дороге купи пожрать... пшёнки там или сливочного масла. А запивать будем красным. Не забудь красного.

КАКАЯ-ТО. А пицца подойдёт?

АКТРИСУЛЯ. Никогда не пробовал пиццу.

САПЕРЛИПОПЕТ. А я один раз: кто-то оставил на лавочке кусочек. Я спрашивал у прохожих, что это, можно ли это в рот. Сказали, как отрезали: «Отвяжись, пицца». Ладно, тащи пиццу.

КАКАЯ-ТО. А мыло?

САПЕРЛИПОПЕТ. А что с мылом?

КАКАЯ-ТО. Могу притащить. Вы же все обкаканные.

САПЕРЛИПОПЕТ. Да мы уже не замечаем.

КАКАЯ-ТО. Мне же легче. Я тоже уже не: Коля делает это без передыху.

САПЕРЛИПОПЕТ. Кроме того, возьми побольше «Тхе Таймс».

КАКАЯ-ТО. Газеток?! Зачем?

САПЕРЛИПОПЕТ. Ну не читать же. Тут много сувениров, которые можно выгодно продавать. Я давно думаю порезать старые галифе на кусочки и рассылать во все края. Девушки просят, музеи пишут, верующие хотят. Девушкам за денежку, музеям — в дар, верующим — по бартеру. Упаковал в некролог — и отправил полевой почтой.

КАКАЯ-ТО. Возьму. Но...

САПЕРЛИПОПЕТ. Что «но»?

КАКАЯ-ТО. Я же не повторю судьбу Кати Масловой?

САПЕРЛИПОПЕТ. Кого?

КАКАЯ-ТО. Ну, или Ани Карениной.

САПЕРЛИПОПЕТ. А что с ней?

КАКАЯ-ТО. С кем?

САПЕРЛИПОПЕТ. С Аней.

КАКАЯ-ТО. Плохо кончила.

САПЕРЛИПОПЕТ. Да мы быстро, ты не успеешь.

КАКАЯ-ТО. Спасибо.

САПЕРЛИПОПЕТ. А если кто встанет на пути, скажи ему, что я скоро вернусь, и вернусь без ноги, и ему как препятствию моё возвращение покажется девятым кругом. Запомнила?

КАКАЯ-ТО. Да. Девятым кругом.

САПЕРЛИПОПЕТ. А я забыл: имя своей первой учительницы помнишь?

КАКАЯ-ТО. Да.

САПЕРЛИПОПЕТ. Нельзя. Забудь. Поймают, выпытают, и конец всему.

КАКАЯ-ТО. Уже забыла. Сдалось оно мне. Чему она нас научила-то... Про себя материться.

САПЕРЛИПОПЕТ. Рядовой, продиктуйте неотразимой наш адрес и пообещайте, что оплатите ей такси.

АКТРИСУЛЯ. Есть. Будет сделано. Неотразимая, диктую адрес... Такси оплачу из единовременной выплаты в случае моей скоростижной кончины. До скорого свидания.

САПЕРЛИПОПЕТ. Как же я хочу лечь с ней валетом.

АКТРИСУЛЯ. А я хочу лечь после тебя и пожрать. Когда ты сказал о том, что хочешь поскорее лечь с ней валетом, я как раз размышлял о сливочном масле...

САПЕРЛИПОПЕТ (*после паузы на раздумье*). Когда ты сказал о сливочном масле, я подумал, что давно не обедал. Может, хоть раз попробуем пиццу?

АКТРИСУЛЯ. ...верней, о пицце. Какое уж тут сливочное масло.

САПЕРЛИПОПЕТ. Неужели полевая кухня разродится сегодня пиццей?

АКТРИСУЛЯ. Разве что мертворождённой. Нас же сегодня везут награждать орденами и медалями.

САПЕРЛИПОПЕТ. А если я не хочу? Если у меня от этих людей, которые вешают на меня ордена и медали, опухоли развиваются?

АКТРИСУЛЯ. А у меня не просто опухоли, но — мозга.

САПЕРЛИПОПЕТ. У тебя есть мозг?

АКТРИСУЛЯ. Ты прав: какие опухоли у одной извилины...

САПЕРЛИПОПЕТ. Когда они приедут за нами, чтобы конвоировать на награждение орденами и медалями, я скажу им, что отказываюсь от награды в твою пользу. И не поеду. Привык я тут что-то.

АКТРИСУЛЯ. Спасибо. А я скажу им, чтобы отдали все мои новые награды неизвестному чуваку, который разбудил меня вчера вопросом: «Ребята, где враг? Я заблудился. Не прощу себе, если не повоюю, не совершив подвига».

САПЕРЛИПОПЕТ. Надо же. Я спал как убитый.

АКТРИСУЛЯ. И я даже подумал, что тебя убило во сне.

САПЕРЛИПОПЕТ. Хорошая смерть. Жаль, что этого не случилось. Спасибо, что ты так подумал. (*Обращается к залу.*) Пацаны, одолжите ручные часы на закупку пиццы для тружеников передовой. (*Некто встаёт, идёт к сцене и передаёт Саперлипопету ручные часы.*) Хорошие? Ходят? Точно? Ходят точно? (*Некто усердно кивает четыре раза.*) Отдам не хуже... в следующий раз. Придёшь ещё? (*Некто кивает.*) Ну всё, всё, катись на своё место, не засти меня публике. Рядовой, мы при часах, надеюсь, их возьмут в обмен на пиццу, заказывайте её по деревянному.

АКТРИСУЛЯ. Есть заказывать. (*Звонит по деревянному телефону.*) Алё, с вами говорят с самой передовой, у телефона несколько раз контуженный гвардии рядовой Актрисуля, смиренно. Доставьте, пожалуйста, нам столько пиццы, сколько, по вашему мнению, нам хватит для отражения атаки превосходящих сил противника. «С удовольствием» — это хорошо. Диктую вам адрес нашей передовой. Только посмейте задержаться... Товарищ ефрейтор, пицца уже в пути.

САПЕРЛИПОПЕТ. Лучше бы пшёнка.

АКТРИСУЛЯ. И стакан семечек... Отменить пиццу? Заказать пшёнку и стакан семечек?

САПЕРЛИПОПЕТ. Не, надо же наконец её раскусить.

АКТРИСУЛЯ. Вдруг он съедобная. И если она съедобная — мы наконец-то нагуляем вес.

САПЕРЛИПОПЕТ. Масса снаряжённого пулемёта?

АКТРИСУЛЯ. Да почти пуд, товарищ ефрейтор.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ложись, пять.

АКТРИСУЛЯ. У вас сильные руки, товарищ ефрейтор. Вы, наверное, с детства упражнялись с тяжелойенной тростью...

САПЕРЛИПОПЕТ. Но семечки должны быть сырыми. Жарить семечки — преступление...

Действие второе им. фон Клаузевица,
происходящее при трении

Раздаётся заветный стук в дверь.

САПЕРЛИПОПЕТ. Неужели в дверь? Ты же её замуровал.

АКТРИСУЛЯ. И заминировал. Неужели Горгаз? У нас утечка?

САПЕРЛИПОПЕТ. Неужели неотразимая? Неужели так быстро?

АКТРИСУЛЯ. Неужели пицца?

САПЕРЛИПОПЕТ. Пицца? Лучше бы ветка спелой рябины.

АКТРИСУЛЯ. И стакан семечек.

САПЕРЛИПОПЕТ. Сырых. Войдите.

Дверь открывается и в зрительный зал входят трое... то есть четверо: неотразимая в свадебном платье с попискивающим Колей и пиццей на руках и двое свежих доставщиков пиццы в униформе своих пиццерий, причём один из них на электросамокате. По залу разливается неотразимый запах сразу нескольких разномастных лепешёк с.

КАКАЯ-ТО, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Мы сюда попали? Это передовая?

САПЕРЛИПОПЕТ (*кричит*). Передовая-передовая.

КАКАЯ-ТО, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Как, оказывается, она близка. Чуть ли не за углом.

САПЕРЛИПОПЕТ (*кричит*). Неужели ещё горяченькая?

КАКАЯ-ТО, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Передовая?

САПЕРЛИПОПЕТ (*кричит*). Пицца.

КАКАЯ-ТО, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Аж жжётся.

САПЕРЛИПОПЕТ (*кричит*). Проходите и проезжайте насквозь и забирайтесь на передовую.

КАКАЯ-ТО, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Это не опасно?

САПЕРЛИПОПЕТ. Рядовой, выдайте им каски и галифе.

АКТРИСУЛЯ. И Коле?

САПЕРЛИПОПЕТ. Коле — первому.

АКТРИСУЛЯ. Предупреждаю: после внеплановой выдачи галифе не останется совсем.

САПЕРЛИПОПЕТ. А каски останутся?

АКТРИСУЛЯ. И много.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тогда выдай им вместо галифе по две каски. Итого, каждому по три.

АКТРИСУЛЯ. Есть каждому по три.

Саперлипопет помогает прибывшим забираться на передовую. Каждого придирчиво осматривает, обнимает, троекратно целует — и представляет залу: «Заслуженный артист Такой-то! Прошу любить. Аплодисменты! Такой юный, даже не знаю, бреется ли, а уже почти всенародный артист Сякой-то! Наконец-то вам дали роль, коллега! Пусть небольшая, но зато в какой пьесе! Поклонитесь. А вы рукоплещите-рукоплещите...»

САПЕРЛИПОПЕТ (*обращаясь к Доставщикам пиццы*). Поздравляю с прибытием. Назначая вас мотострелками и сержантами. Гвардии рядовой, наградите их медалями, чтобы гордились.

АКТРИСУЛЯ. Какими, товарищ ефрейтор?

САПЕРЛИПОПЕТ. А какие есть?

АКТРИСУЛЯ. Только «За взятие».

САПЕРЛИПОПЕТ. Тогда каждому по две.

АКТРИСУЛЯ. Есть по две. (*Вешает на Доставщиков по две медали.*)

САПЕРЛИПОПЕТ. Что надо сказать, мотострелки?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Спасибо?

САПЕРЛИПОПЕТ. Не за что.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). А где мы будем спать, товарищ ефрейтор?

САПЕРЛИПОПЕТ. На кровати гвардии рядового тройным валетом. Довольны?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Очень. Спасибо.

АКТРИСУЛЯ. А Коля?

САПЕРЛИПОПЕТ. Коля, как и вся ваша четвёрка, будет спать по очереди, когда на его место в карауле заступит другой.

АКТРИСУЛЯ. Есть спать по очереди.

САПЕРЛИПОПЕТ (*подав руку Какой-то, чтобы она оказалась на сцене*). Рядовой, а ведь она и впрямь неотразимая! Подойди сюда. Давай вместе посмотрим. Один я теряюсь и чувствую себя совершенным ничтожеством.

Актрисуля обнимает Саперлипопета за плечи, и они с восторгом вглядываются в Какую-то.

АКТРИСУЛЯ. Боже мой. Это не я Актрисуля, это она — Актрисуля!

САПЕРЛИПОПЕТ. Никогда не видел никого подобного! Господи, за что нам такое... счастье!

Оба на короткое время одновременно лишаются чувств.

АКТРИСУЛЯ (*очнувшись первым, вскакивает*). А она даже бровью не повела!

САПЕРЛИПОПЕТ (*очнувшись, вскакивает*). Ты видел, ты видел, ты когда-нибудь видел такую?!

АКТРИСУЛЯ. Мне кажется, у меня только что открылись глаза: был слепым-слепым, и вдруг раз!

САПЕРЛИПОПЕТ. Послушай, а она — вот такая! — не из этих ли? не из людей ли? Кто ещё может так обернуться, обернуться в такую! Как бы она не сделала нам ага! Рядовой, ошмонайте дамочку на предмет средств убиения.

АКТРИСУЛЯ. Есть ошмонать неотразимую. (*Ощупывает Какую-то со всей тщательностью и со всех сторон.*)

САПЕРЛИПОПЕТ. И Колю тоже.

АКТРИСУЛЯ. И Колю? А Колю за что?

САПЕРЛИПОПЕТ. Коля — это наша потенциальная сла-
бость. Вон как улыбается. Улыбается так, что хочется по-
дойти и сделать ему козу. Так, что хочется взять на руки и
подбросить.

АКТРИСУЛЯ. И усыновить.

САПЕРЛИПОПЕТ. И усыновить.

АКТРИСУЛЯ. Разве это плохо?

САПЕРЛИПОПЕТ. Это хорошо. А должно быть?

АКТРИСУЛЯ. Плохо.

САПЕРЛИПОПЕТ. Очень плохо. Или, как в случае с Колей,
нормально. Но не хорошо. Хорошо лишает нас осторожно-
сти и смелости сделать кому-нибудь плохо. Исполняй. Ос-
мотри Колю и дай ему позавчерашних пельменей.

АКТРИСУЛЯ. Есть и есть.

САПЕРЛИПОПЕТ (*обращаясь к Какой-то*). Почему без
фаты?

КАКАЯ-ТО. В спешке забыла.

САПЕРЛИПОПЕТ. Прощаю и назначаю вас маркитанткой.

КАКАЯ-ТО. Тронута. Спасибо за заботу, товарищ ефрейтор.

САПЕРЛИПОПЕТ (*смущённо*). Тронут вашим спасибо.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Товарищ ефрейтор, а
кто с нами расплатится?

САПЕРЛИПОПЕТ. Куда-то собрались, мотострелки?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Никак нет.

САПЕРЛИПОПЕТ. Как называется место, в которое вы
попали?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Передовая.

САПЕРЛИПОПЕТ. Куда можно попасть с передовой?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Только в рай?

САПЕРЛИПОПЕТ. Ага. (*Обращается к залу, в котором
что-то происходит*.) Что такое? Вы, двое. Чего вскочили?
Уходить ещё рано. (*Первый поднявшийся говорит что-то
об одолженных им деньгах, второй — об одолженных им ча-
сах*.) То есть вы больше не придёте сюда? (*Строго*.) Отве-
чайте: придёте или нет? (*Вставшие помалкивают и жмут-*

ся.) Кто-нибудь, отдайте одному из них деньги, которые я у него одолжил до следующей встречи у передовой. (*Пара человек бросается к вставшему и не без осуждающего шикария суют ему деньги.*) Спасибо. Отдам. Не забудьте напомнить. Гвардии рядовой, всучите бывшему обладателю наручных часиков одну пиццу и медаль «За взятие».

АКТРИСУЛЯ. Есть всучить. (*Передаёт пиццу и медаль в первый ряд партера.*)

САПЕРЛИПОПЕТ. Граждане, посодействуйте в доставке. Спасибо. А теперь выведите обоих из зала. Спасибо... Рядовой, у тебя аппетит не пропал после такого?

АКТРИСУЛЯ. Немного.

САПЕРЛИПОПЕТ. И у меня. (*Обращается к залу.*) Поднимите руки, у кого есть собаки? (*Поднимается лес рук.*) А у кого есть собаки, которые не чураются пиццы? (*Поднятыми остаются две руки.*) Возьмёте сейчас или после? Сейчас? Рядовой, отдайте оставшиеся коробки собачникам, которым не терпится. (*Актрисуля исполняет, передав пиццу в партер.*) Что-то я приуныл. (*Садится на край сцены, свесив вниз ноги.*)

АКТРИСУЛЯ. Командир, что с вами?

САПЕРЛИПОПЕТ. Приуныл я что-то.

АКТРИСУЛЯ. Лук дать?

САПЕРЛИПОПЕТ. Нет, я сам... Пытаюсь вспомнить, что я тут делаю... Если посмотреть на меня в бинокль... можно увидеть, что я что есть сил улыбаюсь.

АКТРИСУЛЯ. Улыбаетесь через силу?

САПЕРЛИПОПЕТ. И это тоже... Я хотел одно, а вышло иначе. Почему они не верят?

АКТРИСУЛЯ. Командир, но часы...

САПЕРЛИПОПЕТ. Его часы лежали в его кармане. Я собирался сказать это потом. А когда надо было сказать — не смог: пожалел его за его неверие... И вообще, все, кто не верит, могут катиться... А все три пиццерии, если вам интересно, разные, и с каждой у нас рекламный договор: их логотипы на билетах крупнее названия пьески (не знаю, не пробовал, не достаётся)... И эти двое недотык никакие не

заслуженные артисты, а настоящие доставщики. Да, ребят? Скажите же им.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Настоящие.

САПЕРЛИПОПЕТ (*но Саперлипопет ли?*). И тоска тоже настоящая: вдруг накатила, и ничего ты с ней не поделаешь... Я, конечно, с похмелья, я всегда с похмелья, но не настолько же, чтобы... (*Поднимает лицо, и все видят, что он плачет.*) И эту неотразимую (чего уж: прелестна, готов драться с тем, кто скажет хоть слово против), эту соплюху (*показывает на Какую-то*) я только сейчас увидел: режиссёр всякий раз (вот зачем, а?) пробует новых, а мне потом целоваться с ними до плеска внутри от раскочегаренного желания, всегда с новой, утоляя вот эту негаданную сучью тоску, настагающую, когда ей вздумается, а не по воле пьесописца... Глотнуть ни у кого нет?.. Ну и ладно. Перетопчусь... Знаете, чего мне сейчас больше всего хочется? Провалиться на этом самом месте, но сначала впервые, простите за Колин рефлекс, навалить не в штаны от страха за себя и за вас, а в этом окопе — от ненависти к себе и вам, а потом уже к тому, кто сделал нас такими. Навалить, чтобы другие, наши с этим бараном (*показывает на Актрисулю*), гм, дебилы сменщики, опасались ступить сюда. Вернее, нечеловечески напрячься, сожрав что-нибудь кишечнопалочное (своего же то есть наестся), — и загадить тут всё, вообще всё, чтобы они не смогли спуститься в этот окоп — и задали стрекача. Чтобы спасались хотя бы бегством. И таблички всюду воткнуть: «Загажено очумевшим. Нет-нет, натурально очумевшим, чума которого не только коричневая, но и бубонная»...

А впрочем, кто это вам говорит... Это свистит вам тот, кто жёг и жёг... кого-то... То есть не жёг, конечно, но мог бы, — случись ему (мне!) народиться раньше. Один мой дед всю войну лелеял и снаряжал самолёты, и они били фашистов, падая только под их меткими пулемётами и пушками, а не из-за его оплошности, а другой в то же самое время топтал сапогами в ГУЛАГе эзков...

КАКАЯ-ТО. Актрисуля, поддержи Колю. (*Отдаёт ребёнку рядовому.*) Командир, это уже не чирикание, это карканье,

это ор выпи. Они же (*показывает на зал*) сейчас задумываться начнут, они же сейчас повалят отсюда и даже денег назад не попросят, потому что пришли на не ваше совестливое похмелье, а на мюзикл с поцелуйчиками. (*Поёт-и-пляшет, и когда она поёт-и-пляшет, на неё проливается дождь.*) I'm singin' in the rain / Just singin' in the rain / What a glorious feelin' / I'm happy again / I'm laughin' at clouds / So dark up above / The sun's in my heart / And I'm ready for love / Let the stormy clouds chase / Everyone from the place / Come on with the rain / I've a smile on my face / I walk down the lane / With a happy refrain / Just singin' / Singin' in the rain... (*Продолжая танцевать.*) Ефрейтор, милый, боец! Давай целоваться! Я так соскучилась по поцелуям!

Саперлипопет стирает с лица тоску, вскакивает и присоединяется к танцу Какой-то (в какой-то момент, удивляясь неожиданному, бог знает откуда взявшемуся дождю, танцуют все: она, он, оба Доставщика), после чего Какая-то и Саперлипопет долго-долго, даже, может быть, слишком долго, слишком увлечённо, слишком откровенно целуются. Целуются до собственной усталости и опущенных зрительских глаз, ибо залу кажется, что он присутствует при почти невероятном: появлении чувства...

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Товарищ командир, а, товарищ ефрейтор...

САПЕРЛИПОПЕТ (*почти закончив поцелуй*). Чего вам, сержанты?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Можно нам уже домой? То есть не домой, а на работу: ребята без нас зашиваются, а едоки бьют копытом, — наступил сезон, все оголодали...

САПЕРЛИПОПЕТ. А кто погибать будет?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Вы и гвардии рядовой.

САПЕРЛИПОПЕТ. Почему мы, а не вы?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Потому что нам тоже очень хочется погибнуть смертью храбрых, но не везёт: мы с ним (*показывают друг на друга*) не те билеты вытаскива-

ем. Видно, не заслужили ещё. Правда, Федя? Правда, Вася? Я не Вася. А я не Федя.

САПЕРЛИПОПЕТ (*хочет, вместе с ним смеётся Актрисула*). А то я не знаю, как сюда попадают! Рассказывают они мне!.. (*Отсмеявшись*). Ничего не выйдет, товарищи сержанты: вы здесь, и это получше лотерейного билета. Это ещё один, единственный, неповторимый, а значит — редчайший случай попасть сюда и погибнуть смертью храбрых. Многие бы хотели... наверное, хотели бы все, а удалось только вам, потому что вы — везунчики: это ж надо так умудриться доставить пиццу! Дайте мне и вас расцеловать крепко-крепко.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*воодушевлённым хором*). Правда? Вы не шутите, командир? Вот нам повезло. А работа?

САПЕРЛИПОПЕТ. С этого часа не волк: освобождаетесь от неё пожизненно под мою ответственность. Небось даже не мечтали о таком?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Не мечтали. (*Кланяются в пояс*.) А на дерево теперь можно залезть?

САПЕРЛИПОПЕТ. Рано.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Почему?

САПЕРЛИПОПЕТ. Потому что это привилегия тех, кто уже с нами, а вы ещё не совсем — у вас есть ещё одна лазейка, чтобы дезертировать, наплевав на собственное беспримерное везение...

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*воодушевлённым хором*). Боже мой, боже мой, как интересно! Расскажите же нам, ми-ми-миленький ефрейтор!

САПЕРЛИПОПЕТ. Пти-Дежене.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Кого?

САПЕРЛИПОПЕТ. Пти-Дежене, подай голос.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Ням-ням.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Здравствуйте!

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Саперлипопет, кто это столь заискивающе здоровкается?

САПЕРЛИПОПЕТ. А, так, два пицца-боя, которых лёгкая занесла.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Хорошенькие?

САПЕРЛИПОПЕТ. Вкусненькие ли? Откуда мне знать... Сопленосые.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Люблю сопленосых.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Командир, объясните же.

САПЕРЛИПОПЕТ. Пти-Дежене, или Лёгкий Закусон, — это белая дыра, бог весть как проникшая в расположение нашей передовой, которая считает, что она завтракает теми, кто, попав сюда, зачем-то ныряет в неё с головой.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). А зачем в неё ныряют с головой?

САПЕРЛИПОПЕТ. Это у вас надо сбросить, сержантики. Зачем?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Ну потому что хочется ещё чего-нибудь попробовать. Сержантами мы уже побыли, пора двигаться дальше...

САПЕРЛИПОПЕТ. Вот зачем в неё ныряют с головой.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Толково сказано... И что происходит с нырнувшими?

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. А я знаю? Я ими завтракаю, а остальное меня не касается.

САПЕРЛИПОПЕТ. Нырнув в Пти-Дежене с головой, они без вести исчезают.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Совсем?

САПЕРЛИПОПЕТ. Что это, война, что ли? Конечно, нет. Они становятся новыми и по ошибке звонят к нам на передовую. Вот как эта (показывает на Какую-то). Правда же, она неотразима?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Ну как вам сказать...

САПЕРЛИПОПЕТ. Неотразимая звонила в прачечную, а попала сюда.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (вместе). Погодите, командир... вы хотите сказать, что она уже была здесь, а потом нырнула с головой в Пти-Дыру?

САПЕРЛИПОПЕТ. Так и есть.

КАКАЯ-ТО (в недоумении). А почему я ничего не помню?

САПЕРЛИПОПЕТ. Потому что нырнула в Пти-Дежене.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Потому что я тебя уплела, дурочка.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). И кем же она была до нырка с головой?

САПЕРЛИПОПЕТ. Доставщиком пиццы. Других мы сюда не зовём. Правда, гвардии рядовой?

АКТРИСУЛЯ. Ей-богу. Однажды я хотел заказать сюда утешительницу, а он дал мне в ухо, ибо утешительниц здесь ещё не было и никто не знает, чем чревато их появление. Зачем нам такой риск...

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Наверное, не из нашей пиццерии. Я бы знал о без вести пропавшем коллеге.

КАКАЯ-ТО (*в восторге*). Я доставляла пиццу!

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). И она была... девицей? той же самой?

АКТРИСУЛЯ. Была бы девицей — я бы запомнил.

САПЕРЛИПОПЕТ. Все наши доставщики пиццы — мальчики.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Не люблю девчонок.

КАКАЯ-ТО (*в ещё большем восторге*). Я доставлял пиццу!

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Это значит, что...

САПЕРЛИПОПЕТ, АКТРИСУЛЯ (*хором*). ...нырнув в Пти-Дежене, они преображаются.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). К лучшему?

САПЕРЛИПОПЕТ. Если мне придётся выбирать между вами и неотразимой, кого я выберу?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Лучшую.

САПЕРЛИПОПЕТ. Не сержантов же.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). А возраст, командир, а возраст? Мы помолодеем?

САПЕРЛИПОПЕТ. А вы старые?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Мне уже тридцать три. А мне завтра будет двадцать семь. Приглашаю вас немного выпить и закусить.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тут как-то семилеточка звонил, спрашивал, когда вернётся мама. Перепутал меня с её ухажёром, к которому она ушла три дня назад.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Хорошо быть семилеточкой...

САПЕРЛИПОПЕТ. Да, семилеточка хорошо устроился, ему неплохо.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*вместе*). Что если мы, нырнув в Пти-Дежене, станем я — дорогой проституткой (я всегда хотел быть девочкой), а я — дорогим сутенёром! Только не моим! Да нужен ты мне!

КАКАЯ-ТО (*в задумчивости*). Господи, я доставлял пиццу...

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Командир, это не-обратимо?

САПЕРЛИПОПЕТ. Не знаю, но можем попробовать. Неотразимая, хочешь опять доставлять пиццу?

КАКАЯ-ТО. Очень.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тогда рискни и нырни с головой в Пти-Дежене.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Что, завтракать девочкой? У меня будет несварение.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тебя не спрашивали.

КАКАЯ-ТО. А Коля?

САПЕРЛИПОПЕТ. А Коля — сын полка. Это заранее обговорено и окончательно решено.

КАКАЯ-ТО. Ну и ладно. Всё равно только какается. И будет какаться впредь. И умрёт в глубокой старости, весело наложив кучу в больничном коридоре, в который сбежит с горшка.

САПЕРЛИПОПЕТ. А если станешь семилеточкой?

КАКАЯ-ТО. Тогда у меня будет всё впереди, и я...

САПЕРЛИПОПЕТ. А если мама уйдёт к хахалю три дня назад?

КАКАЯ-ТО. А я всё равно рискну.

САПЕРЛИПОПЕТ. А я не стану препятствовать. (*Отводит Какую-то в угол, на котором нарисована белая дыра.*) С головой, помнишь? Засунуть руку и пощупать, что там и как, нельзя. Посчитать, чтобы не передумала?

КАКАЯ-ТО. С десяти, пожалуйста.

САПЕРЛИПОПЕТ, АКТРИСУЛЯ, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (*хором*). Десять, девять, восемь, шесть...

КАКАЯ-ТО. Семь.

САПЕРЛИПОПЕТ, АКТРИСУЛЯ, ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Извини, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

КАКАЯ-ТО. Прощайте! Берегите Колю. (*Ныряет с головой.*)

САПЕРЛИПОПЕТ. Пока-пока. Рядовой, не забывай тетёшкать сына полка.

АКТРИСУЛЯ. Есть не забывать тетёшкать.

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. А эти? а мальчики? Я голодная.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Товарищ ефрейтор, разрешите обратиться.

САПЕРЛИПОПЕТ. Слушаю вас, сержанты, слушаю вас, мотострелки.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Мы пойдём?

САПЕРЛИПОПЕТ. В дыру, что ли?

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Ага.

САПЕРЛИПОПЕТ. Валите, коли не хотите пасть смертью храбрых. Валите-валите, я доложу о вас начальству. Я требую, чтобы больше таких не присылали. Рядовой, конвоируйте их до Пти-Дежене.

АКТРИСУЛЯ. Есть конвоировать (*конвоирует*).

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Командир, не дуйтесь. У вас хорошо, но вдруг я стану генералом, который отправляет на передовую кого ему только вздумается... Посчитаете?

САПЕРЛИПОПЕТ. Три, два, один.

ДОСТАВЩИКИ ПИЦЦЫ (хором). Я — и генерал! (*Ныряют.*)

ПТИ-ДЕЖЕНЕ. Вкусные.

САПЕРЛИПОПЕТ. Рад.

АКТРИСУЛЯ. Я тоже, товарищ ефрейтор.

САПЕРЛИПОПЕТ. И ты радуешься? У тебя на руках сын полка, а ты радуешься?

АКТРИСУЛЯ. Никак нет. Я радуюсь возложенной на меня ответственности.

САПЕРЛИПОПЕТ. Ты уже подумал, как мы назовём нового бойца?

АКТРИСУЛЯ. Может быть, Колей?

САПЕРЛИПОПЕТ. Никаких имён, рядовой. Это — передовая.

АКТРИСУЛЯ. Сранегосподнев?

САПЕРЛИПОПЕТ. Неплохо. Я спрошу у начальства, сумеет ли оно выговорить эту фамилию, отправляя Колю на верную смерть. А пока дай ему пососать пулемёт Токарева.

Раздаётся звонок. Саперлипопет и Актрисуля бегут наперегонки к чёрному деревянному телефону. Трубка достаётся Актрисуле.

АКТРИСУЛЯ. Вас, товарищ ефрейтор. С фабрики пеньковых канатов и верёвок им. Мазепы. Готовы доставить заказ немедленно.

САПЕРЛИПОПЕТ. Опять ошиблись.

АКТРИСУЛЯ. Ага.

САПЕРЛИПОПЕТ. Пеньковая верёвка?

АКТРИСУЛЯ. Ага. И канат.

САПЕРЛИПОПЕТ. Нужна нам пеньковая верёвка?

АКТРИСУЛЯ. Господи, да нам тут всё нужно, товарищ ефрейтор.

САПЕРЛИПОПЕТ. Соглашайся.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Алё, фабрика. Чего хочу спросить... А большой заказ-то?.. Товарищ ефрейтор, они говорят, что приличный: хватит на две верёвки для надёжного повешения.

САПЕРЛИПОПЕТ. Тем более соглашайся... А кто у аппарата? Баба? мужик?

АКТРИСУЛЯ. Баба.

САПЕРЛИПОПЕТ. Симпатичная?

АКТРИСУЛЯ. Кажется.

САПЕРЛИПОПЕТ. Молодая?

АКТРИСУЛЯ. Скорее всего.

САПЕРЛИПОПЕТ. Согласен в кубе.

АКТРИСУЛЯ (*говорит в телефон*). Конечно, доставляйте! Причём эта продукция нужна нам немедленно. Только я очень попрошу вас, чтобы вы лично сопроводили груз. Хорошо? (*Обращается к Саперлипопету*.) Она согласна, командир! (*Говорит в телефон*.) Возьмите в руку карандаш, я диктую вам наш адрес (*что-то бубнит в телефон*).

САПЕРЛИПОПЕТ. Пеньковая верёвка — это хорошо, это ничем не хуже пулемёта Токарева... Рядовой, а будет ли сегодня полевая кухня?

АКТРИСУЛЯ. Кухни не будет. Мы же сегодня всё, товарищ ефрейтор.

САПЕРЛИПОПЕТ. В каком смысле «всё», товарищ рядовой?

АКТРИСУЛЯ. Выбываем из состава.

САПЕРЛИПОПЕТ. Господи, маму увижу.

АКТРИСУЛЯ. А я первым делом свижусь с другом детства, которого не узнал на следствии. Выпьем. Извинюсь.

САПЕРЛИПОПЕТ. Значит кухни не будет?

АКТРИСУЛЯ. Ни за что.

САПЕРЛИПОПЕТ. В таком случае... а не заказать ли нам пшёнки, рядовой?

АКТРИСУЛЯ. Пиццы?

САПЕРЛИПОПЕТ. Конечно, пиццы. Пшёнку пока не доставляют. Набери номер. И чтобы мухой, — ты и я натерпелись сегодня голода...

АКТРИСУЛЯ. Есть набрать номер. *(Звонит, заказывает пиццу.)*

Раздаётся стук в дверь.

САПЕРЛИПОПЕТ. Неужели в дверь? Ты же её замуровал.

АКТРИСУЛЯ. И заминировал. Неужели Горгаз? У нас утечка?

САПЕРЛИПОПЕТ. Неужели пеньковая верёвка? Неужели так быстро?

АКТРИСУЛЯ. Неужели пицца?

САПЕРЛИПОПЕТ. Пицца? Лучше бы ветка спелой облепихи, но без колючек, которые так и лезут в глаза, когда, сев на ветку, лакомишься.

АКТРИСУЛЯ. И фунтик семечек.

САПЕРЛИПОПЕТ. Только что из подсолнуха. Войдите.

Дверь открывается и в зрительный зал входят двое: этакая Приянка Чопра с бухтой пеньковой верёвки на шее и

доставщик пиццы. В полном молчании Приянка, знаете ли, Чопра устремляется к сцене и прилаживает к обоим деревянным деревьям над кроватями по умелой и изящной петле, а доставщик, взяв с одной из кроватей одеяло, раскладывает его на земле и, достав из заплечной коробки пиццу, большой термос, заварочный чайник, пачку чая, два гранёных стакана, красиво сервирует одеяло на двоих.

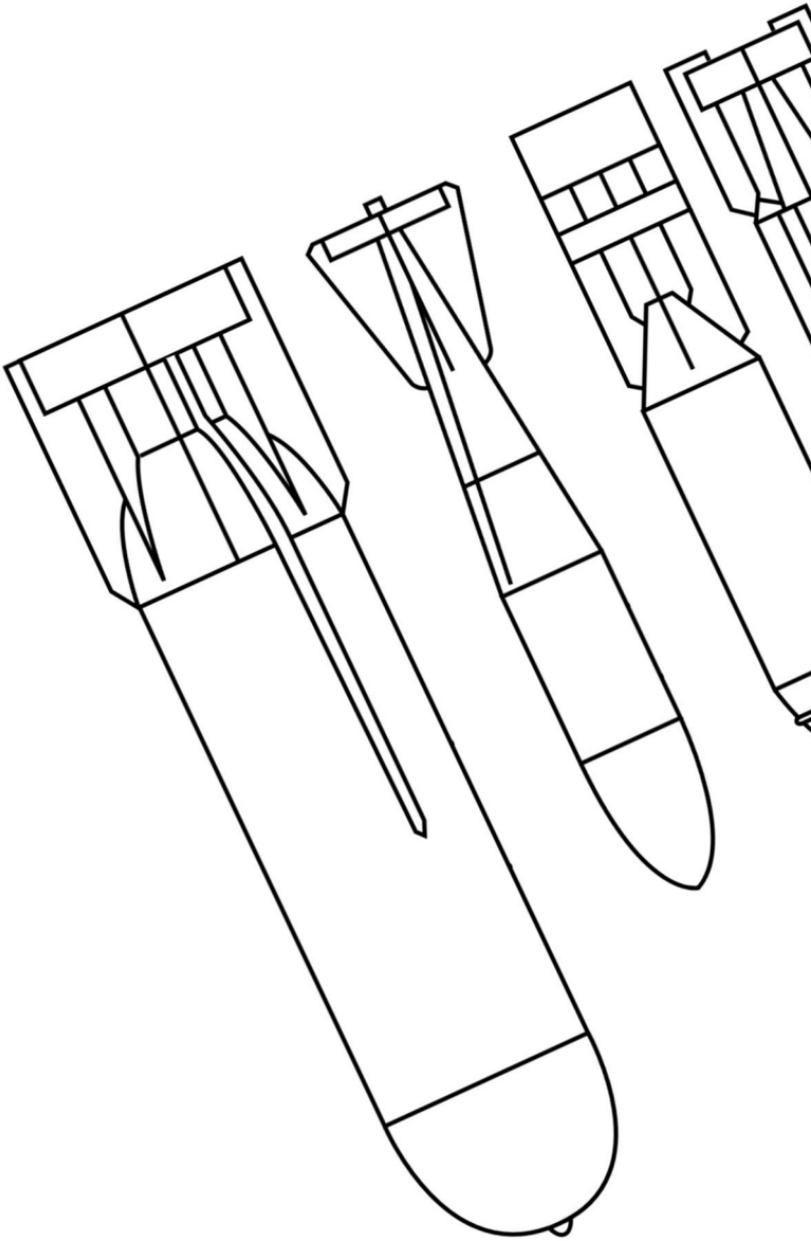
Затемнение.
Занавес.

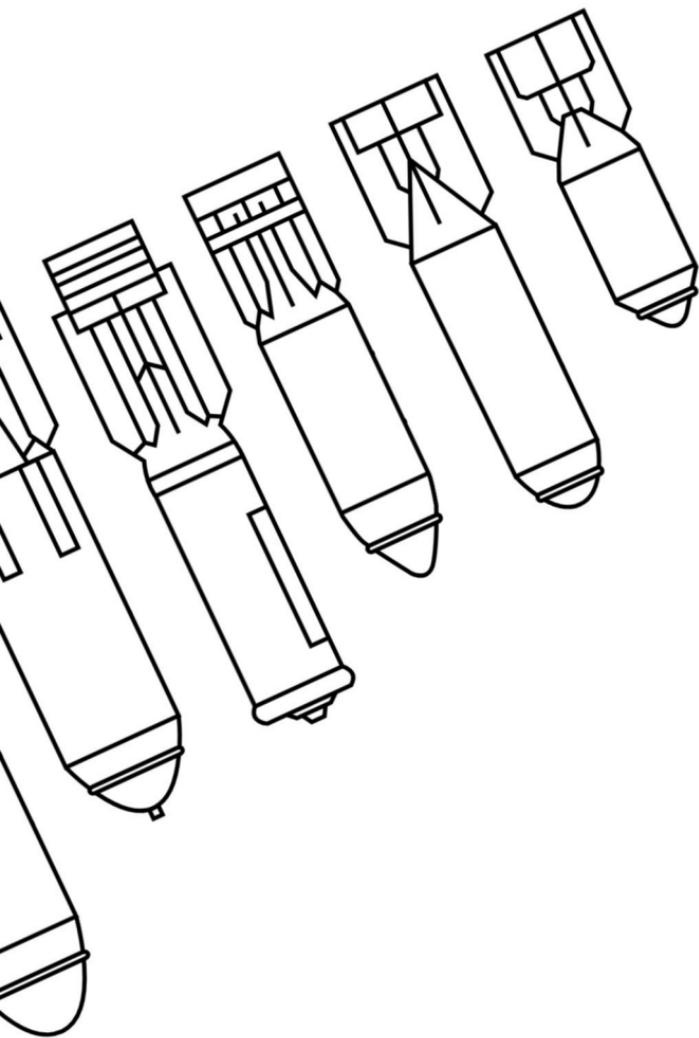
Конец книжки.

Круглые виниловые пластинки	3
Морские фигуры	30
Здравствуй, меня зовут Б-г	44
Боль головы	65
Я немного говорю на нашем (практическое пособие по нашей бытовой лексике)	95
Стул №14	124
Поехали	153
Перевоплощение	171
Мертваго	194
Три сцены со взломом	208
Барби может ослепнуть	235
Крики о главном	257
Мандельштам	293
Чик-чирик	327

М.ГРИМ

*Пьесы для взорванного театра, сборник
Исупов / «30 февраля», издатель
2025*

ст. Ока

Тридцатое февраля